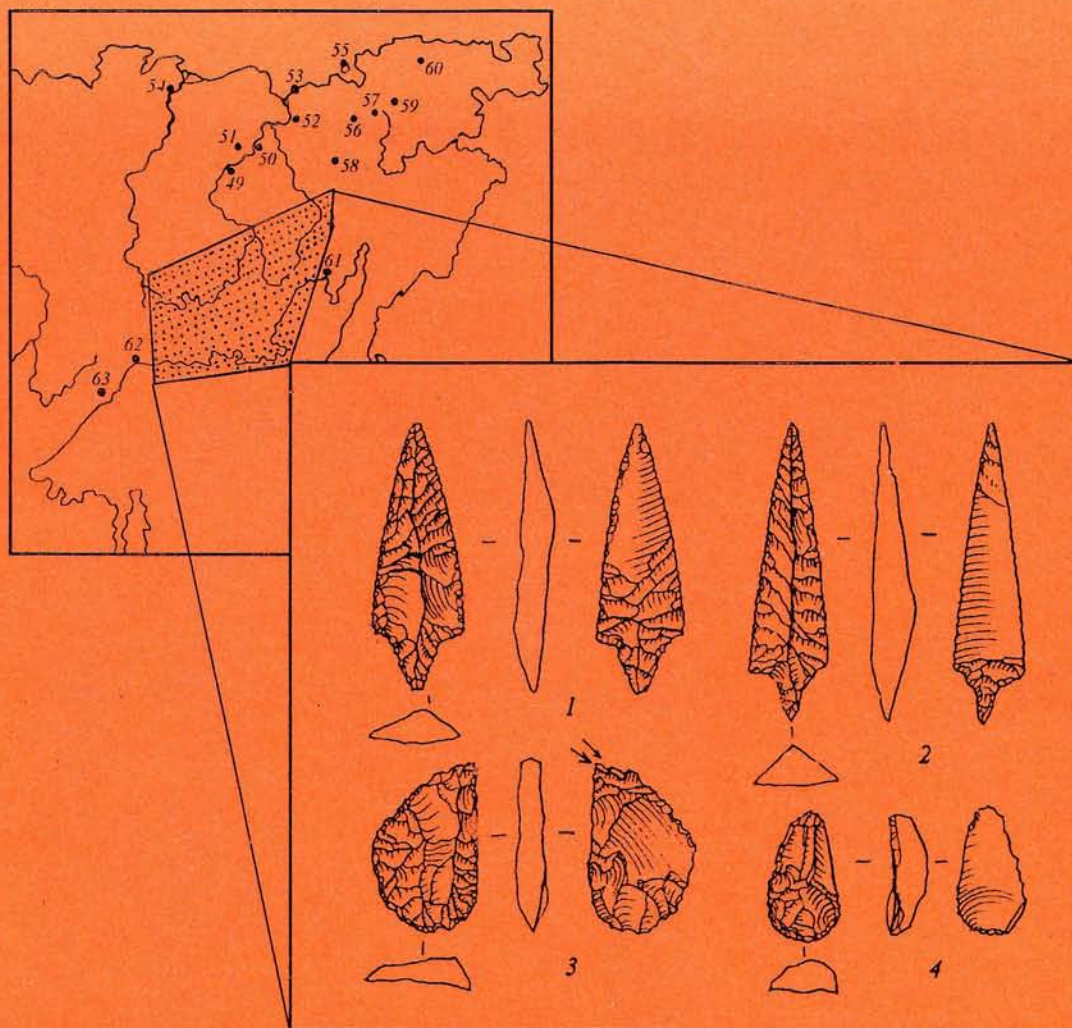

С.Б. Слободин

**ВЕРХНЯЯ КОЛЫМА
И КОНТИНЕНТАЛЬНОЕ ПРИОХОТЬЕ
В ЭПОХУ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА**

Светлой памяти

моей наставницы в археологии

Тамары Митрофановны Диковой

с благодарностью посвящаю

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FAR EAST BRANCH
NORTH-EAST SCIENTIFIC CENTER
NORTH-EASTERN INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE

S.B. Slobodin

THE UPPER KOLYMA
AND CONTINENTAL PRIOKHOTYE
IN THE NEOLITHIC AND EARLY METAL EPOCH

Magadan 2001

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

С.Б. Слободин

ВЕРХНЯЯ КОЛЫМА
И КОНТИНЕНТАЛЬНОЕ ПРИОХОТЬЕ
В ЭПОХУ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА

Магадан 2001

УДК 903(57-18)"634"

Слободин С.Б. **Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла.** Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. 202 с.

Анализируются археологические памятники Верхней Колымы и Континентального Приохотья периода неолита и ранних металлов. Ранее известные и впервые вводимые в научный оборот материалы своеобразных колымских археологических культур коррелируются с культурами сопредельных регионов. Прослеживаются истоки колымского неолита и рассматривается проблема выявления памятников эпохи металла на Северо-Востоке Азии. На основе археологических материалов и результатов радиоуглеродного анализа дается периодизация истории края с IV тыс. до н.э. до XIV в. н.э. В монографии также рассматриваются вопросы типологии каменного инвентаря, хронологии, культурной и этнической принадлежности памятников.

Для археологов, историков, этнографов, студентов, преподавателей истории и всех интересующихся археологией и историей древней Колымы.

Ключевые слова: Северо-Восток Азии, неолит, каменный век, Колыма.

Утверждено к печати Ученым советом СВКНИИ ДВО РАН.

Издание подготовлено к печати при финансовой поддержке Американского совета по международным исследованиям и обмену (IREX) и отдела образовательных и культурных программ Государственного Департамента США (BECA).

E-mail: root@neisri.magadan.su

Ответственный редактор

докт. ист. наук **Р.С. Васильевский**

Рецензенты:

канд. ист. наук **А.К. Конопацкий.**

канд. ист. наук **А.И. Лебединцев**

UDC 903(57-18)"634"

Slobodin S.B. **The Upper Kolyma and Continental Priokhotye in the Neolithic and Early Metal Epoch.** Magadan: NEISRI FEB RAS, 2001. 202 p.

The monograph analyzes the archaeological sites of the Upper Kolyma and Continental Priokhotye in the Neolithic and Early Metal periods. The known and first introduced materials of the original archaeological cultures of Kolyma are correlated with those of the neighboring regions. The author traces out the sources of the Kolyma Neolithic and discusses the problem of exposing the Metal Time sites in Northeast Asia. On the basis of archaeological materials and the results of radiocarbon dating, the periodization of the local history is presented from the IV millennia B.C. to the XIV century A.D. The monography also discusses the questions of stone tool typology, chronology, and site cultural relations.

The book is intended for archaeologists, historians, ethnographers, students and teachers of archaeology.

Key words: North-East of Asia, Neolithic, Stone age, Kolyma.

The book is prepared for publishing with the financial support from the International Research & Exchanges Board (IREX) and from the Bureau of Educational and Cultural Affairs of the US Department of State (BECA).

Editor

Dr. R.S. Vasilievskyi

Reviewers:

Dr. A.K. Konopatskyi,

Dr. A.I. Lebedintsev

ISBN 5-7442-1280-9

© Слободин С.Б., 2001

© СВКНИИ ДВО РАН, 2001

© Slobodin S.B., 2001

© NEISRI FEB RAS, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало археологическим исследованиям на Верхней Колыме и в Континентальном Приохотье было положено А.П.Окладниковым, Р.С.Васильевским, Ю.А. Мочановым и Н.Н. Диковым. Однако до середины 1980-х гг. эта территория в археологическом отношении оставалась наименее исследованной в сравнении с прилегающими к ней Чукоткой, Камчаткой, Якутией и Охотским побережьем.

К 1985 г. здесь было известно несколько одиночных подъемных находок [Васильевский, 1965, 1971; Диков, Герасимчук, 1971; Мочанов, 1977; Диков, Савва, 1980] и исследованы стоянки Конго, Сибердик, Малтан, Кухтуй III, материальные комплексы которых прояснили лишь некоторые аспекты древней истории рассматриваемой территории [Диков, 1979а; Мочанов, 1977]. Материалы неолитического и более позднего времени составляли крайне незначительную часть этих находок и вызывали больше вопросов, чем давали ответов. В ряде публикаций отмечалась слабая изученность Верхней Колымы [Кашин, 1983; Лебединцев, 1990а].

Создавшаяся диспропорция в изучении каменного века Верхней Колымы и Континентального Приохотья позволила априорно включить этот район в область распространения тех или иных культур без достаточной аргументации [Археологические..., 1983, 1991].

С 1985 г. на Верхней Колыме под руководством автора проводятся исследования Верхне-Колымский археологический отряд Северо-Восточной Азиатской комплексной археологической экспедиции. В ходе работ в районе исследований было открыто и изучено более 50 археологических памятников каменного века, для некоторых из них получены радиоуглеродные датировки. Эти материалы представлены в ряде публикаций и используются отечественными и зарубежными исследователями при изучении истории Северо-Востока Азии [Лебединцев, 1990а,б, 1996; Воробей, 1993, 1996а,б; Кистенев, 1993; Питулько, 1993, 1996; Деревянко и др., 1994; Михалев, 1995; Диков, 1996; Слободин, Гейбл, 1996; Деревянко и др., 1998; King, Slobodin, 1993, 1994, 1996; Slobodin, King, 1996; Dumond, Bland, 1995; Lebedintsev, 1998; Goebel, Slobodin, 1999].

Материалы, отражающие наиболее ранние этапы развития археологических культур Колымы и Приохотья, были обобщены в монографии «Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене» [Слободин, 1999а].

В настоящем исследовании рассматриваются и анализируются материалы памятников эпохи неолита и ранних металлов Верхней Колымы и Континентального Приохотья, а также реконструируются исторические процессы, происходившие на этой территории в древности. В нашу задачу входило, используя полученные данные по археологии, с учетом радиоуглеродных датировок разработать предварительную периодизацию неолита Верхней Колымы и Континентального Приохотья. Сравнительный анализ датированных «чистых» комплексов Северо-Востока Азии и материалов различных стоянок Верхней Колымы и Континентального Приохотья позволяет выделить здесь в каменном веке несколько археологических районов с памятниками раннего, среднего и позднего неолита, эпохи ранних металлов и охарактеризовать их. Исследования показали, что культурные связи между Верхней Колымой и сопредельными территориями, несомненно, существовали, но при этом нами установлено лишь частичное, а не полное сходство между культурными комплексами, выявлен ряд различий и местных особенностей, не имеющих прямых аналогий в Якутии, на Чукотке и Камчатке.

В работе использованы материалы многих исследователей Верхней Колымы и сопредельных территорий (А.П. Окладникова, Ю.А. Мочанова, Н.Н. Дикова, С.А. Федосеевой, Р.С. Васильевского, С.П. Кистенева, М.А. Кирьяк, А.И. Лебединцева, И.Е. Воробья, А.К. Пономаренко и др.), а также данные геологов о единичных находках. Ряд радиоуглеродных датировок со стоянок Верхней Колымы был получен благодаря сотрудничеству с Т. Гейблом (Университет штата Невада, США), М. Кинг (Институт изучения пустыни, США), Дж. Куком (Департамент внутренних дел Аляски, США) и Б. Галом (Служба Национальных Парков Аляски, США).

Часть радиоуглеродных датировок (с шифром ЛЕ) сделана Г.И. Зайцевой в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (Санкт-Петербург). Осуществление многолетней программы полевых исследований на Верхней Колыме, давшей материал для представленных в монографии выводов и обобщений, стало возможным благодаря помощи в организации и проведении экспедиций, оказанной управлениями образования администрации Магаданской области и г. Магадана, управлением культуры администрации области, Карамкенской геологоразведочной экспедицией, Омсукчанской горно-геологической компанией, Омолонской золото-серебряной компанией, АО «Колымаэнерго», а также самоотверженной работе в экспедициях большой группы старшекласников школ г. Магадана.

Автор благодарит за участие в экспедициях коллег из США Т. Гейбла (Университет Аляски, Фэрбенкс), М. Кинг и Д. Грейсона (Университет штата Вашингтон, Сиэтл), высоко ценит помощь в работе над материалом О.Ю. Глушковой, А.В. Ложкина, А.И. Лебединцева (СВКНИИ), А.К. Конопацкого (Институт археологии и этнографии СО РАН) и выражает благодарность И.Е. Воробью (МОКМ) за обсуждение рукописи, полезные замечания и помощь в работе с архивными материалами МОКМ. Автор также признателен С.В. Алкину (Институт археологии и этнографии СО РАН) за многолетнюю помощь в получении необходимой для исследований литературы по археологии Сибири, Л.Н. Коршковой (СВКНИИ ДВО РАН) за подготовку части иллюстраций монографии и К.В. Штерн за иллюстрацию керамики со стоянки Агробаза IV.

Особую благодарность автор выражает Р.С. Васильевскому, оказавшему неоценимую помощь при подготовке работы и обсуждении материала.

Глава 1. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ВЕРХНЕЙ КОЛЫМЫ И КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРИОХОТЬЯ

Территория Верхней Колымы и Континентального Приохотья занимает площадь более 500 тыс. км² и включает в себя несколько физико-географических районов. На картах ландшафтного районирования ее рассматривают как часть огромной Верхояно-Колымской экстраконтинентальной страны, захватывая Магаданскую провинцию Приморской страны Дальнего Северо-Востока [Пармузин, 1967], которая лежит между 59-65° северной широты и 145-158° восточной долготы. Здесь выделяются тундрово-таежные (с участками лесотундры) горы Охотского побережья; Охотско-Колымское тундрово-редколесное нагорье; Момско-Черское гольцово-северотаежное среднегорье и высокогорье. Подробная характеристика этих районов приведена в монографии «Север Дальнего Востока» [1970].

Современная береговая линия моря сформировалась на рубеже плейстоцена и голоцена или лишь в начале последнего [Баранова и др., 1968].

Данные палеогеографии по результатам изучения пылевых проб с верховий Колымы, Индигирки [Ложкин, Прохорова, 1980] и Охотского побережья [Стефанович и др., 1986] свидетельствуют о том, что в атлантический период в исследуемом районе происходило общее улучшение климата, начавшееся в голоцене и отразившееся, в частности, в более широком развитии древесной и кустарниковой растительности. Лиственничные леса и лесотундры заняли значительные площади в горах. Однако в самом начале этого периода - 8500-7800 л. н. (или 7500 л. н.) отмечается кратковременное похолодание с понижением среднегодовой температуры на 1°C [Ложкин, Прохорова, 1980; Стефанович и др., 1986]. Тундры, занимающие большие площади в горах, развились, по-видимому, на средних и даже низких склонах.

Следующий период, начавшийся, по мнению исследователей, 7900-7700 л. н. (7400-6000 л. н.), отмечен широким развитием лесов с господством в кустарниковом ярусе березово-ольховниковых ассоциаций. В поймах рек произрастали леса из тополя душистого и чозении с лиственницей и густым подлеском из ивы, подобно современным пойменным лесам горных районов Колымы и Индигирки. Среднегодовая температура выше на 1,5°C по сравнению с современной, осадков было на 25-50 мм больше, чем сейчас [Там же; Ложкин, Глушкова, 1997]. Этот период продолжался до 4500 л. н., когда березово-лиственничные леса продвинулись на север до широты современного побережья Восточно-Сибирского моря [Там же; Lozhkin et al., 1993]. Для Охотского побережья в период около 5000 л. н. - на границе атлантического и суббореального периодов - отмечается похолодание [Стефанович и др., 1986]. В горах около Магадана для этого периода зафиксировано увеличение в палинологических пробах процентного содержания пыльцы *Pinus pumila*, что свидетельствует о понижении летних температур, снижении верхней границы леса и широком развитии пояса кедрового стланика на средних высотах [Ложкин и др., 1995].

Около 4500 л. н. растительность горных районов Колымы и Индигирки уже была близка к современной [Ложкин, Прохорова, 1980].

В суббореальный период на Охотском побережье отмечается колебание климата: в середине суббореального периода происходит потепление (на 1°C) среднегодовых температур и увеличение (на 50-75 мм) количества осадков, а в конце его (3400-2500 л. н.) - похолодание, когда среднегодовые температуры были ниже на 1°C, а осадков выпадало меньше, чем сейчас, примерно на 25 мм [Стефанович и др., 1986].

На начало субатлантического периода приходится очередное потепление [Там же]. На Верхней Колыме для периода 1500-1025 л. н. отмечается распространение лиственничных редкостойных лесов до высот 900-1000 м (что ниже современного уровня - 1100-1200 м) со среднелетними температурами не выше 10°C [Ложкин и др., 1996. С. 72]. В период 1000-80 л. н. на Верхней Колыме отмечается повышение верхней границы лиственничного леса (на 300 м), сокращение пояса кедрового стланика, что отражает улучшение климатических условий, закончившееся 80 л. н., когда вновь, по палинологическим данным, фиксируется похолодание, отмеченное расширением пояса сообществ кедрового стланика и снижением границы лиственничных редкостойных лесов до ее современного положения [Там же. С. 75].

Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод, что в периоды неолита и ранних металлов как природно-климатические условия, так и условия существования древнего населения Верхней Колымы и Континентального Приохотья были близки к современным. В зависимости от района они имеют свои специфические черты, что, возможно, в свою очередь, отразилось на концентрации археологических памятников в разных районах.

Тундрово-таежные (с участками лесотундры) горы Охотского побережья имеют высотные отметки от 600 до 1200 м. Они представляют собой беспорядочно ориентированное расчлененное низкогогорье. Северная граница этой области проходит по Охотско-Колымскому водоразделу. Наряду с плоскими водоразделами и ступенчатыми склонами встречаются редкие гребневидные вершины, глубоко врезаемые каньонообразные долины, очень крутые склоны и т. д. Древнеледниковые формы рельефа перерабатываются современными эрозионными процессами. У моря, в устье крупных рек, расположены межгорные впадины. Их поверхность имеет холмисто-равнинный рельеф, они сложены озерно-аллювиальными и частично ледниковыми отложениями. Современные реки неглубоко врезаются в днища впадин. Имеются горячие и холодные минеральные источники.

Климат района умеренный. Его формирование проходит под влиянием близости Охотского моря, что обуславливает частые циклоны и быструю смену климатических показателей. Зима на побережье значительно теплее, чем в континентальных районах; она характеризуется обильными снегопадами, метелями, вплоть до конца мая. Средняя температура января в приморской полосе равна $-20... -24^{\circ}\text{C}$, но уже в 30-40 км от берега моря она опускается до -30°C и ниже; уменьшается сила ветра; оттепели редки. Снежный покров устанавливается в конце сентября - начале октября и сходит в мае. Максимальная высота снежного покрова 50-70 см. Лето прохладное, весенне-летние фенологические явления на побережье запаздывают по сравнению с более северными районами. Самый теплый месяц - август ($+11, +12^{\circ}\text{C}$). Безморозный период достигает 90-100 дней. Лиственничные леса занимают межгорные депрессии, горные склоны до 500-600 м над уровнем моря в приморской полосе и до 1000 м в районах, удаленных от моря.

Основной породой деревьев района является лиственница охотская, которая в восточной части области дополняется каменной березой. Выше располагается кедровый стланик в сочетании с ольховником и кустарниковой березкой.

Охотско-Колымское тундрово-редколесное нагорье занимает обширное пространство вдоль водораздела Северного Ледовитого и Тихого океанов, включая бассейн верховьев р. Колыма и ее крупнейших правых притоков - рр. Балыгычан, Сугой, Коркодон (в пределах исследуемой территории). Область в целом представляет собой интенсивно расчлененную реками территорию с высотами 600-1200 м, с многочисленными хребтами (Омсукачканский, Элекчен, Майманджийский, Большой и Малый Аннычаг, Больших Порогов и др.), максимальные отметки которых превышают 2000 м. Рельеф Охотско-Колымского нагорья создают денудационно-тектонические средние и низкие горы, имеющие сглаженные очертания, разделенные лавовыми плато или впадинами. Следы деятельности древних ледников на большей части территории выражены нечетко, лишь небольшие высокие хребты имеют альпинотипный облик с сохранившимися в рельефе следами двух горно-долинных оледенений. Моренные отложения, следы деятельности ледника в рельефе встречены на плоских водоразделах ряда низкогорных районов в бассейне Верхней Колымы.

Климат области континентальный субарктический. При этом климат долин резко отличается от климата гор и перевалов, особенно расположенных выше границ леса. Средняя температура января $-31... -35^{\circ}\text{C}$, июля - $+9... +13^{\circ}\text{C}$. Снежный покров устанавливается в сентябре и держится до конца мая, на перевалах нередко удерживаясь до середины июня и выпадая уже в конце августа, что значительно осложняет проведение полевых исследований.

В распределении растительности повсеместно проявляется высотная поясность. В зависимости от рельефа, состава рыхлых отложений, условий дренажа и т. д. распространены различные типы лиственничников - от травяных с подлеском из ольхи, черемухи и других кустарников до редкостойных лишайниково-ерниковых, образующих верхнюю границу леса. Граница леса в горах понижается от бассейна верховьев Колымы, где она достигает 1200 м над уровнем моря, до 800 м на Охотско-Колымском водоразделе. Выше лесного пояса располагается пояс кедрового стланика, а вершины заняты различными

ми типами горных тундр и гольцами. В депрессиях и на плохо дренированных плоскогорьях распространены мохово-осоковые торфяные болота, а в поймах рек - прирусловые тополево-чозениевые леса, в то время как днища долин заняты тундрой.

Момско-Черское гольцово-северотаежное среднегорье входит в пределы исследуемой территории лишь своей юго-восточной окраиной, где расположены хр. Чьорго, Ненгеджек, Оханджа, Улахан-Чистай. Здесь, в межгорных долинах, находятся крупные озера Момонтай, Малый, Уи, Урультун, Малый и Большой Дарпир. Многие хребты имеют рельеф альпийского типа с многочисленными формами, созданными деятельностью древних ледников и современными солифлюкционными процессами.

Климат района резко континентальный. Зимой температура опускается до $-45... -49^{\circ}\text{C}$. В горах зима снежная. Лето умеренно теплое - до $+14... +15^{\circ}\text{C}$ в июле.

Растительность представлена редкостойными северотаежными горными лесами в межгорных депрессиях и в горах до 800-1000 м на северных и до 1200-1300 на южных склонах. У верхней границы лесов распространены заросли кедровника, карликовой ивы, березки Миддендорфа. В речных долинах растут тополево-чозениевые и тополево-лиственничные леса. На реках широко распространены наледи.

Для всех трех выделяемых областей характерен восточносибирский тип фауны: бурый медведь, лисица, россомаха, лось, северный олень, снежный баран, горноста́й, бурундук и др. Из промысловых птиц распространены каменный глухарь, тетерев, рябчик, лебедь, серый гусь, таежный гуменник. В реках и озерах водятся хариус, голец, чукучан, щука, налим, ленок, сиг. Верховья горных рек бассейна Охотского моря являются нерестилищами лосося, кунджи и мальмы.

Глава 2. ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОЛЫМЫ И КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРИХОХТЯ

Согласно публикациям в истории археологических исследований Колымы и Континентального Приохотья можно выделить три основных этапа профессиональных археологических исследований, связанных с именами археологов разных поколений. Им предшествовал длительный период случайных находок и небольших раскопок, осуществленных преимущественно в целях разведки, в течение которого основные работы проводились на Охотском побережье и в устье р. Колыма.

В 1742 г. Я.И. Линденау, будучи участником Второй Камчатской экспедиции, изучает побережье Охотского моря и прилегающие к нему территории от Охотска до Тауйска. Он исследовал и континентальные районы - долины рр. Кава, Тауй, Ланковая, Халанчига, Яма [Линденау, 1983]. На п-ове Кони он посещает жертвенный камень на г. Энолкан - Бабушкин камень. Такие камни - верное указание, что люди обитали здесь издавна, но следов древних поселений или стоянок, как это было описано С.П. Крашенинниковым на Камчатке, им не отмечено. Позднее, в XX в., в этом районе, на побережье, было открыто и исследовано большое количество археологических памятников. Тем не менее для нас очень важно его мнение о том, что, может быть, люди с Чукотской земли «первыми перешли сначала в Америку» [Там же. С. 105].

Летом 1787 г. Г.А. Сарычев (участник экспедиции И. Биллингса), как считается, первым в Арктике провел раскопки развалин древней землянки на м. Баранов Камень, вблизи устья Колымы (рис. 1). В описании своих исследований Г.А. Сарычев [1952. С. 83] отмечает: *«По берегу ручья нашел я обвалившиеся земляные юрты, не в дальнем одна от другой расстоянии. Заделаны они были сверх земли и казались круглыми, в диаметре сажени три. По разрытии земли в середине нашли кости тюленей и оленей, также много черепьев от разбитых глиняных горшков и два каменных треугольных ножа наподобие геометрического сектора: сторона, которая дугою, - острая, другие две прямые и толстые»*.

В 1894-1897 гг. изучение местных народов на Колыме проводили участники Сибиряковской историко-этнографической экспедиции В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз, отбывающие в Верхне-Колымске политическую ссылку. Во время своих поездок Иохельсон обследовал Колыму от р. Коркодон вниз до Нижнеколымска. В числе сведений, собранных В.И.Иохельсоном о культуре юкагиров, наряду с этнографическими, антропологическими и лингвистическими материалами, упомянута и археологическая коллекция [Оглезнева, 1994]. Какие конкретно археологические экспонаты были найдены - неизвестно. Свои исследования В.И.Иохельсон продолжил в 1900-1901 гг. на Охотском побережье, в пос. Кушка, Гижига, Каменское и в их окрестностях, возглавляя один из отрядов джезуповской экспедиции по изучению культуры и истории северных народов [Слободин, 1998]. В отряд кроме него входили его жена, антрополог Д.Л. Иохельсон-Бродская, американский географ Н.Г. Бекстон и зоолог А. Аксельрод. В августе - декабре 1901 г. Иохельсон и Бродская в сопровождении четырех погонщиков и проводника-тунгуса совершают переход от пос. Кушка до р. Коркодон, по которой сплаваются до Колымы и далее до Верхне-Колымска. Итогом экспедиции, как сообщалось в отчете [The American ..., 1903], были многочисленные этнографические предметы, записи устного народного творчества, более 1000 фотографий, фонографические записи песен, сказаний и шаманских камланий аборигенов [Слободин, Слободина, 1998б], антропометрические данные и другие материалы, в том числе и археологические коллекции. Большинство археологических экспонатов из коллекции В.И. Иохельсона найдено, видимо, на Охотском побережье, где он проводил раскопки «древних корякских углубленных жилищ» на участке между устьями рр. Наяхан и Гижига [Jochelson, 1905-1908; Иохельсон, 1997]. В ходе раскопок были найдены керамика, костяные и каменные орудия.

Последние, как он отмечает, были сделаны техникой ретуширования (для чего использовался костяной ретушер), а не шлифовкой, за исключением молотков, в качестве которых использовались совсем не обработанные гальки. Найденные кремневые наконечники стрел листовидной формы, по его наблюдениям, «сейчас вышли из употребления» и хранятся местными жителями в качестве амулетов. Каменными наконечниками копий (черешковой формы) и гарпунов (листовидной или овальной формы), судя по описаниям В.И. Иохельсона [Jochelson, 1905-1908. Р. 551-552], коряки продолжали пользоваться

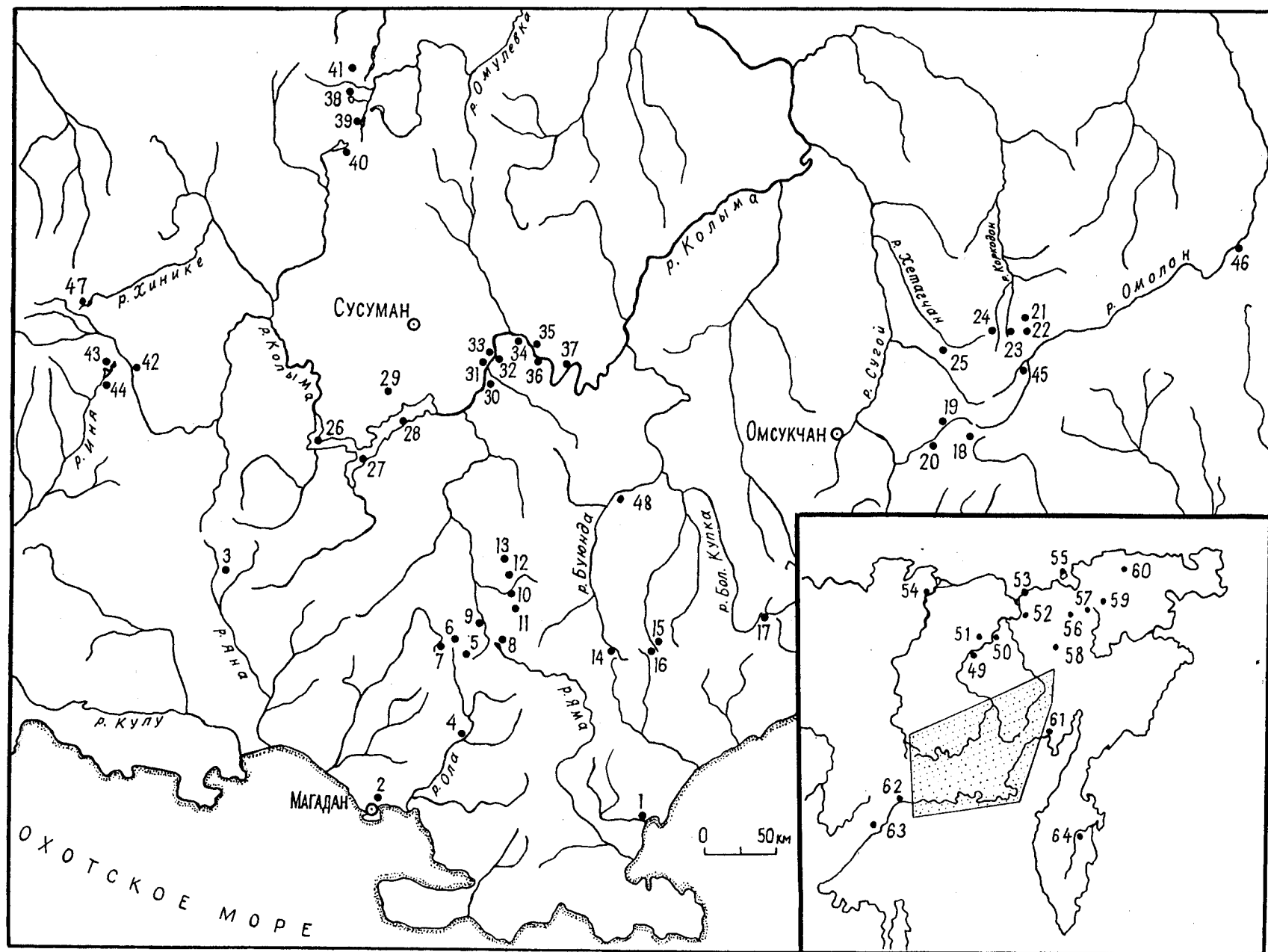

Рис. 1. Карта археологических памятников Северо-Востока Азии, упомянутых в тексте: 1 - Малкачан I-4; Иретская; 2 - Дукча (8-й и 9-й км); Колчаковский; 3 - Утро; 4 - Ола I, II; 5 - Уртычук I - X; 6 - Хуренджа I-XI; 7 - Нил-Устье; Нил II - IV; 8 - Озеро Эликчан; 9 - Малтан; 10 - Хета, Хета II; 11 - Левая Хета; 12 - Майка; 13 - Гипотетический V, IX, X, XIII; 14 - Буюнда II; 15 - Джугаджака I, II; 16 - Олынь; 17 - Купка; 18 - Нярка I, Исток II, III; 19 - Эликчан III, IV, VII, VIII; 20 - Эликчан IX; 21 - Денисова; 22 - Бурлакич; 23 - Тебана III, IV; 24 - Коркодон I, II; 25 - Хетагчан I - III; 26 - Агробаза I - IV; 27 - Сибердик; 28 - Конго; 29 - Джека Лондона; 30 - Усть-Оротукан; 31 - Могильная, Мшистая; 32 - Моржовая; 33 - Майорыч; 34 - Светлая; 35 - Немичан; 36 - Запятая; 37 - Мигай; 38 - Уи; 39 - Момонтай I-VIII, Придорожная; 40 - Малык I-III; 41 - Перевальная IX; 42 - Кулу; 43 - Хэда; 44 - Этерген; 45 - Ритуальный комплекс; 46 - Большой Эльгахчан; 47 - Хинике; 48 - Цыган; 49 - Лабуя; 50 - Помазкино; 51 - Бочанут; 52 - Родинка, Петушки, Пантелеиха I-IX, Пирс; 53 - Баранов Камень; 54 - Бурулгино; 55 - Айон; 56 - Липчиквыгытгын; 57 - Тытыль; 58 - Большой Нутенеут I-III; 59 - Эльгыгытгын; 60 - Амгуэма; 61 - Гижигинские стоянки; 62 - Кухтуй; 63 - Амка; 64 - Ушки

ся. Кроме обычных кремневых пород для изготовления наконечников использовался обсидиан. Из археологических находок с Колымы упомянуты только два каменных топора, один из которых отличается от корякских тем, что обработан шлифовкой [Jochelson, 1905-1908. Р. 610]. Эти топоры были найдены юкагирами в тундре и использовались ими для рубки мяса и растирания жира и ягоды [Jochelson, 1910-1926. Р. 412]. В целом В.И. Иохельсон [Там же. Р. 423] отмечает, что современные юкагиры не обрабатывают камень, что не найдено у них наконечников стрел или метательных наконечников, нет у них и каменных украшений и подвесок, наподобие тех, что до сих пор можно увидеть у коряков и чукчей, а из юкагирских сказок можно сделать вывод, что каменное оружие имело ограниченное употребление, поскольку костяные наконечники стрел и копий упоминаются значительно чаще.

Поражающие своим изяществом и тонкостью обработки каменные наконечники стрел привлекали внимание не только местных жителей, но и приезжих. П.Казанский в «Геологическом очерке северного побережья Охотского моря» [1917] пишет: «В Ямске у промышленника г. Максимцева я видел прелестный аметистовый неолитический наконечник стрелы; неолитический он, конечно, лишь по форме, т.е. по культурной ступени, а на самом деле представляет, вероятно, корякскую древность». Истинная древность каменного века Охотско-Колымского края тогда была неизвестна. Теперь же вполне можно предположить, что он мог быть неолитическим, возрастом несколько тысяч лет.

В 1929 г. начала работать Нагаевская культбаза. Ее сотрудники М.Г. Левин и В.И. Левин провели разведку и раскопки в ряде пунктов на Охотском побережье [Васильевский, 1971]. Континентальные районы Приохотья и Колымы оставались неисследованными.

В 1934 г. начинает работать Охотско-Колымский краеведческий музей, в фонды которого поступают сообщения о новых находках исторических памятников, и в частности о курганах-могильниках, найденных в разных местах Колымы и Приохотья. И. Симоненко [1939. С. 85], зам. редактора журнала «Колыма», а впоследствии сотрудник Магаданского краеведческого музея, писал: «Заслуживает внимания курган на берегу р. Яна, в районе Тауйска, и могильник на р. Челбоха в 5 км от впадения ее в р. Хасын (на расстоянии 12 км от трассы и 68 км от Магадана)». От геолога Ю.Я. Розенфельда поступают сведения о курганах-могильниках в верховьях р. Купка, правого притока р. Буюнда, впадающей в Колыму. «По рассказам орочей третьего долганского рода, курган № 1 насыпан на могиле какого-то доисторического вождя племени. Этот курган имеет в длину около 50 м и высоту около 15 м. Склоны кургана и вершина заросли ягелем и местами стлаником. Севернее кургана, в 20 км обособленно возвышается сопка «Октавка» до 100 м относительной высоты. У этой сопки, как утверждают орочи, происходили жестокие сражения между тунгусами, двигавшимися на северо-восток, и коряками. Западнее сопки «Октавка», в 7-8 км расположен курган № 2, видный с сопки, значительно меньших размеров, который также является могильником». У И.Симоненко сообщение и план расположения могильных курганов приведены без ссылки на первоисточник [Васильевский, 1971. С. 21]. Схема Ю.Я. Розенфельда хранится в фондах Магаданского краеведческого музея.

В 1989 г. мы обследовали участок долины р. Купка, на котором, как указывал Ю.Я. Розенфельд, должны быть курганы-могильники. Сведения о могильниках не подтвердились, а «курганы» оказались естественного происхождения, но были найдены свидетельства заселения верховий р. Купка человеком начиная с каменного века. Стоянки неолитического времени открыты на перевале рр. Купка и Кананыга. Вблизи сопки Октавка был найден скребок на галечном отщепе. Пастухи из пос. Тахтоямска, пасшие оленей в долине р. Купка, сообщили, что они называют эту сопку Капитуляцией по случаю победы орочей (эвенов) над камчадалами, хотя вся местность вокруг сопки продолжает носить название Октавка, по имени одного из камчадалов.

Летом 1937 г. во время строительства Колымской трассы на 174-м км, по старой разметке в районе Яблонового перевала дорожный рабочий, заключенный Ф.Г. Рожнов нашел несколько бронзовых вещей: бронзовое зеркало с изображением кентавра, четыре кольца, две подвески, четыре бляхи и две винтообразные трубочки [Васильевский, 1971. С. 21]. Находки, вероятно, были утеряны. По фотографии зеркала А.П. Окладников [1950а. С. 149, 150] сделал его описание: *«Зеркало с Колымы резко выделяется из всех остальных (найденных в Сибири. - С.С.) рядом особенностей, присущих только ему одному. Кайма зеркала совершенно не обычна («необычна». Правка редакции. - С.С.). Она имеет вид треугольных зубчиков, сильно напоминающих кайму китайских зеркал времен хиньской династии. Фон, на котором изображен кентавр... рифленый. Орнамент на нем тоже совсем необычный... причудливые растительные завитки, больше всего похожие на китайские арабески. Кентавр в общем такой же, как и всегда, но не имеет короны. Лицо кентавра показано не в 3/4, как обычно, а прямо, en face. Вместо щита у него виден зубчатый край какой-то одежды, более всего похожей на плащ. Крылья его изломаны посередине, как у летучей мыши, концы их беспомощно свисают вниз. Шишечка на теле кентавра маленькая и, должно быть, без отверстия. Хвост широкий - веником, без обычного манерного изгиба. Тамга на бедре кентавра нового типа. Она напоминает скорее всего какую-то птицу. По всему видно, что это совершенно самостоятельная переработка исходного чужого образа»*. А.П. Окладников определил, что это «эвенское погребение конца XVII - начала XVIII в.» [Архив МОКМ, 1941. Д. № 3, л. 18] и датировал вещи из захоронения XVII в. [Окладников, 1950а. С. 149].

В 1941 г. был найден и раскопан тунгусский могильник на территории совхоза «Дукча» на 10-м км Колымской трассы [Васильевский, 1971. С. 21]. Материалы его раскопок еще не опубликованы. В захоронении, по описи из отчета о раскопках, были найдены малый железный нож, череп с головным убором, большой железный нож, две бронзовые бляхи, железные наконечники стрел, кости от скелета, бронзовые кольца и остатки полуистлевшей ткани [Архив МОКМ, 1941. Д. № 3, л. 16]. А.П. Окладников, ознакомившись с материалами раскопок, сделал заключение, что погребение «эвенское... может быть начала XVIII в. Связано с культурой эвенов Якутии» [Там же. Л. 18].

Как соотносятся данные материалы XVII в. из могильников с материалами древних культур эпохи раннего металла, найденными на Колыме, пока не ясно. На карте распространения эвенов по Северо-Востоку в монографии «История и культура эвенов» [1997] показано их расселение до верховий Колымы к приходу русских и сказано, что *«имеющиеся данные археологии и палеоантропологии не дают возможности выделить тунгусов или их предков из среды древних насельников Сибири»* [Там же. С. 16]. На карте В.В. Леонтьева и К.А. Новиковой [1989] (по карте Б.О. Долгих с дополнениями) эвены в конце XVII в. расселялись по всей территории Верхней Колымы, в верховьях Ямы до Олы и на левобережье Буюнды.

В 1945 г. геолог А.И.Зубов обнаружил в обнажении террасы р.Сусуман (бас. Верхней Колымы) обломки тополя со следами обработки, по мнению А.П.Васьковского и А.П. Окладникова [1948], человеком с помощью костяного, рогового или каменного орудия. Это вызвало критические замечания И.Г. Пидопличко [Підоплічко, 1950], В.Е. Ларичева [1972] и Ю.А. Мочанова [1977], считающих, что дерево не обрабатывалось человеком. Впоследствии и А.П. Окладников [1953], анализируя обработанные куски деревьев из четвертичных отложений Якутии, пришел к выводу, что *«такие же следы остаются на дереве после работы бобров при строительстве ими плотин»*.

Первый этап профессиональных исследований начался в 1946 г. с экспедиции под руководством А.П. Окладникова. Успешные исследования 1940-1945 гг., в результате которых А.П. Окладников получил обширный археологический материал по истории Якутии, позволили ему сделать вывод о заселении Северо-Востока в послеледниковый период [Окладников, 1955]. Для получения дополнительных материалов об Охотско-Колымском крае А.П. Окладников и В.Д. Запорожская в 1946 г. проводят разведку на Охотском побережье, где обследуют ряд древних корякских поселений на о. Завьялова (о. Ольский) и у пос. Атарган.

На п-ове Кони, в 1,5-2 км к северо-востоку от м. Алевина, на поверхности высокой террасы были найдены скопления отщепов, лавролистный наконечник стрелы, скребок и ножевидная пластинка. Последняя находка позволила А.П. Окладникову считать комплекс изделий с м. Алевина наиболее древним археологическим памятником Охотского побережья [Окладников, 1950б. С. 34-35; Васильевский, 1971.

С. 45]. Эта ситуация сохранялась вплоть до 70-80-х гг., пока в Северном Приохотье не было найдено еще несколько стоянок (Дукча, Амка, Кухтуй I, III, Гижигинские) с ножевидными пластинками [Мочанов, 1977; Лебединцев, 1990а; Воробей, 1990].

Дальнейший маршрут экспедиции проходил от Охотского побережья по Колымской трассе до пос. Среднекан, расположенного на правом берегу р. Колыма, в 500 км от Магадана. Отсюда был начат сплав на простых деревянных лодках, а затем на катере вниз по Колыме до ее устья и далее - до Большого Баранова мыса на побережье Восточно-Сибирского моря [Окладников, Береговая, 1971]. Протяженность маршрута составила 1665 км. Всего, как было выяснено [Воробей, 1999а] по «Списку обследованных в 1946 г. археологических памятников в Колымском крае», в среднем течении Колымы от о. Столб до оленесовхоза «Петушки» зафиксированно 18 археологических объектов, из которых два упоминаются со слов информатора. Разведочные работы в долине р. Колыма привели А.П. Окладникова «...к неожиданному заключению: верховья этой реки с их относительно мягким климатом, со своеобразной и гораздо более богатой, чем в соседней Якутии, природой оказались почти целиком лишены следов древней человеческой культуры. Единственными археологическими памятниками, встреченными на пространстве от овянного юкагирскими легендами скалистого острова Столб, вблизи устья реки Коркодон, до Среднеколымска, оказались удивительные «мастерские», расположенные не на высоких речных террасах, как обычные древние поселения, а прямо на древних галечных валах» [1947а. С. 178]. В отношении этих «мастерских», материалы которых так и не были опубликованы, позднее было отмечено, что «не стоит недооценивать... оббитые гальки, галечные сколы, заготовки и отбойники («мастерские» о. Столб, Ороек, Слезовка, Тарагай и др.), так как изучение позднейших «галечных» индустрий - одно из назревших направлений в археологии крайнего Северо-Востока Азии» [Воробей, 1999а].

В низовьях Колымы А.П.Окладников [1947а] открыл стоянки неолитического времени - Лабуя, Помазкино, Нижние Кресты и Петушки, на которых найдены ножевидные пластинки из обсидиана, скребки, нуклеусы, резцы, многочисленные отщепы и обломки глиняной посуды. Более детальное описание сохранившейся в фондах Института археологии и этнографии СО РАН (в Новосибирске) коллекции со стоянки Петушки было опубликовано только в 1999 г. В ней были представлены сделанные из кремня, халцедона и обсидиана «плоские с прямым, округлым и треугольным насадами, четырехгранный натильниковидный с уплощенным (?) насадом наконечники стрел, отщепы с ретушью, заготовки, полидрический и боковой резцы, мелкие нуклеидные формы, комбинированные резчики, ножи, скребло, бифасиальный боковой вкладыш, скребки (в том числе топоровидный со скошенным лезвием и концевой на пластине), микроострие на пластинке дорсально обработанное (без вентральной ретуши), фрагменты пластинок и микропластинок... керамические фрагменты - вафельные с квадратной, прямоугольной и ромбической ячеей» [Воробей, 1999а]. Эти находки, как отмечается, «не противоречат сопоставлению их с ымыяхтахской поздненеолитической культурой, скорее, в ее «северном» варианте (Бурулгино)» [Там же]. Другие находки с этой стоянки (высокий микроскребок с тремя шипами, долотовидные изделия, изделия на отщепах с противолежащей притупляющей ретушью и два уплощенно-линзовидных в сечении бифасиальных ножа, один из которых целый с широким асимметрично-линовидным клинком и широким прямоугольным черешком, а второй - фрагмент «коленчатого» с приостренным черешком) сравниваются с материалами токаревской североохотской культуры [Там же].

Заселение Северо-Восточной Азии, в частности Нижней Колымы, как предполагал А.П. Окладников, происходило из бассейна Нижней Лены и из более западных областей Севера носителями субарктической неолитической культуры Северной Азии, а конкретнее «нижнеленской», которая развивалась «во многом иными путями», чем среднеленская культура [Окладников, 1947а. С. 179; 1955. С. 112, 124]. Об этом, по его мнению [Окладников, 1947а. С. 178], свидетельствовали «наконечники стрел... из частично обделанных ретушью тонких ножевидных пластин... с черешком» и наконечники «типа трехгранных стержней («подпилка»), сплошь ретушированных со всех трех сторон», а также специфическая по типу керамика, представленная обломками «небольших тонкостенных сосудов с поверхностью, характерно отделанной штрихами и шахматными вдавлениями в виде сетки». Конкретно А.П. Окладников [1947а] сравнивал нижнеколымские находки с материалами, найденными на «весьма ранних неолитических стоянках Нижней Лены», в частности на стоянке Уолба. Из описаний А.П. Окладникова [Там

же] можно заключить, что пластинчатые черешковые наконечники, «чрезвычайно близкие к древнейшим уолбинским», были найдены на стоянке Помазкино, чьи материалы он отнес к первому, более раннему этапу каменного века Нижней Колымы. Подобные пластинчатые черешковые наконечники найдены сейчас на многих стоянках Верхней Колымы (Уи, Придорожная, Конго-79, Инг-79, Агробаза II [Слободин, 1999а]) и Индигирки (Юбилейный [Кашин, 1983]). С более поздними находками из верхнего слоя стоянки Уолба сравнивались материалы (конкретно - *«небольшие наконечники стрел с черенками, миниатюрные наконечники на пластинах, многогранные резцы - нуклеусы, черепки сосудов с шашечным ложнотекстильным орнаментом»* [Окладников, 1955]) стоянок Лабуя, Кресты Колымские, Петушки и часть - со стоянки Помазкино, которые были отнесены ко второму, более позднему этапу неолита Нижней Колымы. *«Сходство нижнеколымских и нижнеленских находок, отделенных друг от друга тысячекилометровыми расстояниями, -* заключает А.П. Окладников [1955. С. 124], *- поразительно. Они убедительно свидетельствуют о том, что в неолите на обширных пространствах между полярным кругом на юге и побережьем Ледовитого океана на севере существовала единая в основе культура субарктического неолита северо-востока Азии, жили родственные друг другу по культуре племена».*

Исследование колымских стоянок, по мнению А.П.Окладникова [1947а], *«окончательно доказало, что верховья Колымы никогда не были густо заселены человеком и не служили главным путем его расселения».* Такой вывод объясняется тем, что стоянки каменного века на Верхней Колыме на тот момент не были найдены, но сейчас, после открытия там десятков археологических памятников, он, естественно, требует корректировки. С.П. Кистенев [1990, 1993], анализируя материалы верхнеколымских памятников, считает, что *«в эпоху неолита бассейн Колымы заселялся древними племенами на всем его протяжении, а не только в нижнем течении, как это полагал А.П. Окладников... и археологические исследования в верховьях Колымы еще раз подтвердили несостоятельность ранее выдвинутых предположений, что верховья Колымы никогда не служили главным путем расселения человеческих популяций...»*

Важно отметить, что результаты экспедиции А.П.Окладникова, хотя и очень обобщенно, были опубликованы уже в 1947 г. в «Кратких сообщениях Института материальной культуры» и в 1947 г. в журнале «Вестник древней истории» [Окладников, 1947а,б].

В 1958-1961 гг. на Охотском побережье от Тауйской до Пенженской губы были проведены широкомасштабные и планомерные работы: разведка, раскопки и изучение приморских памятников [Васильевский, 1971]. На основе полученных материалов определены этапы развития древнекорякской культуры и выделен комплекс неолитического времени (на стоянках о. Недоразумения и Ойра), в формировании которого, по заключению Р.С. Васильевского [Там же], приняли участие континентальные культуры с Колымы.

С 1947 по 1969 г. на территории Колымы не работала ни одна археологическая экспедиция. Лишь одиночные находки, поступающие от геологов, позволяли делать предварительные выводы о культурах, заселявших Колыму в отдаленном прошлом.

В 1961 г. одиночная находка каменного орудия была передана в Магаданский музей геологом А.П. Васьковским. Ее обнаружили геологи на поверхности правобережной 6-метровой террасы р. Хинике в 6 км выше оз. Хинике, расположенного в верховьях р. Колыма [Васильевский, 1965. С. 51-52; Дикова, 1974. С. 11]. По описанию, *«орудие имеет форму уплощенной пластинки размером 9,7 × 3,7 см с хорошо выраженной ударной площадкой. Обе боковые плоскости орудия оформлены сравнительно широкими поперечными сколами. Рабочий край орудия обработан мелкой тщательной ретушью, на нем отчетливо видны следы сбитостей, выщерблины - результат долгого употребления, противоположенный край орудия также подправлен ретушью»* [Васильевский, 1965].

По определению Р.С. Васильевского, *«по характеру обработки и форме орудие напоминает клинок вкладышевого ножа, подобный распространенным у неолитических охотников в Прибайкалье в конце III - начале II тысячелетия до н.э.»* [1971. С. 45] и является своеобразной нитью, связывающей неолитическую стоянку о. Недоразумения (Охотское море, Тауйская губа), где были найдены близкие по форме ножи, с континентальными районами Верхней Колымы. В 1988 г., пользуясь выпиской из геологического отчета об этой находке, мы обследовали это местонахождение. Разведка, проведенная на террасе и в окрестностях оз. Хинике, дополнительных результатов не дала.

В 1962 г. Н.Н. Диков обнаружил единичную микропластинку на поверхности террасы правого берега р. Дукча, на 9-м км Колымской трассы [Диков, 1979а. С. 247]. Позднее, в начале 1990-х гг., в этом же районе на огородах сотрудник СВКНИИ В.В. Клименко нашел кремневый конический нуклеус, который, возможно, мог попасть туда с привезенной землей (рис. 2, 1), а нами на высокой морской террасе б. Гертнера (в устье руч. Колчаковский, в 16 км от Магадана) были найдены кремневые микропластинки с отщепами.

В 1970 г. геолог В.И. Герасимчук нашел на поверхности почвы в седловине между сопками на правой стороне истока руч. Шило (в верховьях Колымы) концевой скребок [Диков, Герасимчук, 1971. С. 186; Диков, 1979а. Рис. 34]. Это одиночное подъемное орудие с Верхней Колымы вызвало обширную

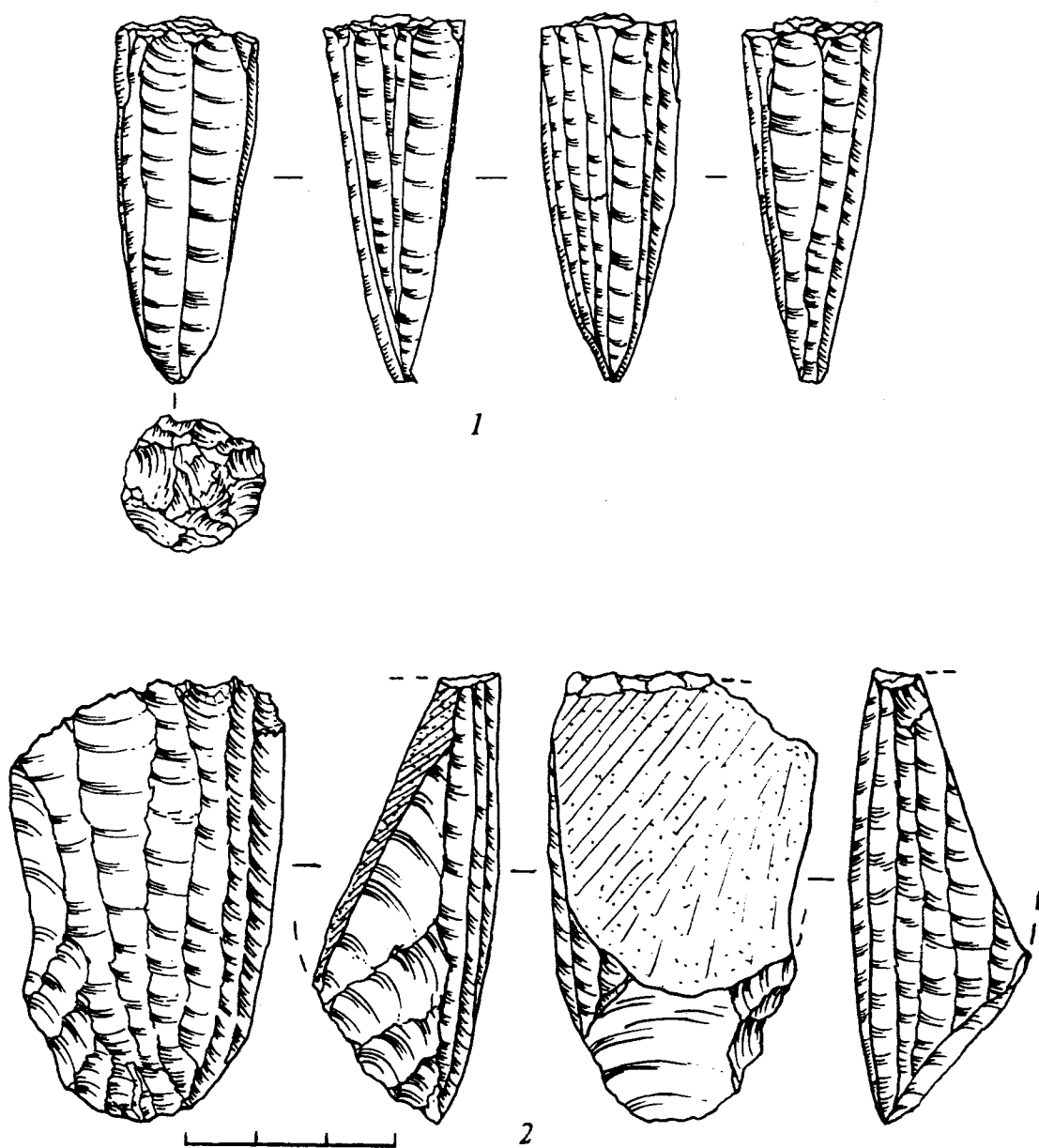

Рис. 2. Нуклеусы, найденные на 8-м км Колымской трассы, у р. Дукча (1) и на руч. Цыган (правый приток р. Буюнда) (2)

дискуссию относительно возраста находки и ее культурной принадлежности [Диков, 1974б; 1979а; Мочанов, 1977; Кашин, 1983]. Находка позволила высказать предположение о существовании на Верхней Колыме стоянок палеолитических охотников [Диков, Герасимчук, 1971; Диков, 1979а]. Н.Н. Диков и В.И. Герасимчук предположили, что «скребок является типичным для позднего палеолита Северо-Восточной Сибири» и что «эта единичная находка приурочена к кратковременной стоянке верхнепалеолитических охотников» [1971. С. 186]. Позднее, возвращаясь к этой находке, Н.Н. Диков заключил, что скребок с руч. Шило относится к палеолитической культуре, которая распространилась 10 тыс. лет назад на Чукотке и следы которой обнаружены в V-VI слоях Ушковской стоянки на Камчатке, в Дюктайской пещере на Алдане и в бассейне Верхней Колымы [Диков, 1974б. С. 23].

Эти выводы подвергнул критике Ю.А. Мочанов, считающий, что концевые скребки, подобные орудию с руч. Шило, «не имеют в настоящее время четкой стратиграфической привязки. Нельзя, конечно, исключить, что они могут относиться к палеолиту, но столь же вероятно, что они употреблялись в раннем железном веке... Учитывая, что рассмотренный скребок не обладает четкими диагностическими признаками, его пока преждевременно рассматривать как свидетельство наличия на руч. Шило палеолитической стоянки...» [Мочанов, 1977. С. 94].

Несмотря на собственные критические замечания относительно возраста скребка со стоянки Шило, Ю.А. Мочанов [1977. С. 205, 206], анализируя материалы нижнеколымских стоянок Пирс и Пантелеиха I-VIII со смешанным культурным слоем, заключает, что «одним из наиболее четких показателей присутствия на стоянках остатков сумнагинской культуры (существовавшей на территории современной Якутии в раннем голоцене. - С.С.) являются концевые скребки на массивных пластинах и пластинчатых отщепках из кремнистых пород, обработанные с брюшка на спинку краевой отжимной ретушью». Скребок со стоянки Шило полностью соответствует данным характеристикам. Отмечается, что эти скребки «как по форме, так и по технике изготовления аналогичны скребкам из сумнагинских слоев стоянок Белькачи I и Усть-Тимптон» [Там же]. Вместе со скребками к раннеголоценовым комплексам были отнесены нуклеусы и ретушированные ножевидные пластинки, хотя и подчеркивалось, что «эти изделия продолжают бытовать и в неолитических культурах и поэтому не являются таким четким сумнагинским показателем, как концевые скребки на массивных пластинах» [Там же]. На карте распространения раннеголоценовых археологических памятников Северо-Восточной Азии [Мочанов, 1977. Рис. 18] в долине р. Колыма были отмечены только стоянки Пантелеиха I-VIII. Это положение на Нижней Колыме сохранилось и в дальнейшем [Кистенев, 1990].

Не возвращаясь впоследствии к аналогиям с ушковской (слой V-VI) и дюктайской культурами, Н.Н. Диков сравнивает скребок с руч. Шило с подобными изделиями из III слоя сибердиковской стоянки [Диков, 1979а. С. 93, 94. Рис. 34], отмечая его на карте палеолитических и мезолитических местонахождений на Северо-Востоке как предположительно палеолитическую стоянку [Там же. Рис. 9]. Безусловно, одной нестратифицированной находки такого распространенного для каменного века изделия, как скребок, недостаточно для определения его культурной и хронологической принадлежности. Но в целом гипотеза о существовании в конце ледникового периода на Верхней Колыме культуры, подобной дюктайской и ушковской, сходство которых неоднократно отмечалось исследователями [Диков, 1979а, 1989а; Васильевский, 1973; Абрамова, 1984; Powers, 1990], несомненно, заслуживала внимания. Надо было только учитывать ее при прослеживании предполагаемых путей миграции палеолитического населения Берингии, до сих пор обходивших Верхнюю Колыму, о чем уже мы говорили. Впоследствии эта гипотеза была подтверждена материалами нижнего слоя стоянки Хета, находящейся на Охотско-Колымском водоразделе [Слободин, 1999а].

Находкой скребка на руч. Шило завершился первый этап археологических исследований на Колыме, итогом которого стало открытие неолитических стоянок Лабуя, Помазкино, Кресты Колымские и Петушки на Нижней Колыме и двух местонахождений каменного века на Верхней Колыме - Хинике и Шило, давших два экземпляра нестратифицированных находок.

С 1970 г. начинается второй этап археологических исследований Колымы, продолжавшийся до середины 1980-х гг. Он характеризуется обширными разведочными маршрутами и раскопками, проводившимися Ю.А. Мочановым, Н.Н. Диковым и С.П. Кистеневым. В результате на Верхней Колыме открыты стоянки каменного века - Конго, Сибердик, Малтан [Диков, 1974б, 1979а] и Майорыч [Мочанов, 1977]. Верхние слои этих стоянок (кроме стоянки Майорыч) содержали материалы, датированные

неолитом. В бассейне Нижней Колымы открыто несколько неолитических и более поздних памятников, а на стоянках Пирс и Пантелеиха I-VIII собран подъемный разновременный материал, среди которого выделены комплексы, датированные неолитом и ранним голоценом, найдено неолитическое захоронение Родинка [Мочанов, 1977; Кистенев, 1980, 1990]. В Континентальном Приохотье открыты стоянки в устье рр. Кухтуй, Амка [Мочанов, 1977].

Анализ материалов с этих стоянок привел исследователей к различным, подчас диаметрально противоположным выводам о развитии древних культур Колымы в каменном веке. Общим для этих выводов было то, что материалы колымских памятников широко используются в различных исторических построениях, в том числе решающих проблемы заселения Северной Америки в плейстоцене и выявления культурных процессов, происходивших на Северо-Востоке Азии в голоцене.

О существовании таких связей с Аляской с привлечением конкретных примеров говорится уже в записках Георга Стеллера (Штеллера), натуралиста Второй Камчатской экспедиции В. Беринга, достигшей в 1741 г. берегов Америки [Крашенинников, 1949. С. 175-179]. Стеллер отмечал, что *«камчатский берег от Курильской лопатки до Чукотского носу по прямой линии, выключая заливы и носы, лежит в ту же сторону (что и Америка. - С.С.), так что не без причины можно заключить бывшее некогда между сими землями соединение, особливо в тех местах, где нос Чукотской... Что касается до тамошних жителей, то... между американскими и камчатскими народами... примечания достойные сходства усмотрены... [и] американцы имели некогда с камчатскими народами сообщение... и произошли от одного поколения»* [Там же]. При этом Г. Стеллер отмечал, что его наблюдения могут быть использованы для решения **известного** (выделено нами. - С.С.) вопроса: «Откуда жители в Америке?» [Там же]. О том, что, может быть, люди с Чукотской земли «первыми перешли сначала в Америку» писал и Я.И. Линденау - другой участник Второй Камчатской экспедиции [Линденау, 1983. С. 105].

Из более ранних русских источников, в котором рассматривается проблема происхождения населения в Америке и гипотеза, что оно имеет азиатские корни, известно сообщение 1686 г. воеводы Мусина-Пушкина о сходстве обитателей Америки и азиатских жителей. Оно было записано и опубликовано Ф. Аврилем в 1692 г. в Париже в его книге «Путешествия в разные страны Европы и Азии, предпринятое в поисках нового пути в Китай» [Берг, 1946. С. 48, 49; Иванов, 1982. С. 28-30; Алексеев, Черосов, 1990. С. 61]. Европейские ученые, как справедливо отметил Стеллер, уже давно задавались этим вопросом и пытались найти на него ответ. Об азиатском происхождении американских индейцев предполагали во второй половине XVI в. Кристофер Холл (Christopher Holl) - руководитель корабля «Габриел» - в ходе экспедиции Мартина Фробишера (Martin Frobisher) в Арктику в 1576 г. [McChee, 1996]; испанский клирик Хосе де Акоста [Acosta, 1880]. В начале XVII в. об этом же писали английский протестант Эдвард Бреревуд [Brerewood, 1622], датский исследователь и колониальный деятель Иоганнес де Лаэт [Laet, 1643] и другие исследователи [Huddleston, 1967].

Однако малочисленность археологических материалов, найденных на Колыме, не позволяла делать какие-либо конкретные выводы о культурно-исторических связях колымских стоянок каменного века с другими регионами Северо-Восточной Азии (Чукоткой, Камчаткой, Якутией) и Аляской. Считалось, что во второй половине позднего плейстоцена территория Охотско-Колымского водораздела, верховьев Колымы, Индигирки, почти вся долина р. Омолон и центральные районы Чукотки полностью перекрывались ледниками и, следовательно, были необитаемы [Диков, 1969, 1974б, 1979а].

Использование схем геологов по четвертичному оледенению Северо-Востока Азии, где отдельные горно-долинные и каровые ледники объединялись общим контуром, чтобы облегчить чтение этих карт, привело к ошибочному выводу о том, что *«на западе полоса ледников полностью отгораживала долину Чукотки от долины Лены, оставляя только проход по осушенному шельфу, а на юге ледники спускались к нынешней береговой линии Охотского моря»* [Диков, 1979а. С. 13. Рис. 25]. Исходя из этих посылок, предполагалось, что все миграционные потоки древних охотников на позднеледниковых животных направлялись в обход этих «безжизненных» территорий. После подъема уровня Мирового океана в конце плейстоцена - начале голоцена стоянки, как предполагалось, оказались под водой [История Чукотки, 1989. С. 20, 21].

Если о неолите Колымы и Континентального Приохотья к концу 1960-х гг. можно было судить по материалам со стоянок, открытых А.П. Окладниковым, и по одиночным находкам с рр. Хинике и Дукча, то более древнее прошлое этой территории оставалось неизвестным, тогда как на Камчатке и Чукотке,

куда человек в древности мог попасть только через Колыму и Приохотье, уже с конца 1950-х гг. велись многолетние исследования ранне-неолитических - позднелитических комплексов [Диков, 1967, 1969].

В июле 1970 г. по р. Колыма, от пос. Дебин до ее устья (около 1900 км), а затем в октябре того же года в устье р. Кухтуй (Северное Приохотье) проводит разведочные маршруты Северный отряд Приленской археологической экспедиции (ПАЭ) Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР под руководством Ю.А. Мочанова [Мочанов, 1972а. С. 98]. Результатом работ этой экспедиции на Колыме было открытие 20 новых разновозрастных археологических памятников и доисследование стоянок, открытых экспедицией А.П. Окладникова в 1946 г. *«Выразительный материал был собран на стоянках Нижние Кресты и Петушки, а открытые А.П. Окладниковым стоянки Лабуя и Помазкино новых находок не дали»* [Федосеева, 1975. С. 89]. Позже, в 1992 г., в районе стоянки Помазкино были открыты еще несколько неолитических стоянок и могильник [Кашин, Калинина, 1997].

На Верхней Колыме была найдена одна стоянка в устье руч. Майорыч [Мочанов, 1977]. Здесь на поверхности террасы собран нестратифицированный материал, являющийся, по мнению Ю.А. Мочанова, свидетельством берингийского пути заселения Америки представителями дюктайской культуры. Стоянка расположена на левом берегу Колымы, на 14-метровой надпойменной террасе. Подъемный материал содержал отщепы, фрагмент ретушированной пластины, ретушированный отщеп и фрагмент бифасиального орудия, определенного как «уплощенный клиновидный нуклеус». Это изделие, по нашему мнению, можно рассматривать в качестве нуклеуса лишь с большой долей условности: среди находок отсутствуют микропластинки, лыжевидные сколы, которые могли бы свидетельствовать о наличии на стоянке техники изготовления клиновидных нуклеусов [Абрамова, 1986. С. 11-16], да и сам «нуклеус», судя по описанию, «совершенно не сработан» [Мочанов, 1977. С. 91, 92], а скол, описанный как скол с рабочей части, скорее, является местом слома изделия [Там же]. Тем не менее сравнение этого изделия с материалами якутских стоянок позволило исследователю поставить Майорыч в ряд стоянок дюктайской культуры, распространившейся, по мнению Ю.А. Мочанова, в Якутии 35-10,5 тыс. л. н., а Верхнюю Колыму включить в восточный ареал дюктайской палеолитической культуры. Возраст стоянки, основанный на типологическом анализе находок, был определен в 18-12 тыс. лет [Мочанов 1972а. С. 101] или 23(22)-12 тыс. лет [Мочанов, 1977. С. 92]. Стоянка Майорыч, по мнению Ю.А. Мочанова, является связующим звеном между палеолитическими стоянками Алдана и памятниками «палеарктической традиции» Америки [Мочанов, 1972а. С. 101]. Несоответствие находок со стоянки Майорыч этим выводам было отмечено исследователями [Кашин, 1990. С. 101; Хлобыстин, 1998]. Орудийный набор дюктайской культуры, помимо клиновидных нуклеусов, включает двусторонне обработанные листовидные наконечники копий, ножи-бифасы, скребки, угловые, боковые, трансверсальные и срединные типы резцов и др. [Мочанов, 1977]. Ни одно из перечисленных орудий, кроме фрагмента бифаса (нуклеуса по Ю.А. Мочанову), не представлено в коллекции со стоянки Майорыч. Нож-скребок на массивной трехгранной пластине, который сравнивается с изделиями палеолитических памятников Алдана и Хоккайдо [Мочанов, 1972а. С. 100], является, на наш взгляд, типичным орудием памятников эпохи неолита. Мало оснований при отсутствии стратиграфической привязки находок ассоциировать стоянку Майорыч с плейстоценовыми отложениями Колымы [Мочанов, 1975. С. 9; 1976. С. 551]. Все это затрудняет отнесение стоянки Майорыч к палеолитическому времени и дюктайской культуре, хотя близость территорий допускает возможность распространения дюктайской традиции на Верхнюю Колыму.

В целом материалы со стоянки Майорыч внесли существенный вклад в археологию Верхней Колымы. На время открытия стоянки это была самая крупная, состоящая из шести артефактов коллекция каменных изделий. На нее обратили внимание многие исследователи [Кистенев, 1980. С. 87; Диков, 1979а. С. 90; Derev'anko, 1990. P. 70-71. Fig. 1]. Информация о ней вошла в свод палеолитических местонахождений СССР [Береговая, 1984. С. 105]. Со ссылкой на стоянку Майорыч исследователи стали рассматривать не только шельфовый, но и континентальный вариант древних палеолитических миграций из Северной Азии в Северную Америку [Laukhin, Drozdov, 1991. P. 136. Fig. 1]. Однако указанные недостатки материалов со стоянки Майорыч не позволили включить ее в число палеолитических памятников Сибири и Дальнего Востока, рассмотренных в томе «Археология СССР» [Палеолит СССР, 1984. С. 302-355], посвященном палеолиту. Здесь мы полностью разделяем мнение Ю.А. Мочанова о том, что нельзя без достаточных на то оснований «любой патинизированный «архаический» каменный

отщеп или пластину, не имеющих четкой стратиграфической привязки, отнести к палеолиту» [1977. С. 94].

На Нижней Колыме были открыты и исследованы памятники Конзабой I, II, Пирс, Зеленый Мыс, Пантелеиха I-IX, Комарок I-III, Старые Петушки. В Северном Приохотье были открыты стоянки Кухтуй I-V.

На стоянках Пирс и Пантелеиха I-VIII со смешанным культурным слоем типологически выделены орудийные комплексы, датированные ранним голоценом, которые были отнесены к сумнагинской культуре голоценового палеолита Якутии [Мочанов, 1977; Кистенев, 1980]. Находки не датированы по С-14 и были найдены «вместе с остатками эпохи неолита и раннего железного века сразу под дерном, в коричневой супеси» на глубине до 20 см от дневной поверхности [Мочанов, 1977].

Неолитические комплексы были выделены на большинстве стоянок (учитывая открытые и А.П. Окладниковым) Нижней Колымы, все они были отнесены к приленским неолитическим культурам Якутии [Федосеева, 1980; Кистенев, 1990]. По керамике и каменному инвентарю были определены материалы сылахской культуры на стоянках Пантелеиха I, IV [Кистенев, 1980, 1990], белькачинской культуры - на стоянках Пантелеиха I, II, IV [Кистенев, 1980, 1990], ымыяхтахской культуры - на стоянках Пантелеиха I-IV, VIII, Конзабой, Петушки [Федосеева, 1980; Кистенев, 1980, 1990].

В Северном Приохотье наиболее интересные материалы были найдены на стоянках Кухтуй II, III, открытых на левом берегу в устье р. Кухтуй при впадении ее в Охотское море. На первой обнаружены два черешковых наконечника, один из которых на пластине [Мочанов, 1977. С. 147, 148], а второй на трехгранной, полностью обработанной заготовке [Федосеева, 1980. С. 51]. Позже здесь был поднят еще один подобный наконечник и проведены дополнительные исследования [Лебединцев, 1980; Слободин, 1999а. Рис. 87]. Предполагаемый возраст (от раннего голоцена до I тыс. до н.э.) и культурная принадлежность этих наконечников широко обсуждались археологами Северо-Востока [Мочанов, 1977; Диков, 1979а; Федосеева, 1980; Кашин, 1983; Лебединцев, 1990а; Кирьяк, 1993а; Слободин, 1995, 1996в, 1999а]. Дискуссии о их возрасте и принадлежности к той или иной культуре, как нам представляется, еще далеки от завершения, поскольку отнесение этих наконечников или к сумнагинской, или сылахской, или белькачинской, или ымыяхтахской культуре достаточно условно. Возможно, что они представляют комплексы каких-то локальных вариантов этих или других (чукотских, колымских или якутских) культур. Точно сейчас можно сказать, что они не относятся к токаревской или ымыяхтахской культуре [Лебединцев, 1990а; личное сообщение, 2000], как это предполагают некоторые исследователи [Кирьяк, 1993а. С. 61; Федосеева, 1980].

Материалы стоянки Кухтуй III были отнесены к дюктайской культуре [Мочанов, 1977]. Находки, охарактеризованные как дюктайские, - два овальных бифаса, наконечник подтреугольной формы, ретушированные отщепы, фрагмент и заготовка орудий - залегали в одном стратиграфическом слое с неолитическими находками. Слой имеет криогенные нарушения. Для него получена С-14 датировка - 4700 ± 100 (ЛЕ-995). Часть находок, включенная в дюктайский комплекс, получена с поверхности террасы. Первоначально стоянка была датирована раннесартанским временем и объединена в группу со среднедюктайскими по возрасту (17-18 тыс. лет) стоянками Ихине и Верхнетроицкая [Мочанов, 1976; West, 1981]. Критика взглядов Ю.А. Мочанова о роли дюктайских материалов в процессе происхождения палеоиндейцев, культурные комплексы которых не содержат микропластинок [Haynes, 1982; Абрамова, 1973], по-видимому, привела его к выводу о необходимости поиска на Северо-Востоке Азии дюктайской стоянки без микропластинок и нуклеусов, такой, как Кухтуй III, где есть бифасы и нет микропластинчатой индустрии [Мочанов, 1977]. Ее возраст был пересмотрен в сторону финала плейстоцена, а культурная принадлежность отнесена к позднедюктайской субтрадиции без микропластинок и клиновидных нуклеусов. Эта гипотеза, слабо подтвержденная археологическим материалом, была принята одними исследователями [Kozłowski, Bandi, 1984] и подвергнута критике другими. По типологии и датировке Н.Н. Диков [1979а] сопоставил кухтуйский комплекс с материалами стоянки Малтан, И.Е. Воробей [2000] - с позднепалеолитическими индустриями Приамурья, а А.И. Лебединцев [1990а] установил сходство некоторых изделий из кухтуйского комплекса с орудиями токаревской неолитической культуры северного побережья Охотского моря. Кроме того, пользуясь отчетом Ю.А. Мочанова о работах на стоянке Кухтуй III, А.И. Лебединцев [1990а. С. 25] описал обломок призматического нуклеуса, представленного в иллюстрациях к отчету, но не включенного в комплекс орудий стоянки [Мочанов, 1977].

Продолжающиеся в континентальной части Северного Приохотья исследования привели в 1974 г. к открытию только одной стоянки Амка на р. Улья [Мочанов, 1977]. Найденные на стоянке в нижнем слое призматический нуклеус, микропластинки и угловые резцы на пластинках были отнесены к сумнагинской культуре Якутии, материалы из среднего слоя - предположительно к белькачинской, а находки из-под дерна - к раннему железному веку [Там же].

Исследования ПАЭ продолжались на Колыме до начала 80-х гг. [Кистенев, 1990]. Были открыты и изучены стоянки Гора I, II, Родинка II-V, Слезовка (возможно, это та же стоянка, которая была открыта А.П. Окладниковым в 1947 г.), Седедема, Гороховская, Конзабой III и Родинское погребение, Фроловская I-IV, Стадухинская I-III, Ванхотвеем I-III и др. На большинстве памятников по керамике было определено присутствие всех неолитических культур Якутии [Кистенев, 1980, 1990]. Наиболее выразительный материал - каменные орудия и костяные изделия утилитарного и художественного назначения - был поднят из Родинского захоронения, имеющего С-14 дату, полученную по костям погребенного 3600 ± 60 лет (ГИН-5594). Анализ оружийного набора захоронения привел исследователя к выводу о присутствии в комплексе орудий ымыяхтахской и белькачинской культур, при преобладании последних. Соответственно этому заключению возраст захоронения был определен в 4000 ± 100 лет, т.е. рубежом белькачинской и ымыяхтахской культур [Кистенев, 1990]. Такой вывод, сделанный на основе «чистого» (не смешанного) комплекса, имеет важное значение для характеристики большого количества «смешанных» комплексов Северо-Востока и Якутии, некоторые из них, возможно, отнесены к таковым ошибочно. Возможно, что, как и Родинское захоронение, они, будучи едиными, отражают процессы контакта двух культурных традиций и содержат элементы, присущие разным археологическим культурам, находящимся в хронологической последовательности и распространенным на одной территории.

В эти же годы в верховьях р. Индигирка, в непосредственной близости от верховьев Колымы, была открыта и исследована очень важная для археологии Верхней Колымы стоянка Юбилейный [Кашин, 1983]. Материалы с этой стоянки позволили проследить от Лены до Колымы своеобразную раннеголоценовую традицию изготовления пластинчатых черешковых наконечников, определенную как уолбинская [Слободин, 1999а]. В.А. Кашин считает ее раннеолитической [Кашин, 1983].

С деятельностью человека плейстоценового времени, по предположению Ю.А. Мочанова, связано скопление костей плейстоценовых животных на оз. Бочанут на Нижней Колыме (в 80 км от пос. Среднеколымск) [Мочанов, 1977. С. 93]. Он приводит определение С.А. Семенова о том, что на костях из этого местонахождения остались следы «от употребления их человеком», но в то же время «среди этих костей невозможно выделить какие-либо четко оформленные типы орудий» [Там же]. Бочанутское скопление костей сопоставляется с находками на местонахождении Олд Кроу в верховьях р. Юкон (Канада) [Там же]. Однако последние исследования орудий с Олд Кроу показали, что возраст костей, которые были обработаны человеком, как предполагалось, в позднем плейстоцене, не превышает 1-3 тыс. лет и они по меркам каменного века Северо-Востока Азии могут относиться к позднему неолиту. По заключению Р.Е. Морлана, исследователя, первоначально определившего плейстоценовый возраст костяных орудий с Олд Кроу, эти находки «не могут больше являться свидетельством освоения человеком северо-запада Северной Америки в плейстоцене» [Nelson et al., 1986. Р. 750]. И.Е. Воробей [2000. С. 183] высказал мнение, что такая «отсылка к мнению Р. Морлана о голоценовом возрасте костяных изделий Олд Кроу не совсем корректна», поскольку «авторы упоминаемой статьи получили радиоуглеродные датировки 1-3 тыс. л. н. лишь для четырех изделий из рога и кости карибу. Только их, но не предполагаемые артефакты из кости бизона и мамонта, нельзя больше рассматривать как доказательство заселения Северо-Запада Северной Америки в плейстоцене: прочие даты укладываются в диапазон от 25 000 до более чем 47 000 л.н.».

Вряд ли приведенная нами цитата из статьи Нельсона и др. [Nelson et al., 1986] требует такой апологии. Цитирование вполне корректно, и в данном контексте конкретно, так как использовали мы ее, обсуждая именно те орудия из кости (орудия, а не обломки костей), которые, как ранее считалось, имели плейстоценовый возраст. Возможно, стоит обратить внимание на название статьи, которое весьма красноречиво говорит само за себя: «Новые даты по Северо-Юконским артефактам: голоцен, а не поздний плейстоцен». Это определяет мнение авторов как нельзя точно. Именно артефакты получили новые датировки, а не собранные на берегу реки, переотложенные в голоцене, перемытые и расколотые пока неизвестно как кости плейстоценовых животных, которые вполне логично имеют плейстоценовый возраст.

В статье говорится: «*Новые радиоуглеродные даты по четырем артефактам, которые, как предполагалось, представляли свидетельство освоения человеком территории Юкона в течение верхнего плейстоцена, свидетельствуют, что все четыре имеют позднеголоценовый возраст. Первоначальный радиоуглеродный возраст, полученный для одного артефакта (так называемый Олд Кроу флеш - скребок для снятия мездры. - С.С.), был с ошибкой почти в 26 тыс. лет*» [Nelson et al., 1986. P. 749]. Авторы статьи при индивидуальном описании находок не назвали расколотые (модифицированные) кости плейстоценовых животных артефактами.

Отметим, что вся теория Морлана о костяной индустрии Олд Кроу держалась именно на этих реальных костяных и роговых орудиях, по одному из которых вначале ошибочно была получена дата каргинского времени. Его датировка, как отмечается, была «*опорным аргументом в пользу докловисского заселения Нового Света*» [Nelson et al., 1986. P. 749]. А уже в добавление к этим орудиям по берегу реки и из береговых обнажений были собраны обломки костей, которые в публикациях до 1986 г. (до их передатирования) Морлан называет предположительно орудиями (артефактами), а после передатирования реальных костяных орудий он характеризует их более осторожно, называя «образцами», «экземплярами» или просто «костями», отмечая, что «*этот результат не дает новой информации для определения того, сделаны ли они человеком или это результат природных процессов*» [Nelson et al., 1986. P. 750].

Теперь систему доказательств надо строить заново, на другой основе. При этом, принимая во внимание эксперименты по искусственному раскалыванию костей человеком для обоснования идеи существования костяной индустрии в плейстоцене Северной Америки, не следует забывать и свидетельства о возможности появления таких колотых костей под влиянием природных процессов. Уже сделан вывод, что проблему искусственного или натурального раскалывания костей, найденных на севере территории Юкона, трудно решать на примере костей, обнаруженных в бассейне р. Олд Кроу, «*потому что в процессе переотложения видоизмененные кости были перемещены из их первоначального стратиграфического контекста*» [Cinq-Mars, Morlan, 1999. P. 205]. Новой основой для обсуждения (но пока далеко не для решения) этого вопроса стали работы в том же районе Юкона на стоянке Блу Фиш, где расколотые кости найдены вместе с каменными орудиями [Там же].

С 1971 по 1975 г. в зоне затопления водохранилища Колымской ГЭС, на участке от пос. Дусканья до р. Бахапча, проводила полевые исследования экспедиция СВКНИИ ДВНЦ АН СССР под руководством Н.Н.Дикова и Т.М.Диковой. В 1971 г. они исследовали стоянки каменного века Сибердик, Конго и Инякан [Диков, Дикова, 1975б. С. 64, 65]. Раскопки тогда велись только стоянки Сибердик, расположенной в устье р. Детрин при впадении в нее руч. Малый Сибердик. Предполагалось, что «*стоянка раскопана полностью. В ее культурном слое оказались обломки каменных оббитых орудий, отщепы и подпризматический нуклеус из серого кремнистого сланца. Керамика здесь полностью отсутствовала*» [Диков, Дикова, 1972. С. 252]. На стоянке Конго, расположенной в устье руч. Конго (впадающего в Колыму справа), «*на спуске к Колыме, на высоте 3 м от уровня реки был обнаружен очень выразительный базальтовый отщеп*» [Диков, 1977а. С. 221]. Материалы со стоянки Инякан опубликованы не были. Раскопки, предпринятые в полевой сезон 1972 г., показали перспективность работ на стоянке Сибердик [Диков, Дикова, 1975б. С. 64, 65].

В 1971-1972 гг. вблизи пос. Санга-Талон, слева от устья речки Обо (правый приток Колымы), был исследован якутский могильник, датированный XVIII в. [Дикова, 1974. С. 11; Диков, Дикова, 1975б. С. 69; Диков, 1977а. С. 213].

В 1973 г. были продолжены работы на стоянке Сибердик. Раскопки охватили площадь около 500 м². На стоянке выделены три культурных слоя: нижний отнесен к «*периоду, предшествующему началу потепления в раннем голоцене, вероятно, к самому концу сартанского оледенения или к самому началу голоцена*» [Диков, Дикова, 1975б. С. 66]; два других слоя отнесены к разным периодам неолита.

В том же году начаты раскопки на стоянке Конго, где «*был прослежен in situ культурный слой, содержащий чопперы и ножевидные пластинки*» [Диков, Дикова, 1975б. С. 68, 69]. Недалеко от стоянки Конго, справа от устья руч. Кюль-Сиен (левый приток Колымы), зафиксирован культурный слой, содержащий «*примитивные каменные скребла и ретушированные отщепы палеолитического облика*» [Диков, 1974б; Дикова, 1974. С. 11].

В 1974 г. проведены завершающие работы на стоянке Сибердик. Сообщалось, что «*в ее верхних неолитических слоях (примерно IV-III тыс. до н.э.) обнаружены ножи, скребки, микропластинки*» [Диков, Дикова, 1975а]. Площадь раскопа была доведена до 800 м². В третьем слое стоянки были вскрыты

жилые и рабочие площадки с наковальнями, отбойниками и готовыми каменными изделиями [Там же].

В 1974-1975 гг. на стоянке Конго были проведены раскопки на площади 200 м². Выделены два культурных слоя, содержавшие чопперы, резцы, скребла, скребки, ножи, нуклеусы и ножевидные микропластинки. Наиболее интригующие находки *«извлечены из вечномерзлой супесчаной толщи. В мерзлоте хорошо сохранились и разные деревянные поделки»* [Диков, 1976а. С. 233]. Больше об этих находках ничего не известно, хотя о находке деревянных «поделок очень плохой сохранности» упоминалось и в описании раскопок стоянки Сибердик [Диков, 1977а]. По археологическим данным, возраст нижнего культурного слоя отнесен к концу сартанского оледенения.

Во время одной из экспедиций в окрестностях стоянки Сибердик, на одной из скал сопки Три Орла, как сообщалось, было найдено *«изображение оленя, а рядом выдолбленный в скале жертвенник. Руководитель экспедиции Н.Н.Диков рассказал..., что на этом месте люди каменного века приносили жертвы орлам, считая их своими предками»* [Кирияк, 1975. С. 99]. Дальнейшие исследования не подтвердили наличия петроглифов.

В эти же годы проводились исследования стоянки каменного века на р. Малтан, правом притоке р. Бахапча, впадающей в Колыму у пос. Синегорье. Стоянка была найдена в 1971 г. на 8-метровой террасе левого берега р. Малтан журналистом Ю.А. Калгановым и историком Д.И. Райзманом во время их командировки в оленеводческую бригаду. В осыпи террасы, как сообщалось, были собраны халцедоновые отщепы, наконечник стрелы, каменное грузило [Дикова, 1974. С. 10, 11]. По результатам раскопок 1974 г. на площади более 100 м² были выделены верхний неолитический и нижний «типично донеолитический» слои, содержащие каменные изделия [Диков, 1977а]. В 1975 г. площадь раскопа была расширена до 176 м², а в 1978 г. - до 488 м² [Диков, 1979а, 1995]. Нижний слой стоянки был определен как «мезолитический» [Диков, 1979а]. На правом берегу р. Малтан, напротив стоянки Малтан, было найдено еще несколько стоянок - Малтан II-IV. На стоянке Малтан IV на поверхности террасы были найдены грубо оббитые тесловидно-скребловидные орудия подобные, по мнению Н.Н. Дикова [1979в. С. 219], «орудиям из нижнего, мезолитического слоя стоянки Малтан I».

В 1975 г. исследования стоянок Конго, Сибердик были завершены и более не возобновлялись. В 1989 г. стоянки Конго, Сибердик, Инякан и Кюль-Сиен были затоплены водохранилищем Колымской ГЭС.

Результаты работ на колымских стоянках были опубликованы в «Археологических открытиях» [Диков, Дикова, 1972, 1975а; Диков, 1974б, 1976а], в «Краеведческих записках» Магаданского и Камчатского музеев [Диков, 1974а; Диков, Дикова, 1975б], в трудах СВКНИИ АН СССР (вып. 67) [Диков, 1976б]. В последнем сборнике было дано подробное описание стратиграфии стоянки Сибердик.

В 1974 г. Т.М. Диковой был издан свод «Археологические памятники Магаданской области». В нем были учтены почти все известные к тому времени памятники Верхней Колымы, за исключением стоянок Майорыч, Шило и Инякан. Туда вошли Малтан, Хинике, Конго, Сибердик, Кюель-Сиен и могильник Санга-Талон [Дикова, 1974].

Наиболее полно материалы раскопок верхнеколымских стоянок были представлены в монографии Н.Н. Дикова «Древние культуры Северо-Восточной Азии» [1979а]. По материалам этих стоянок на Верхней Колыме была выделена сибердиковская культура «переходного от палеолита до раннего неолита периода» [Диков, 1979а]. Автор монографии предлагает свою точку зрения на развитие древних культур на Северо-Востоке Азии в плейстоцене - голоцене. Он считает, что *«открытие сибердиковской культуры в бассейне Верхней Колымы заполняет существенный пробел на палеолитической карте Северо-Востока»*, и предлагает *«пересмотреть неправильные... представления Ю.А. Мочанова о распространении дюктайской, а затем и сумнагинской культуры до побережья Охотского моря и Берингова пролива, не говоря уже о Камчатке»* [Там же. С. 97, 98].

В монографии Н.Н. Дикова, на карте мезолитических и под знаком палеолитических местонахождений помещены стоянки Майорыч, Сибердик и Конго, мезолитических - Малтан и Тытыль [Диков, 1979а. С. 52, 53. Рис. 9], а в списке археологических памятников стоянка Майорыч представлена как позднепалеолитическая [Диков, 1977а. С. 256]. Однако роль и место культурного комплекса «палеолитической» стоянки Майорыч в каменном веке Верхней Колымы исследователем определены не были. На карте неолитических памятников [Диков, 1979а. С. 108] на Колыме отмечены стоянки Малтан и Сибердик (имеются в виду их верхние слои), а на Охотском побережье как неолитическая определена

стоянка на о. Завьялова (верхняя терраса). Как неолитические Н.Н. Диков [1977а. С. 256] обозначил также стоянки Ойра и на о. Недоразумения, хотя в дискуссии, касающейся этих памятников, он оспаривает мнение Р.С. Васильевского [1971], считая, что «их (стоянки Завьялова, Ойра и Недоразумения. - С.С.) так называемый неолитический характер весьма обманчив» [Диков, 1979а. С. 248].

Принимая во внимание лишь галечные орудия стоянок Сибердик и Конго и абстрагируясь от раннеголоценового возраста материалов микропластинчатой индустрии и бифасиальных орудий комплекса, Н.Н. Диков делает вывод о существовании на Колыме не позднее чем 20-23 тыс. л. н., т. е. до перекрытия пути из Приморья в Америку (территория Британской Колумбии) Канадским ледниковым щитом, галечной индустрии чопперов [Диков, 1979а. С. 98]. Он считает, что галечные орудия с Конго и Сибердика «больше всего похожи... на галечные орудия Приамурья, где они употреблялись очень давно, с самых древнейших этапов палеолита, и Америки, особенно Северо-Западной, где они найдены в Британской Колумбии», и сопоставляет возраст американских галечных орудий из комплекса «Пэсика» (12 тыс. л.н.) и приамурских со стоянки Кумары III (25-30 тыс. л.н.), и приходит к заключению, что «найденные на Колыме чопперы - это как раз то недостающее связующее звено между азиатскими и американскими орудиями подобного рода, которое так долго никому не удавалось найти» [Там же].

Соотнося весь комплекс находок и радиоуглеродные датировки, полученные из культурных слоев стоянок Конго, Сибердик, Малтан, со своей гипотезой о позднем реликте «колымской индустрии чопперов» [Диков, 1979а. С. 98], Н.Н. Диков делает вывод о существовании на Верхней Колыме в раннем голоцене реликтово-палеолитической, «выходящей непосредственно из палеолита и в какой-то мере еще входящей в него» сибердиковской культуры [Диков, 1979а. С. 90]. В его поздних работах отмечается, что в бассейне Верхней Колымы «сохраняется в раннем голоцене реликтово-палеолитическая» сибердиковская культура, переходящая в неолит [Диков, 1989а. С. 33].

Таким образом, Н.Н. Диков полагал, что на Верхней Колыме присутствует сквозная археологическая культура, возникшая до голоцена, сохранившаяся в раннем голоцене и представленная палеолитическим, мезолитическим и неолитическим этапами развития от 9,5 до 6 тыс. лет назад. Однако, на наш взгляд, этот вывод не является окончательным и требует дальнейшего обсуждения. Значительно ограничивает возможности изучения сибердиковской культуры то, что сведения о ней - материалы, статистические данные, датировки - опубликованы частично, рассредоточены в различных источниках и нередко содержат противоречивую информацию как о комплексах и типах орудий, так и об их стратиграфическом положении.

Не исключено, что неолитическая составляющая на стоянках Сибердик и Конго преобладает, а галечные орудия могут быть поздней примесью.

Существенным вкладом в изучение прошлого Верхней Колымы стали публикации радиоуглеродных датировок и результатов спорово-пыльцевых анализов со стоянок Конго, Сибердик, Малтан [Шило и др., 1979; Ложкин, Прохорова, 1980; Ложкин, 1985; Ложкин, Трумпе, 1990].

Находкам, собранным геологами на руч. Уртычук в верховьях р. Малтан, на Охотско-Колымском водоразделе, посвящена статья Н.Н. Дикова и Н.Е. Саввы [1980]. Среди уртычукских находок только два диагностических изделия: конические нуклеусы, остальные - отщепы. В статье на основе анализа каменных изделий высказано предположение о том, что «уртычукские находки - это следы еще не известной на Северо-Востоке позднепалеолитической или мезолитической культуры». Таким образом, на Верхней Колыме, помимо сибердиковской культуры с входящим в нее малтанским мезолитическим комплексом, прогнозировалось существование еще одной палеолитической или мезолитической культуры, хотя конические нуклеусы - типичное изделие неолитических памятников Северо-Востока Азии.

В 1981-1982 гг. на оз. Джека Лондона А.А. Аликов - учитель из пос. Дебин - открыл несколько местонахождений, на которых собрал коллекцию подъемных каменных изделий, включающую, по его устному сообщению, ножевидные пластинки, конические нуклеусы, полиэдрический резец, концевой скребок, фрагменты наконечников, отщепы.

В 1982 г. преподаватель Магаданского педагогического института А.А. Орехов провел археологическую разведку в долине р. Буюнда (крупный правый приток р. Колыма). По его устному сообщению, памятников археологии выявлено не было.

В процессе изучения геологических материалов колымских районов в отчете Дукатской геологической экспедиции за 1984 г. [Кн. 1. С. 238] было встречено сообщение Н.В. Григорьева о находке в

начале 80-х гг. на правом берегу р. Буюнда, у руч. Цыган, призматического нуклеуса (рис. 2, 2). В отчете Тенькинской геологической экспедиции сообщалось о находке полиэдрического резца в верховьях р. Яна на руч. Утро и была дана его фотография [Слободин, 1988б. Рис. 4, б].

В 1982-1983 гг. на Колыме работал археологический отряд СВКНИИ ДВНЦ АН СССР под руководством сотрудника лаборатории археологии, истории и этнографии М.А. Кирьяк. На участке р. Колыма в зоне затопления Среднеканской ГЭС, от р. Таскан до пос. Зырянка, выявлены местонахождения с одиночными находками в районе устья руч. Березовый и у пос. Усть-Среднекан [Кирьяк, 1983. С. 3, 4; 1987. С. 213; 1993а. Рис. 1]. Отмечается, что найденный на стоянке Березовый нуклеус «напоминает жоховские» [Питулько, 1996. С. 15]. В районе пос. Зырянка исследовано погребение (сайба) на оз. Большая Бобрянка [Кирьяк, 1993а].

В 1985 г. разведочным маршрутом по рр. Детрин и Колыма прошел сотрудник Магаданского областного краеведческого музея И.Е. Воробей. На приустьевых мысах рр. Детрин (стоянка Сибердик) и Эльгенья он собрал подъемный материал, содержащий ножевидные пластинки, отщепы, орудия и керамику [Воробей, 1986; Слободин, 1999а. С. 138-140].

В начале 80-х гг. завершается опубликование собственно археологических материалов в рамках второго этапа исследований на Колыме [Мочанов, 1977; Диков, 1979а; Федосеева, 1980; Кистенев, 1980; Диков, Савва, 1980]. В последующие годы материалы стоянок использовались для реконструкции культурно-исторических процессов, происходивших на Северо-Востоке Азии в каменном веке [Dikov, 1983; Диков, 1989а; Орехов, 1988; Кистенев, 1990; Лебединцев, 1990а; Derev'anko, 1990; Kozlowski, Bandi, 1984].

С середины 80-х гг. начинается третий этап исследований каменного века Колымы. В верховьях Колымы проводит исследования Верхне-Колымский археологический отряд, который с 1985 по 1997 г. обследовал все крупные реки изучаемого района: Кулу, Колыму, Аян-Юрях, Армань, Олу, Челомджу, Детрин, Яму, Буюнду, Малтан, Бахапчу, Иню, Сугой. Были организованы экспедиции на крупнейшие озера района - Уи, Момонтай, Малык, Эликчан, Эльгенья, Дарпир, Черное, в районы Ольского и Хетинского плато. В первую очередь изучались памятники, подвергшиеся разрушению и находившиеся под угрозой разрушения в ходе строительства промышленных объектов и дорог, а также в зоне затопления Колымской и Усть-Среднеканской ГЭС. В процессе работ отряда на Верхней Колыме было выявлено более 50 археологических памятников, относящихся к различным эпохам: от позднего палеолита до XIII в. Итоги работ, как предварительные, так и обобщающие, были представлены в публикациях [Слободин, 1988а, б, в, 1990, 1991а, б, 1993, 1995, 1996а, б, в, 1997, 1999а, б; Слободин, Глушкова, 1992; Слободин, Гейбл, 1996; Слободин, Кинг, 1998; Slobodin, 1992, 1994, 1999; Slobodin, King, 1996; King, Slobodin, 1993, 1994, 1996; Goebel, Slobodin, 1999].

В эти годы интересные материалы получены из долины р. Омолон. Верховья крупных правых притоков Колымы имели удобные, легко преодолимые перевалы в долину р. Омолон. Несомненно, между этими районами в древности существовали тесные культурные связи. В 1979 г. Северо-Восточный отряд Приленской археологической экспедиции под руководством А.Ю. Мочанова проводил разведочные работы в долине р. Омолон. В результате были открыты стоянки Первая, Вторая, Третья, Мысовая, Преджданка и Большой Эльгахчан I [Мочанов и др., 1980; Кистенев, 1980]. В 1980 г. изучение стоянки в устье р. Большой Эльгахчан было продолжено: М.А. Кирьяк исследовала нижнюю площадку приустьевых мыса [Кирьяк, 1990], а С.П. Кистенев провел раскопки на верхней площадке [Кистенев, 1980]. Исследования позволили сделать вывод, что культурный комплекс с нижней площадки стоянки Большой Эльгахчан относится к ушковской ранней позднелепеолитической традиции [Кирьяк, 1990], а верхняя площадка содержит материалы сумнагинской, сылахской и ымыяхтахской культур [Кистенев, 1980]. Позднее, в 1991 г., на нижней площадке был найден комплекс орудий ымыяхтахской культуры [Кирьяк, 1993б]. Еще один ымыяхтахский комплекс с выразительными трехгранными напильниковидными наконечниками был найден в 1988 г. в верховьях Омолона (район устья р. Жданка) [Воробей, 1991]. Эти находки позволяют представить происходящие в древности на Верхней Колыме культурные процессы на широком пространстве (от Якутии до Чукотки) без перерыва.

В 1991 г. на Колыме работал отряд Приленской экспедиции ЯИЯЛИ СО АН СССР [Кистенев, 1993]. Было открыто семь неолитических и более позднего времени археологических стоянок на участке Колымы, от пос. Дебин до пос. Усть-Среднекан, которые рассматриваются в основной части данной работы.

В 1992 г. открыто несколько стоянок и захоронение неолитического времени на Нижней Колыме, в районе бывшего пос. Помазкино, где ранее, в 1947 г., А.П. Окладников открыл стоянку Помазкино [Кашин, Калинина, 1997]. На стоянках Помазкино III и IV выделены комплексы каменных орудий и керамики, отнесенной к сылахской культуре Якутии. Более представительные комплексы помазкинских стоянок, как и само захоронение, были отнесены к ымыяхтахской культуре и на основе сопоставления с другими памятниками Якутии и Чукотки датированы серединой или второй половиной II тыс. до н.э. При этом отмечается определенная специфика помазкинских ымыяхтахских комплексов, которая «позволяет говорить о «северном» варианте позднего неолита Якутии и Чукотки», и поднимается вопрос (поставленный еще А.П. Окладниковым [1947а, 1955]) о «существовании единой в основе культуры субарктического неолита и о трансконтинентальных связях носителей этой культуры с северными племенами Восточной Европы, с одной стороны, и Аляски - с другой» [Кашин, 1998]. Опираясь на выводы Окладникова [1947а], что «верховья Колымы никогда не были густо заселены человеком и не служили главным путем его расселения», проблему существования особой культуры субарктического неолита обсуждали на примере Колымы. На основе археологических данных было отмечено, что «подавляющее большинство обнаруженных памятников сосредоточено в низовьях рек, тяготея к арктическому побережью... Весьма наглядно это проявляется на примере памятников долины Колымы, где... все местонахождения расположены севернее 68° с.ш., т.е. далеко за Полярным кругом» [Кашин, 1983. С. 93].

Высказывались и противоположные мнения в обсуждении этой проблемы. С.А. Федосеева [1975. С. 94] после изучения ряда археологических памятников на Нижней Колыме пришла к выводу, что «как в таежной, так и в тундровой зонах Северо-Восточной Азии в неолите последовательно сменяли одна другую сылахская, белькачинская и ымыяхтахская культуры, внутри которых при более детальном изучении, очевидно, выявятся отдельные локальные варианты. Существование этих культур не составляет места для особой культуры субарктического неолита». Она же считает, что «заселение Индигирки и Колымы ымыяхтахцами и их предшественниками происходило не только с Нижней Лены, но и из бассейна Алдана. При этом путь через Южное Верхоянье, очевидно, использовался не менее интенсивно, чем первый. Сходство заполярных индигирских и колымских памятников с алданскими делает маловероятным предположение о том, что ымыяхтахцы сначала с юга распространялись на Нижнюю Лену, оттуда в низовья Индигирки и Колымы, а затем снова начинали свое движение к югу, но уже по долинам этих рек, по крайней мере до стоянок Калядин (на Индигирке. - С.С.) и Лабуя» [Федосеева, 1980]. В настоящее время растущее количество открытых неолитических памятников на Верхней Колыме, несмотря на отмечаемое их своеобразие, свидетельствует в пользу этого мнения [Слободин, 1995].

С.П. Кистенев [1990] в своей диссертации «Каменный век Нижней Колымы» присоединяется к мнению С.А. Федосеевой и позднее добавляет, что «археологические исследования в верховьях Колымы еще раз подтвердили несостоятельность выдвинутых ранее предположений о том, что... древние стоянки на Северо-Востоке Азии в основном сосредоточены в низовьях рек, тяготея к арктическому побережью» [Кистенев, 1993]. На данный момент археологическая карта Колымы кардинально изменилась и говорить о незаселенности верховий Колымы и тяготении археологических памятников к арктическому побережью в неолите действительно не приходится. Но простой механический подсчет стоянок, конечно, не может заменить детального сравнительного анализа материальных комплексов, проведение которого осложнено такими факторами, как неравномерность археологической изученности разных географических районов, расширяющаяся фактологическая база, смешанный характер большинства исследованных комплексов, недостаток абсолютных датировок и задержка публикации полученных материалов.

Тем не менее для ымыяхтахской культуры уже обосновано существование ее «южного», «северного» и «смешанного» вариантов [Кашин, 1997. С. 45; Алексеев. 1996. С. 61, 62], о необходимости выделения которых говорилось значительно раньше [Федосеева, 1980; Арутюнов, 1983. С. 257, 258].

В конце 90-х гг. представительная коллекция каменных орудий (с микропластинками и нуклеусами) с 10 местонахождений неолитического и более позднего времени из Малкачанского заказника (к северо-востоку от пос. Ямск) была передана для изучения в лабораторию археологии и истории СВКНИИ ДВО РАН сотрудником Института биологических проблем Севера (г. Магадан) А.Н. Реймерсом [Лебединцев и др., 2000].

Глава 3. ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА ВЕРХНЕЙ КОЛЫМЫ И КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРИОХОТЬЯ

Стоянки Малкачанского залива

Коллекция подъемных каменных орудий была собрана в районе Малкачанского залива, в Ямской губе Северо-Западного Приохотья в 90-е гг. Всего найдено 10 стоянок. Находки представляют собой разновременный и разнокультурный материал. К более раннему времени, предположительно, относятся находки со стоянок Малкачан 1-4 и Иретьская.

Стоянка Малкачан 1 располагается в 4 км от берега моря и устья р. Малкачан. На раздернованной кромке террасы высотой около 4 м были найдены 2 резца, скребок, пластинчатый скол, 3 микропластинки и 3 наконечника, 2 из которых представлены фрагментами.

Один из резцов полиэдрического типа. Сделан на сработанном призматическом нуклеусе (ширина 0,6-0,75 см) с сохранившейся отжимной площадкой в основании резца (рис. 3, 8). Материал - серый кремнь. Длина резца 2,1 см. Половину его длины занимает лезвие, имеющее необычно острую для этого типа резцов заточку. Второй резец изготовлен из халцедона. Это плоский, сделанный на отщепе срединный резец с дополнительным сколом по резцовому лезвию со стороны спинки. Лезвие занимает 1/3 длины резца (0,7 см). Поперечное сечение односторонне-выпуклое. Рукоятка (корпус) со спинки полностью ретуширована, с брюшка - частично по одному краю для уплощения ударного бугорка (рис. 3, 9).

Скребок (поврежденный) округлой формы на отщепе из белого кремня. Лезвие прямое, оформлено крутой ретушью. Сечение односторонне-выпуклое, брюшко ретушировано только для снятия ударного бугорка. Спинка обработана полностью (рис. 3, 11).

Крупный пластинчатый скол из серого кремня имеет на спинке негативы микропластинчатых снятий (рис. 3, 1). Возможно, это скол с крупного нуклеуса или его заготовки.

Две ножевидные пластинки серого цвета сколоты с кремневых нуклеусов. Одна из них целая, имеет подтрапцевидное поперечное сечение, сколота с конического нуклеуса (рис. 3, 3, 4). Еще одна пластинка представлена фрагментом (рис. 3, 2). Одна ножевидная микропластинка из халцедона шириной 0,38 см имеет трехгранное сечение (рис. 3, 5).

Целый кремневый, двусторонне обработанный наконечник треугольной формы, с глубокой (до 0,38 см) выемкой в основании, уплощенно-линзовидный в поперечном сечении. Он имеет нестандартные пропорции: короткий - высота 1,65 см и широкий - ширина основания 1,58 см (рис. 3, 6). Один из фрагментов орудия является, видимо, прямым основанием двусторонне обработанного, плоского наконечника из халцедона (рис. 3, 10). Второй - острием двусторонне обработанного наконечника из кремня. Поперечное сечение уплощенно-линзовидное, ретушь зубчатая, встречная (рис. 3, 7).

Стоянка Малкачан 2 расположена на террасе в 1-2 км от моря, на правом берегу р. Малкачан. Здесь на поверхности раздернованной террасы найдены обломок нуклеуса и ребристая пластина.

Обломок нуклеуса представлен частью фронта с отжимной площадкой конического или призматического нуклеуса из окремнелой породы (рис. 4, 1). На сохранившейся части фронта нуклеуса видны негативы трех-четырёх пластинчатых снятий. Его отжимная площадка подправлялась ретушью.

Ребристая пластина была сколота с кремневого нуклеуса при подготовке его к работе. Дистальная часть пластины обломана (рис. 4, 8).

Стоянка Малкачан 4 расположена в 7 км от берега моря, на правом берегу р. Малкачан, у бровки леса. Здесь найдены наконечник стрелы, черешковое орудие и два резца.

Бифасиально обработанный наконечник стрелы сделан из кремня белого цвета с обломанным основанием. Сечение уплощенно-линзовидное (рис. 4, 6). Обработан тонкой струйчатой ретушью.

Черешковое орудие на пластине (?) изготовлено из черной окремнелой породы. Острие обломано.

Черешок слегка выделен ретушью с обеих сторон. На двугранной спинке один край ретуширован. С брюшка ретушь нанесена по обоим краям (рис. 3, 12).

Один резец сделан из молочного халцедона с полидрическим резцовым лезвием, занимающим половину длины орудия. Рукоятка обработана бифасиально и имеет линзовидное поперечное сечение (рис. 4, 7). Второй резец угловой, изготовлен на халцедоновом пластинчатом отщепе. Продольные резцовые сколы нанесены на оба конца отщепе. На резцовых лезвиях видны следы подправки ретушью или сработанности (рис. 4, 5).

На стоянке Малкачан 3, расположенной в 1 км к югу от стоянки Малкачан 2 и в 1 км от берега моря, на сухом бугре среди тундры найдена заготовка предположительно нуклеуса или тесла подпрямоугольной формы из сильно патинизированного кремня (рис. 5). Подобные заготовки распространены на Верхней Колыме [Слободин, 1996].

Стоянка Иретская расположена в устье руч. Иретский (примерно 13 км от устья р. Малкачан), на 12-метровой террасе. Находки, среди которых обломок нуклеуса, две ножевидные пластинки и кристалл хрусталя, были собраны на развешенной бровке террасы.

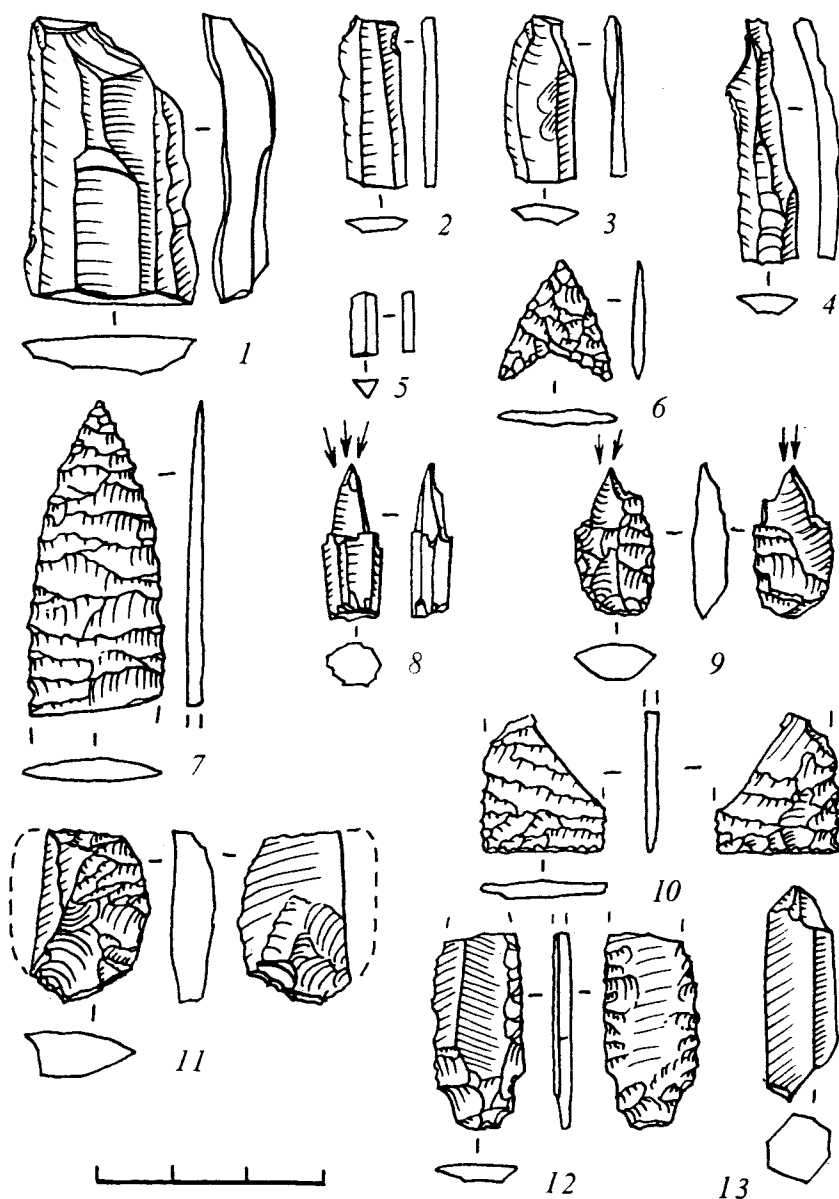

Рис. 3. Каменные орудия со стоянок Малкачан 1 (1 - 11), Малкачан 4 (12), Иретская (13)

Обломок конического нуклеуса из желтого кремня представлен его верхней частью с отжимной площадкой. Она плоская, подправлена по периметру мелкой ретушью, и ее диаметр меньше ширины центральной части нуклеуса. Негативы от снятых пластинок - по всему периметру нуклеуса (рис. 4, 2).

Обе ножевидные пластинки сделаны из желтоватого кремня, имеют трапецевидное поперечное сечение и, видимо, были сколоты с призматического нуклеуса. Одна представлена дистальным концом. На ее торце видны следы ретуши (как у концевой скребка), но не исключено, что это следы от упора нуклеуса при скалывании пластинок (рис. 4, 3). Вторая пластинка представлена проксимальным концом без следов обработки (рис. 4, 4).

Кристалл хрусталя следов обработки не имеет (рис. 3, 13).

В технико-типологическом плане на всех местонахождениях отчетливо фиксируется пластинчатая индустрия. Это фрагменты нуклеусов, сколотые с них микропластинки, торцевой скол (ребристая пластина), орудия на пластинах и нуклеусах. Вместе с тонкообработанными бифасиальными орудиями (наконечниками) и полиэдрическими резцами они позволяют с уверенностью датировать комплексы неолитическим временем. Определить более точно время появления этих материалов на Охотском побережье пока трудно. Сейчас можно только сказать, что происходят они из континентальных районов Колымы, где эти материалы хорошо известны на неолитических памятниках [Слободин, 19886].

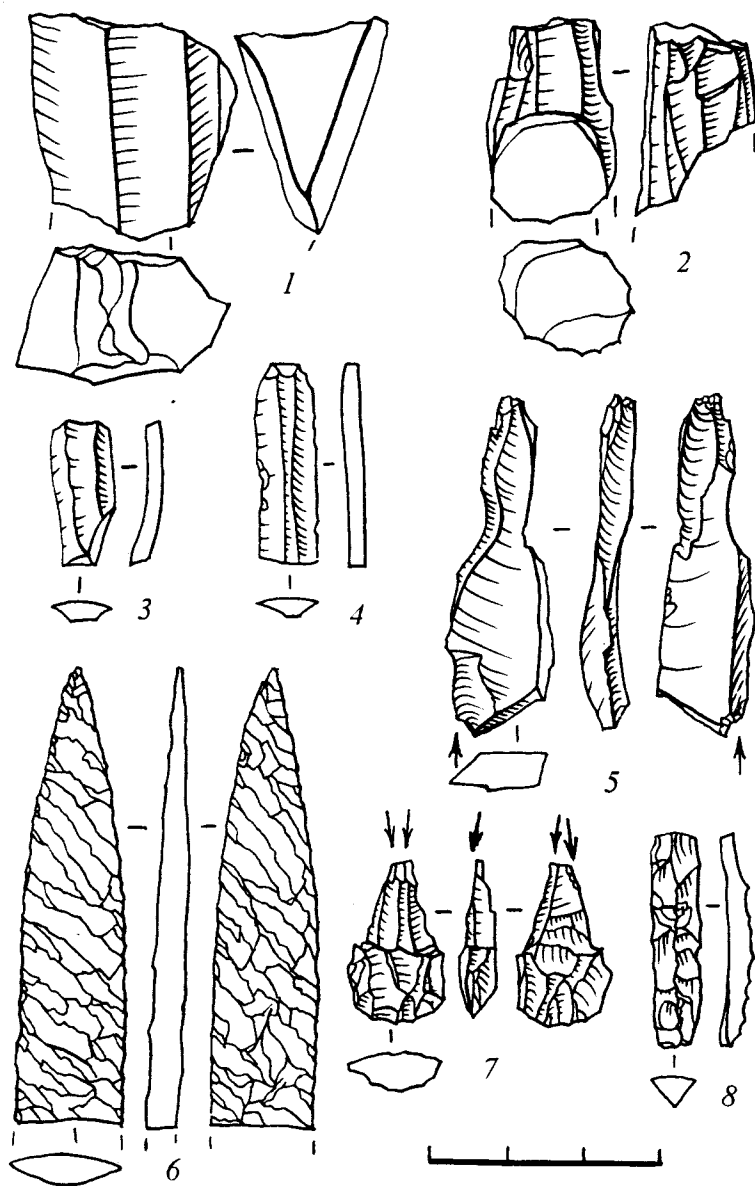

Рис. 4. Каменные орудия со стоянок Малкачан 2 (1, 8), Малкачан 4 (5-7), Иретьская (2-4)

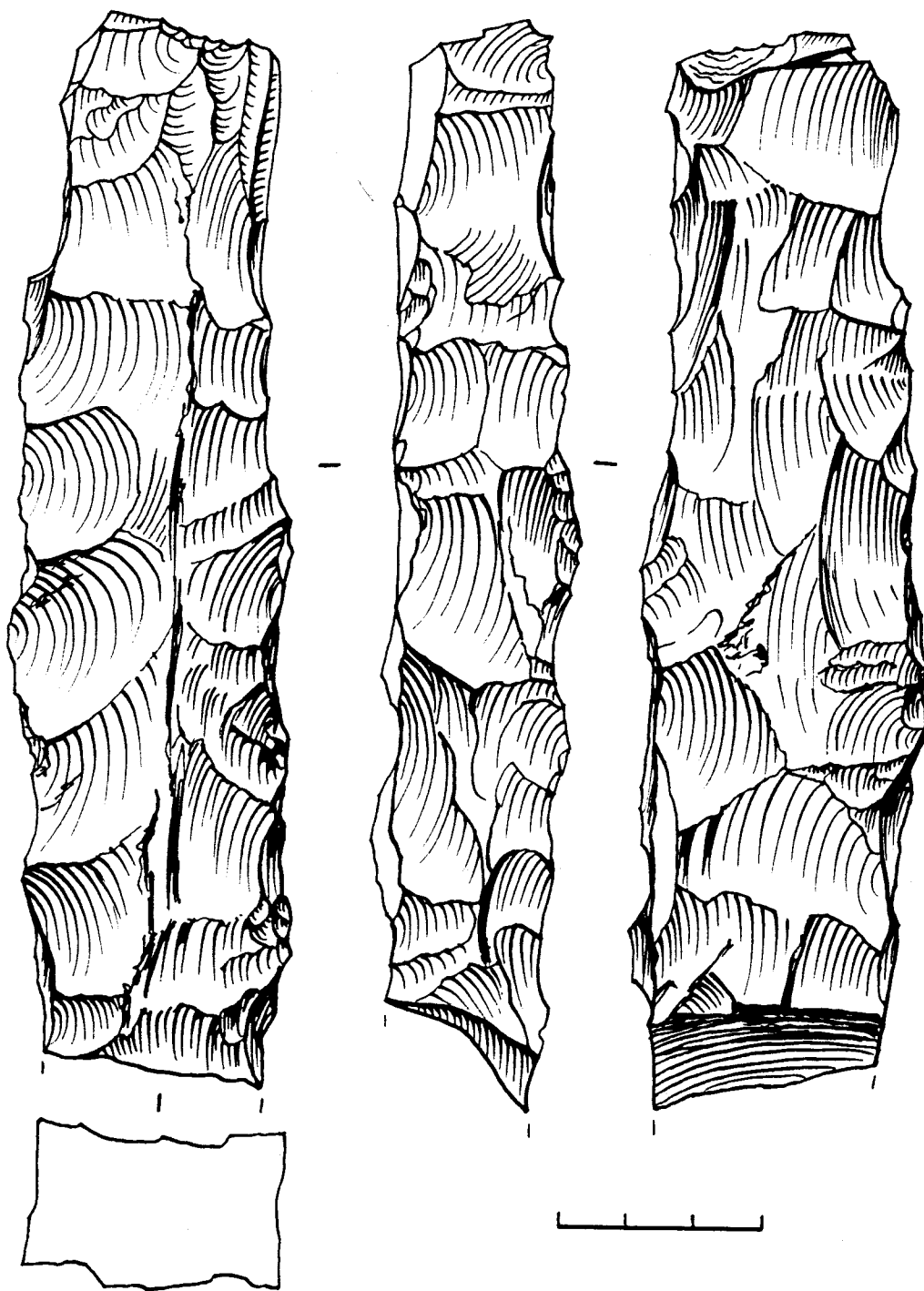

Рис. 5. Заготовка орудия со стоянки Малкачан 3

Ближайшие аналогии полиэдрическому резцу с нуклевидной рукояткой со стоянки Малкачан I имеются на стоянках Охотско-Колымского водораздела - Хуренджа II и Хета [Слободин, 1988б, 1997], расположенных в 170-180 км к северо-западу от устья р. Малкачан. Выйти к Охотскому побережью в этом районе неолитические охотники могли по удобным широким и богатым зверьем долинам рр. Яма и Ола. Изобилие рыбы во время нереста лососевых в реке создавало дополнительный стимул для освоения долины. Для добычи рыбы люди останавливались, вероятно, прямо у реки на косах, которые ежегодно перемывались паводками. Этим, видимо, можно объяснить малочисленность памятников, известных в среднем течении рек бассейна Охотского моря. Важно и то, что река сильно подмывает берега и многие стоянки, располагавшиеся даже на достаточно высоких террасах, были разрушены во время паводков. Из сохранившихся наиболее представительные комплексы находок с р. Ола.

Памятники бассейна р. Ола

Стоянка Ола I расположена на левом берегу р. Ола, в 75 км от устья, на 15-метровом, поросшем лесом останце, стоящем посреди долины в месте впадения в Олу р. Маякан. С трех сторон останец имеет отвесные обрывы; с юга к нему примыкает речная терраса. Подъемный материал собран на его западной оконечности в развеянном слое серой супеси на площади 9 м². Найдены 30 отщепов из халцедона, 34 из диабазы, 11 из песчаника, 4 небольшие плоские галечки со следами сколов, 4 наконечника из серого кремня и 8 ножевидных пластинок, 6 из которых изготовлены из кремня (рис. 6, 1-5) и 2 шириной 0,7-1,2 см из обсидиана или горного хрусталя; последние ретушированы по обоим краям со стороны брюшка (рис. 6, 6).

Наконечники имеют подтреугольную форму (рис. 6, 7-9). У одного основание прямое, у двух других слегка выемчатое. Ширина основания 1,5-2 см, длина изделий 2-3,2 см. Поперечное сечение наконечников уплощенно-линзовидное. Стоянка датируется неолитическим временем.

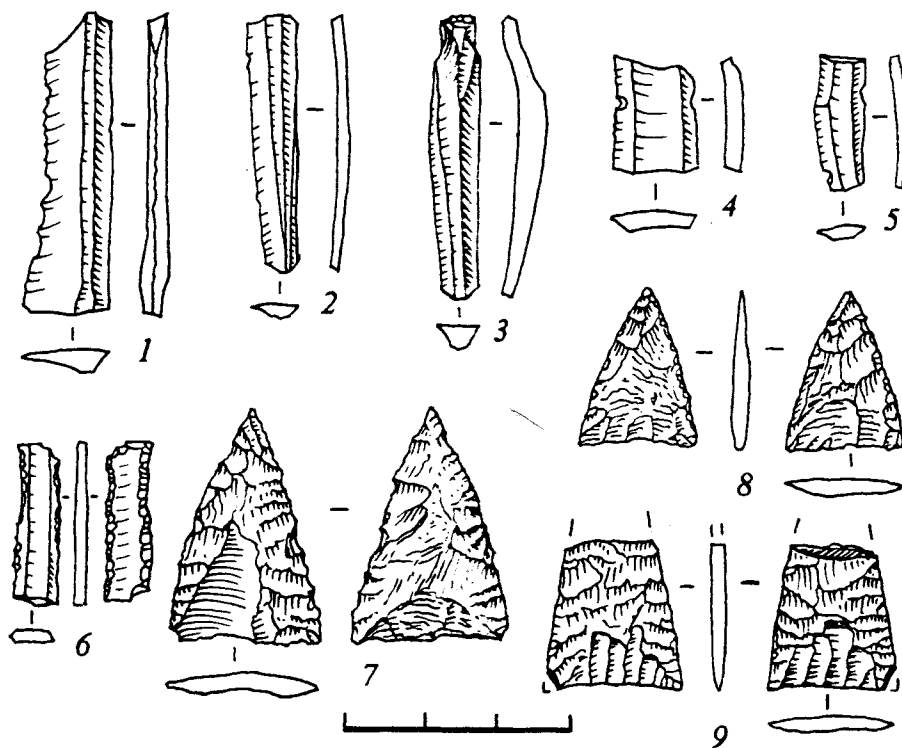

Рис. 6. Каменные орудия со стоянки Ола I

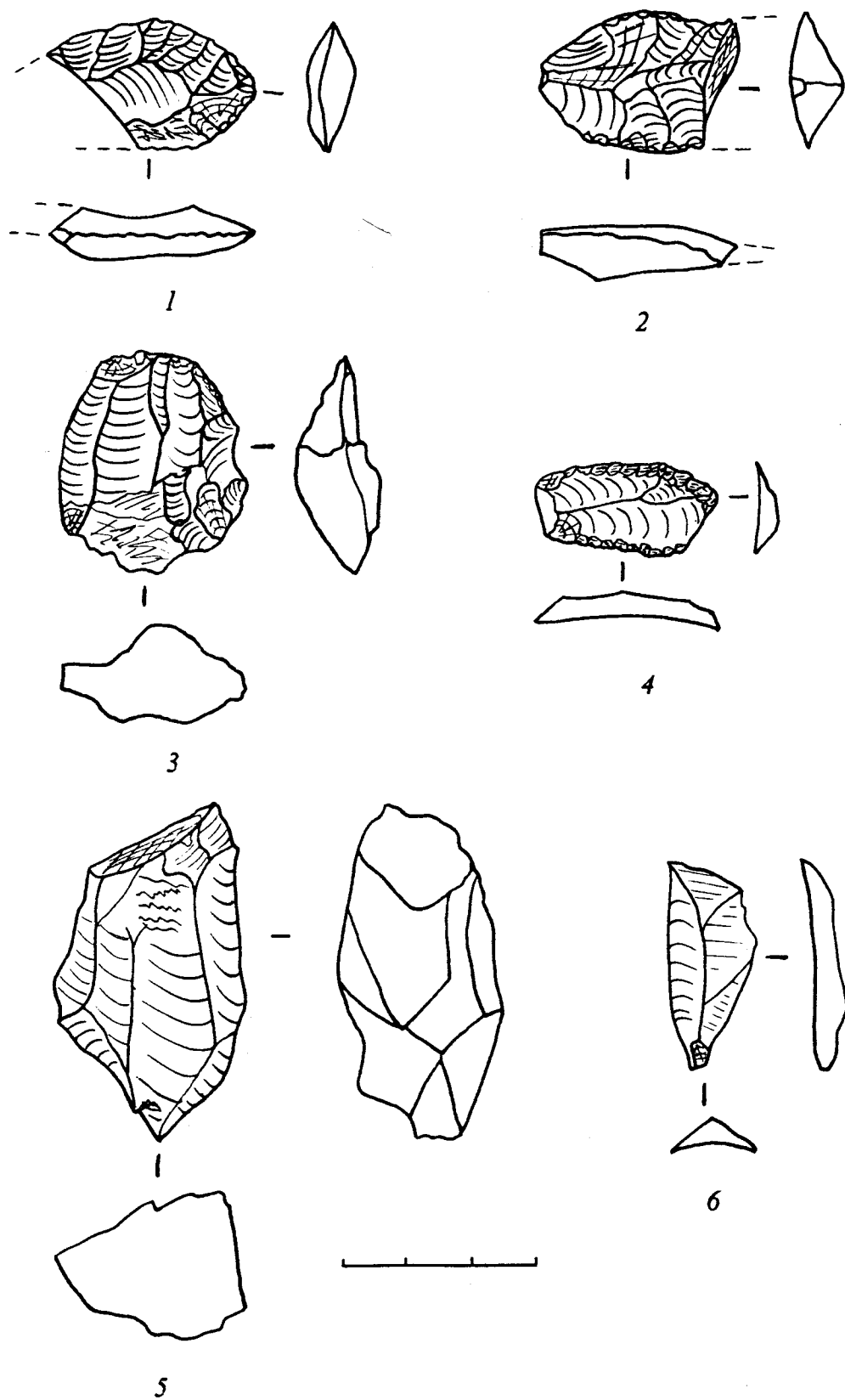

Рис. 7. Каменные орудия со стоянки Ола II

Стоянка Ола II (Усть-Маякан) найдена на правом берегу р. Ола, на отдельно стоящем холме, напротив устья р. Маякан. На плоской раздернованной поверхности холма у радиоантенны обнаружены более 40 отщепов из халцедона, 2 аморфных халцедоновых нуклеуса подпризматического типа (рис. 7, 3, 5), пластинчатые сколы с них (рис. 7, 6), нож (скребок ?) на пластинчатом отщепе с унифасиально обработанными со стороны спинки краями (рис. 7, 4) и 2 фрагмента бифасиально обработанных орудий (рис. 7, 1, 2). Стоянка отнесена к заключительному этапу неолита.

Стоянки Хуренджа I-XI

Стоянки открыты в 1985-1986 гг. в верховьях рр. Ола и Хуренджа, в районе Ольского плато базальтов. Все они расположены на структурно-денудационных террасах вокруг оз. Хуренджа, вблизи перевала (Хуренджа II-XI) или прямо на нем (Хуренджа I). Рельеф в районе стоянок платообразный. На высоте свыше 1000 м над уровнем моря (на перевале, вокруг озера и выше) - тундровый ландшафт.

На всех стоянках собран подъемный материал. На стоянках Хуренджа II, V, VII, VIII проведены раскопки. На большинстве из них культурный слой подвергается разрушению под воздействием солифлюкционных процессов. Поверхность террас покрыта гравийно-щебенчатым делювием с заполнением супесью. Дерновый покров развит слабо, часто полностью отсутствует.

На стоянке Хуренджа I на поверхности разрушенного солифлюкционными процессами склона перевала найдено 177 кремневых и халцедоновых отщепов, 14 ножевидных пластинок, 2 из которых ретушированы по краю [Слободин, 1988]. Среди орудий - отбойник из продолговатой гальки шириной 3,8 см (рис. 8, 1), скребловидно-тесловидное орудие на плоской гальке (рис. 8, 2) с лезвием, обработанным крупной ретушью и бифасиальными крупными сколами по бокам, образующими выемки, удобные для крепления рукоятки; чопперовидное орудие массой 1,4 кг (рис. 8, 3).

На стоянке Хуренджа II, расположенной в 200-250 м к северо-западу от стоянки Хуренджа I, на поверхности найдены 103 кремневых и халцедоновых отщепа, 20 ножевидных пластинок и 4 орудия (фрагменты наконечников и ножей). Одна пластинка шириной 1 см по лезвию обработана со стороны брюшка краевой ретушью и имеет притупленный ретушью скошенный поперечный край (рис. 9, 6).

Наконечники стрел двух типов: подтреугольные, ретушированные с обеих сторон, со слегка выемчатым основанием и уплощенно-линзовидным сечением (рис. 9, 13) и плоские из кремнистого сланца, с прямым основанием и бифасиальной ретушью по краям (рис. 9, 8).

Ножи-бифасы овальной формы из кремня (рис. 9, 4) и подпрямоугольной формы из халцедона (рис. 9, 1).

В ходе шурфовочных работ на стоянке установлено, что эти находки из слоя темно-коричневой супеси, залегающей до глубины 10-15 см под слабо развитым дерном, разорванным многочисленными выходящими на поверхность камнями. Среди большого количества кремневых и халцедоновых отщепов и ножевидных пластинок найдено 9 орудий и украшение - подвеска.

Орудия представлены кремневым нуклеусом уплощенно-конического типа (рис. 9, 2), кремневыми полиэдрическими резцами с ретушированной и нуклевидной рукояткой (корпусом) (рис. 9, 3, 7), халцедоновыми скребками (рис. 9, 9, 11), кремневой проколкой на отщепе (рис. 9, 14), галечным скребком с заполированными краями (рис. 10, 1), вкладышем на кремневой ретушированной ножевидной пластинке (рис. 9, 10) и кремневым двусторонне ретушированным прямоугольным вкладышем со скошенным торцом (рис. 9, 5).

Подвеска изготовлена из агальматолита, сохранился лишь небольшой ее сегмент (рис. 9, 12). Поверхности подвески отшлифованны, край (торец) плоский.

В 2000 г. на стоянке у края раскопа найден трансверсальный резец.

Материалы стоянки датируются неолитом.

На стоянке Хуренджа III, расположенной в 300 м к северу от стоянки Хуренджа II, на поверхности найдено около 100 кремневых отщепов, 12 ножевидных пластинок, на одной из которых сделана проколка. Острие ее обработано ретушью со стороны брюшка на одну треть длины пластинки [Слободин, 1988б. Рис. 2, 7]. Крупные пластинчатые отщепы (4 экз.) обработаны мелкой краевой ретушью.

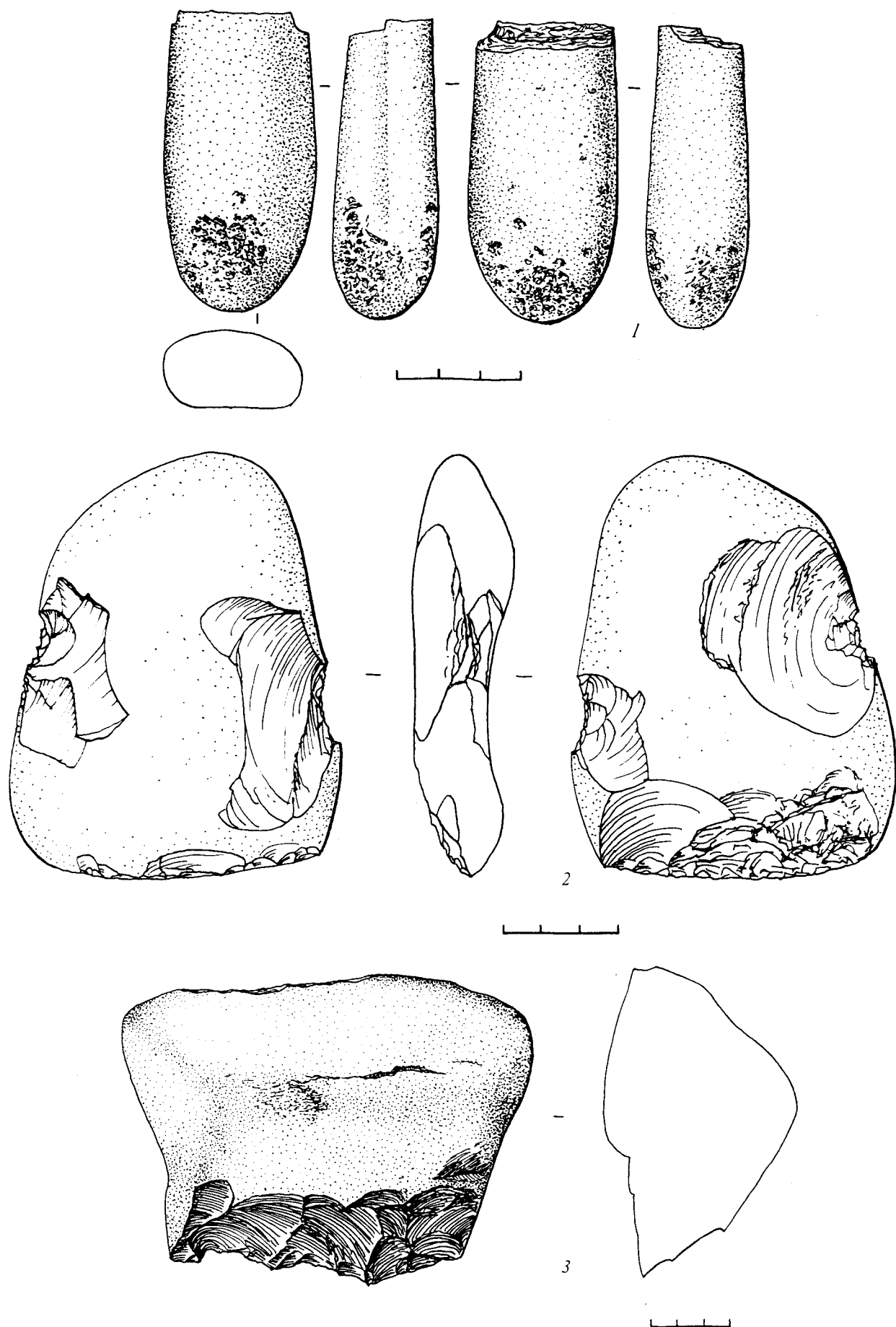

Рис. 8. Каменные орудия со стоянки Хуренджа I

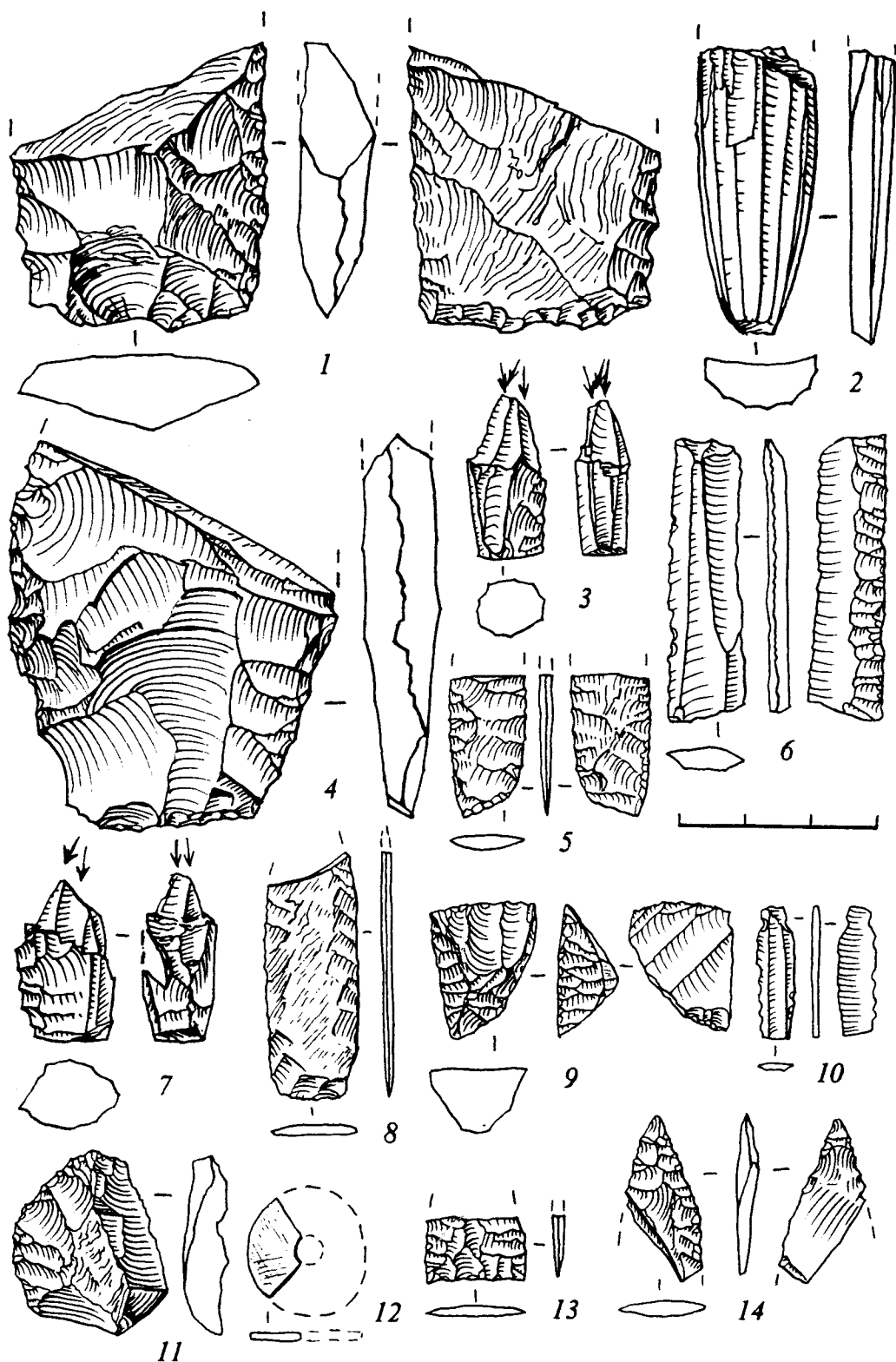

Рис. 9. Каменные орудия со стоянки Хуренджа II

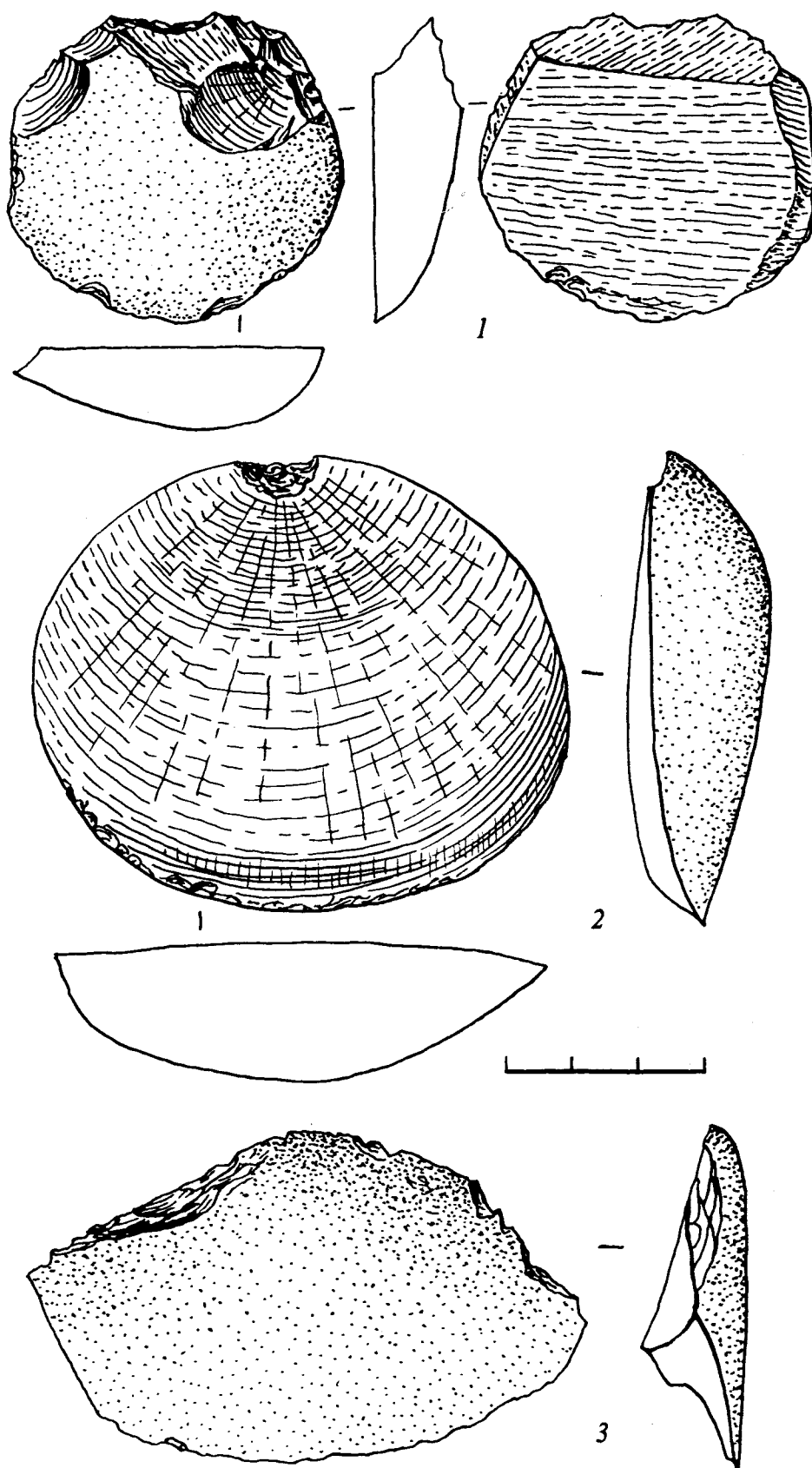

Рис. 10. Каменные орудия со стоянок Хуренджа II (1), Хэда (2), Кулу (3)

Стоянка Хуренджа IV протянулась на 200 м с востока на запад и 20 м с севера на юг по поверхности одиночного холма, расположенного у перевала. На поверхности холма найдены кремневые и халцедоновые отщепы, нуклеусы, ножевидные пластинки и орудия. Из 49 ножевидных пластинок с треугольным и трапециевидным поперечным сечением (рис. 11, 5) 10 обработаны по одному или двум продольным краям унифасиальной ретушью (рис. 11, 6). Один из призматических нуклеусов сделан из кремня (рис. 12, 3), другой из халцедона (рис. 13, 1).

Среди орудий наконечник стрелы с прямым основанием и слегка пришлифованными боковыми поверхностями (рис. 11, 1); 5 двусторонне обработанных ножей овальной формы (рис. 11, 7), один из которых имеет рукоятку (насад) (рис. 11, 3), а два других - продолговатый желобок, нанесенный с одной (рис. 13, 7) или обеих сторон вдоль длинной оси изделий; скребки - один концевой на пластинчатом

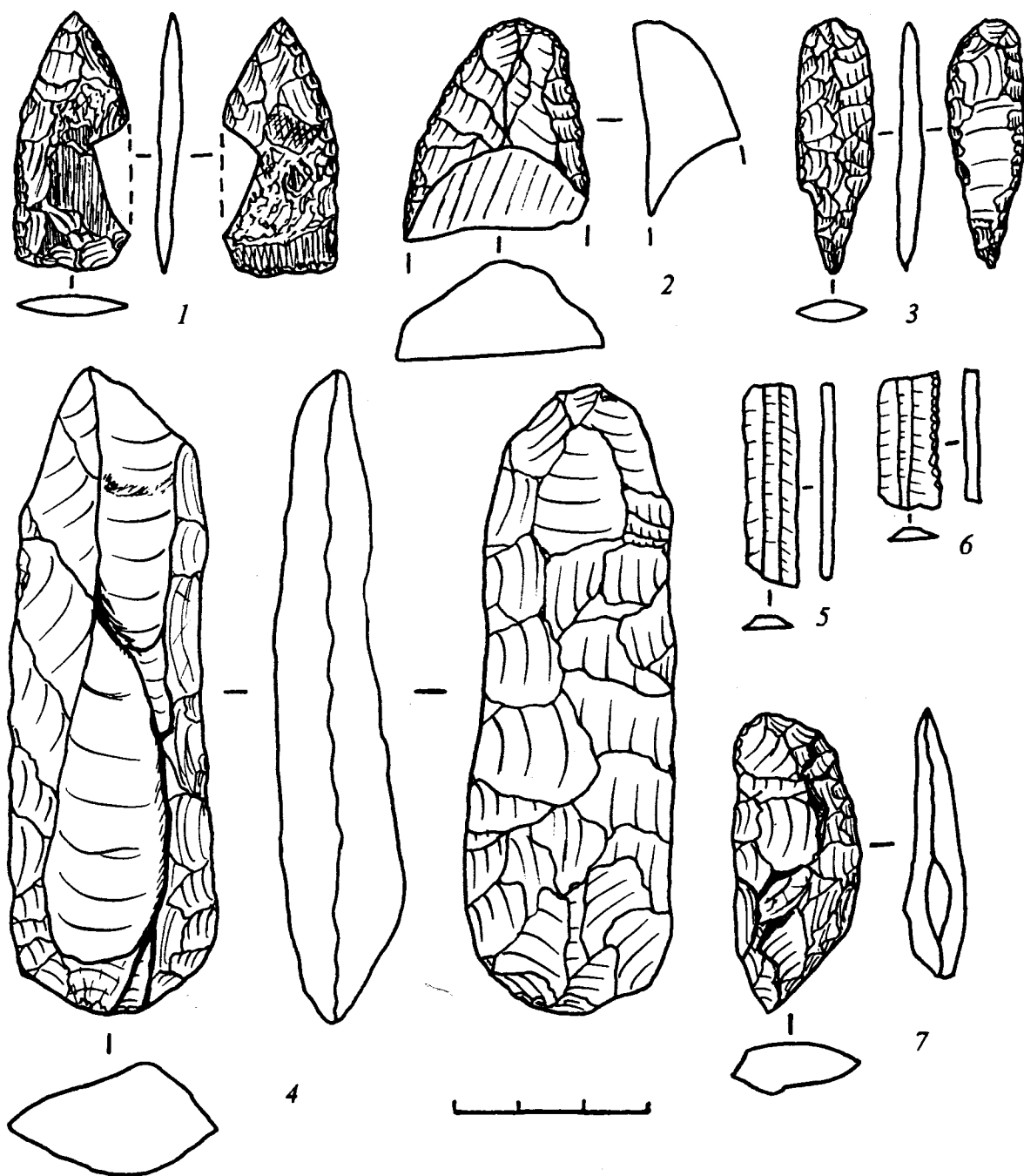

Рис. 11. Каменные орудия со стоянки Хуренджа IV

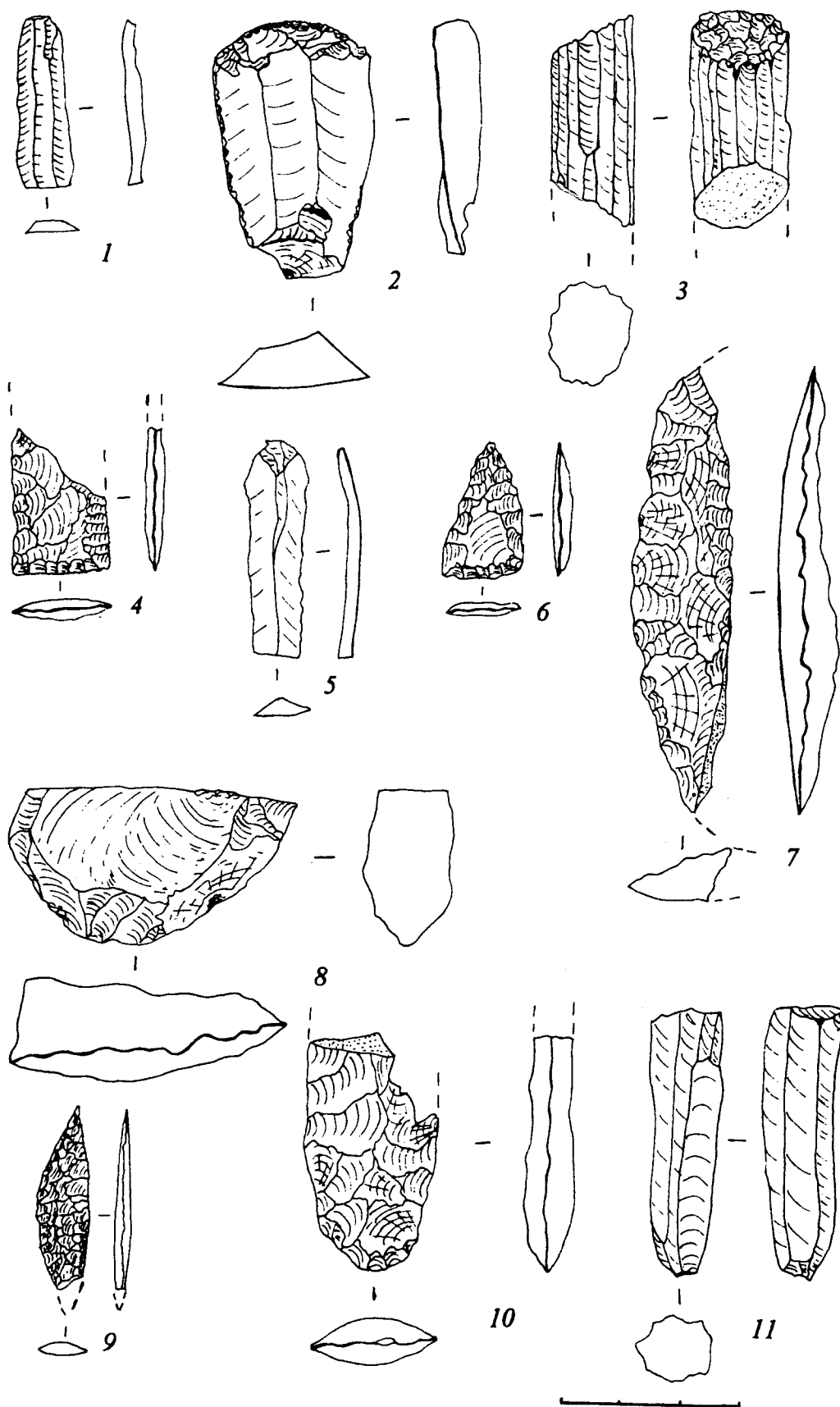

Рис. 12. Каменные орудия со стоянок Хуренджа IV (2-5), VI (1, 6), IX (7, 8), X (10), XI (9, 11)

отщепе (рис. 12, 2), 4 на плоских округлых и произвольных в плане отщепах (рис. 13, 3) и один с высокой спинкой (рис. 11, 2); два резца полиэдрического типа из халцедона с необработанной рукояткой (рис. 13, 2, 5) и один угловой на обломке орудия (рис. 13, 9); бифасиально обработанный вкладыш подтреугольной формы (рис. 13, 8); двусторонне оббитое тесло продолговатое в плане с асимметрично-линзовидным поперечным сечением (рис. 11, 4).

Кроме того, на стоянке найдены фрагмент бифасиально обработанного орудия из халцедона (вкладыш или наконечник) с прямым основанием и параллельными краями (рис. 12, 4), а также два фрагмента двусторонне обработанных остроконечников с линзовидным сечением (рис. 13, 4, 6).

Материалы стоянки датированы неолитом.

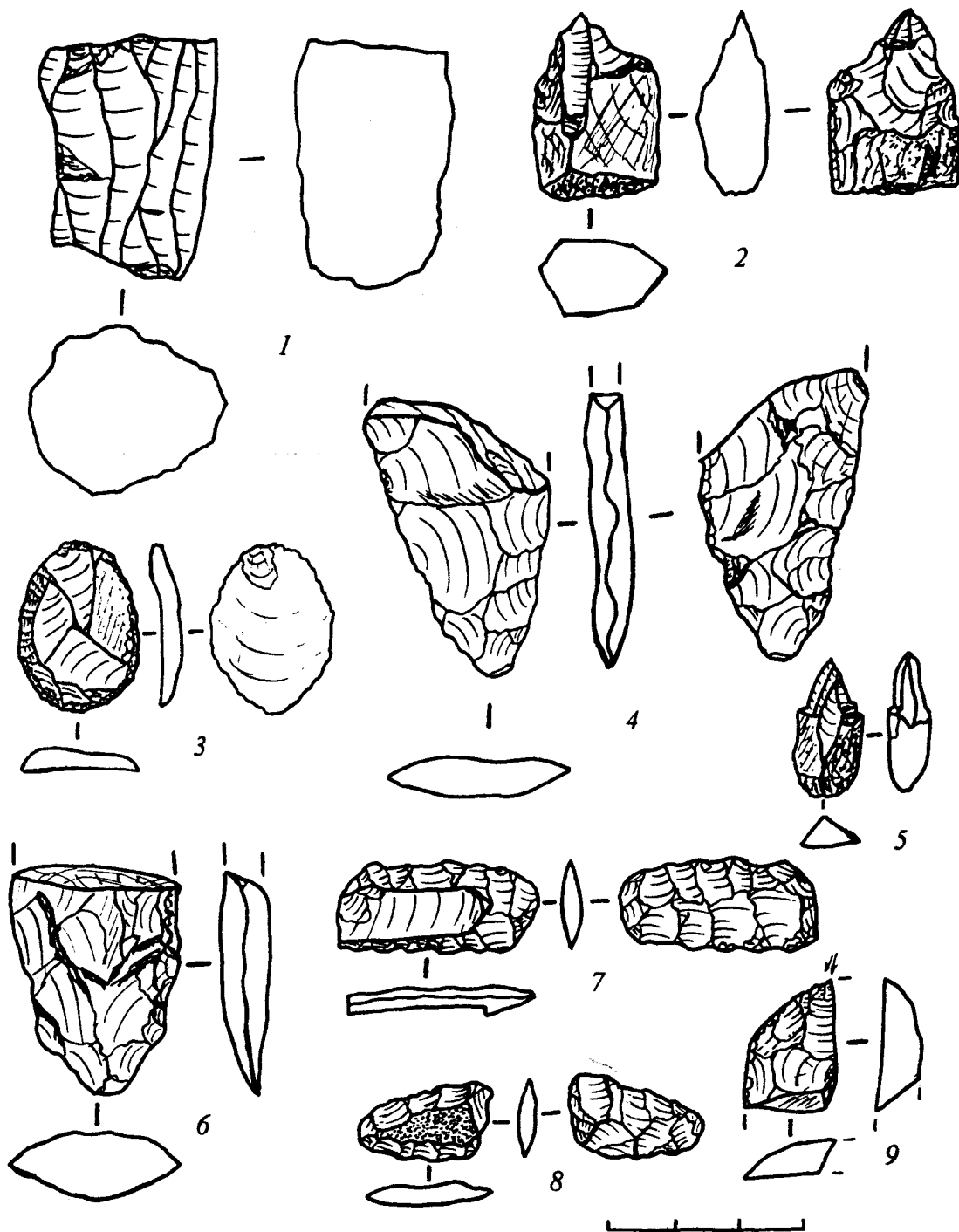

Рис. 13. Каменные орудия со стоянки Хуренджа IV

Стоянка Хуренджа V расположена на краю небольшого обрыва высотой около 10 м, у р. Хуренджа, на структурно-денудационной террасе, вклинившейся между р. Хуренджа и одноименным озером. Здесь на мелкощебенистой делювиальной поверхности террасы, на площади 24 м² собраны многочисленные кремневые и халцедоновые отщепы и орудия. Некоторые отщепы сильно обожжены в огне.

Орудия представлены двусторонне обработанным наконечником из кремня удлиненно-треугольной формы длиной 3,5 см с прямым основанием шириной 1,3 см и уплощенно-линзовидным сечением [Слободин, 1988б. Рис. 2, 15]; халцедоновым срединным резцом овальной формы шириной 1,4 см, длиной 3,4 см с односторонне выпуклым поперечным сечением и рукояткой, обработанной ретушью со стороны спинки [Там же. Рис. 2, 16]; обломком крупного бифаса из кремня, вероятнее всего, овальной формы, шириной 4,5-5 см, с линзовидным поперечным сечением [Там же. Рис. 2, 17].

Раскопки на площади 9 м², проведенные на месте сбора подъемного материала, показали, что культурный слой залегает сразу под дерном в темно-коричневой супеси, насыщенной углистостью с бурыми прослойками пепла, и определили следующую стратиграфию стоянки:

	Мощность, см
Дерн	До 3
Супесь темно-коричневая	3-17
Супесь светло-коричневая	5-10
Скальные породы	Более 50

На террасе, где расположена стоянка, происходило накопление крупно- и мелкообломочного материала, сносимого со склона сопки, к которой примыкает терраса, что привело к сильной насыщенности камнями культурного слоя стоянки. Возможно, именно это не позволило выявить очаг или какие-либо жилищные конструкции. Окатанные камни с реки не были обнаружены ни в раскопе, ни на террасе.

Всего в раскопе найдены 2015 отщепов, 118 ножевидных пластинок, 19 орудий и несколько их заготовок, нуклеус и 3 украшения.

Отщепы преимущественно мелких размеров. Из кремня сделано 75%, из халцедона 25% отщепов. Ножевидные пластинки составляют около 6% от всех находок. Они сделаны из 7 разновидностей кремня, кремне-песчаных пород и халцедона. Это позволяет предполагать, что в обработке у обитателей стоянки находилось не менее 8 нуклеусов. Большинство пластинок имеет обломанный дистальный конец. Целых пластинок немного. Их длина 3-4 см (рис. 14, 13), ширина от 0,3 до 1,5 см (рис. 15, 9-13), 56% из них имеют ширину 0,5-1 см. Преобладают пластинки с трапециевидным поперечным сечением. Лишь несколько халцедоновых пластинок шириной 0,3-0,4 см имеют правильную геометрическую форму (рис. 15, 14, 15), остальные аморфные. Единственный нуклеус конического типа уплощенный, найденный в раскопе, как и одна заготовка другого нуклеуса, сделан из халцедона (рис. 14, 3; 16, 2). С них снимались аморфные пластинчатые отщепы.

Орудийный комплекс стоянки включает вкладыши (3 экз.), наконечники (7 экз.), тонкие бифасы (4 экз.), скребки (3 экз.), нож и резец.

Вкладыши изготовлены на кремневых пластинках. У двух из них краевая ретушь нанесена на один из продольных краев со стороны брюшка (рис. 15, 4, 5), у одного - со стороны спинки.

Наконечники стрел двух типов: подтреугольные, двусторонне обработанные с прямым основанием - 4 экз. (рис. 15, 7, 8) и с черешковым насадом - 1 экз. (рис. 14, 4). Сделаны они из кремня. Оба типа имеют уплощенно-линзовидное сечение. К наконечникам стрел, вероятно, относятся бифасиально обработанные фрагменты средней части орудия из кремня и халцедонового острия с уплощенно-линзовидным поперечным сечением (рис. 14, 10; 15, 6).

Тонкие бифасы (ножи или наконечники копий) представлены двусторонне обработанным фрагментом основания бифаса усеченно-линовидной формы, изготовленного из красного кремня. Он имеет уплощенно-линзовидное поперечное сечение (рис. 14, 5). Еще один бифас представлен обломком острия из кремнистого туфа. Обе боковые поверхности орудия обработаны крупными сколами, края подправлены мелкой краевой ретушью, поперечное сечение уплощенно-линзовидное (рис. 15, 2). Двумя фрагментами (без средней части) представлен бифас с прямым основанием и уплощенно-линзовидным сечением. Он полностью обработан по всей поверхности аккуратной параллельной ретушью, лезвие подправлено мелкой краевой ретушью (рис. 14, 1, 2). Фрагменты найдены в разных квадратах и, вероятно, после поломки использовались в качестве ножей.

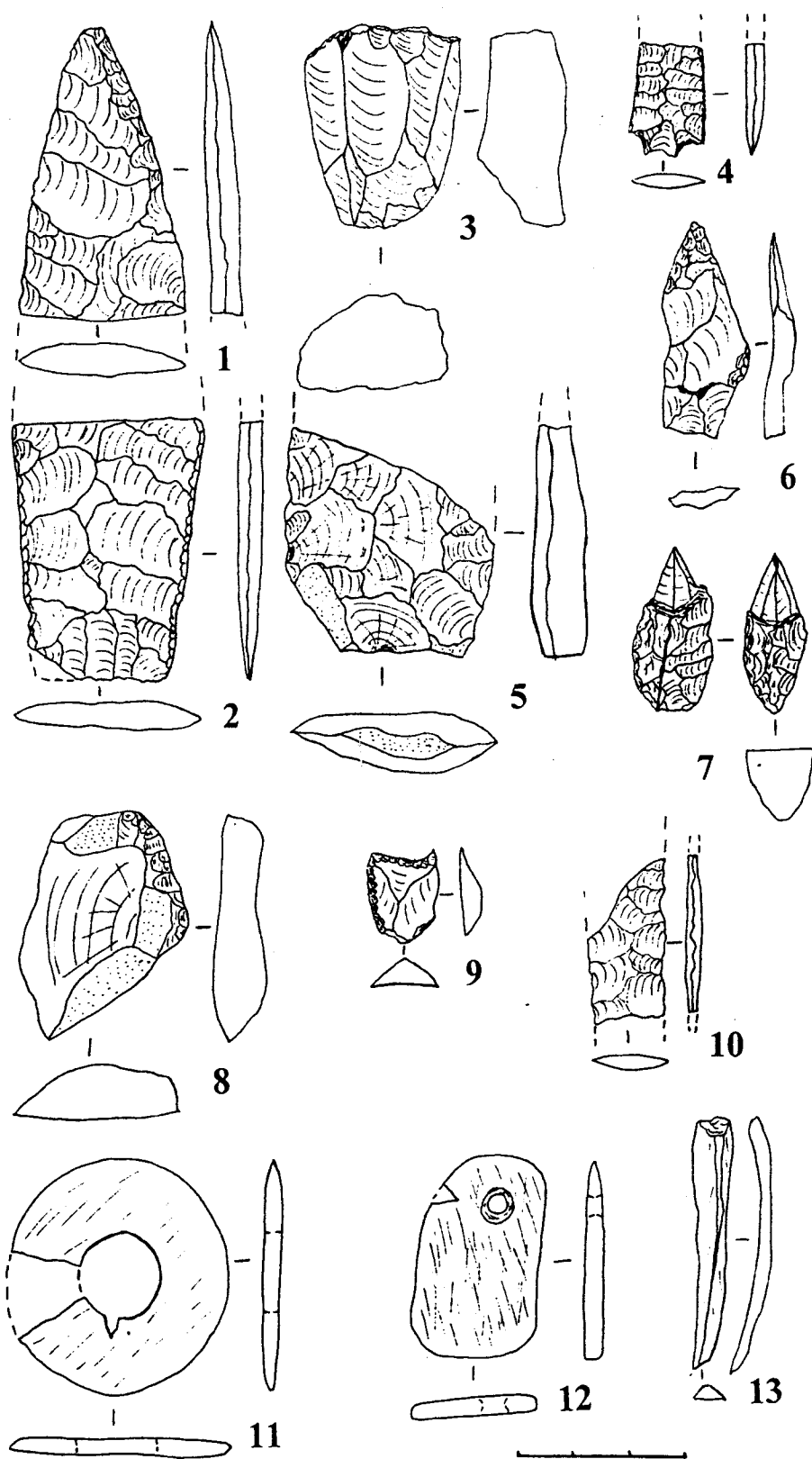

Рис. 14. Каменные орудия со стоянки Хуренджа V

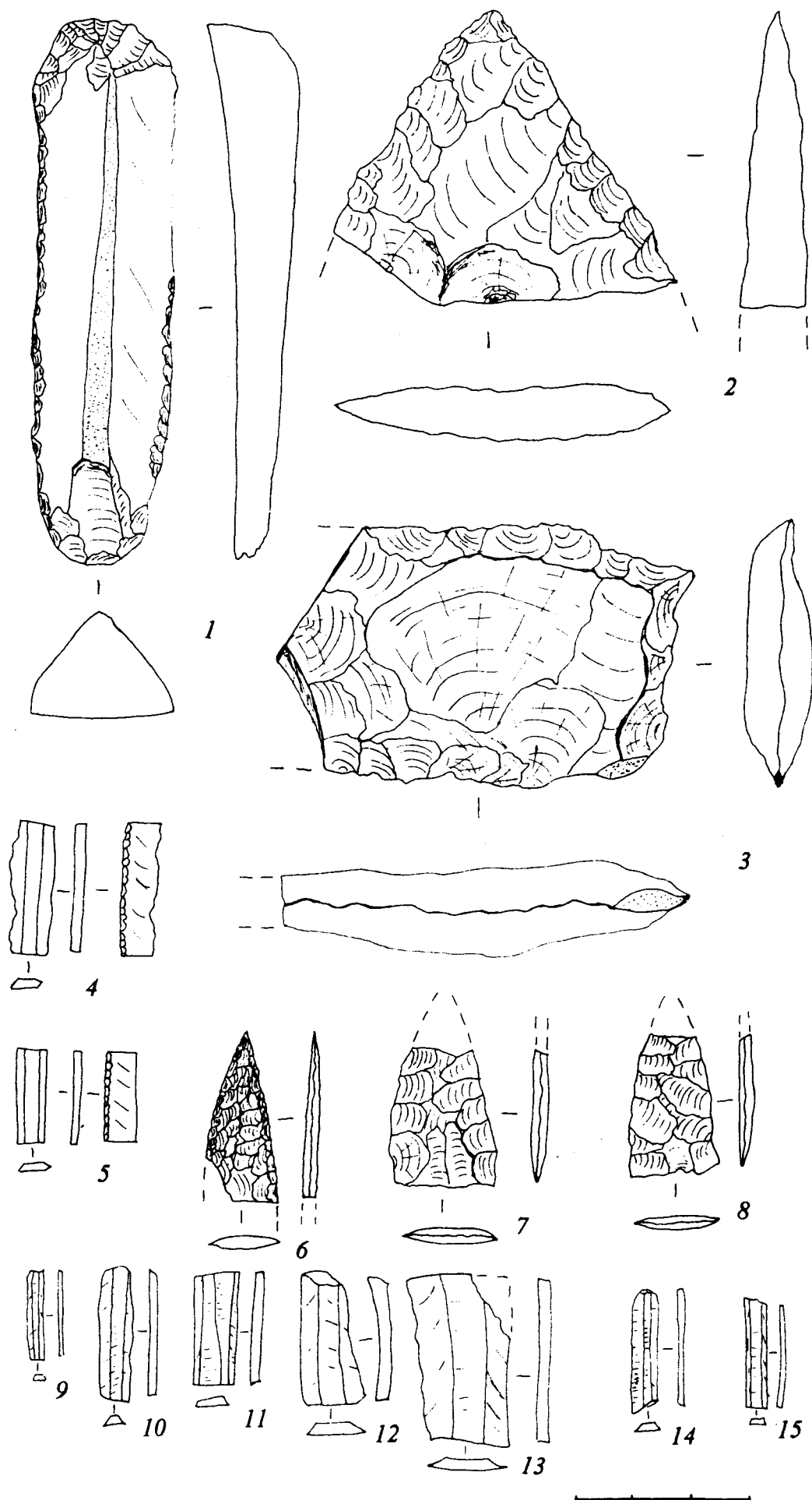

Рис. 15. Каменные орудия со стоянки Хуренджа V

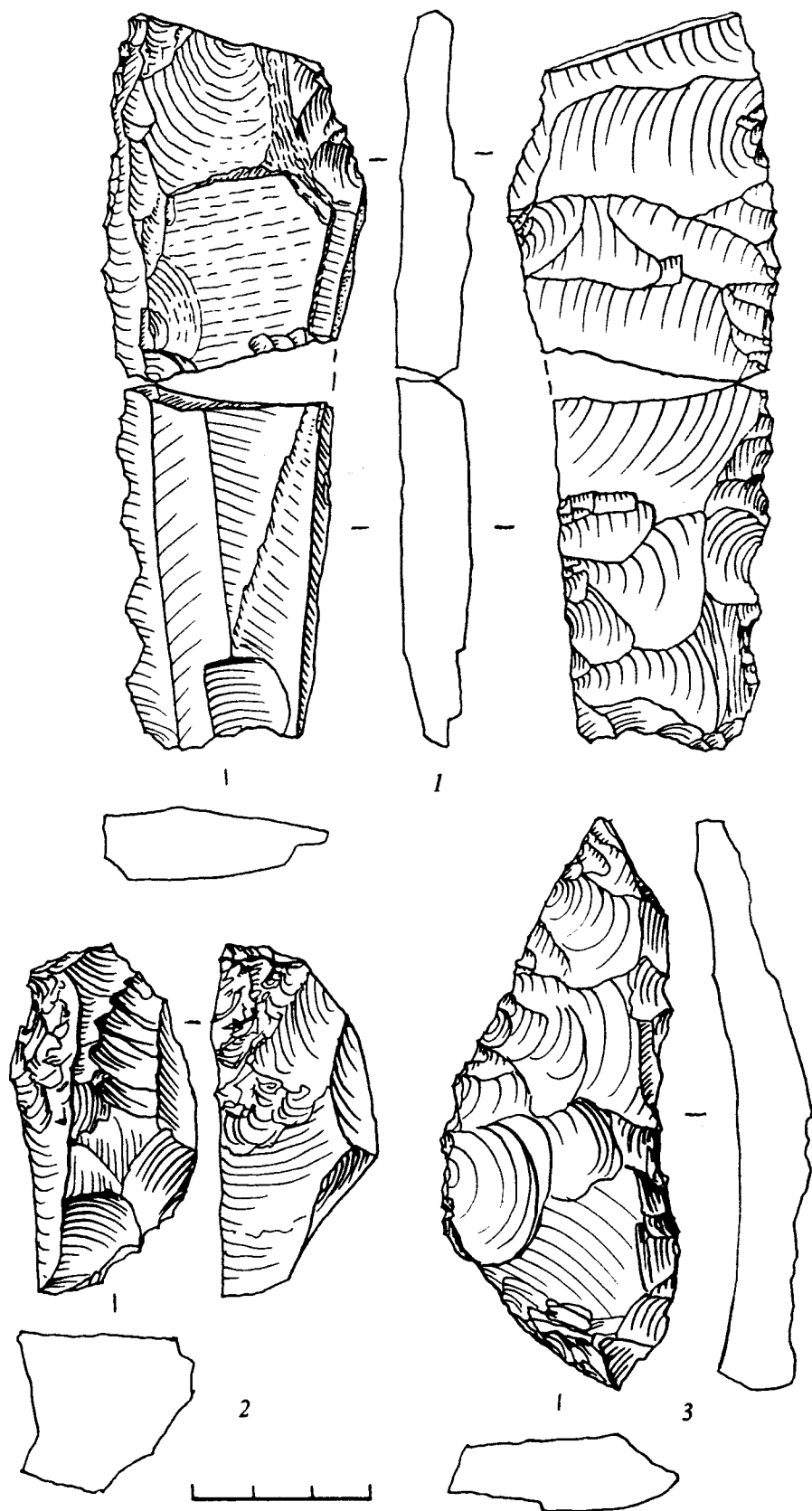

Рис. 16. Каменные орудия со стоянки Хуренджа V

Ножи представлены бифасиально обработанным изделием прямоугольной формы из кремня. Орудие грубо оббито по всему периметру. Край, противолежащий лезвию, обработан грубой крутой притупляющей ретушью (рис. 15, 3). Как заготовки таких ножей можно рассматривать крупные кремневые двусторонне оббитые изделия, одно из которых представлено массивным пластинчатым сколом (рис. 16, 1), два других - заготовки без оформленного рабочего лезвия (рис. 16, 3; 17, 3)

Скребки двух типов: концевые (1 экз.) и на отщепе (2 экз.). Концевой скребок сделан на массивном пластинчатом отщепе из окремнелой породы. Продольные края частично обработаны унифасиальной ретушью (рис. 15, 1). Найдены еще две массивные кремневые пластины, которые могли использоваться как подобные скребки или служили их заготовками (рис. 17, 1, 2). Скребки, изготовленные на кремневых и халцедоновых отщепах произвольной формы, имеют лезвия, обработанные мелкой краевой ретушью, направленной с брюшка на спинку (рис. 14, 8, 9).

Резец полиэдрического типа с трехгранной, полностью ретушированной рукояткой (корпусом) (рис. 14, 7). Резчиком, по-видимому, является орудие на плоском отщепе из зеленого кремня. Бифасиальной ретушью оформлен нижний приостренный конец отщепа (рис. 14, 6).

Из предметов неутилитарного назначения были найдены 3 украшения. Одно имеет вид плоской подпрямоугольной подвески размерами 3,5 × 2,2 см, с биконическим отверстием в верхней части и закругленными углами; два других - плоские круглые подвески диаметром 3,5-4 см с отверстием посередине (рис. 14, 11, 12; 30, 8). Все они сделаны из белого агальматолита и тщательно зашлифованы. Несколько обломков и заготовок подобных изделий со следами шлифовки свидетельствуют о местном изготовлении этих украшений.

По углю, взятому из раскопа, для стоянки получена дата 4530 ± 150 (МАГ 1261), что не противоречит отнесению материалов стоянки по технико-типологическим характеристикам к неолиту.

Стоянка Хуренджа VI расположена на восточном берегу оз. Хуренджа. На поверхности стоянки найдены 32 отщепа, 8 ножевидных пластинок (рис. 18, 1, 2; 12, 1), резцовый скол (рис. 18, 3), фрагмент кремневого наконечника с прямым основанием (рис. 18, 4), 2 целых наконечника, один из которых подтреугольной формы с прямым основанием (рис. 18, 5), а другой листовидной формы (рис. 18, 8), полиэдрический резец с подпрямоугольной ретушированной рукояткой (рис. 18, 7), нож на сланцевой плитке, обработанный бифасиальной краевой ретушью (рис. 18, 6), фрагмент двусторонне обработанного ножа с линзовидным сечением (рис. 18, 10) и оригинальное комбинированное орудие (рис. 18, 9). Оно изготовлено на халцедоновой, овальной в плане плоской гальке. Резцовые лезвия в виде «клювиков» оформлены на одном конце гальки резцовыми сколами, на другом - ретушью. Посередине ретушью выделен шип, который можно было использовать в качестве опоры, возможно, для вычерчивания окружности радиусом 1,5-1,7 см. Материалы стоянки датированы неолитом.

Стоянка Хуренджа VII расположена на правом берегу р. Хуренджа, напротив одноименного озера. На бровке 2-метровой речной террасы, в серой супеси был собран подъемный материал - большое количество отщепов, 6 ножевидных пластинок, обломок подвески с биконическим отверстием и конический нуклеус из кремня (рис. 19, 1).

Разведочный шурф площадью 2 × 1 м, заложенный в месте сбора подъемного материала, выявил следующую стратиграфию стоянки:

	Мощность, см
Дерн	3-8
Темно-коричневая супесь с угольками	2-12
Углистая земля	20-40
Камни с песком	Более 50

Культурный слой залегает во втором и третьем стратиграфических слоях, отдельные находки встречаются в дерне. В культурном слое найдены 144 артефакта. Среди них 63 отщепа и 80 ножевидных пластинок, а также обломок нуклеуса (рис. 19, 3). Пластины изготовлены из кремня разного цвета. По цвету и фактуре материала их можно разделить на 6-7 групп. Ширина пластинок 0,3-2 см (рис. 19, 2, 4-8). Стоянка датируется неолитическим временем.

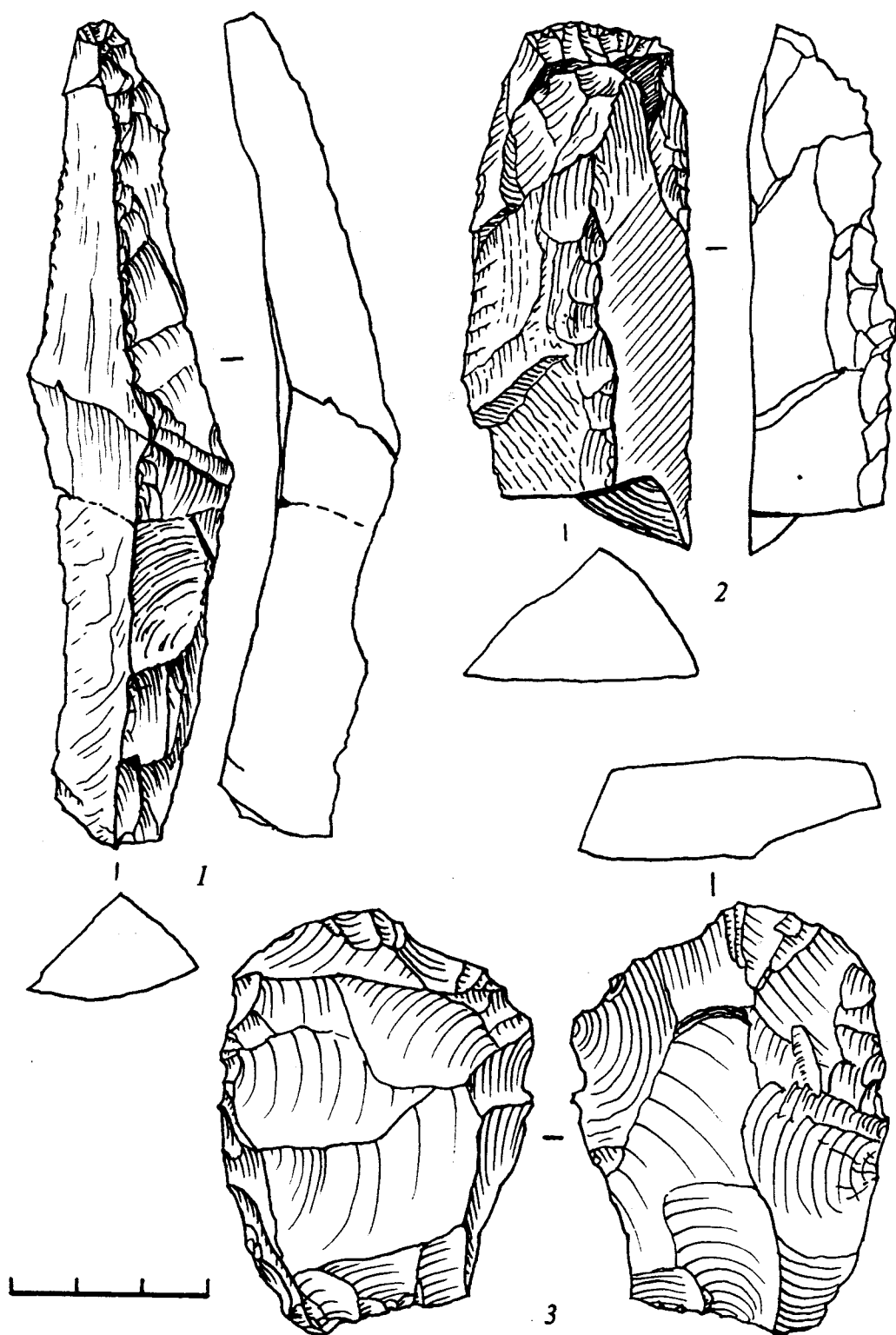

Рис. 17. Каменные орудия со стоянки Хуренджа V

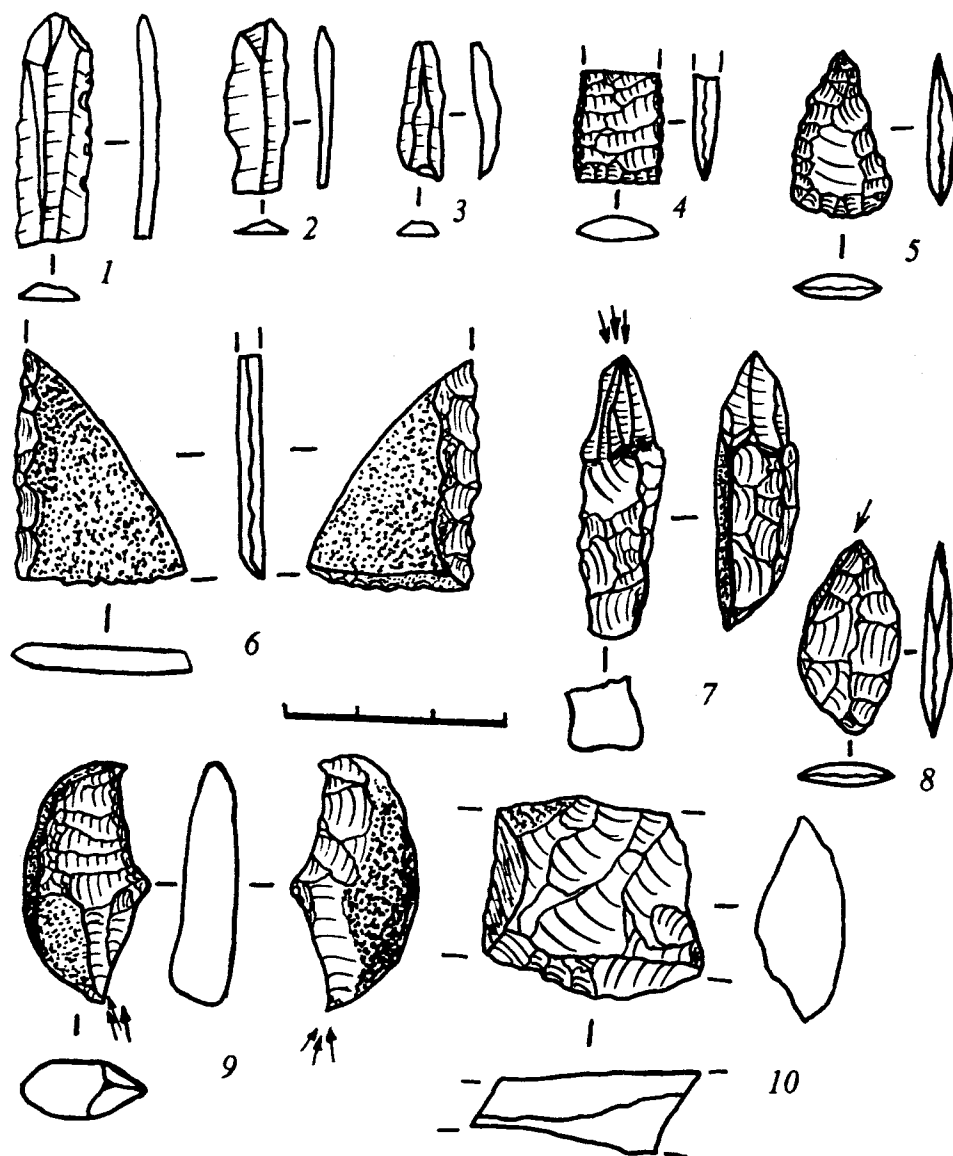

Рис. 18. Каменные орудия со стоянки Хуренджа VI

Стоянка Хуренджа VIII расположена на одном из уступов склона сопки, круто обрывающемся к р. Хуренджа в месте впадения в нее ручья, вытекающего из одноименного озера. Высота уступа над уровнем реки 15-20 м. На каменистой поверхности делювиальных наносов уступа собраны 1285 кремневых и халцедоновых отщепов; 32 ножевидных пластинки, 2 из которых обработаны краевой ретушью; призматический и конический нулеусы (рис. 19, 9; 20, 5); 2 наконечника с прямым основанием и уплощенно-линзовидным сечением (рис. 19, 12; 21, 13); фрагмент острия наконечника с овальным поперечным сечением (рис. 19, 13); концевой скребок на отщепе (рис. 19, 10); вкладышевый нож овальной формы на халцедоновом отщепе (рис. 19, 14); 2 фрагмента бифасиально обработанных орудий.

На месте сбора подъемного материала были проведены раскопки на площади 6 м². Стратиграфия стоянки:

	Мощность, см
Мох, тонкий травяной покров, камни, выступающие на поверхность	1-2
Темная супесь с углистостью	10-22
Цоколь, скальные породы	Более 50

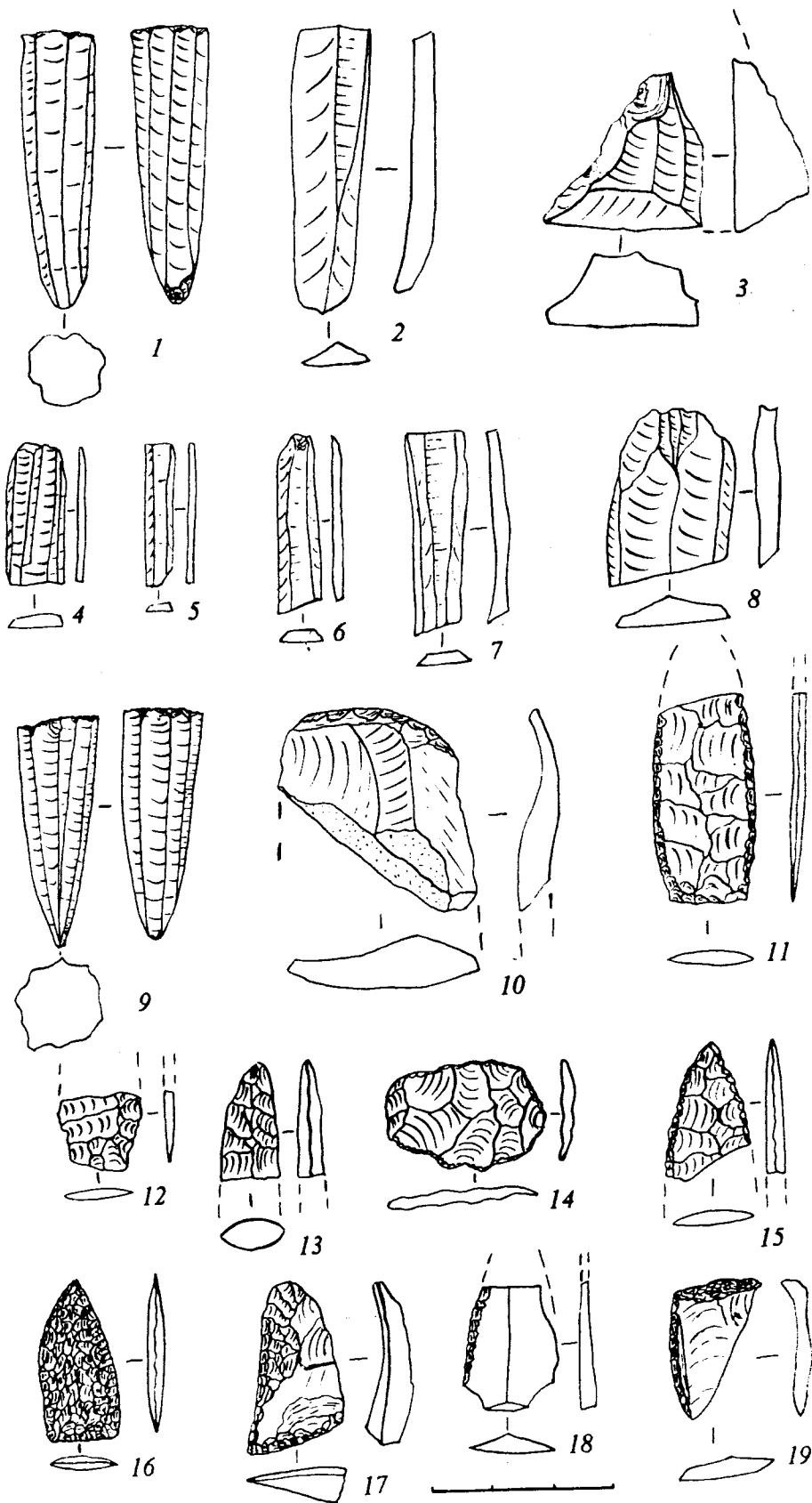

Рис. 19. Каменные орудия со стоянок Хуренджа VII (1-8), VIII (9-19)

Культурный слой прослежен от поверхности до глубины 25 см и отмечен углистостью и находками в темной супеси. В раскопе найдены 2504 отщепа, из них 77% - кремневые и 23% - халцедоновые, нуклеус, 88 ножевидных пластинок, орудия и украшения. Нуклеус конического типа из кремня (рис. 21, 4).

Ножевидные пластинки составляют 3,5% от общего количества находок. Они разнообразны по материалу и цвету: 10 экз. из халцедона, остальные из кремневых пород. Ширина пластинок колеблется от 0,3 до 1,2 см. Более половины их (74%) имеют ширину 0,5-0,9 см. Наибольшая длина целых пластинок 3-3,5 см. Выделяются две кремневые пластины длиной до 8,5 см (рис. 21, 1, 2). У одной при ее скалывании была захвачена часть опорной площадки, по-видимому, конического нуклеуса.

Среди орудий 7 наконечников стрел, вкладыш, 2 резца, проколка, 5 скребков, а также неопределенные фрагменты орудий.

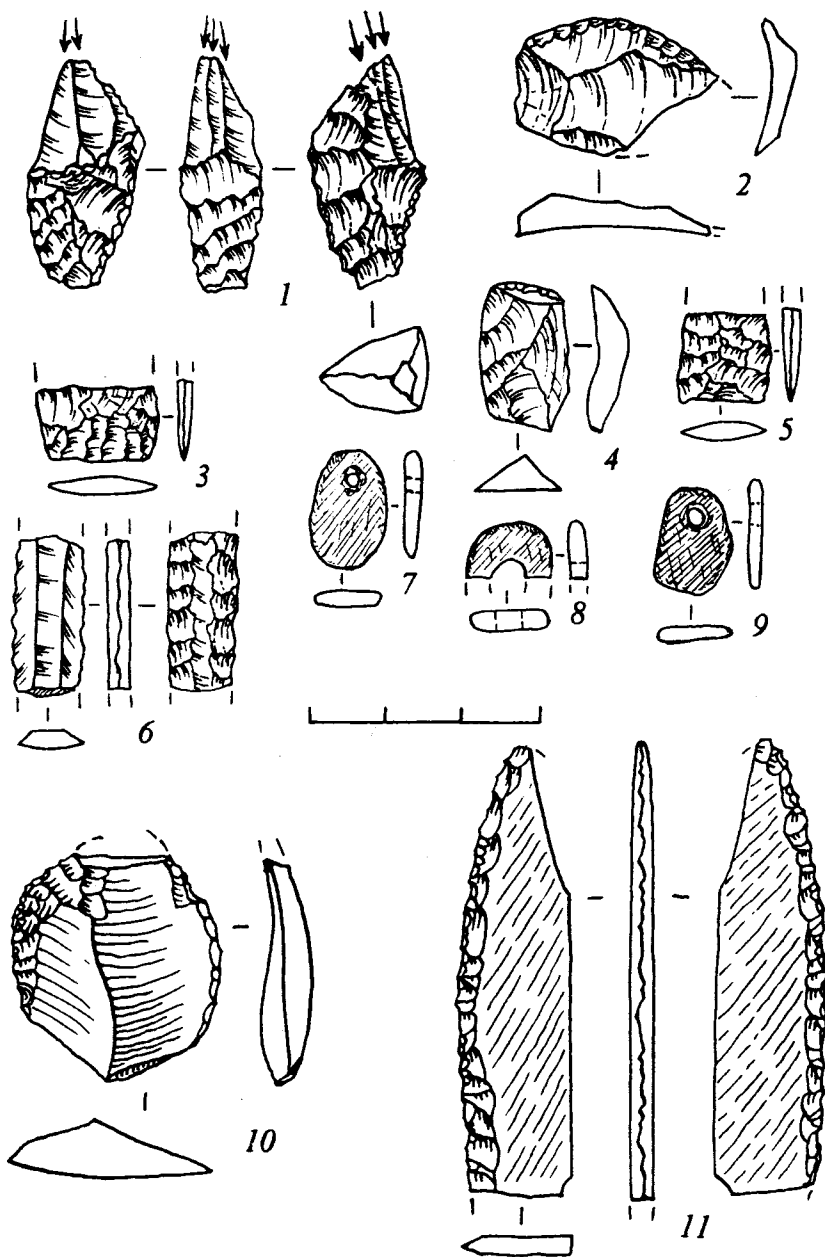

Рис. 20. Каменные орудия со стоянок Хуренджа VIII (1-9), Мигай (10), Этэргэн (11)

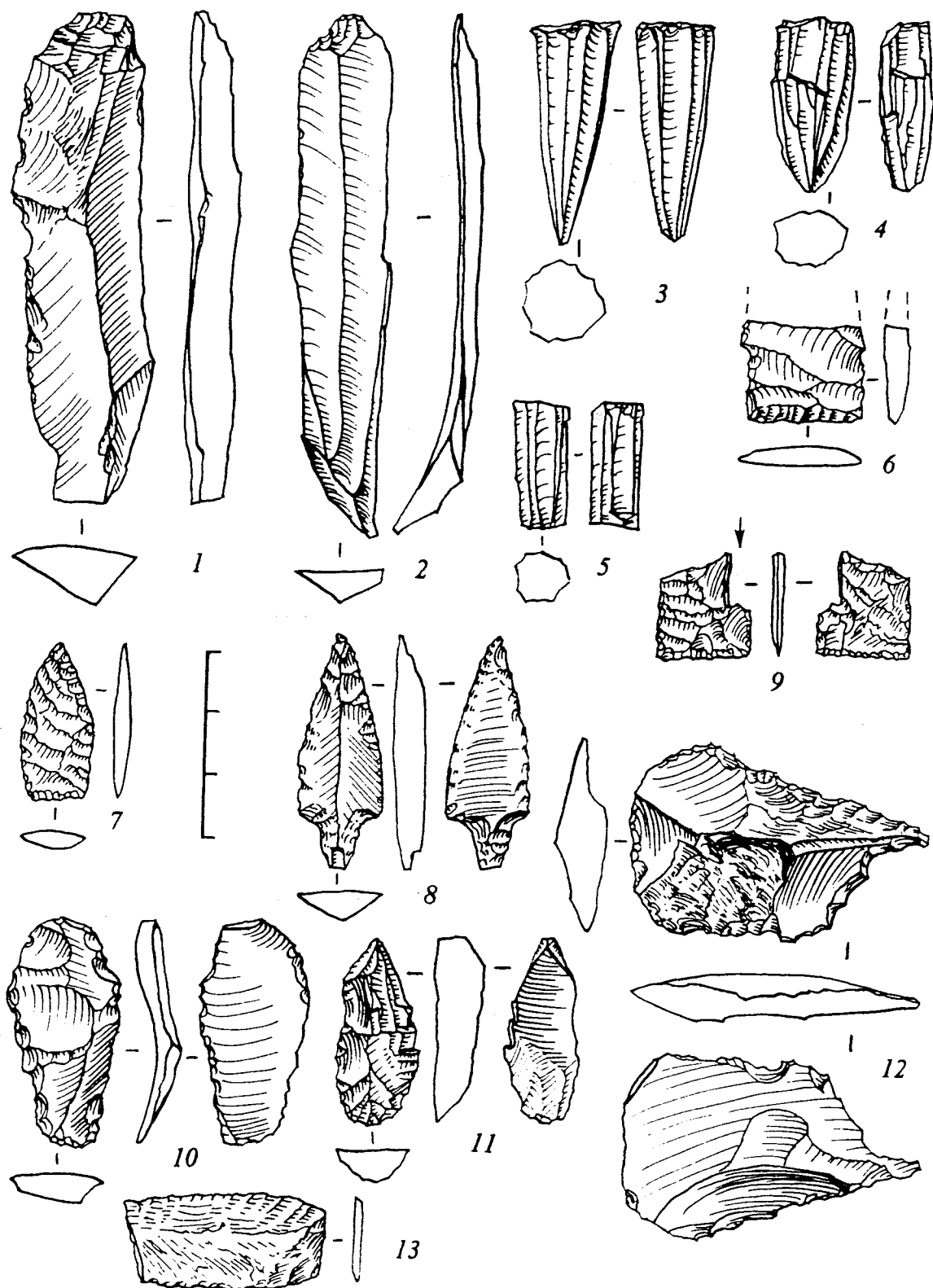

Рис. 21. Каменные орудия со стоянки Хуренджа VIII

Наконечники стрел двух типов: с прямым основанием (5 экз.) и черешковые (2 экз.). Один кремневый наконечник с прямым основанием целый (рис. 21, 7), остальные представлены фрагментами насадов шириной 1,2-2 см, с линзовидным поперечным сечением. Они изготовлены из кремня (рис. 20, 3, 5; 21, 6) и один из халцедона (рис. 21, 9). Последний, судя по резцовому сколу, после поломки был переоформлен в резец. Черешковый наконечник изготовлен на трехгранной в сечении пластине с плечиками шириной 1,5 см и более массивным, чем насад, острием. Он обработан бифасиальной краевой ретушью по черешку и острию. Края подправлены краевой унифасиальной ретушью (рис. 21, 8). Еще один наконечник этого типа был, по-видимому, сломан во время обработки (рис. 19, 18).

Большую группу орудий составляют скребки. Два из них изготовлены на отщепе подтреугольной (рис. 19, 17, 19), два овальной (рис. 20, 2; 21, 10) и один подпрямоугольной (рис. 20, 4) формы.

Вкладыш изготовлен на трапецевидной в сечении ножевидной пластинке. Унифасиальной ретушью обработаны края вкладыша со стороны брюшка (рис. 20, 6).

Проколка изготовлена на отщепе. Мелкой унифасиальной ретушью оформлено острие орудия (рис. 21, 12).

Оба резца полиэдрического типа. Один имеет полностью обработанную параллельной ретушью, подтреугольную в поперечном сечении рукоятку (корпус) (рис. 20, 1). У другого рукоятка (корпус) подтреугольного сечения, обработана, как и его лезвие, лишь со стороны спинки пластинчатого отщепа, послужившего заготовкой орудия. Плоскость со стороны брюшка отщепа почти не обрабатывалась (рис. 21, 11).

Украшения представлены тремя плоскими овальными в плане подвесками из агальматолита с небольшими биконическими отверстиями посередине или в верхней части. Поверхность подвесок тщательно отшлифована (рис. 20, 7-9).

Основываясь на типологии материала, стоянку можно датировать в пределах раннего или среднего неолита. По углю, взятому из раскопа, получены радиоуглеродные даты 5210 ± 170 (ЛЕ-3901) и 6990 ± 450 (ЛЕ-4655).

На стоянке Хуренджа IX на развееваемой поверхности холма найдены 239 халцедоновых и 71 кремневый отщеп, 4 кремневые и 2 халцедоновые ножевидные пластинки, обломок унифасиально обработанного орудия (рис. 12, 7), заготовка нуклеуса (рис. 12, 8). Стоянка датируется неолитическим временем.

На стоянке Хуренджа X с поверхности собраны 33 халцедоновых и 11 кремневых отщепов и обломок бифасиального орудия из серого кремня с округлым основанием. Поперечное сечение линзовидное (рис. 12, 10). Стоянка датируется каменным веком.

На стоянке Хуренджа XI на поверхности раздернованной террасы найдены 111 халцедоновых и 15 кремневых отщепов, конический нуклеус из белого кремня (рис. 12, 11) и бифасиально обработанный вкладыш ланцетовидной формы из халцедона (рис. 12, 9). Стоянка датируется неолитическим временем.

Стоянки Нил-Устье, Нил II, IV

Стоянка Нил-Устье обнаружена в верховьях р. Нил на Ольском плато, на правом приустьевом мысу ее левого притока. На оконечности мыса поднимается небольшой холм, на котором расположена стоянка. Его пологие склоны под воздействием солифлюкционных процессов раздернованы. На их поверхности на площади 60 м² найдены более 150 отщепов из халцедона и кремня, 30 ножевидных пластинок со следами утилизации (рис. 22, 1-4, 6; 23, 1-3, 9, 10, 12), 2 нуклеуса (рис. 23, 4), один из которых конический уплощенный (рис. 23, 6), фрагмент керамики с вафельным отпечатком (рис. 22, 13), скол со шлифованного орудия (рис. 22, 7), фрагмент округлой в плане подвески с отверстием (рис. 23, 5), скребок подтреугольной формы (рис. 23, 13), многофасеточный резец с ретушированным односторонне-выпуклым корпусом (рис. 23, 7), 2 ножа: один на отщепе (рис. 23, 8), другой на плитке кремня (рис. 22, 8), наконечник подтреугольной формы с выемчатым основанием на кремневом отщепе

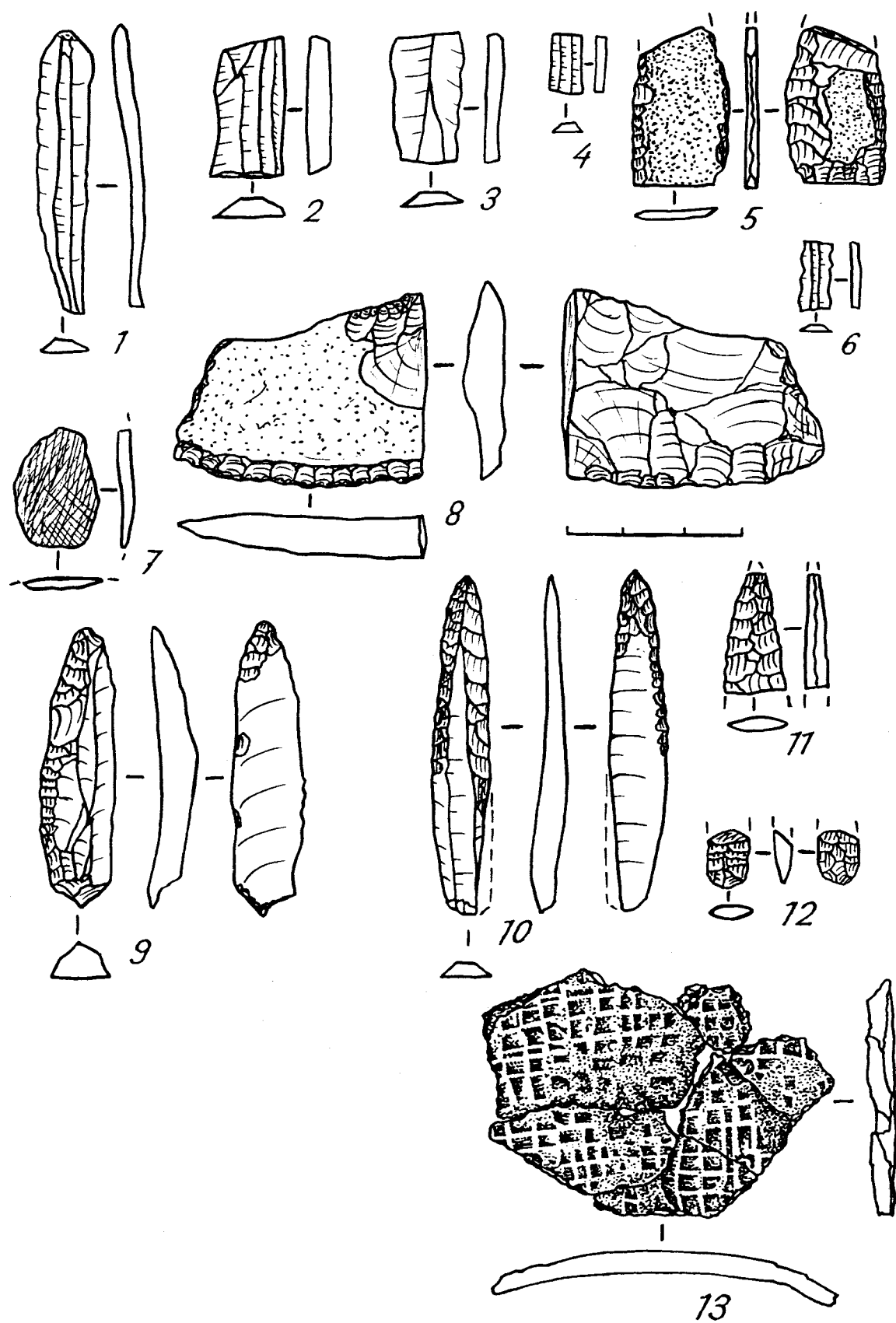

Рис. 22. Каменные орудия (1-12) и керамика (13) со стоянки Нил-Устье

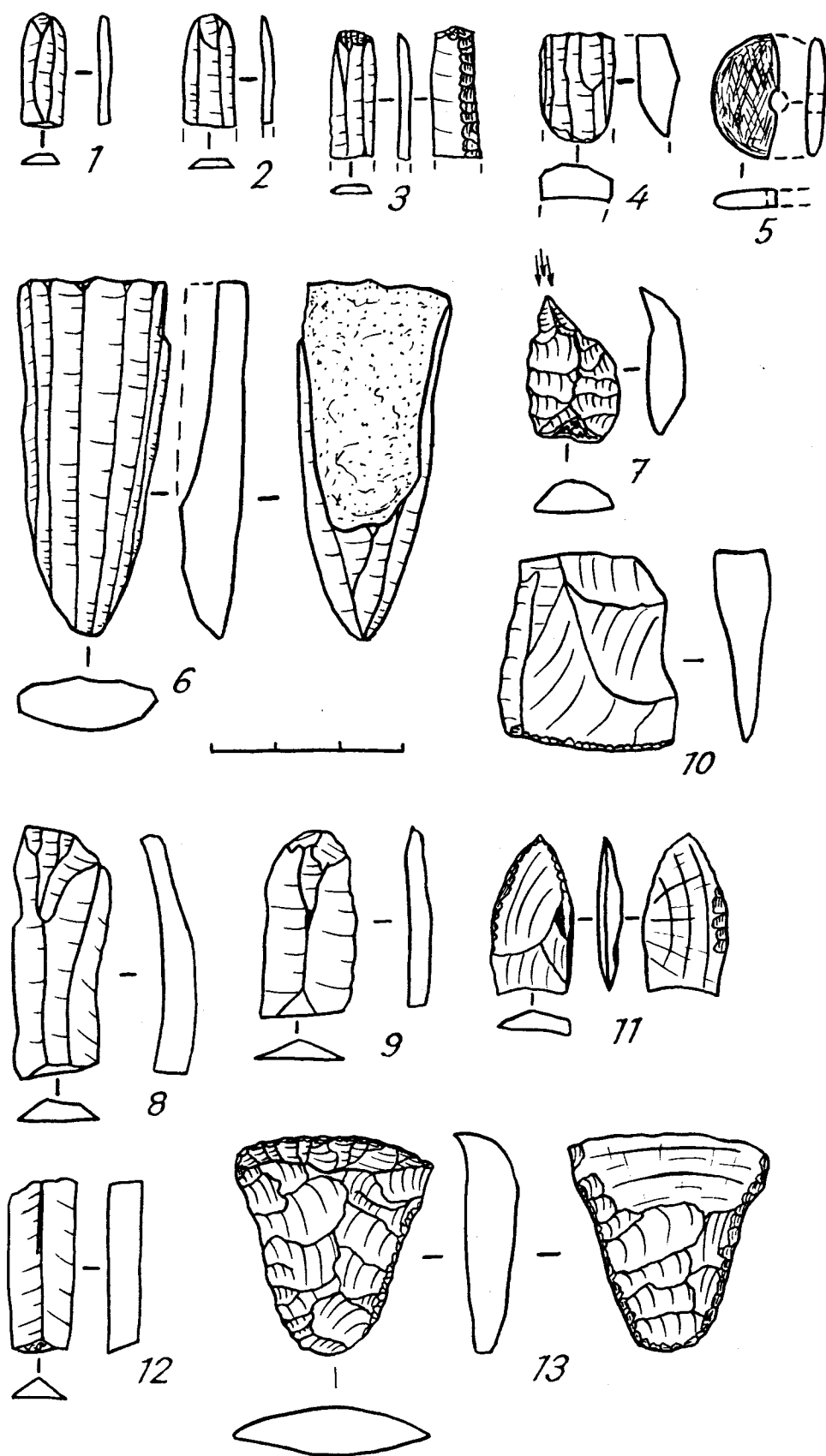

Рис. 23. Каменные орудия со стоянки Нил-Устье

(рис. 23, 11), фрагмент наконечника с линзовидным сечением (рис. 22, 11), заготовка бифасиального орудия (рис. 22, 5), 2 изделия на пластинах (рис. 22, 9, 10) и бифасиально обработанный фрагмент (черешок?) орудия (рис. 22, 12).

На стоянке были проведены исследования на площади 36 м². Стратиграфия стоянки дана по раскопкам на вершине холма:

Дерн	Мощность, см
Супесь рыжая с углистыми прослойками и линзами белого и оранжевого пепла	1-20
Мелкообломочный материал с супесью	1-20
	Более 50

Весь холм сильно изрыт евражками, что привело к многочисленным нарушениям стратиграфии стоянки и перемещению каменного инвентаря по площади стоянки и вертикали. Через весь раскоп по

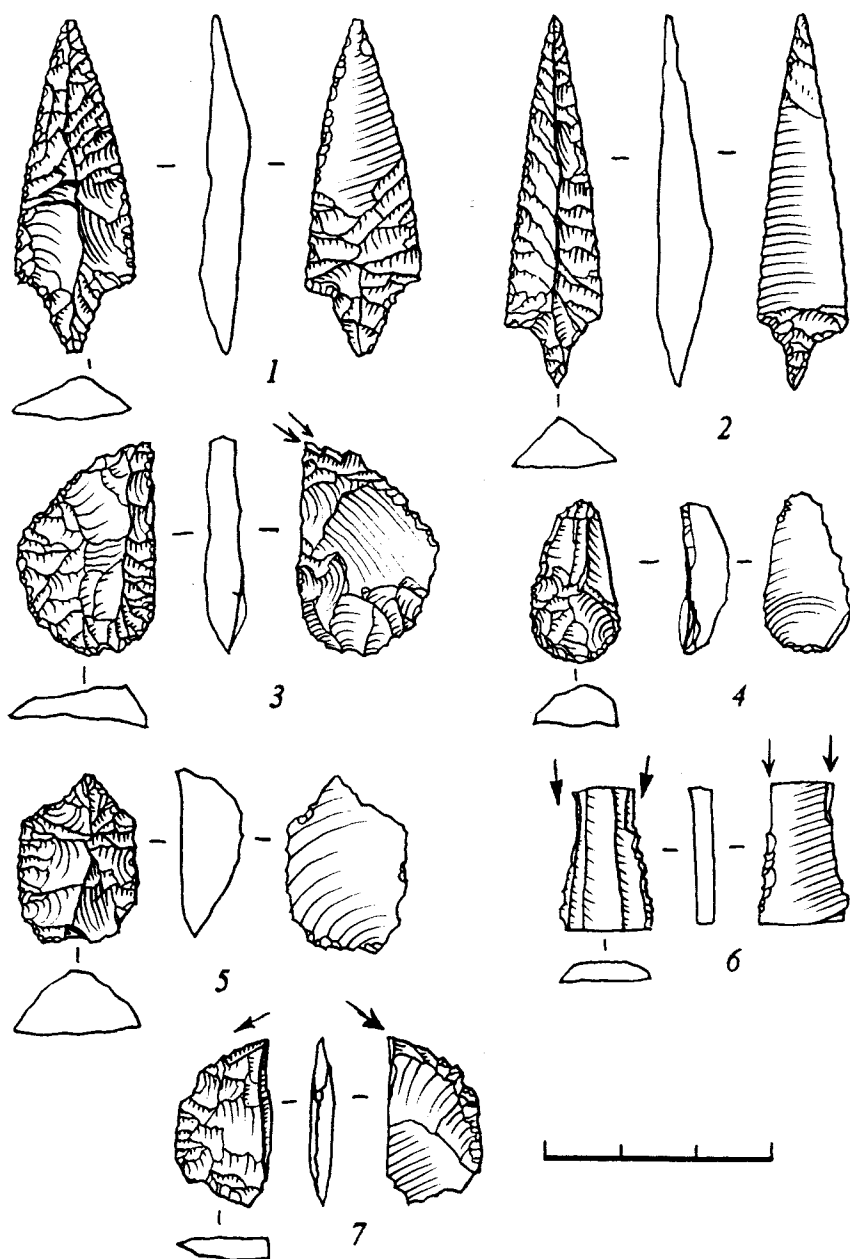

Рис. 24. Каменные орудия со стоянки Нил-Устье

диагонали с северо-западного угла в юго-восточный залегает криогенная трещина глубиной до 30 см. В культурном слое, находящемся сразу под дерном, найдены большое количество кремневых и халцедоновых отщепов, около 10 нуклеусов и их заготовок, большое количество ножевидных пластинок, фрагменты керамики, 4 подвески и более 60 орудий. Большинство из них изготовлено из кремня разнообразных оттенков, изделия из халцедона редки, видимо, из-за его низкого качества.

Среди орудий - наконечники, скребки, резцы, резчики, вкладыши на пластинках, ретушированное тесло и шлифованное тесло-вкладыш.

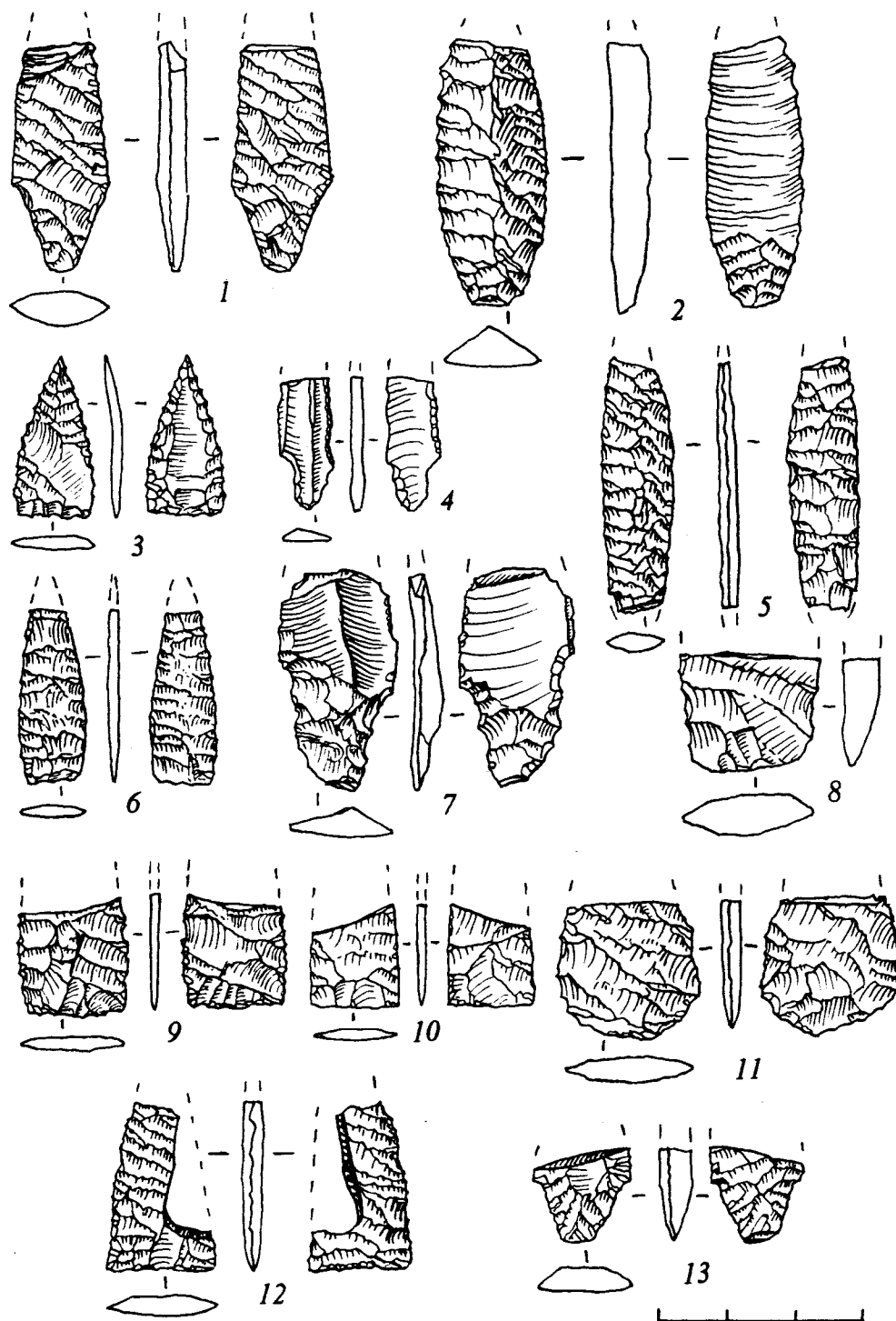

Рис. 25. Каменные орудия со стоянки Нил-Устье

Наконечники преимущественно мелких размеров. Выделяются среди них своей тонкой отделкой 2 целых черешковых наконечника из светло-коричневого кремня. Они имеют подтреугольное поперечное сечение и приостренный небольшой черешок с четко выделенными плечиками (рис. 24, 1, 2). Они изготовлены на крупных трехгранных пластинах или пластинчатых сколах, со спинки обработаны полностью, а со стороны брюшка частично - у острия и черешка. Еще один черешковый наконечник обработан с обеих сторон, имеет линзовидное поперечное сечение и плавный переход от лезвия к черешку (рис. 25, 1). Подобный наконечник представлен фрагментом основания (рис. 25, 13). Предварительно к черешковым наконечникам отнесены два фрагмента изделий на пластинках с выделенными черешками и ретушированными краями (рис. 25, 4, 7).

Наконечники подтреугольной формы с прямым основанием представлены преимущественно фрагментами оснований (рис. 25, 9, 10, 12). Целые экземпляры показывают, что наконечники могут быть короткими (рис. 25, 3) или вытянутыми (рис. 25, 6). Один фрагмент основания орудия, судя по его размеру, относится к наконечнику дротика (рис. 23, 8). Одним экземпляром представлен наконечник листовидной формы с треугольным поперечным сечением (рис. 25, 2). Спинка у него обработана полностью, брюшко без обработки, за исключением небольшого участка, примыкающего к основанию. Один фрагмент основания орудия имеет округлую форму (рис. 25, 11). Одним экземпляром представлено бифасиально обработанное изделие (наконечник или вкладыш) листовидной формы (рис. 25, 5).

Скребки нескольких типов. Один из полосчатого разноцветного кремня, концевой, с выпуклым лезвием, обработанным со стороны спинки и брюшка, - топоровидного типа (рис. 26, 1). Три других - тоже концевой типа, обработаны только со спинки (рис. 26, 4, 6). Один из халцедона, имеет прямое лезвие (рис. 25, 2). Несколько скребков бокового типа на отщепах (рис. 26, 3, 5, 8). Одно орудие, условно отнесенное к скребкам, сделано на тонком треугольном отщепе и обработано ретушью по краям (рис. 26, 7).

Резцы можно разделить на три типа - полиэдрические, угловые на отщепах (рис. 24, 3, 7) и угловые на ножевидных пластинках (рис. 24, 6). Самая многочисленная группа (около 10 экз.) полиэдрические, с полностью или частично обработанными рукоятками (корпусом) подпрямоугольной (рис. 27, 1), подтреугольной (рис. 27, 2, 6), нуклевидной (рис. 27, 4, 8), линзовидной (рис. 27, 3, 5, 7) формы в сечении. Лишь несколько резцов сделано из халцедона, остальные из кремня.

Резчик клювовидного типа сделан из черного кремня с резцовым лезвием, обработанным ретушью. Его корпус подтреугольной формы в сечении, полностью обработан со спинки (рис. 24, 5). Предварительно как резчик определено орудие на пластине из халцедона с узким обработанным мелкой краевой ретушью лезвием (рис. 24, 4). Спинка орудия обработана полностью, брюшко не обработано.

Многообразие ножевидных пластинок, различающихся по цвету сырья и размерам, свидетельствует о широком применении нуклеусов для получения заготовок при изготовлении разнообразных орудий. Среди них преобладают нуклеусы конического типа (рис. 28, 2, 3), хотя на ранних стадиях обработки, видимо, они имели призматическую форму (рис. 28, 1). Выделяется один нуклеус клиновидного типа, но со следами снятия пластинок не только по фронту, но и по боковым поверхностям (рис. 28, 4). Ножевидные пластинки обработаны преимущественно краевой ретушью по одному (рис. 29, 3, 8, 10) или двум (рис. 29, 5, 6) краям. Одна ножевидная пластинка обработана полностью со стороны брюшка (рис. 29, 4), другая имеет кроме краевой торцевую обработку (рис. 29, 2). Возможно, как проколка использовалась ножевидная пластинка с приостренным краем (рис. 29, 11). Выделяется своими размерами сильно патинизированная пластина правильной огранки с краевой обработкой по одному краю и дистальному концу со стороны спинки (рис. 28, 5); она, возможно, использовалась как концевой сребок.

Шлифованное теслецо (вкладыш) имеет подпрямоугольную в плане и уплощенно-линзовидную в сечении форму с округлым, тщательно отретушированным обушком (рис. 28, 6). Одна его сторона полностью отретуширована, кроме узкого отшлифованного участка, прилегающего к лезвию, вторая почти полностью отшлифована, кроме ретушированного обушка. Качество шлифовки высокое. Лезвие орудия сильно затуплено, на нем видны дефекты - выщерблины от использования. Ретушированное тесло овальной формы с линзовидным поперечным сечением. На лезвии следы сработанности. Возможно, предполагалась его доработка шлифовкой.

Керамика на стоянке двух типов: вафельная и гладкостенная. Она представлена небольшими фрагментами, не позволяющими представить форму сосудов. Гладкостенная керамика по поверхности красная с черной прослойкой в изломе.

Подвески на стоянке одного типа - плоские отшлифованные диски из белого агальматолита диаметром 1,3-2,7 см с отверстием посередине (рис. 30, 1-7).

Напротив стоянки Нил-Устье через р. Нил, на кромке высокой (около 6 м) террасы (Нил III) найдено крупное галечное орудие типа ручного рубила - чоппера (рис. 31). Лезвие его обработано крупными

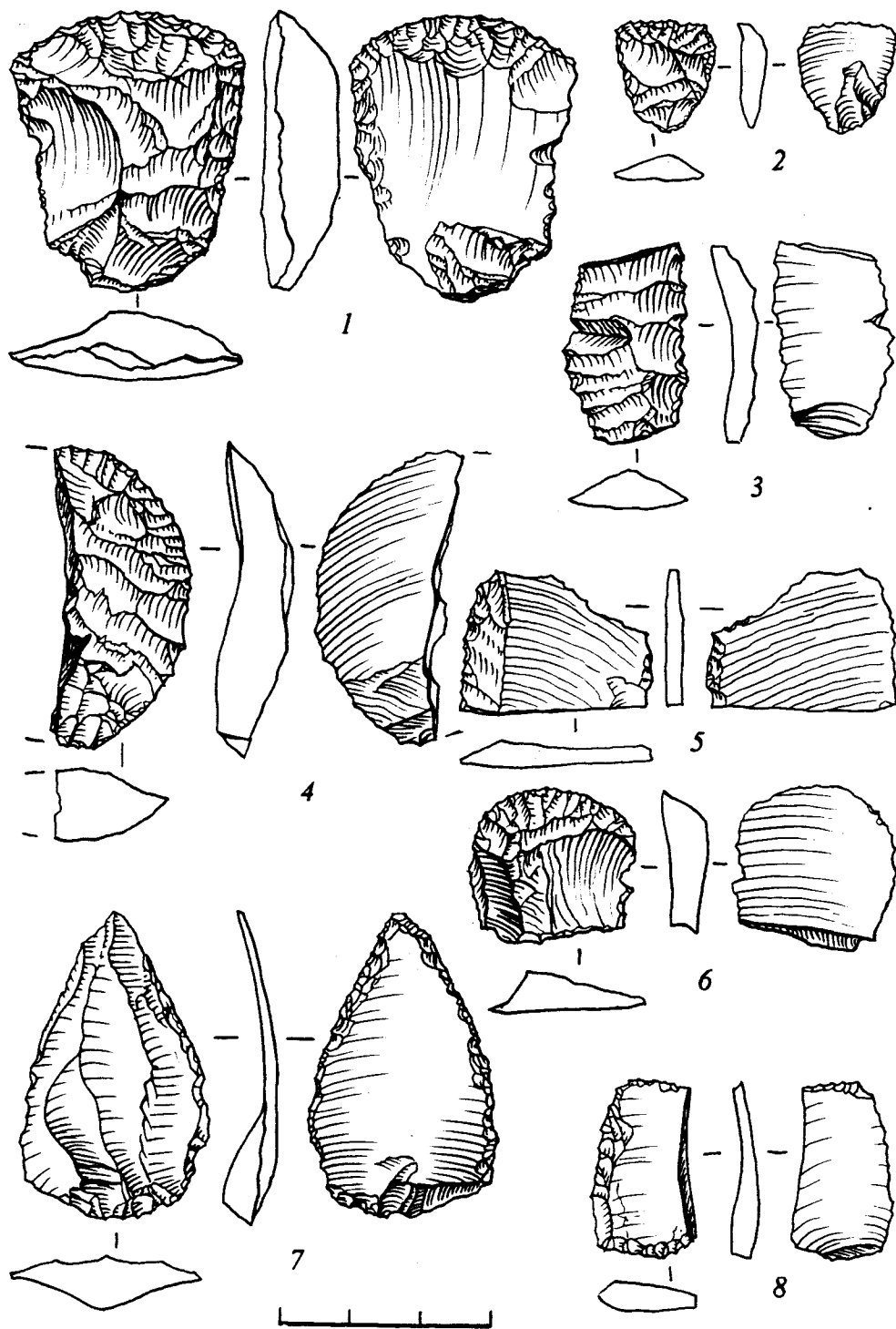

Рис. 26. Каменные орудия со стоянки Нил-Устье

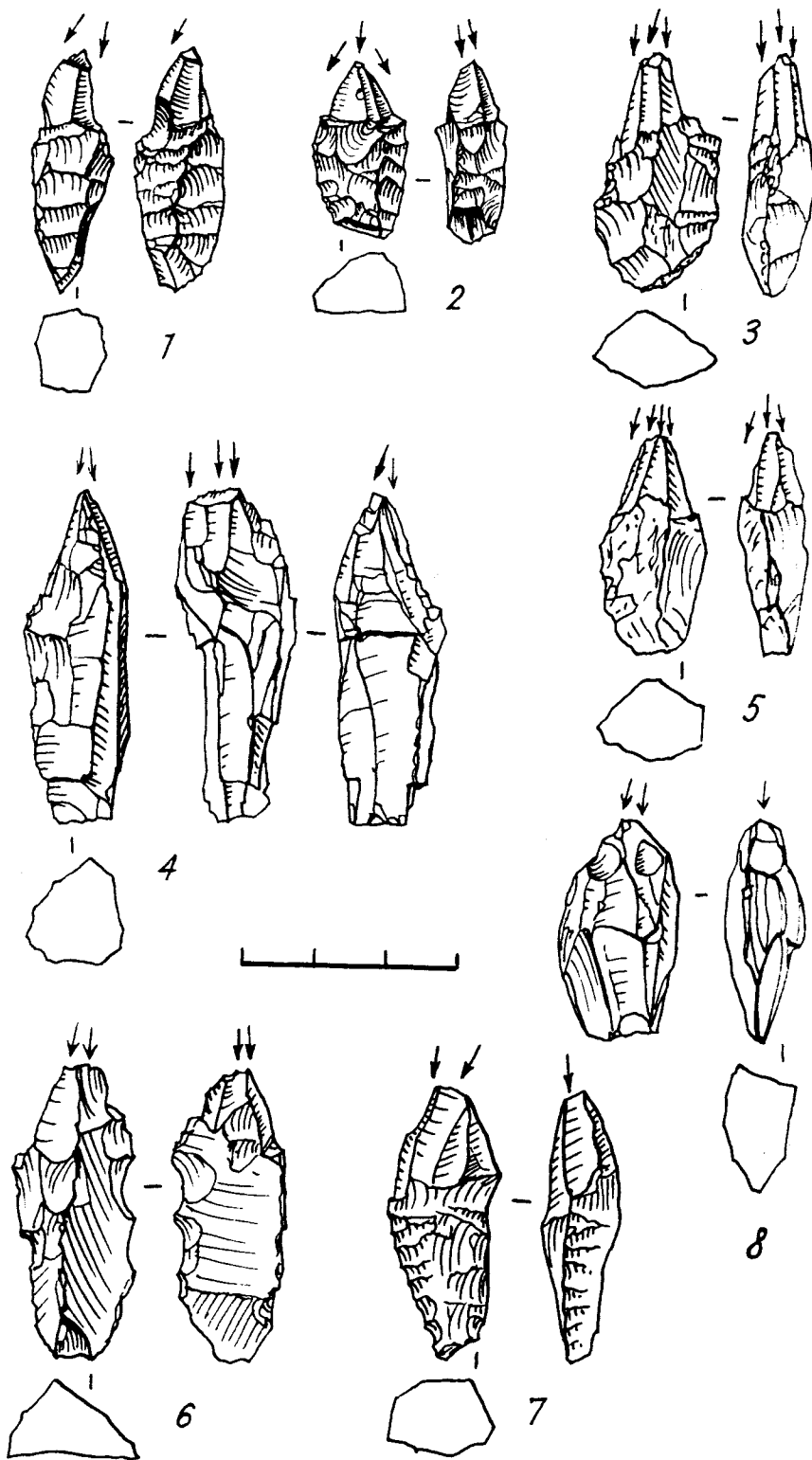

Рис. 27. Каменные орудия со стоянки Нил-Устье

сколами круто по краю уплощенной, овальной в плане гальки, преимущественно с одной стороны. С другой стороны нанесено лишь два скола для более качественного оформления лезвия орудия. Обуховая часть орудия имеет удобную для захвата рукой плоскость. Масса рубила 1 кг. Рядом, на кромке террасы, найден небольшой обломок тонкой кремневой плитки с ретушью по одному краю.

Принадлежность рубила к материалам стоянки Нил-Устье труднодоказуема, но других материалов, предполагающих существование в районе его нахождения более древних галечных комплексов, нет.

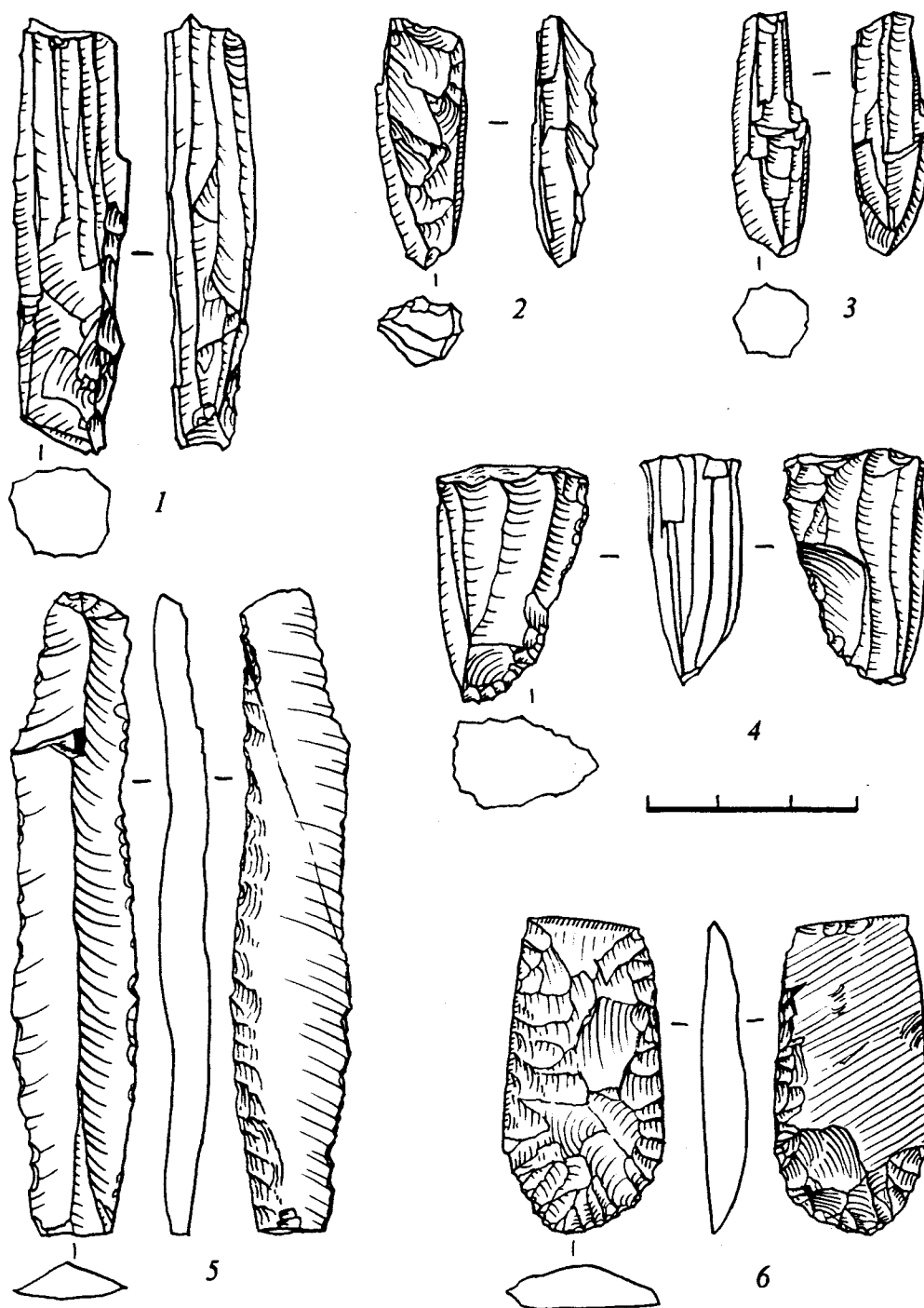

Рис. 28. Каменные орудия со стоянки Нил-Устье

Часть материала стоянки, вероятнее всего, датируется неолитическим временем, как стоянка Хуренджа V. Поздний неолит отмечен находками вафельной керамики. Каменные орудия среднего и позднего неолита имеют много общего в обработке, и их сложно идентифицировать, поскольку некоторые из них могут отражать переходный характер комплекса. Гладкостенная керамика свидетельствует о смешанном характере материалов и о присутствии там более позднего компонента, относящегося, предположительно, к концу I тыс. до н.э. По углю из культурного слоя стоянки, с глубины 10-25 см получены радиоуглеродные датировки: 4150 ± 120 лет (Ле-3988), 4220 ± 100 (Ле-4653), 4880 ± 170 (Ле-4654), 4970 ± 70 лет (Beta-140692).

Стоянка Нил II найдена на правом берегу притока р. Нил, в 2 км от его устья, на 5-метровом моренном холме, протянувшемся вдоль русла на 35 м. На оконечности холма, на площади 30 м², найдены более 100 кремневых и халцедоновых отщепов, 30 ножевидных пластинок без обработки (рис. 32, 1, 2) и 2 с усеченным ретушью краем (рис. 32, 3, 4), обломок призматического нуклеуса (рис. 32, 5), 2 фрагмента черешковых орудий (рис. 32, 7, 8), наконечник подтреугольной формы (рис. 32, 9) и тесло-видное орудие на гальке овальной формы, обработанное крупными сколами с одной стороны (рис. 32, 6). Стоянка датируется неолитическим временем.

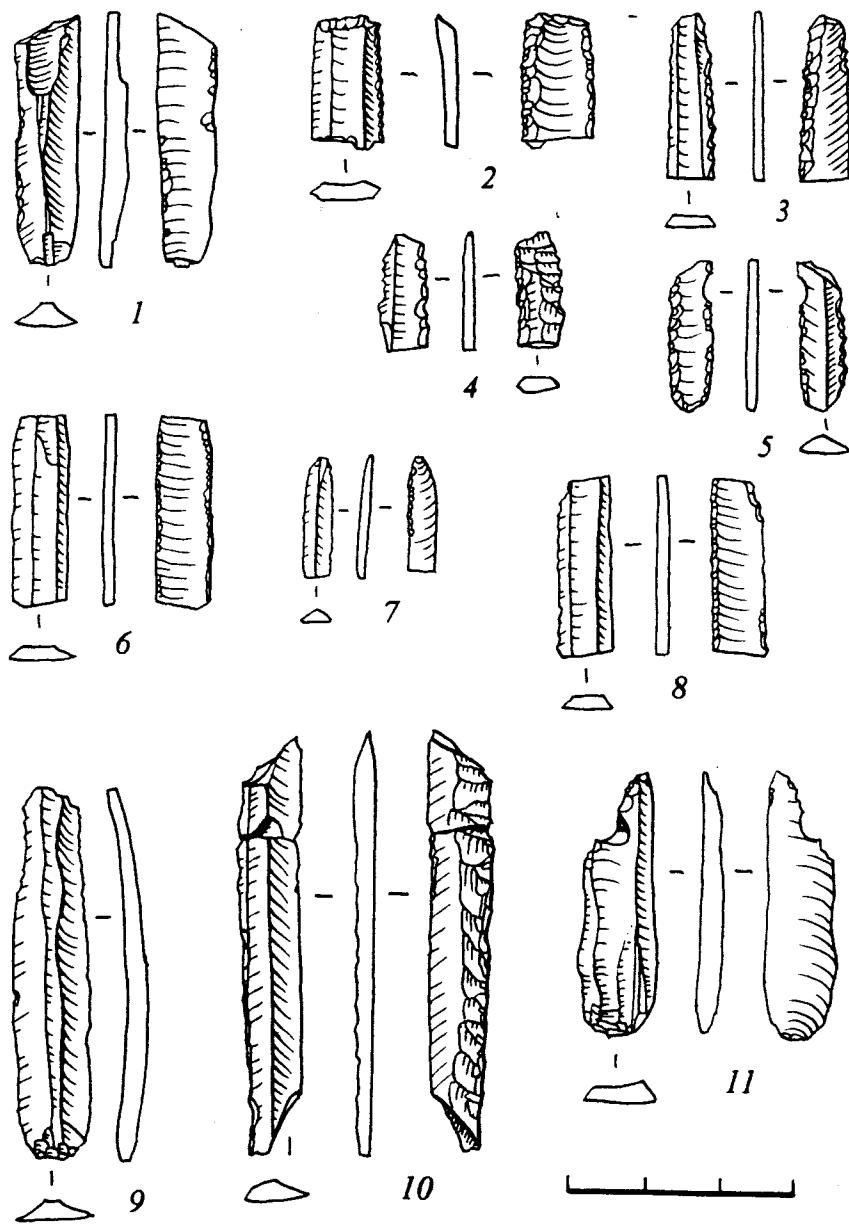

Рис. 29. Каменные орудия со стоянки Нил-Устье

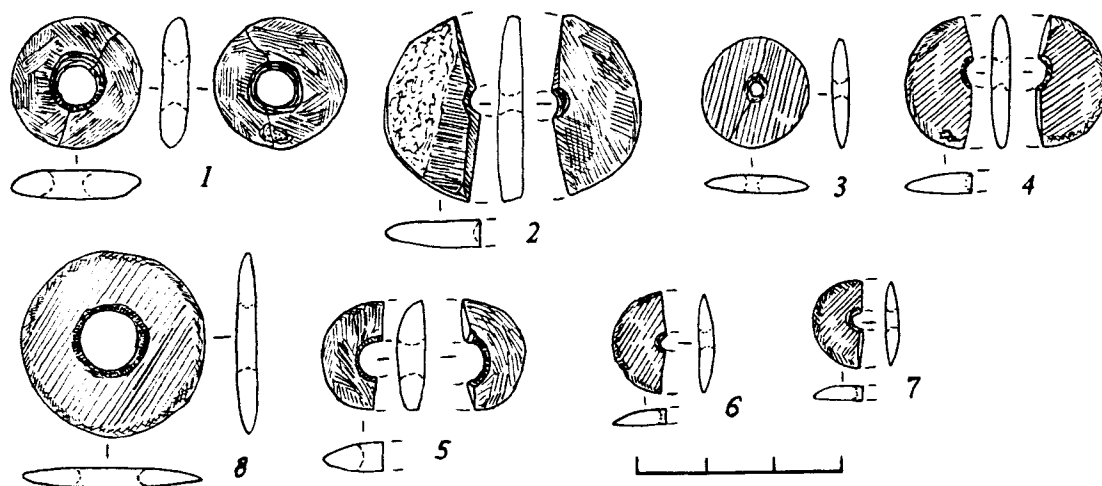

Рис. 30. Каменные подвески со стоянок Нил-Устье (1-7) и Хуренджа V (8)

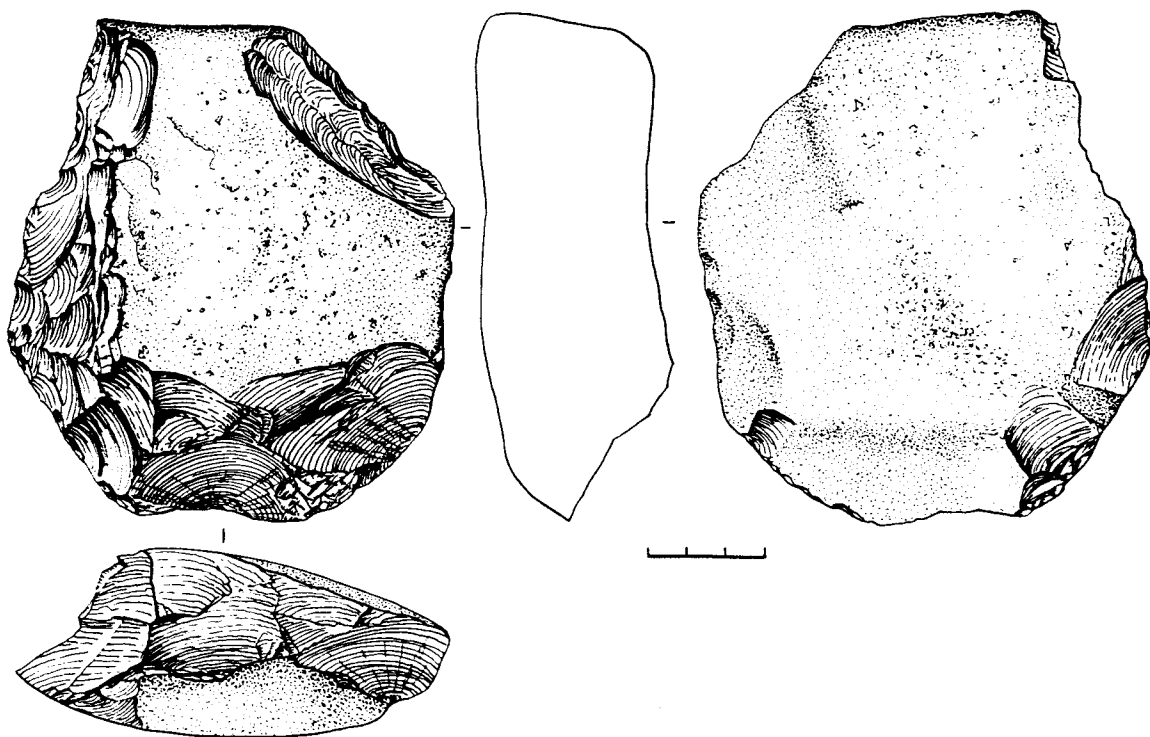

Рис. 31. Галечное орудие со стоянки Нил III

Стоянка Нил IV находится в верховьях р. Армань, в районе Ольского плато базальтов, на водоразделе между рр. Нил и Игака. В районе перевала преобладает тундровый ландшафт. Стоянка расположена на сухом невысоком бугре, покрытом тонким слоем мха и ягеля. На раздернованных участках бугра, в радиусе нескольких метров, были собраны каменные изделия, среди которых, помимо кремневых отщепов и ножевидных пластинок (рис. 33, 1, 2), были найдены наконечник стрелы треугольной формы со слегка выемчатым основанием, линзовидным поперечным сечением и полностью обработан-

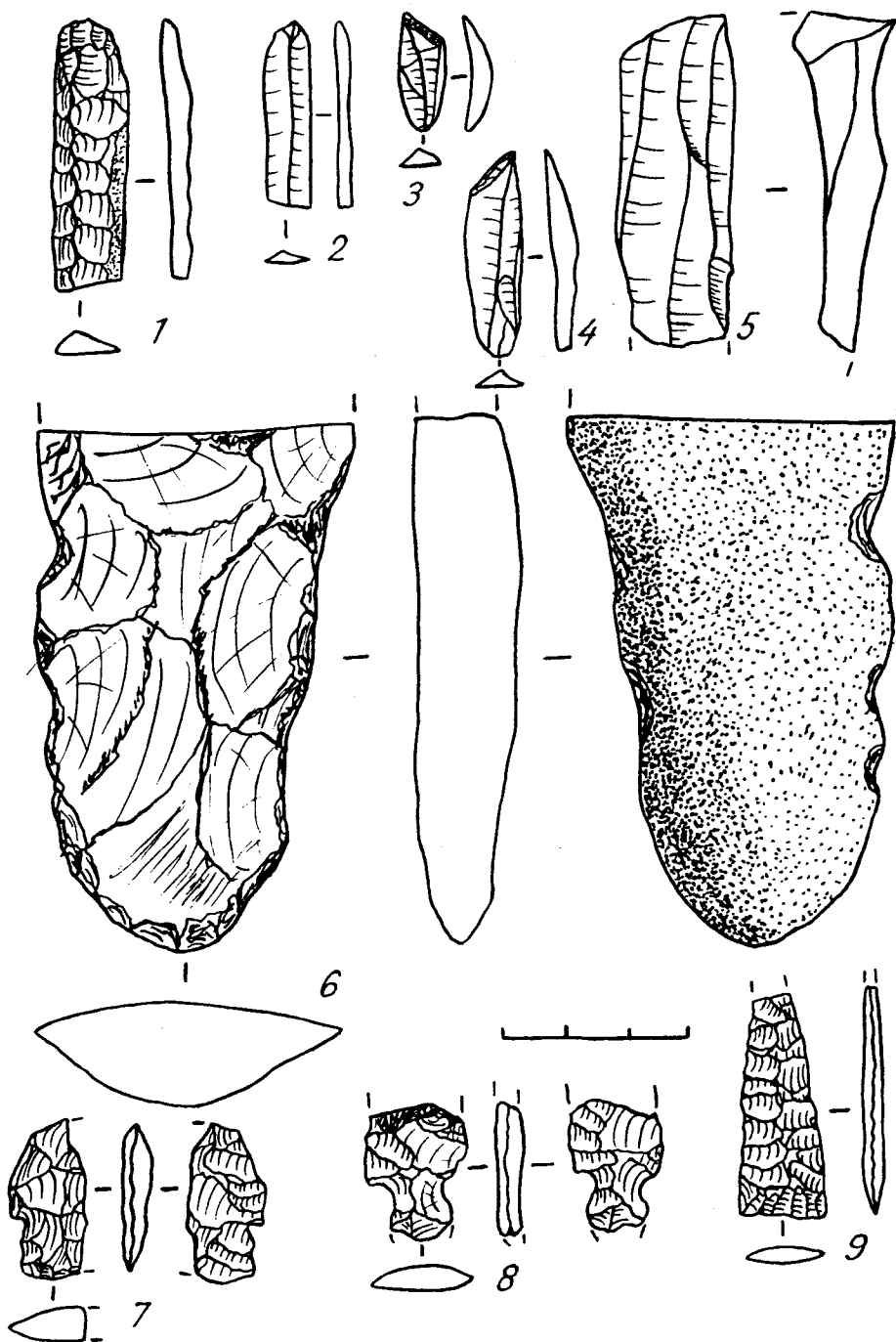

Рис. 32. Каменные орудия со стоянки Нил II

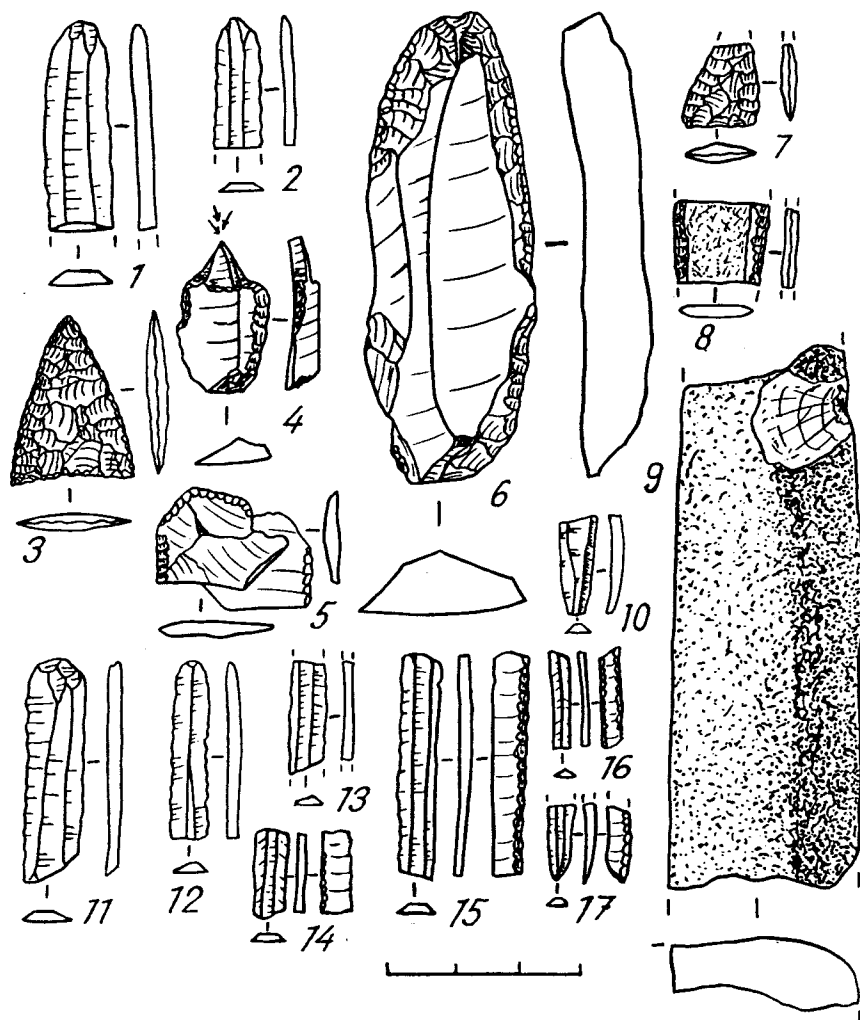

Рис. 33. Каменные орудия со стоянки Нил IV

ными боковыми сторонами (рис. 33, 3); резец срединного типа на пластине с ретушированными продольными краями (рис. 33, 4); боковое скребло на массивном пластинчатом отщепе (рис. 33, 6); двусторонне обработанный, асимметрично треугольный в плане, линзовидный в сечении вкладыш (рис. 33, 7); фрагмент средней части орудия с лезвиями, обработанными мелкой краевой бифасиальной ретушью (рис. 33, 8); фрагмент шлифованной, округлой в плане, плоской подвески диаметром 1 см, с отверстием посередине.

На месте сбора подъемного материала были проведены раскопки на площади 16 м², определившие следующую стратиграфию стоянки:

	Мощность, см
Мох, дерн	1-2
Серая, местами рыжеватая супесь с угольками	8-10
Крупнообломочный материал	Более 20

Находки залегали в серой супеси, сразу под дерном и до глубины 8 см. В юго-западном углу раскопа частично вскрыта плоская каменная плита размерами примерно 0,5 × 1 м. В культурном слое стоянки были найдены разнообразные каменные изделия, среди которых представлены отщепы, ножевидные пластинки, наконечники, ножи, скребки, резцы, резчики, отбойник, шлифованное изделие и подвески.

Найдено более тысячи отщепов преимущественно мелких размеров. Для их изготовления использовались кремнистые породы красного, желтого, зеленого, черного, белого цвета, а также халцедон,

обсидиан и агальматолит. Ножевидные пластинки (более 300 экз.) изготовлены из кремня (рис. 33, 11), халцедона, обсидиана (рис. 33, 12). Многие из них, судя по выщербленным или ретушированным краям, использовались в качестве вкладышей. Различаются пластинки, ретушированные по одному (рис. 33, 13-15) и обоим продольным краям (рис. 33, 16, 17).

Наконечники различаются по форме и типу основания. Все они обработаны двусторонней отжимной ретушью и имеют линзовидное поперечное сечение. Их можно разделить на три разновидности. Первая представлена халцедоновым наконечником стрелы треугольной в плане формы, с прямым основанием (рис. 34, 8). Ко второй разновидности относится фрагмент наконечника стрелы со слегка выемчатым основанием и расширяющимся от него лезвием (рис. 34, 3). Большинство наконечников с прямым основанием и прямыми краями. Два из них - наконечники стрел (рис. 34, 4, 7) и один - дротика (рис. 34, 2). Остальные наконечники представлены 5-6 фрагментами, по которым невозможно определить форму изделия (рис. 34, 6, 10).

Скребки изготавливались на отщепе (5 экз.) и пластинках (1 экз.). Один из скребков на отщепе обработан крупной параллельной ретушью по спинке и мелкой краевой по скошенному слева направо лезвию, расположенному на нижнем конце отщепа (рис. 35, 2). Второй скребок изготовлен на округлом в плане отщепе, на нижнем конце которого мелкой краевой ретушью оформлено выпуклое лезвие (рис. 35, 3). Еще несколько отщепов, обработанных мелкой краевой унифасиальной ретушью, по-видимому, использовались в качестве скребков (рис. 33, 5). Микроскребок изготовлен на пластинке из халцедона и обработан вдоль краев и с конца мелкой краевой унифасиальной ретушью (рис. 34, 11).

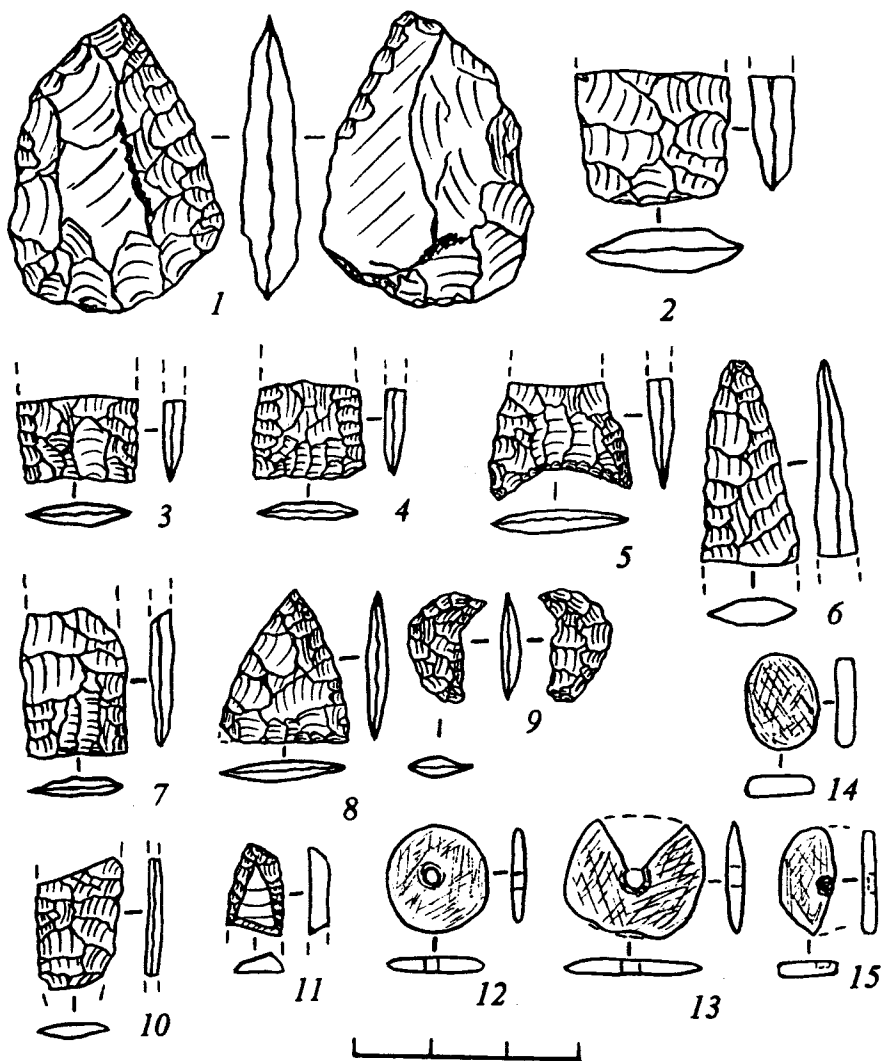

Рис. 34. Каменные орудия со стоянки Нил IV

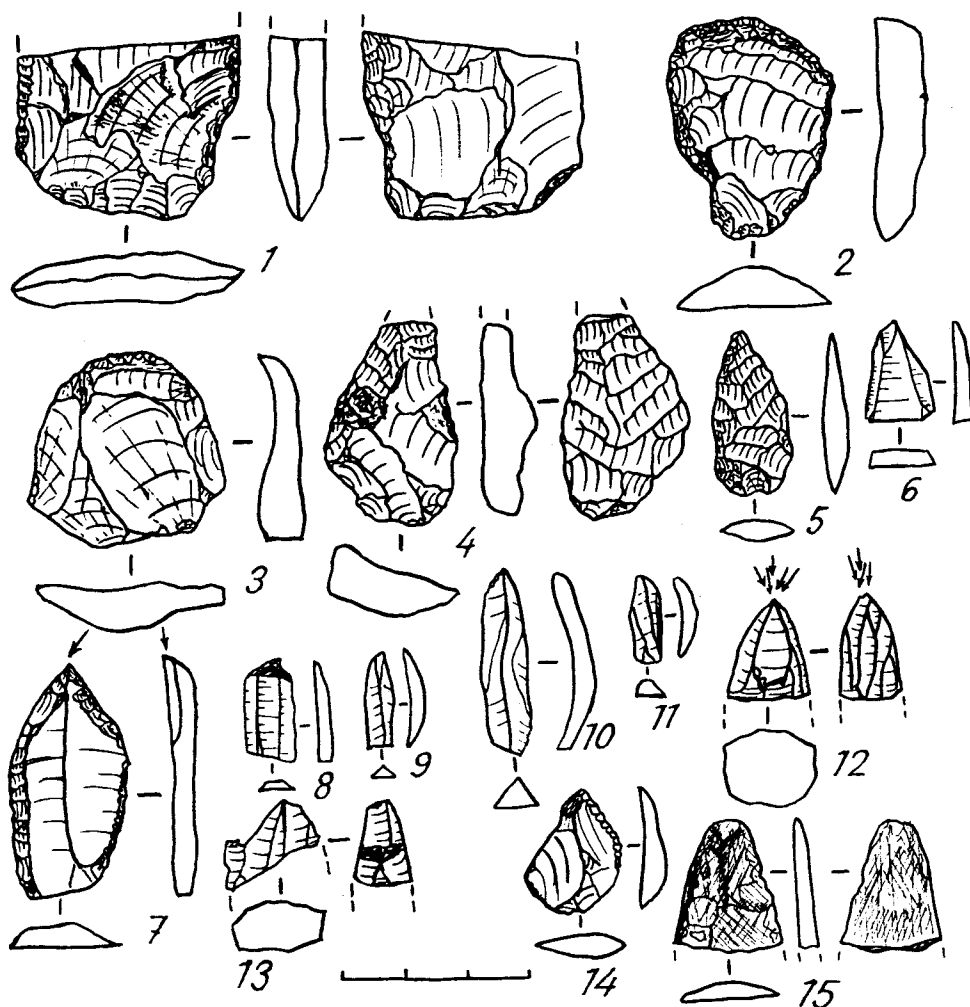

Рис. 35. Каменные орудия со стоянки Нил IV

Резцы делятся на полиэдрические (2 экз.) и срединные (1 экз.). От полиэдрических резцов сохранились только рабочие части, образованные множественными резцовыми сколами и обломанные в месте перехода их в рукоятку (корпус) (рис. 35, 12, 13). Судя по найденной в слое заготовке резца, они могли иметь трехгранную ретушированную рукоятку. Кроме того, в слое было найдено около 10 резцовых сколов (рис. 35, 6, 9-11). Срединный резец изготовлен на крупной трехгранной пластине. Лезвие его образовано краями, сходящимися под острым углом и обработанными мелкой унифасиальной ретушью со стороны спинки. Небольшой участок по краям в основании рукоятки резца обработан бифасиальной ретушью. По левому краю орудия, со стороны режущей кромки, нанесен 1,5-сантиметровый резцовый скол, видимо, для ее приострения (рис. 35, 7).

Помимо резцов, использовались резчики, изготавливаемые на ножевидных пластинках (рис. 35, 8) и отщепах (рис. 35, 14). К резчикам предварительно отнесено бифасиально обработанное орудие серповидной формы с линзовидным поперечным сечением (рис. 34, 9).

Ножи представлены полностью обработанными с обеих сторон изделиями овальной (рис. 34, 1), подтреугольной (рис. 35, 4), листовидной (рис. 35, 5) формы и фрагментом с прямым основанием (рис. 35, 1). Все они имеют линзовидное поперечное сечение лезвия.

В качестве отбойника использовался небольшой обломок продолговатой гальки (рис. 33, 9).

В раскопе найден обломок сланцевого плоского шлифованного изделия подтреугольной формы (рис. 34, 15).

Многочисленную группу находок представляют подвески, изготовленные из агальматолита. Это плоские, округлые в плане изделия с биконическим отверстием посередине (рис. 34, 12, 13). Поверхность подвесок шлифовалась. Найдено несколько необработанных и около 10 отшлифованных обломков (по-видимому, отходов производства) со следами резания. Обработка одной из подвесок не завершена: отсутствует отверстие (рис. 34, 11). Еще одно изделие было сломано в процессе изготовления отверстия (рис. 34, 15). Таким образом, на стоянке представлены все стадии технологического процесса изготовления подвесок - от заготовок до готовых изделий, включая брак и отходы производства.

По типологии орудийного комплекса и украшениям стоянка может быть датирована периодом среднего неолита.

Стоянка Хая

Стоянка найдена в верховьях второго от устья правого притока р. Хая, бассейн р. Малтан в пределах Ольского плато, на перевале высотой 1000 м над уровнем моря, где преобладает тундровый ландшафт. Поверхность перевала раздернована и покрыта мелкообломочным материалом.

На стоянке в пункте А на площади 460 м² найдено 110 кремневых отщепов, 2 заготовки орудий с унифасиальной ретушью по краю, 4 ножевидные пластинки.

В пункте Б на площади 1200 м² найдены 70 кремневых отщепов, 6 халцедоновых, 12 ножевидных пластинок и заготовка, обработанная унифасиальной ретушью.

В пункте В на площади 50 м² обнаружены 76 кремневых отщепов, 4 ножевидные пластинки из кремня, нуклеус и скол с него.

Стоянки перевала Уртычук

Перевал Уртычук расположен в пределах Ольского плато базальтов, в верховьях рр. Ола, Малтан, на высоте 1100 м над уровнем моря. Ширина перевала несколько более 1 км. Его поверхность покрыта делювием, представленным обломками базальта. По перевалу проходит водораздел правых притоков р. Большая Хая и руч. Уртычук. На север, в долину р. Большая Хая перевал спускается пологими склонами, покрытыми тундровой растительностью. К югу, в долину руч. Уртычук перевал обрывается крутыми, почти отвесными склонами в узкие, сильно заросшие лесом и кустарником распадки.

В 1978 г. на перевале в пункте Уртычук I в радиусе 200 м геологами были найдены кремневые и халцедоновые отщепы, одна заготовка и два целых призматических нуклеуса [Диков, Савва, 1980. С. 54].

В 1986 г. был проведен осмотр всего перевала. В результате на перевале и в его окрестностях было открыто еще 9 ранее не известных стоянок каменного века. Это стоянки Уртычук II-X, на которых собран подъемный материал. На стоянке Уртычук IV, получившей название «Нуклеус», проведены раскопки, давшие большое количество ножевидных пластинок и нуклеусов (рис. 36, 5, 7, 11) [Слободин, 1999а. С. 87]. Возраст стоянок определяется в пределах раннего и среднего голоцена.

Стоянка Уртычук II расположена на небольшом холме, отстоящем на 500 м к северу от перевала. На плоской раздернованной вершине холма и по его склону собран подъемный материал в трех пунктах скопления.

Пункт А выделен по скоплению 168 кремневых и 4 халцедоновых отщепов, 2 пластинчатых сколов и ножа на пластинчатом отщепе с лезвием, обработанным бифасиальной ретушью.

Пункт Б выделен по скоплению 125 кремневых и 5 халцедоновых отщепов, 5 ножевидных пластинок и заготовки нуклеуса размерами 4 × 4 × 2,5 см с хаотично оббитыми гранями.

Пункт В содержал 50 кремневых отщепов, ножевидную пластинку, заготовку нуклеуса подтреугольной формы и обломок нуклеуса призматического типа.

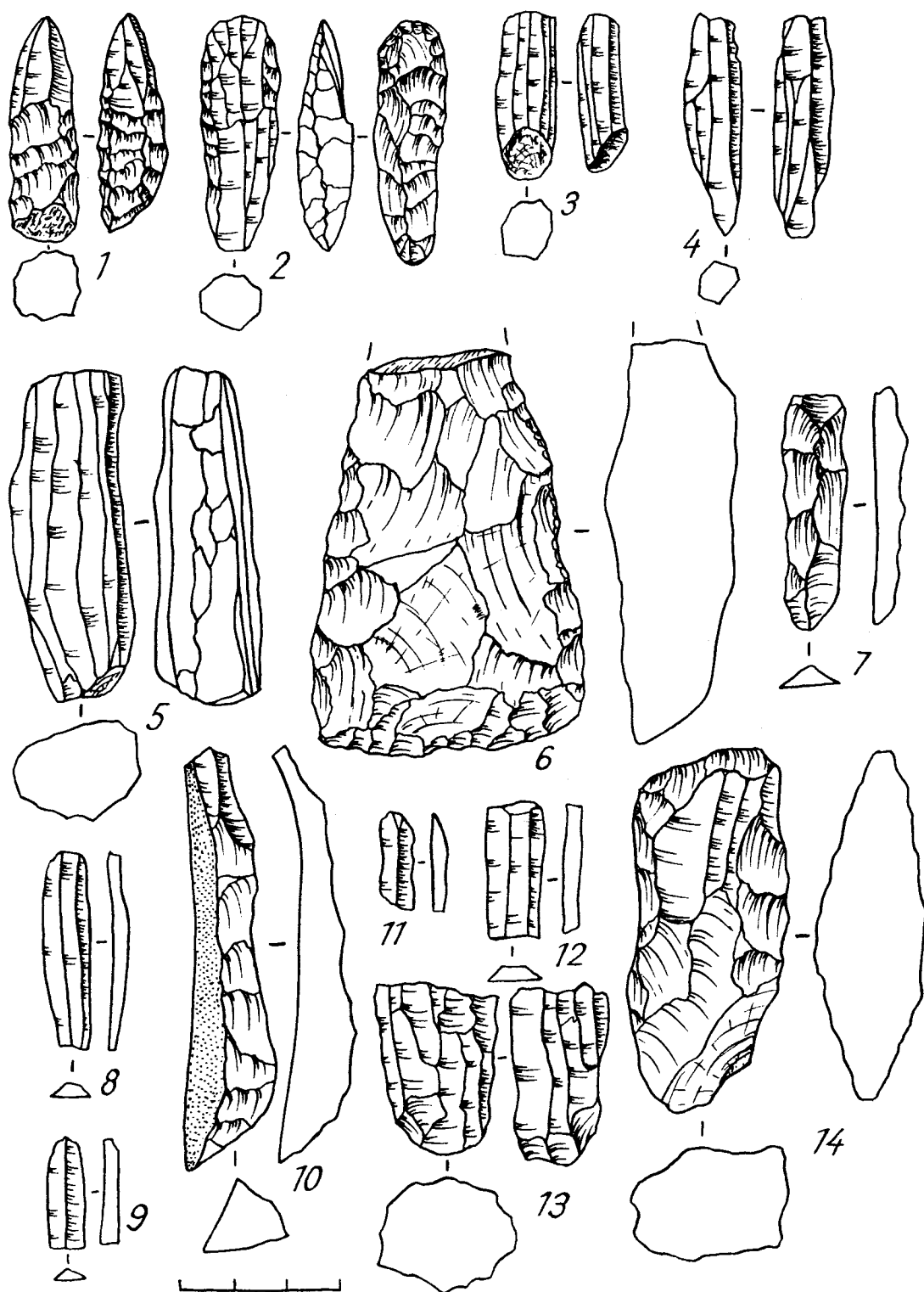

Рис. 36. Каменные орудия со стоянок Уртычук III (1), IV (5, 7, 12), V (8, 10, 14), VI (4), VIII (13), IX (2, 3, 9, 11), X (6)

Стоянка Уртычук III расположена на самом перевале. Площадь распространения находок около 50 м². Поверхность стоянки ровная, раздернованная. Собрано 329 отщепов из кремня и окремнелого туфа, 19 ножевидных пластинок со следами сработанности на боковых лезвиях и один резец полиэдрического типа с полностью обработанной ретушью рукояткой, имеющей четырехугольное поперечное сечение (рис. 36, 1).

Стоянка Уртычук V находится на самой высокой площадке перевала, ближе к его западному краю. Поверхность стоянки ровная. Здесь были собраны 368 кремневых и 5 халцедоновых отщепов, 27 ножевидных пластинок (рис. 36, 8), ребристые пластины шириной от 0,8 до 2 см (рис. 36, 10), 3 пластинчатых скола шириной 2-2,3 см и заготовка нуклеуса (рис. 36, 14).

Стоянка Уртычук VI находится в 100 м к западу от стоянки Уртычук V. На небольшом (10 × 12 м) участке перевала собраны 659 кремневых и 39 халцедоновых отщепов, 15 ножевидных пластинок и полностью сработанный нуклеус призматической (конической?) формы (рис. 36, 4).

Стоянка Уртычук VII находится на 100 м западнее стоянки Уртычук VI, на небольшом уступе у западного края перевала. На его раздернованной поверхности найдены 54 кремневых и 2 халцедоновых отщепа, 4 ножевидные пластинки, ребристая пластина, пластинчатый отщеп из кремня и еще один из халцедона с краевой унифасиальной ретушью, заготовка нуклеуса.

Стоянка Уртычук VIII находится в 1 км к северу от перевала, на террасе у левого (западного) борта долины ручья, текущего в р. Б. Хая. Высота террасы 10-15 м над уровнем ручья.

На террасе в радиусе 15 м на раздернованной поверхности найдены 31 кремневый отщеп, 1 ножевидная пластинка, нуклеус призматического типа (рис. 36, 13) и отбойник из плоской овальной речной гальки, оббитой с обоих концов.

Стоянка Уртычук IX расположена на террасе у западного края перевала. На ее раздернованной поверхности, на площади 10 м² собраны 1507 кремневых отщепов, 6 пластинчатых отщепов, 9 ножевидных пластинок (рис. 36, 9, 11), нуклеус призматического типа (рис. 36, 3) и орудие, являющееся скребком или теслом с рукояткой. Оно имеет линзовидное в сечении лезвие со слегка выпуклым рабочим краем (рис. 36, 2).

Стоянка Уртычук X расположена на уступе склона правого борта руч. Уртычук. Скопление изделий протянулось на 30 м с севера на юг и на 15 м с запада на восток. Найдены 162 отщепа, 4 ножевидные пластинки, 4 пластинчатых скола, 3 заготовки (предположительно) нуклеусов, тесловидно-скребловидное орудие (рис. 36, 6). Последнее имеет двустороннюю обработку, подтреугольную форму и линзовидное поперечное сечение.

Стоянка Озеро Эликчан

Стоянка расположена на северном берегу оз. Эликчан, на полого поднимающейся от кромки воды террасе, на высоте 3-4 м. Находки залежали на глубине 15-20 см в серой супеси под дерном мощностью до 10 см. В основании террасы - делювий.

В обнажении террасы собраны 10 ножевидных пластинок шириной 0,5-1 см из кремня, 53 кремневых и халцедоновых отщепа и 3 орудия: скребок на плоском овальном кремневом отщепе с рабочим краем, обработанным плоской отжимной ретушью со спинки (рис. 37, 2); полифункциональное орудие (нож-скребок) на плоском овальном галечном отщепе размерами 6,5 × 5,5 см (рис. 37, 1); полиэдрический резец с ретушированной рукояткой ромбического поперечного сечения (рис. 38, 1). Стоянка датируется неолитическим временем.

Стоянка Малтан

Стоянка исследовалась Н.Н.Диковым [1977а, 1979а] в 1974-1975 гг. На стоянке были проведены раскопки и получен многочисленный материал из II (нижнего) слоя стоянки, датированный ранним голоценом [Диков, 1979а]. В верхних слоях был выделен неолитический комплекс с керамикой (рис.39).

Изучение коллекции орудий со стоянки показало, что среди наконечников из II слоя есть пришлифованные экземпляры (рис. 38, 2-8).

В 1996 г. на стоянке проведены исследования стратиграфии. Было зачищено несколько квадратов, на которых найдена коллекция каменных орудий, включавшая фрагменты бифасов (рис. 40, 3, 4), ножевидные пластинки (рис. 40, 5), нуклеусы (рис. 40, 2, 6). По углю из культурного слоя были получены две С-14 датировки. С глубины 20-22 см получена датировка 2514 ± 76 лет (DRI-3285), по углю с глубины 25-28 см - дата 4012 ± 102 лет (DRI-3286).

Стоянка Буюнда II

Стоянка расположена в верховьях р. Буюнда, в 3,5 км от водораздела между рр. Буюнда и Нявленга. На левом берегу р. Буюнда на раздернованном участке 3-метровой террасы был найден халцедоновый отщеп (рис. 41, 2). При зачистке обнажений были обнаружены еще 3 изделия из халцедона: нако-

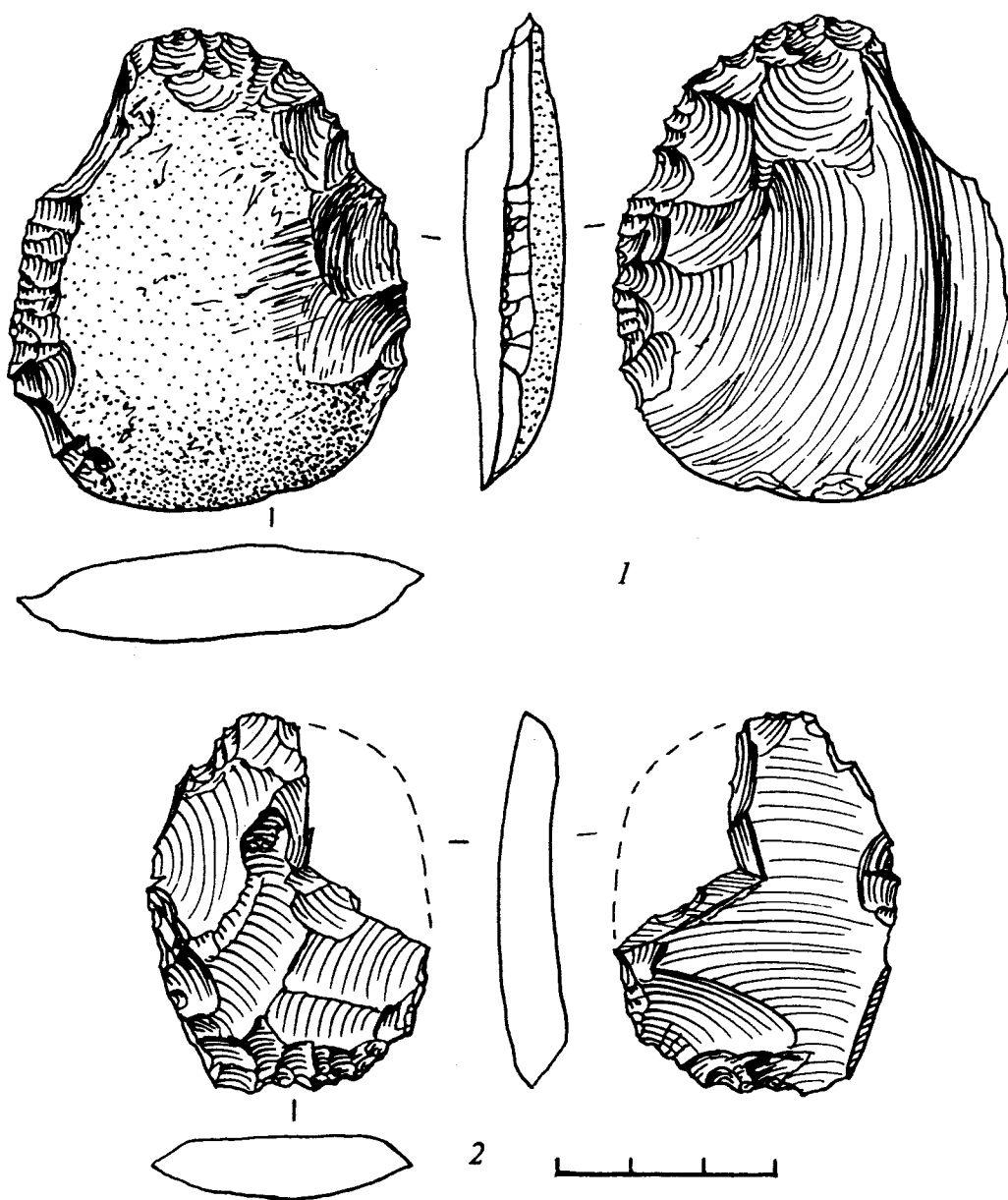

Рис. 37. Каменные орудия со стоянки Озеро Эликчан

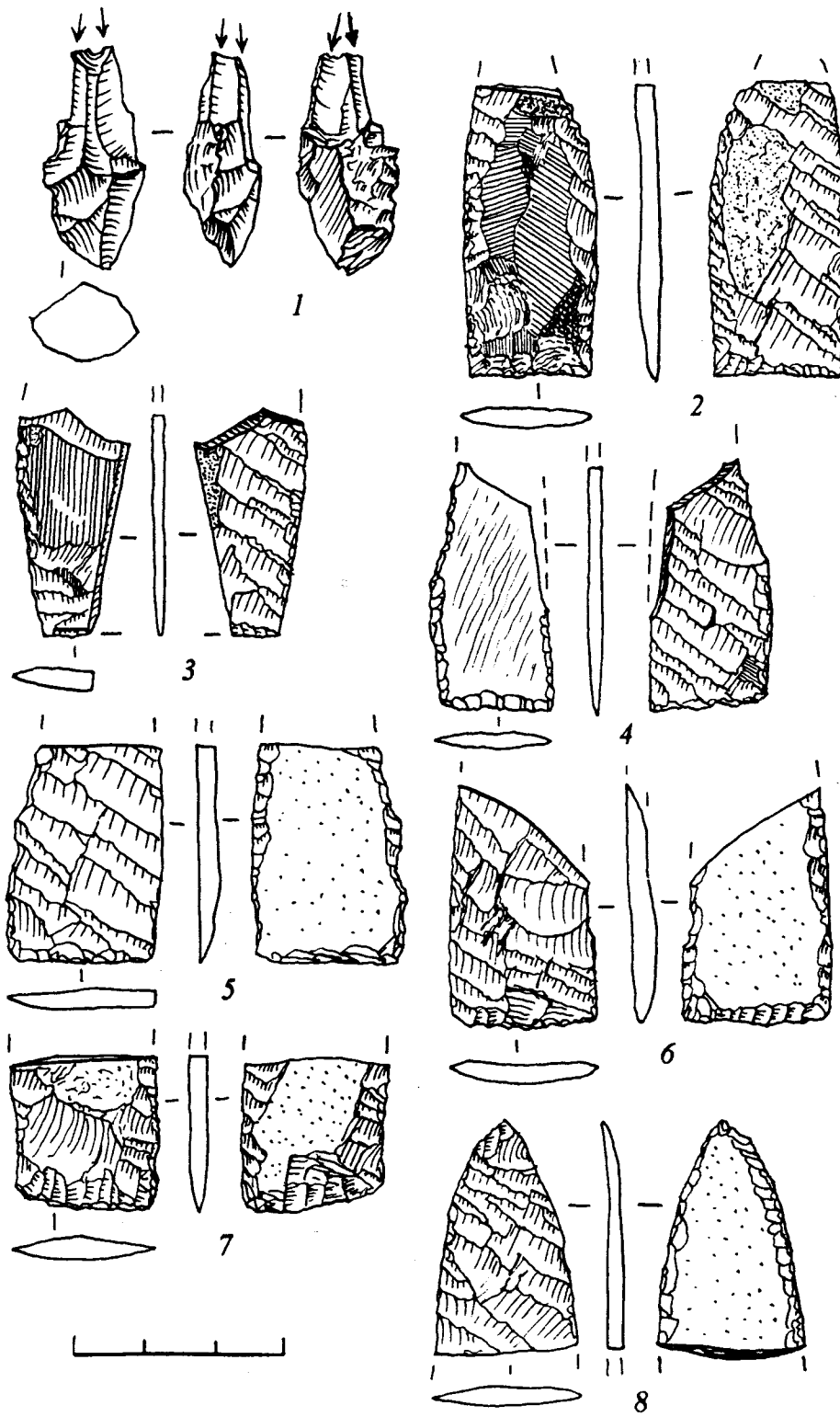

Рис. 38. Каменные орудия со стоянок Озеро Эликчан (1), Малтан (2-8)

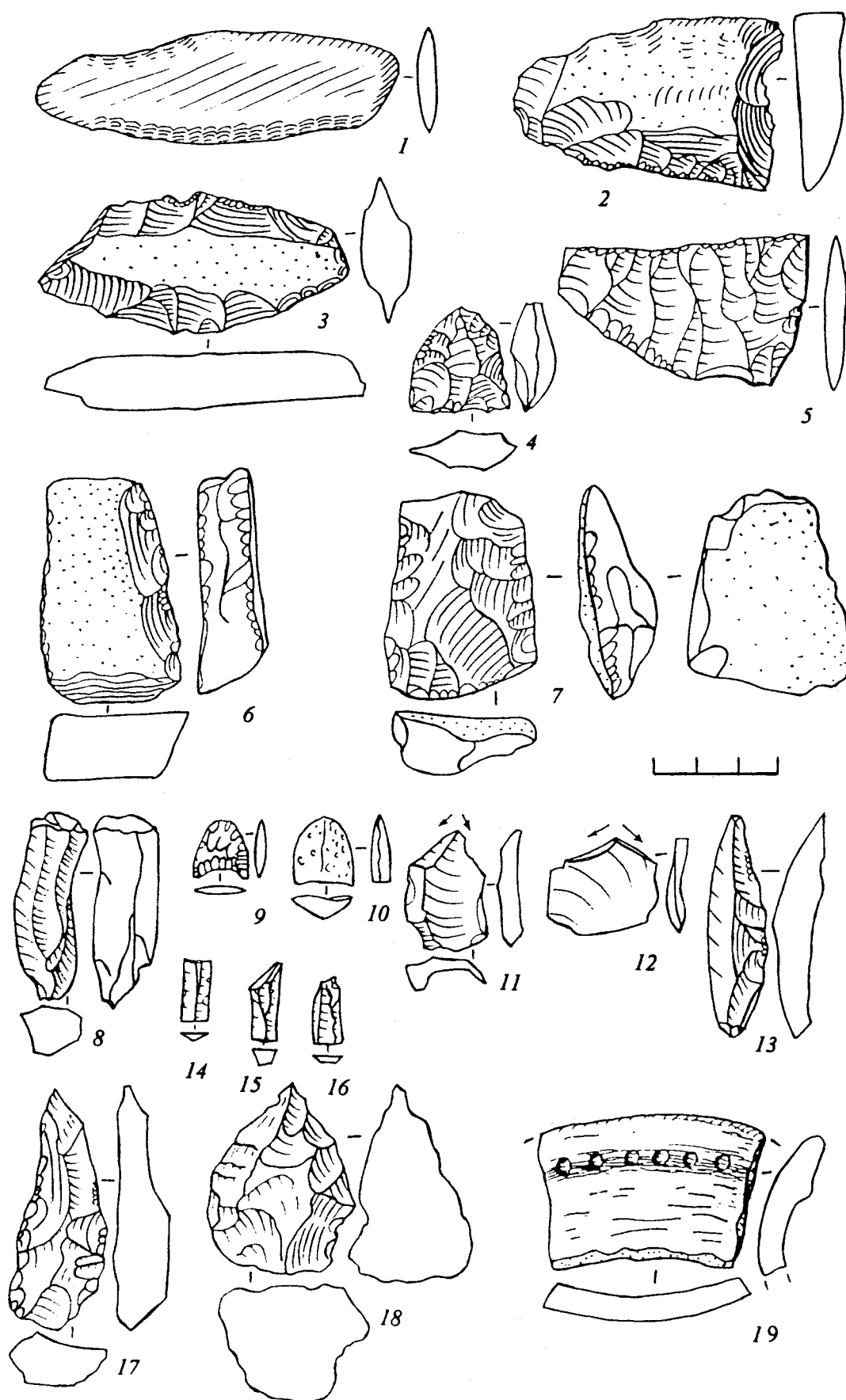

Рис. 39. Каменные орудия со стоянки Малтан - верхний слой (по Н.Н. Дикову [1979a])

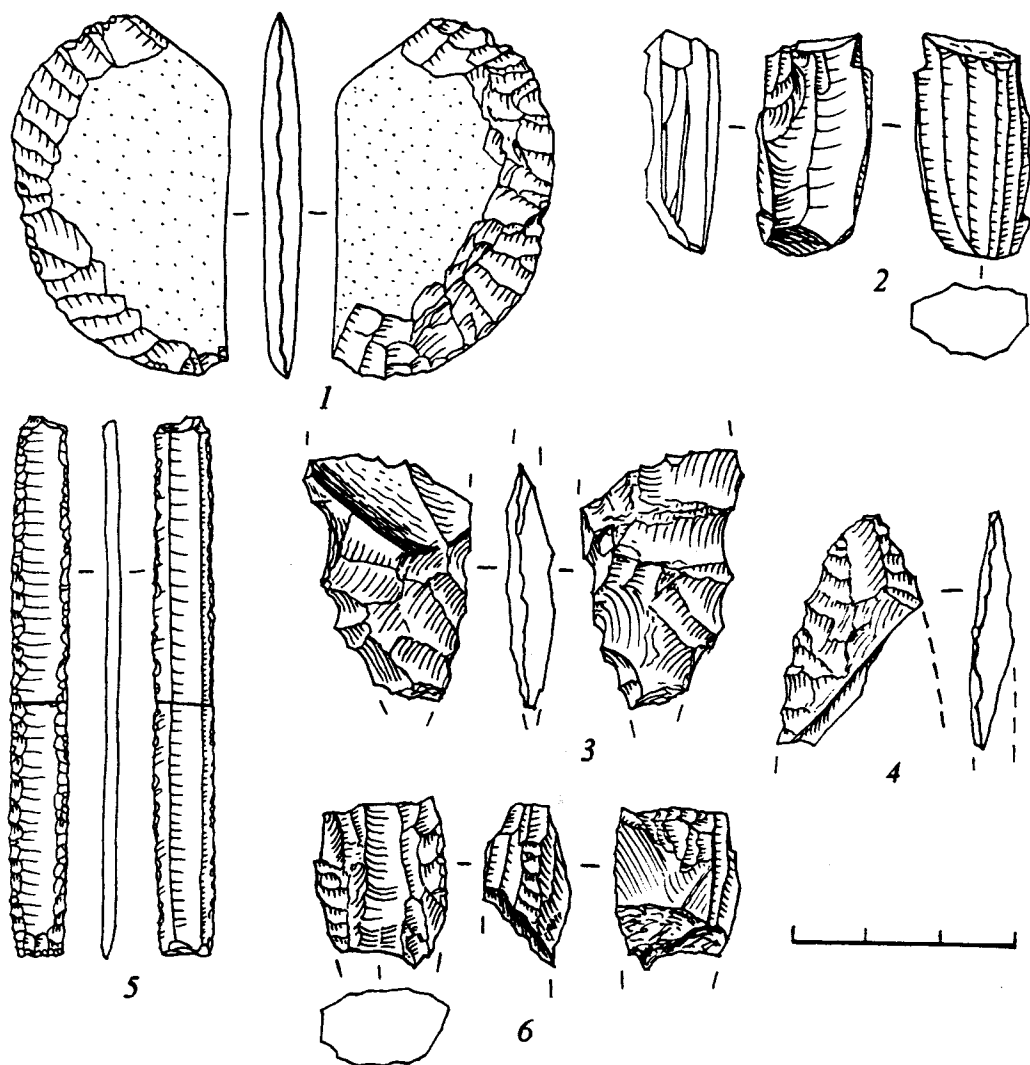

Рис. 40. Каменные орудия со стоянки Малтан

нечник, нож и скребок. Они залегали компактным скоплением в серой супеси под дерном на глубине 4-6 см. Разведочная шурфовка террасы вокруг находок результатов не дала. Таким образом, весь комплекс находок со стоянки Буянда II состоит из 4 халцедоновых изделий. Не исключено, что отщеп использовался в качестве орудия (скребка или ножа), так как правый край его имеет выщерблины - следы сработанности.

Наконечник стрелы усеченно-листовидной формы обработан тонкой отжимной ретушью (рис. 41, 1).

Скребок изготовлен на отщепе изогнутой формы. Спинка отщепа полностью покрыта ретушью, со стороны брюшка нанесено лишь несколько сколов по нижнему краю отщепа. Лезвием скребка служили, видимо, продольные края отщепа, подправленные мелкой краевой ретушью (рис. 41, 3).

Несколько сложнее определить функциональное назначение последнего изделия. Один край отщепа подтреугольной формы обработан бифасиальной ретушью, другой - унифасиальной. Вероятно, это нож-скребок (рис. 41, 4). Стоянка отнесена к самому концу неолита.

Стоянки Джугаджака I-III

Стоянка Джугаджака I расположена в верховьях р. Джугаджака, правый приток р. Килгана (бас. р. Большая Купка), на Охотско-Колымском водоразделе. На некоторых картах эта река носит название Дюгаджак, что в переводе с эвенского означает «летовка», «летняя стоянка» [Леонтьев, Новикова, 1989].

Стоянка расположена на северо-восточном берегу оз. Колхозное, которое находится на водоразделе рр. Джугаджака и Олынь (правый приток р. Арбутла). Здесь было выделено несколько пунктов скопления находок, часть из которых (Джугаджака, пункты А, Б, В, Ж) по технико-типологическим характеристикам отнесена к раннему голоцену [Слободин, 1999а]. Первоначальные сборы в пункте Джугаджака I и материалы из пункта Г рассматриваются как неолитические. На поверхности 3-5-метровой террасы, на месте сезонного стойбища оленеводов (пункт Джугаджака I) собрано 30 каменных изделий, 10 из которых из серого окремнелого туфа, 4 из халцедона, 1 из оранжевого и 15 из серого кремня. Среди находок 15 отщепов, 3 пластинки (рис. 42, 2, 3, 7), 3 отщепа с ретушью, пластинчатый отщеп с ретушированными продольными краями и 7 орудий и их фрагменты. Размеры отщепов 1-3 см, 2 отщепа менее 1 см, 1 отщеп - 3 × 7 см.

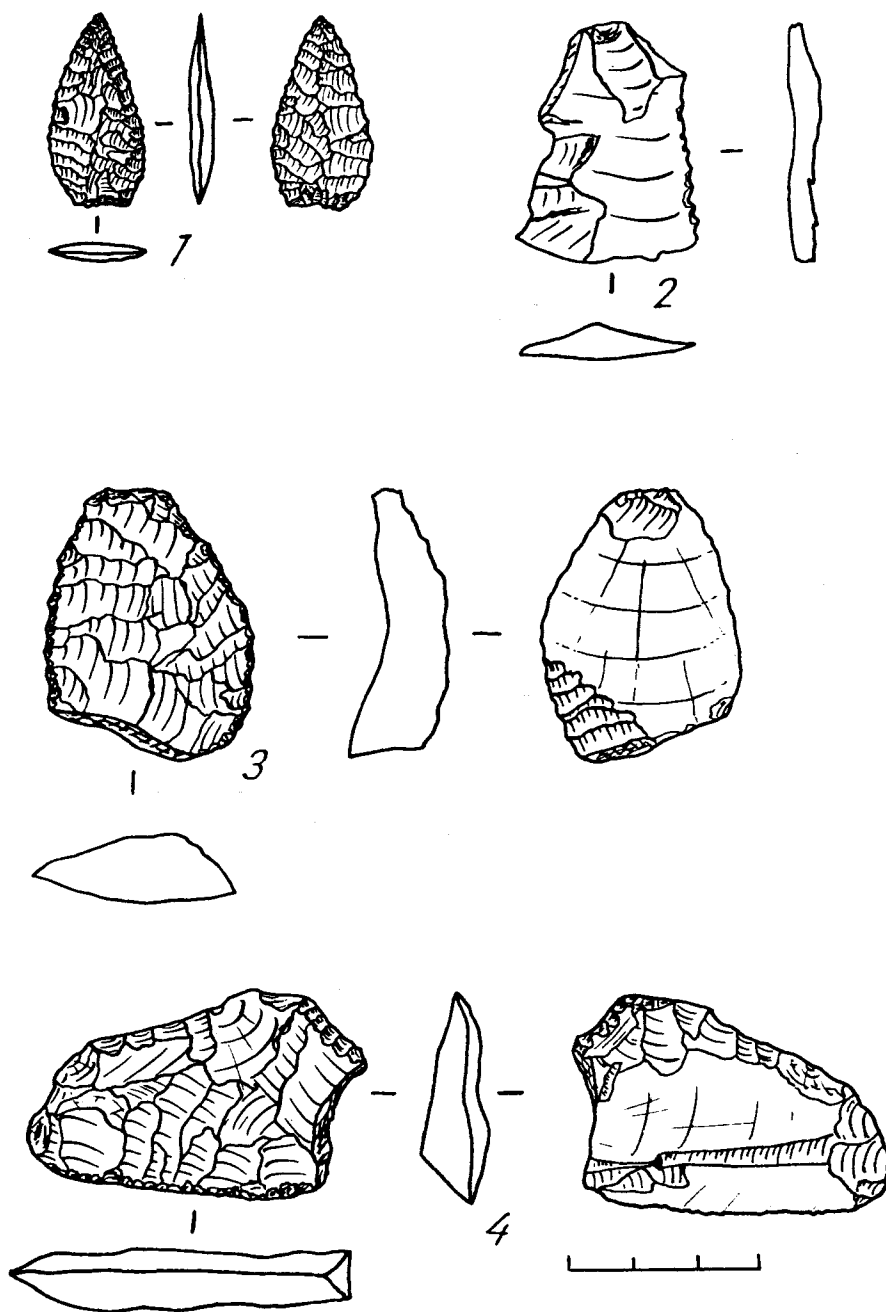

Рис. 41. Каменные орудия со стоянки Буюнда II

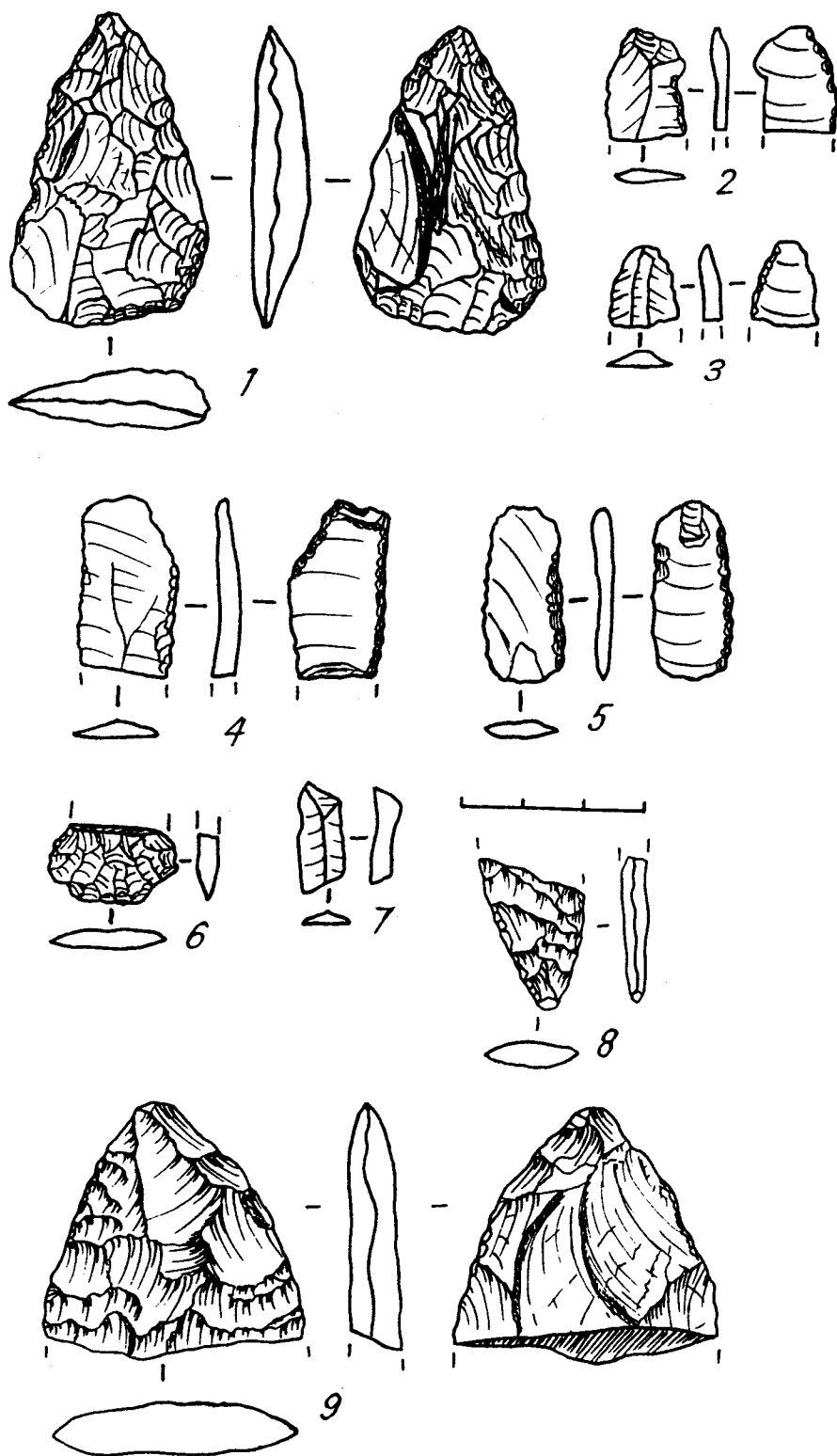

Рис. 42. Каменные орудия со стоянки Джугаджака I

Из трех пластинок, представленных в коллекции, только одна может рассматриваться как ножевидная (рис. 42, 3); две пластинки обработаны по краям унифасиальной ретушью (рис. 42, 2, 3).

Орудия представлены целым бифасом миндалевидной формы (рис. 42, 1); двумя вкладышами на небольших пластинчатых отщепах, обработанных унифасиальной противолежащей ретушью по продольным краям (рис. 42, 4, 5); фрагментом бифасиального орудия из халцедона, обработанного уплощающей ретушью по обеим поверхностям и имеющего линзовидное сечение (рис. 42, 6); фрагментом листовидного бифасиального наконечника или ножа (рис. 42, 8); фрагментом крупного бифасиального орудия (рис. 42, 9) и фрагментом орудия, обработанного унифасиальной конвергентной ретушью. Материалы стоянки отнесены к концу неолита.

На стоянке Джугаджака I в пункте Г, в 40 м от озера, в компактном скоплении были найдены 5 отщепов (некоторые с краевой ретушью), ножевидная пластинка, 3 пластинчатых отщепа, крупная заготовка бифаса (рис. 43, 1), фрагмент (черешковое основание) законченного бифасиального орудия листовидной формы (рис. 43, 2) и орудие на крупном отщепе подтреугольной формы с бифасиальной краевой обработкой.

Стоянка Джугаджака II расположена на водоразделе рр. Джугаджака и Олынь, примерно в 0,5 км к югу от оз. Колхозное.

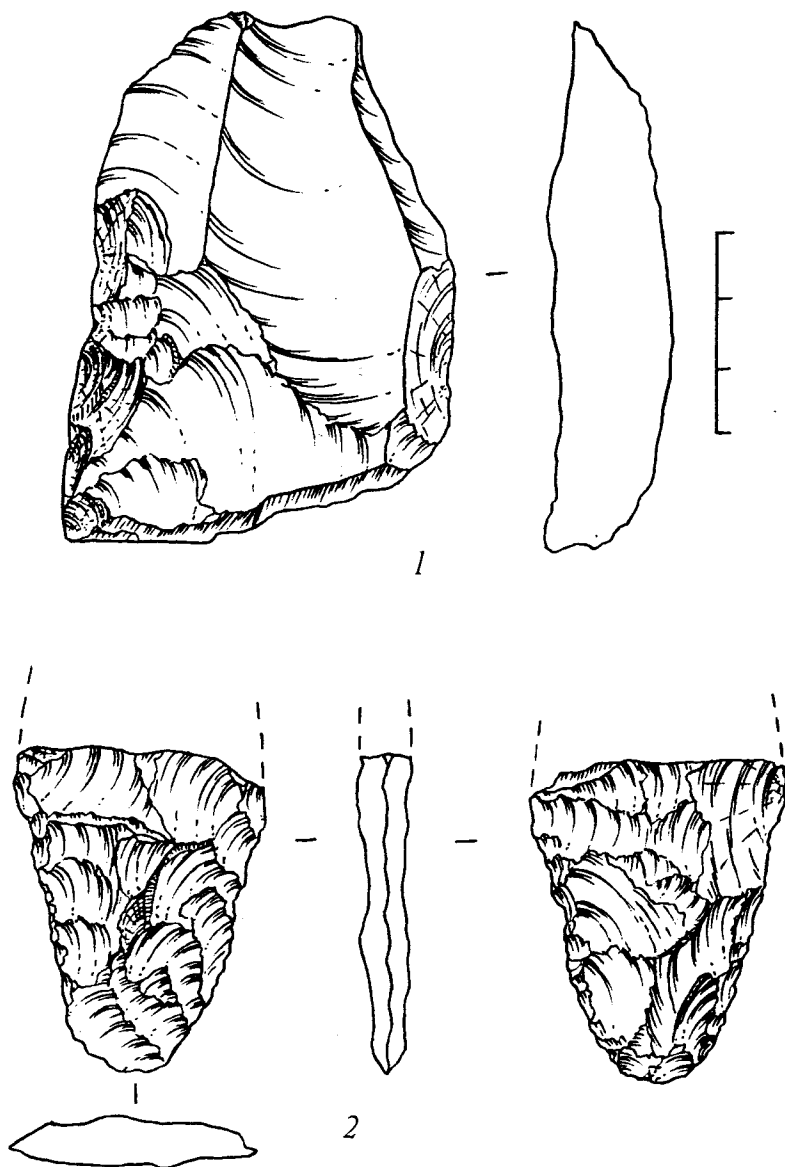

Рис. 43. Каменные орудия со стоянки Джугаджака I, пункт Г

На раздернованной поверхности небольшого холма на площади 10-12 м² были собраны 17 артефактов. Все они изготовлены из одного материала - плитчатых отдельностей серого слоистого сланца. Среди них выделены два типа орудий: ножи и наконечники. Все изделия обработаны бифасиальной ретушью. Мелкие наконечники обработаны по всей поверхности. Единственный целый наконечник стрелы имеет прямое основание и прямые, идущие параллельно края, сходящиеся лишь у самого острия наконечника (рис. 44, 2). Среди находок имеется несколько фрагментов прямых оснований бифасов (рис. 44, 3, 4), острия (рис. 44, 6) и срединной части (рис. 44, 7), которые можно отнести к наконечникам. Более крупные изделия обрабатывались только с краев, а посередине оставался необработанный

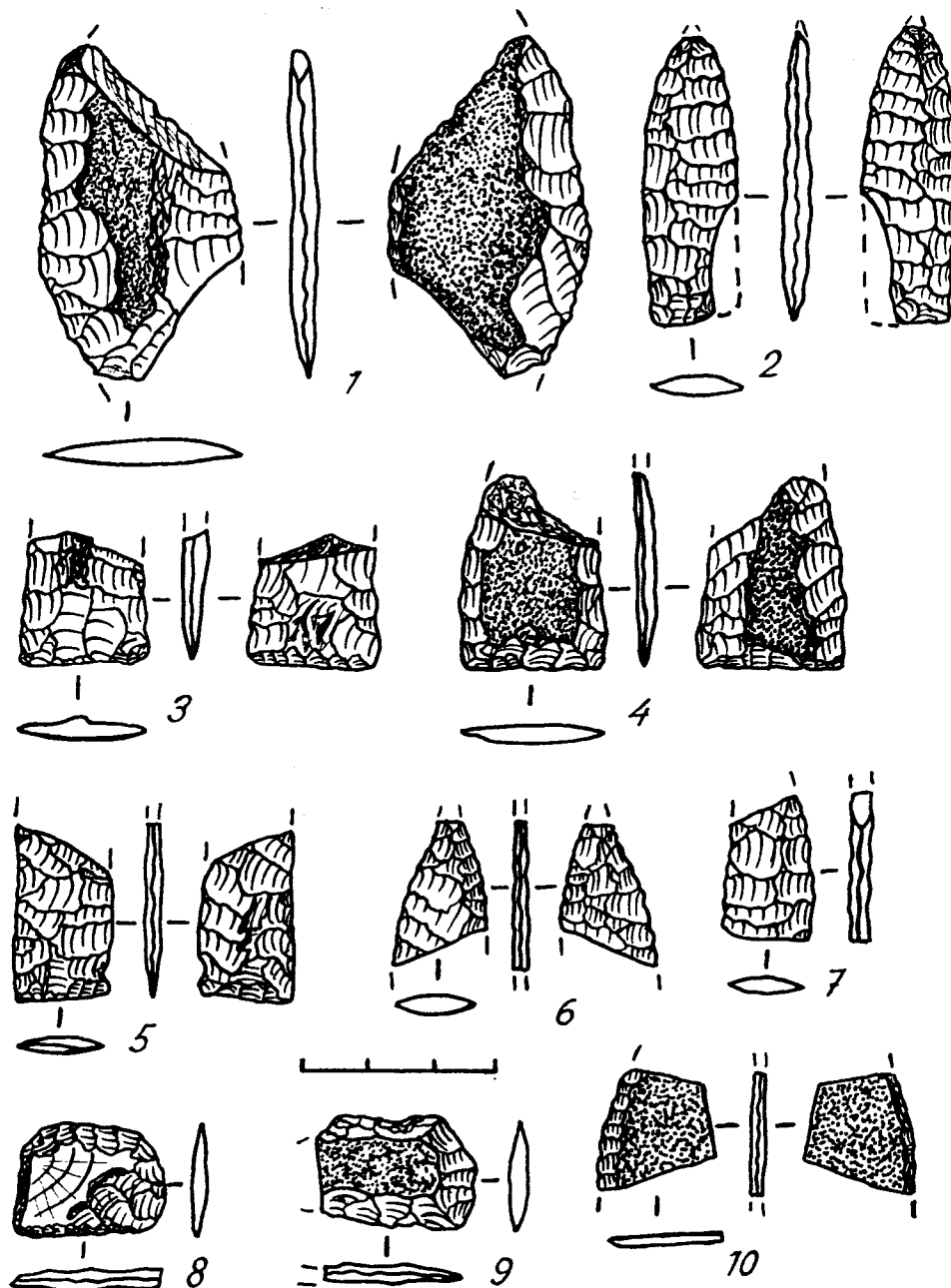

Рис. 44. Каменные орудия со стоянки Джугаджака II

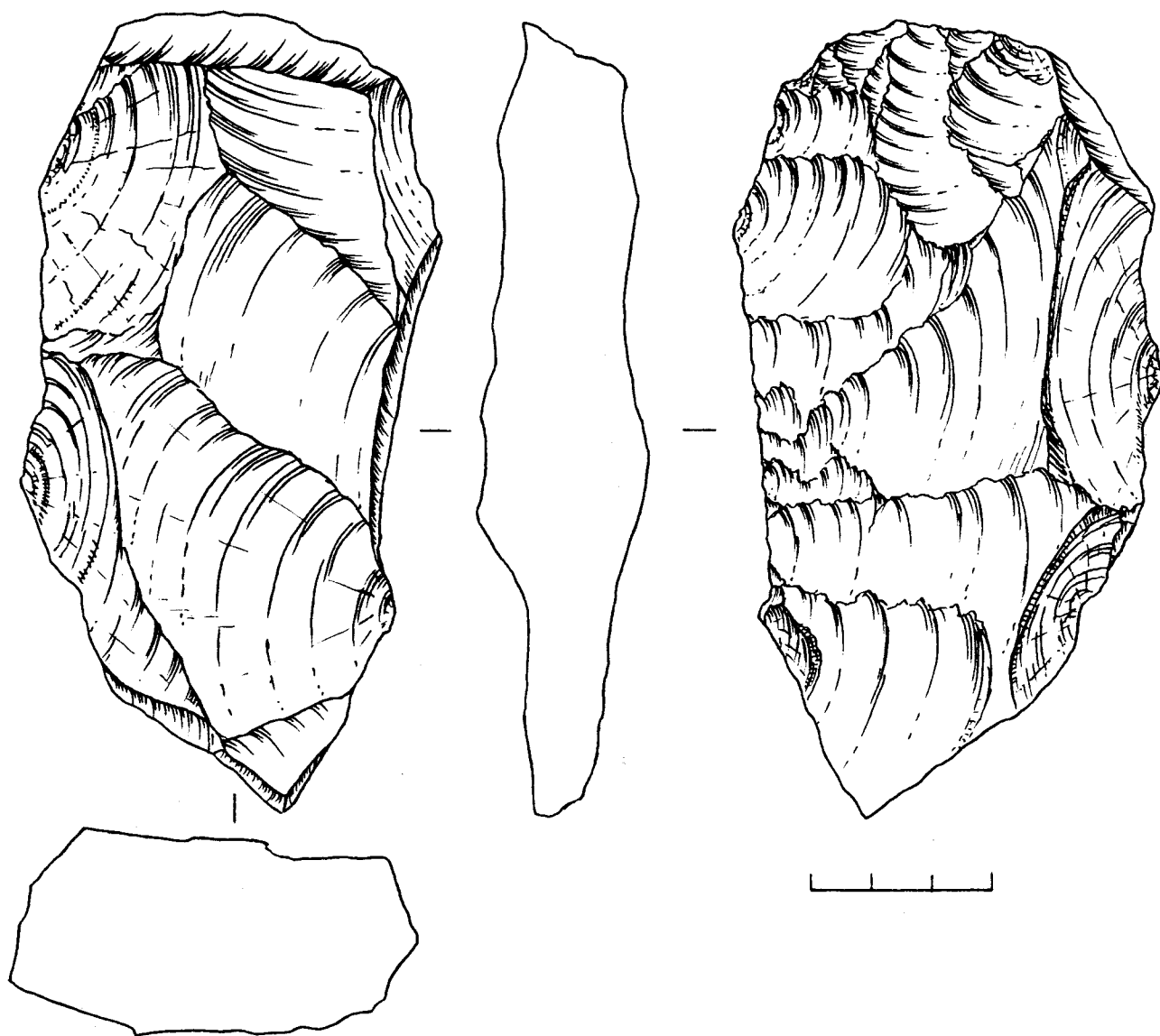

Рис. 45. Заготовка бифаса со стоянки Олынь

участок поверхности плитчатой отдельности (рис. 44, 1). К ножам отнесен двусторонне обработанный вкладыш с асимметричным прямым основанием (рис. 44, 5). Остальные вкладыши представлены фрагментами (рис. 44, 8-10). Прочие изделия являются расслоившимися и неопределимыми фрагментами орудий. Стоянка датирована поздненеолитическим временем.

Стоянка Джугаджака III найдена на водоразделе рр. Джугаджака и Олынь, на отдельно стоящем холме, в 500 м к югу от стоянки Джугаджака II. На раздернованной поверхности холма на площади 10-15 м² было собрано 18 изделий, среди которых 3 крупных (более 3 см) отщепа и 11 пластинчатых отщепов из кремня, 1 халцедоновый отщеп и 3 орудия.

Пластинчатые отщепы шириной 1,2-4,5 см, длиной до 6,7 см. Сечение пластин подтреугольное и трапецевидное. Все три орудия - наконечник и два фрагмента бифасов - изготовлены на плитках сланца. Основание наконечника повреждено и трудно определимо. Одна из поверхностей наконечника после обработки ее ретушью была пришлифована. С другой стороны обработаны лишь края орудия. Стоянка датирована неолитическим временем.

Стоянка Олынь

Стоянка расположена на перевале между рр. Джугаджака и Олынь. На ровной, частично раздернованной поверхности небольшого холма, расположенного по центру перевала, найдено скопление каменных материалов в пределах 1,5-2 м², представленное отщепами и бифасиально обработанными заготовками из кремневого туфа (рис. 45-49). Заготовки могли использоваться для изготовления орудий или нуклеусов. Стоянка датируется каменным веком.

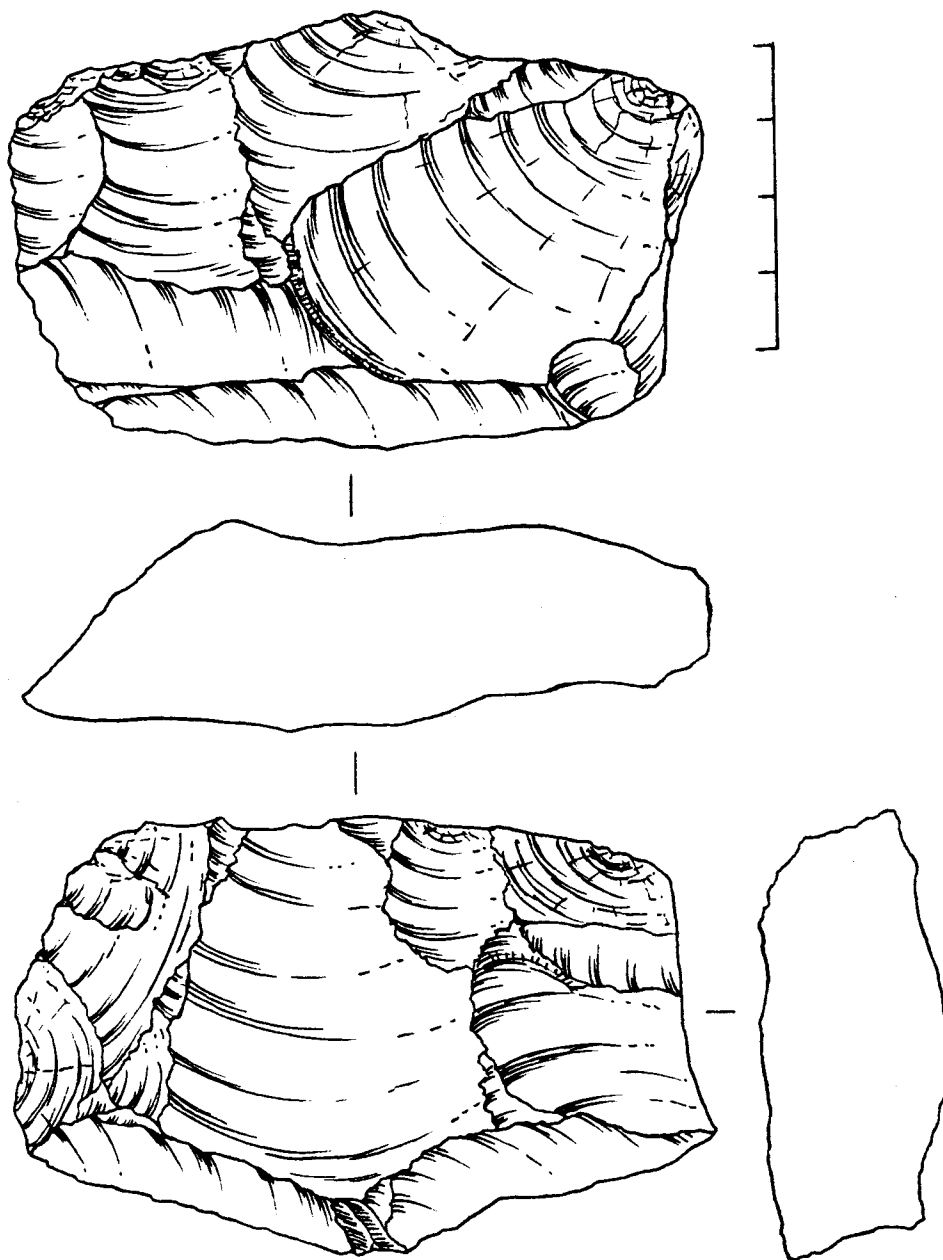

Рис. 46. Заготовка бифаса со стоянки Олынь

Стоянка Купка I

Стоянка расположена в районе Охотско-Колымского водораздела, на перевале между рр. Кананыга, впадающей в Охотское море, и Правая Купка (правый приток р. Буюнда). На раздернованной поверхности перевала в пункте I, на площади около 4 м² найдено 32 каменных предмета, среди которых 12 отщепов, 10 пластинок и 10 орудий.

Отщепы из светлого кремня преимущественно средних и крупных размеров (1-3 см). Некоторые из них имеют краевую ретушь и могли использоваться в качестве орудий. Ножевидные пластинки треугольного и подтрапцевидного поперечного сечения. Их ширина 0,6-1,4 см (рис. 50, 1-4). Пластины по краям частично ретушированы.

Среди орудий выделены наконечник стрелы, резец, скребок, 5 фрагментов бифасов, вкладыш и выемчатое орудие. Наконечник стрелы черешкового типа, с пологими, плавно переходящими на лезвие плечиками и вытянутым подтреугольным черешком. Он полностью обработан с обеих сторон отжимной ретушью и имеет линзовидное поперечное и продольное сечение. У наконечника обломаны лишь самые кончики черешка и острия (рис. 50, 7).

Резец полиэдрического типа, с подтреугольной ретушированной рукояткой (рис. 50, 8).

Скребок изготовлен на отщепе. Мелкой унифасиальной ретушью обработан нижний край отщепа (рис. 50, 12).

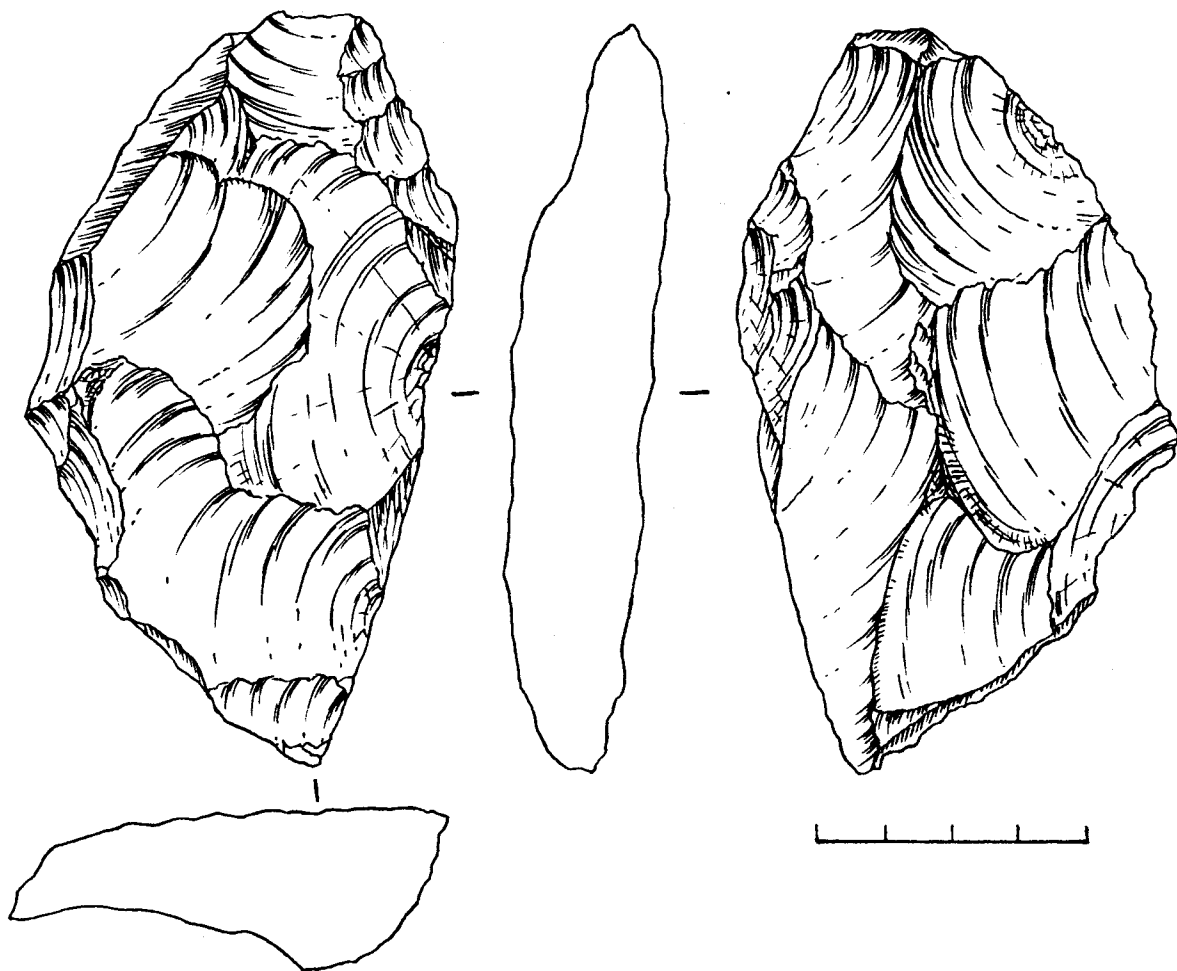

Рис. 47. Заготовка бифаса со стоянки Олынь

Из пяти бифасиальных орудий, представленных фрагментами, одно находилось, видимо, еще на стадии заготовки. Два других представляют собой обломки ножей (рис. 50, 9, 13). Судя по материалу, качеству обработки и размерам, не исключено, что эти фрагменты составляют одно орудие - двусторонне обработанный нож с изогнутой рукояткой и выпуклым лезвием, имеющим линзовидное поперечное сечение. Еще два бифаса являются фрагментами ножей или наконечников. Один имеет слегка выпуклое основание; основание другого приострено. У обоих поперечное сечение линзовидное (рис. 50, 10, 11). Вкладыш изготовлен из светлого кремня. Он имеет прямые края, уплощенно-линзовидное сечение, с обеих сторон обработан стелящейся ретушью (рис. 50, 6).

Выемчатое орудие сделано на кремневом отщепе. С противоположных сторон унифасиальной ретушью оформлены две выемки глубиной 0,2-0,3 см и шириной 0,7-0,8 см. Края отщепа частично обработаны унифасиальной ретушью (рис. 50, 5).

В пункте Купка Ia, в 5 м от пункта I, на раздернованной поверхности перевала на площади 2 м² найдено 11 каменных изделий, среди которых 2 мелких отщепов, 6 ножевидных пластинок из серого и белого кремня шириной 0,6-0,8 см. Все пластинки обработаны мелкой краевой унифасиальной ретушью со стороны бруска. Одна пластинка имеет частично усеченный край. Среди других находок - резцовый скол с полиэдрического резца, скол с нуклеуса с негативами трех снятий, заготовка полиэдрического резца с треугольной рукояткой длиной 4 см, шириной 1,5 см, фрагмент орудия, обработанного мелкой краевой ретушью (один край - унифасиальной, другой - бифасиальной). Стоянка датируется неолитом.

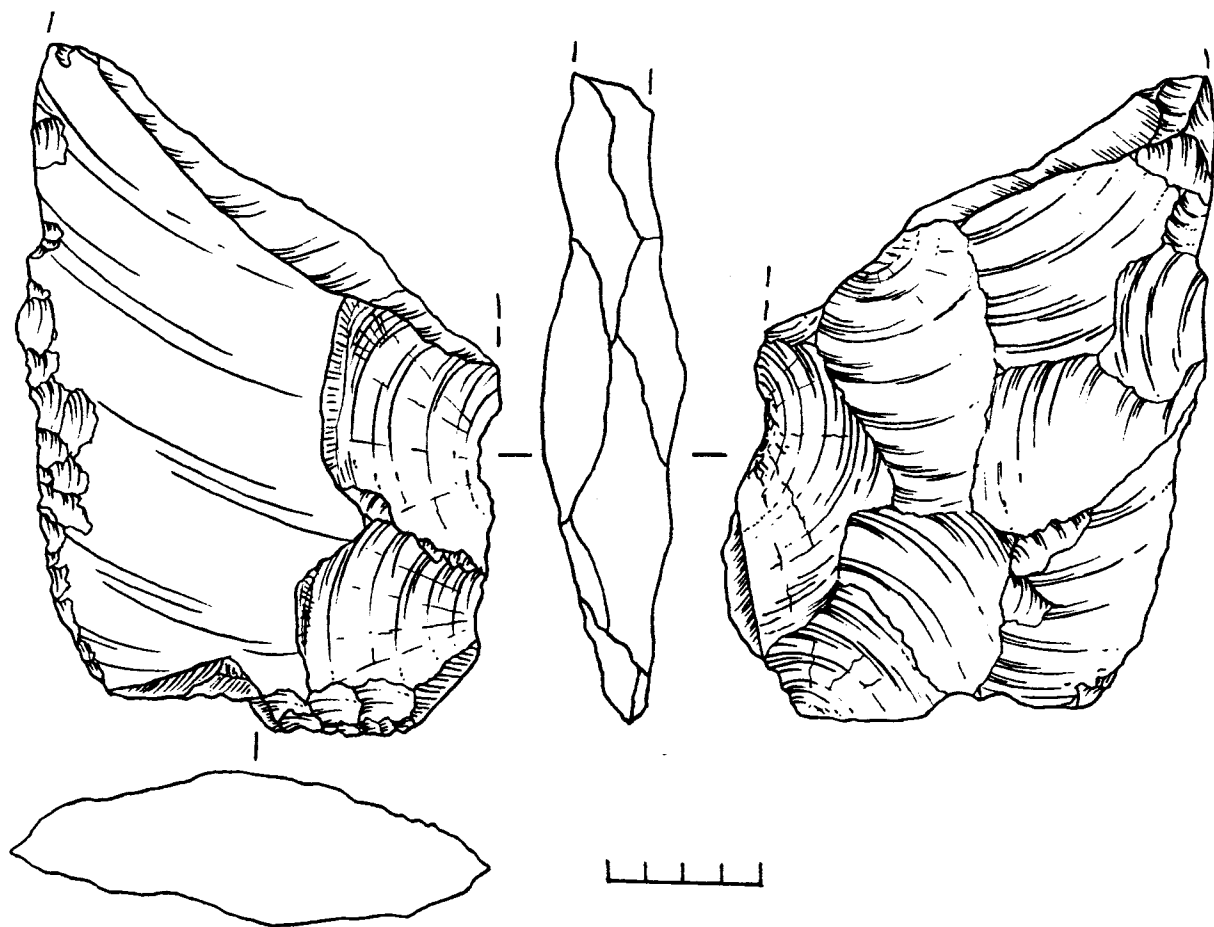

Рис. 48. Заготовка бифаса со стоянки Олынь

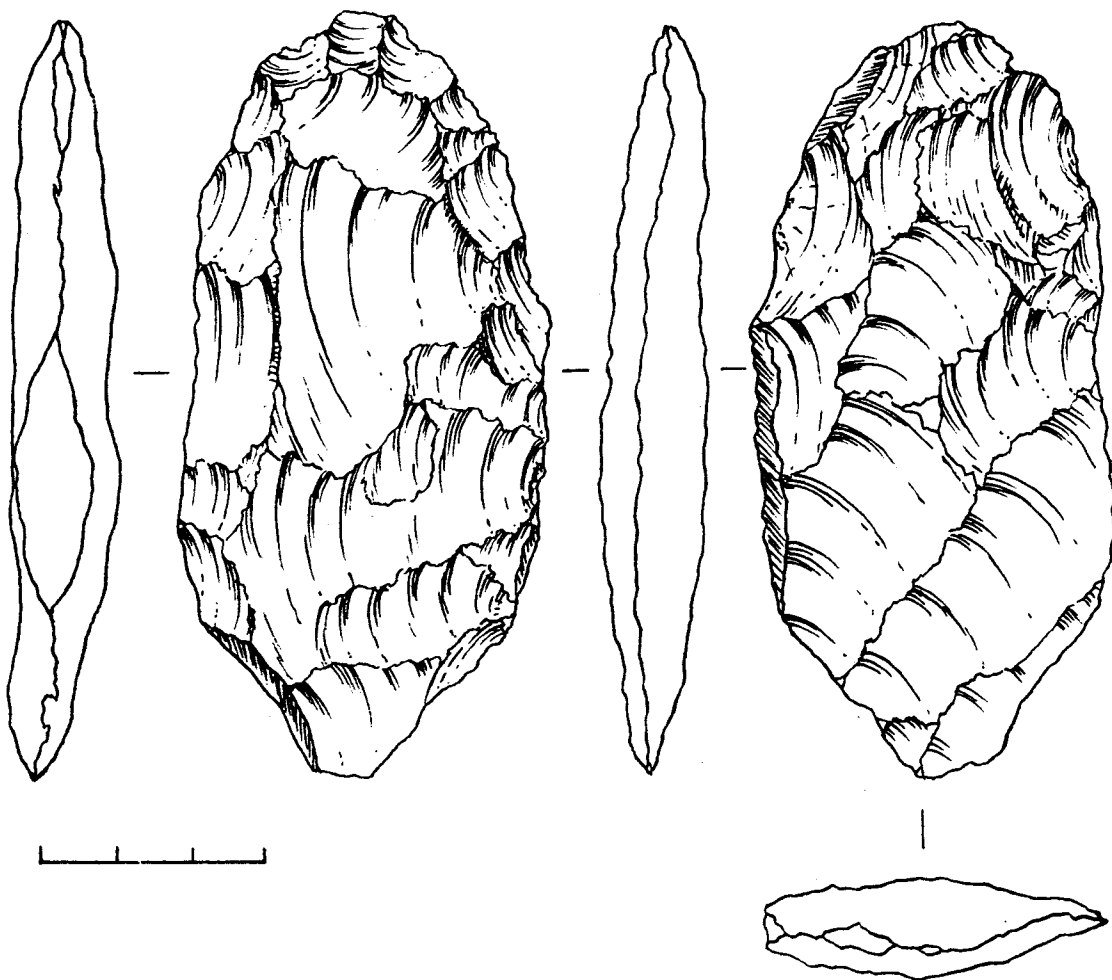

Рис. 49. Заготовка бифаса со стоянки Олынь

Стоянка Этэргэн. Стоянка открыта на восточном берегу оз. Этэргэн в верховьях р. Иня. Она приурочена к высокой (до 6-8 м) террасе, протянувшейся вдоль берега озера. В шурфе размерами 1×1 м, заложенном на террасе под дерном, на глубине 10-12 см были найдены кремневые отщепы и обломок орудия на тонкой кремневой плитке. Орудие обработано грубой (вероятно, ударной) краевой бифасиальной ретушью (рис. 20, 11). Стоянка предварительно датируется каменным веком.

Стоянки долины р. Гипотетический

Стоянки Гипотетический I-XV расположены в верховьях реки, в пределах Хетинского плато, вблизи водораздела, отделяющего бассейн р. Гипотетический от долин других рек, или непосредственно на нем. Хетинское плато представляет собой горную возвышенность (до 1200 м над уровнем моря) со сглаженными очертаниями склонов. Перевалы имеют пологие очертания со стороны бассейна р. Гипотетический и круто обрываются в соседние с ней долины. В пределах бассейна верховий р. Гипотетический преобладает тундровый и лесотундровый ландшафт.

Из 15 стоянок, найденных в верховьях реки, в данной работе рассматриваются только те, что имеют диагностические материалы и датируются неолитом или более поздним временем. Памятники,

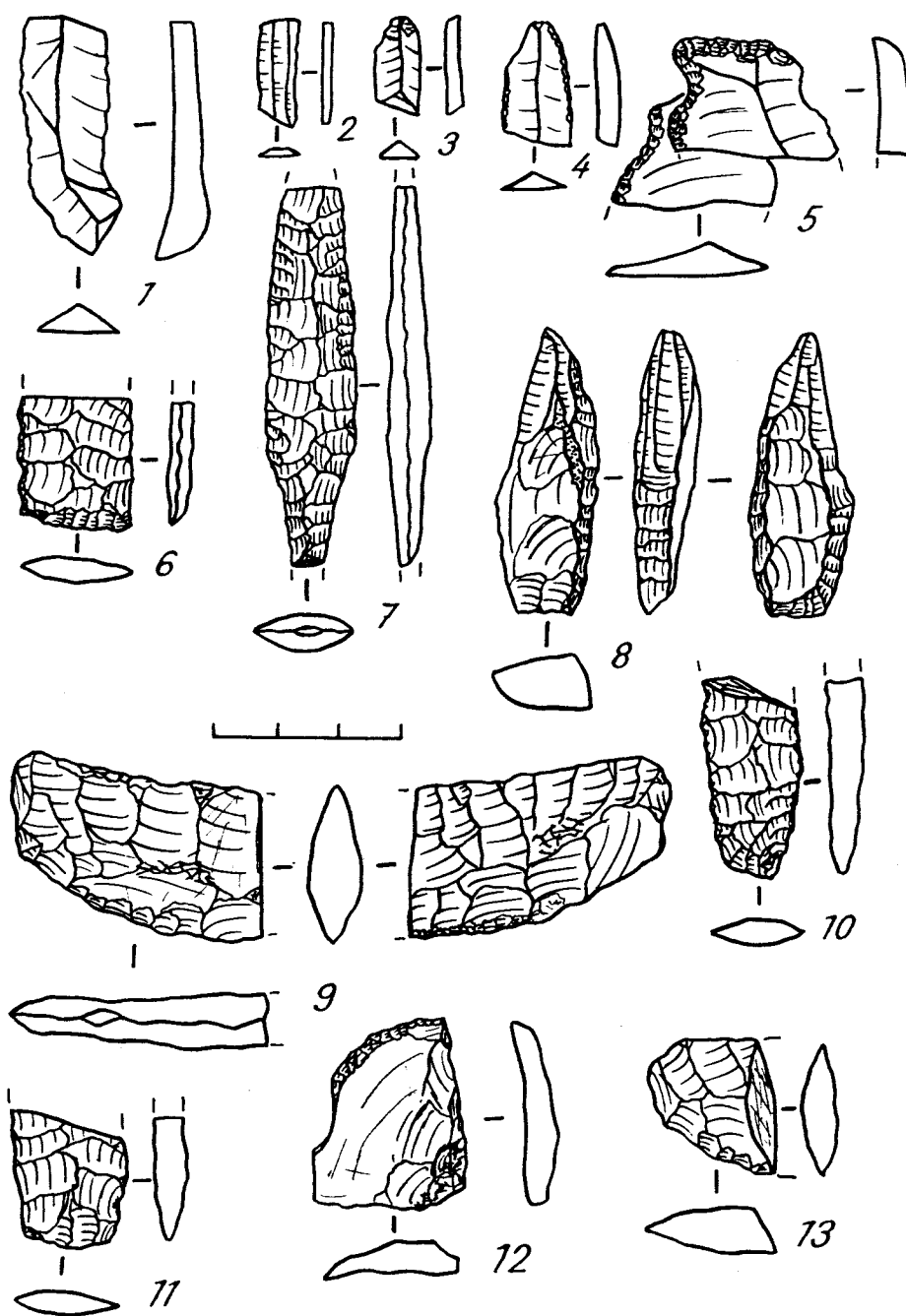

Рис. 50. Каменные орудия со стоянки Купка

отнесенные к раннеголоценовому периоду истории Верхней Колымы, были описаны ранее [Слободин, 1999a]. В среднем течении р. Гипотетический была открыта стоянка Майка.

Стоянка Майка расположена в долине р. Гипотетический, на левом приустьевом мысу небольшого ручья, впадающего по левому берегу. Мыс высотой 5-7 м сильно подмыт ручьем, и часть материала из обнажения по краю уже осыпалась в воду. Поверхность мыса хорошо задернована, но мощность дерна невелика, и он исключительно насыщен находками. Большинство из них - кремневые отщепы. По

краю обнажения и на раздернованных участках стоянки был собран подъемный материал, представленный нуклеусом, заготовкой нуклеуса, фрагментами бифасиальных орудий, ножевидными пластинками, ребристым сколом и скреблом. Все они, кроме двух обсидиновых пластинок, сделаны из серого и коричневатого кремня.

Нуклеус уплощенно-конической формы с прямой отжимной площадкой (рис. 51, б). Пластины скалывались по всей окружности нуклеуса. Заготовка нуклеуса имеет подпризматическую форму и под-

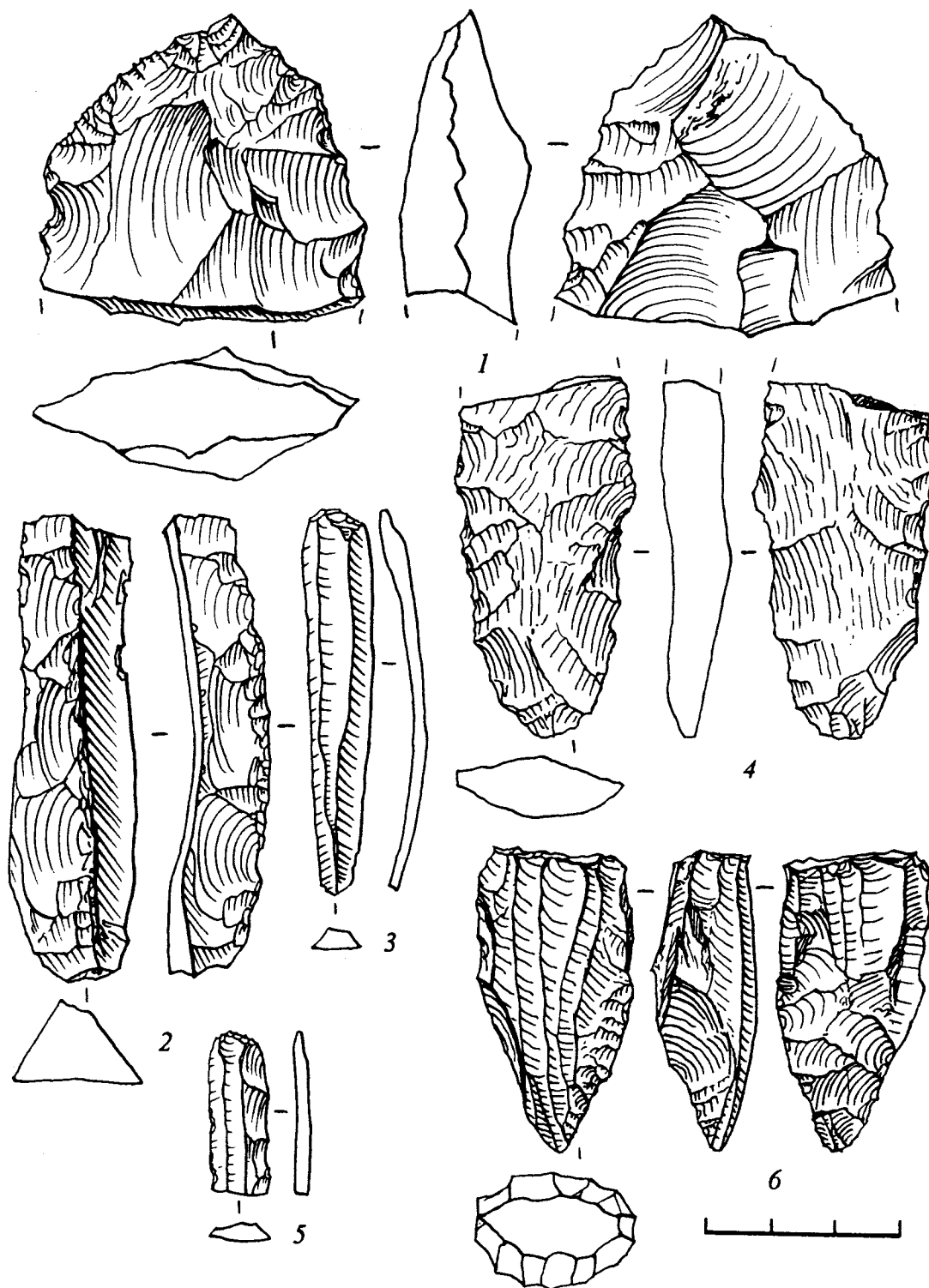

Рис. 51. Каменные орудия со стоянки Майка

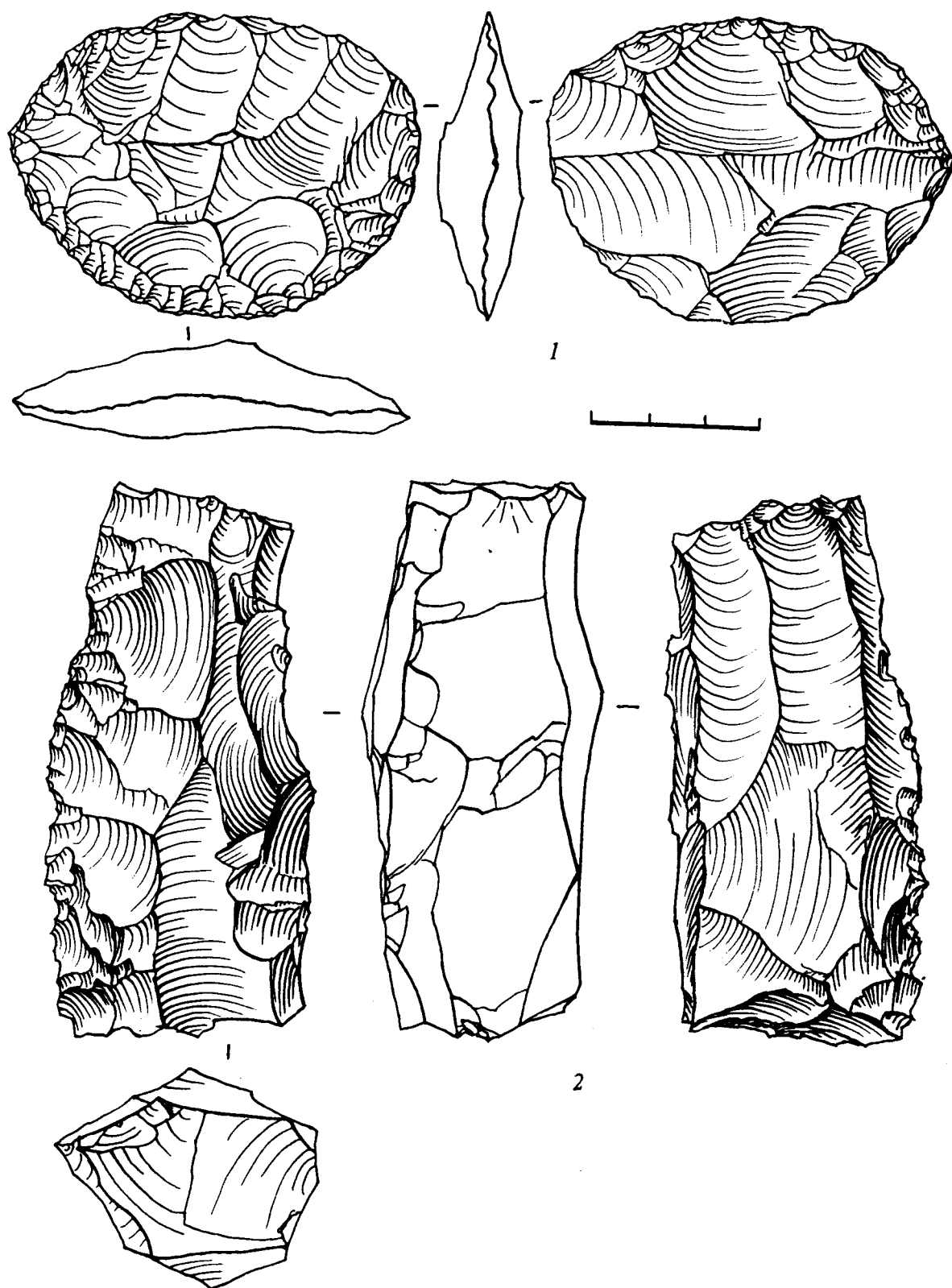

Рис. 52. Каменные орудия со стоянки Майка

готовлена поперечными сколами для скалывания пластин, две из которых уже сняты (рис. 52, 2). Крупные ребристые сколы из кремня другого цвета указывают на обработку на стоянке и других заготовок нуклеусов (рис. 51, 2). Использовался для изготовления нуклеусов и обсидиан, из которого сделаны микропластинки правильной огранки (рис. 51, 3, 5).

Один из фрагментов орудий представлен, видимо, бифасиально обработанной заготовкой ножа (рис. 51, 1), второй - уже законченным и сломанным орудием (возможно, нож или наконечник копья) с длинным узким лезвием листовидной формы (рис. 51, 4).

Скребло имеет овальную форму в плане и линзовидную в сечении (рис. 52, 1). Оно тщательно обработано с обеих сторон по всей поверхности крупными уплощающими сколами и мелкой краевой ретушью по краю. С одного конца орудия небольшой выступ, имеющий, видимо, какое-то функцио-

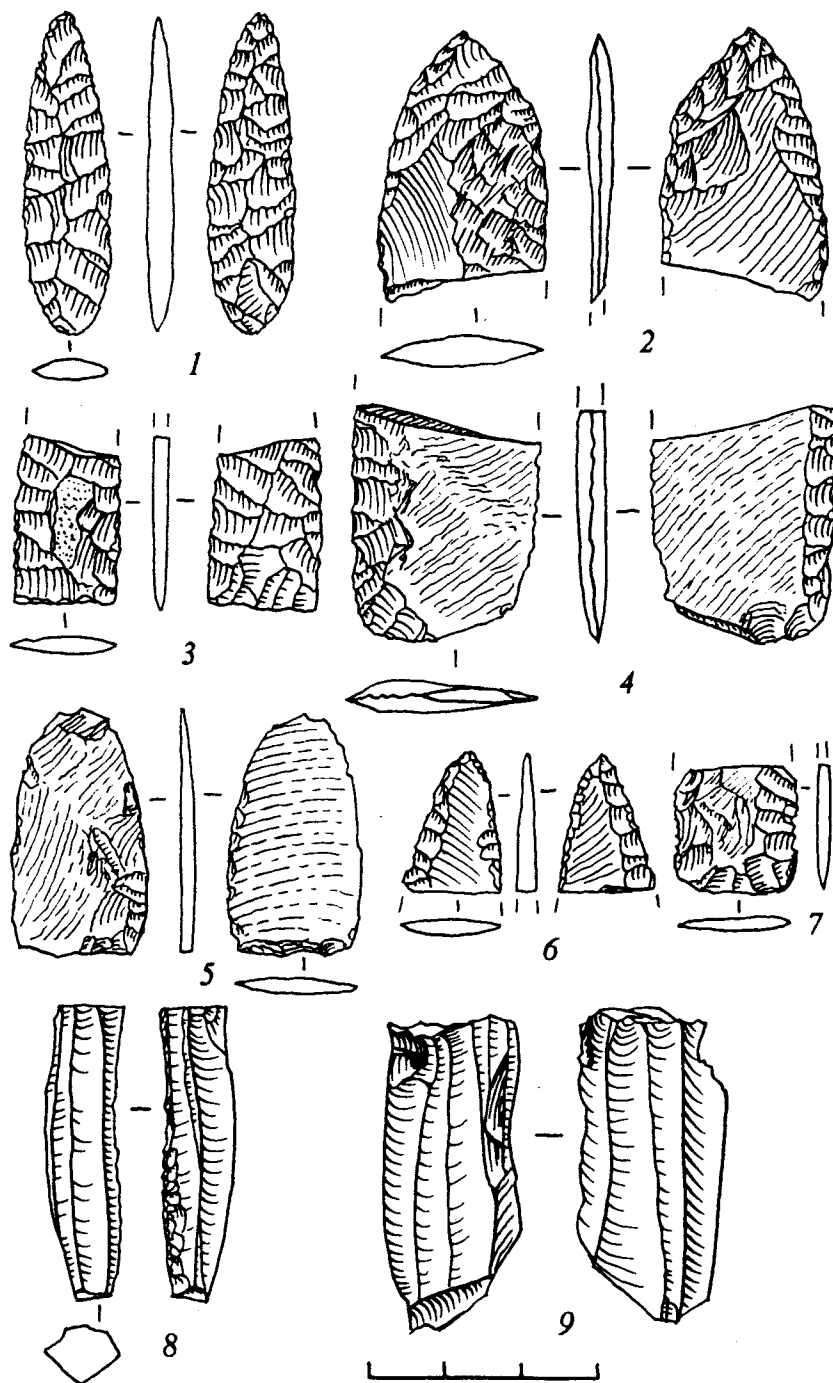

Рис. 53. Каменные орудия со стоянок Гипотетический V (1), XI (2-7), Малтан I (8, 9)

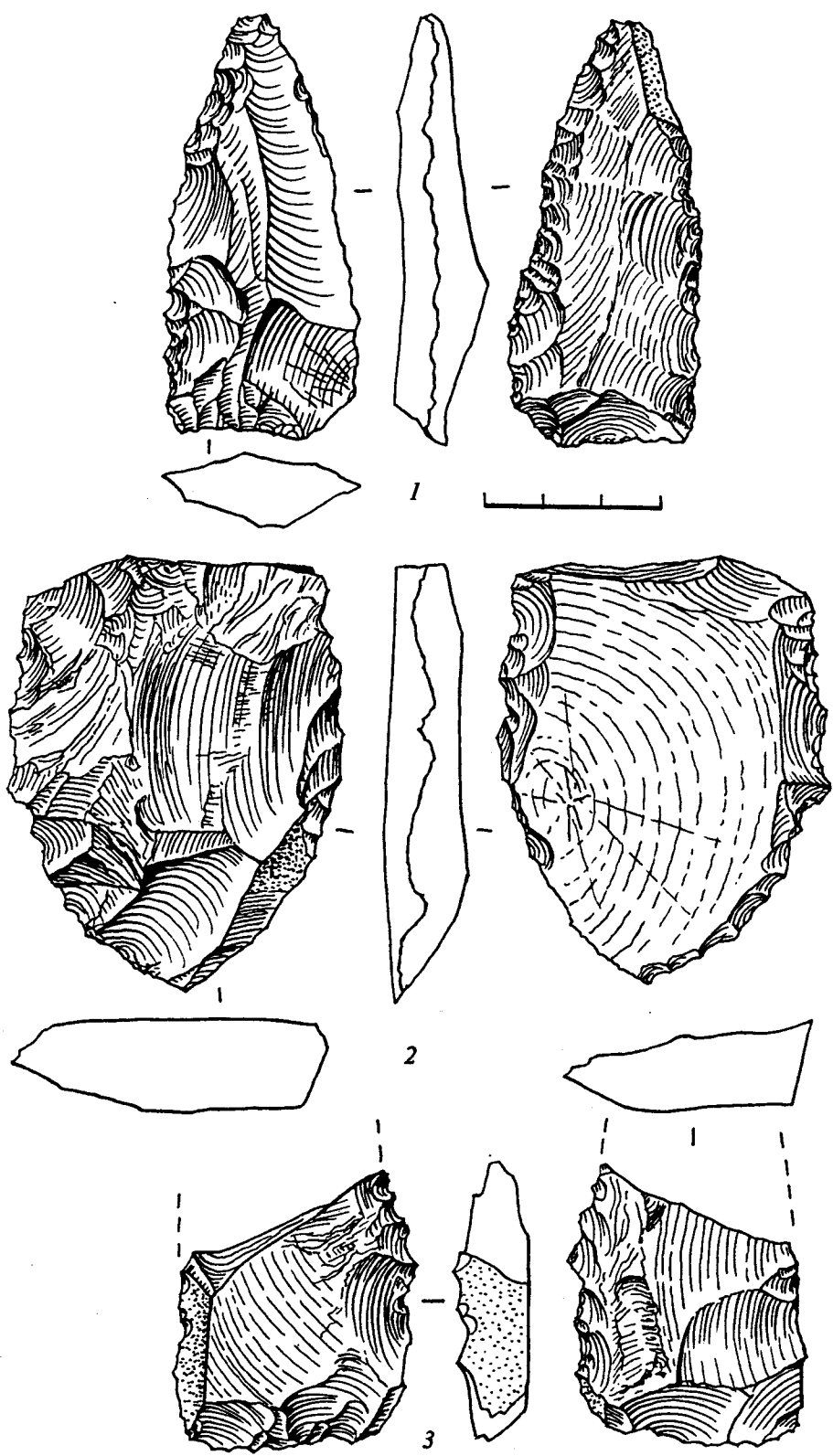

Рис. 54. Каменные орудия со стоянки Гипотетический IX

нальное значение. На лезвии визуально видны отчетливые следы заполированности - свидетельство использования орудия в качестве скребла. Материалы со стоянки предварительно датированы неолитом.

Стоянка Гипотетический III расположена на водораздельном пространстве рр. Гипотетический и Левый Асан. На развешенной поверхности узкого уступа найдены концевой скребок на отщепе из белого кремня и фрагмент двусторонне ретушированного орудия. Стоянка датирована неолитическим временем.

Местонахождение Гипотетический V открыто на вершине перевала, между рр. Гипотетический и Нерега. На щебенистой поверхности перевала найден бифасиально обработанный листовидный наконечник стрелы из халцедона (рис. 53, 1). Наконечник датирован неолитическим временем.

Стоянка Гипотетический IX расположена в устье второго от вершины долины притока р. Гипотетический, впадающего справа. На пологой раздернованной поверхности мыса были найдены кремневые отщепы и несколько грубо обработанных кремневых орудий (возможно, заготовки) и их фрагментов. Одно изделие представляет собой крупный наконечник подтреугольной формы, обработанный крупными сколами по поверхности и ретушированный частично по краям (рис. 54, 1). Два других - фрагменты крупных бифасиально обработанных орудий, окончательная форма которых не ясна (рис. 54, 2, 3). Стоянка датируется неолитическим временем.

Стоянка Гипотетический X расположена несколько выше по склону от стоянки Гипотетический IX, на небольшом террасовидном уступе. На развешенной поверхности уступа найдены большое количество кремневых отщепов и три орудия: два бифаса из серого кремня и отбойник.

Один из бифасов овальной формы, грубо оббитый, с неровным лезвием (возможно, неоконченный) (рис. 55, 1), другой - узкий длинный клинок листовидной формы, тщательно обработанный крупными фасетками сколов (рис. 55, 2). Один его конец слегка заужен под рукоятку, поперечное сечение асимметричное, что является следствием утончения лезвия клинка. По типологии этот бифас сходен с обломком изделия со стоянки Майка (рис. 51, 4), расположенной на 20 км ниже по долине р. Гипотетический. Овальная речная галька, найденная на стоянке, использовалась, судя по следам дебитаж на ее поверхности, в качестве отбойника. Стоянка датируется неолитическим временем.

Стоянка Гипотетический XI расположена на 350 м выше по притоку от стоянки Гипотетический X. Подъем по вертикали при этом составляет около 30 м. На ровной развешенной поверхности террасовидного уступа найдены каменные орудия, сделанные на тонких сланцевых плитках серого цвета. Все они обработаны мелкой краевой ретушью. Среди них выделены изделия с прямым и скошенным основанием (рис. 53, 2-7). Стоянка датируется финалом неолита.

Стоянка Гипотетический XII расположена на левом приустьевом мысу третьего (от перевала) правого притока р. Гипотетический. В обнажении террасы, проходящей по мысу, найдено несколько кремневых двусторонне оббитых заготовок и микропластинок. Материалы стоянки отнесены к неолиту.

Стоянка Гипотетический XIII расположена в 100 м от стоянки Гипотетический XII в глубь террасы. Здесь начинается зона редколесья. На разрушенных участках террасы найдены 5 заготовок бифасов (рис. 56, 1, 2; 57, 1), 2 заготовки нуклеусов (рис. 57, 2, 3) и ножевидная микропластинка. Все из серого кремня. Стоянка датирована неолитом.

Стоянка Хета

Стоянка открыта в 1991 г. в районе Охотско-Колымского водораздела, в 200 км к северо-востоку от г. Магадана (61°05' северной широты, 151°45' восточной долготы). Она расположена на скалистом уступе III надпойменной террасы высотой 10-15 м. в месте слияния рр. Правая и Левая Хета, в районе Майманджийского хребта. Абсолютная отметка стоянки 800 м.

Рельеф осевой части Майманджийского хребта с абсолютными высотами 1300-1700 м глубоко расчлененный, островершинный, имеет альпинотропный облик. По мере удаления от осевой части хребта

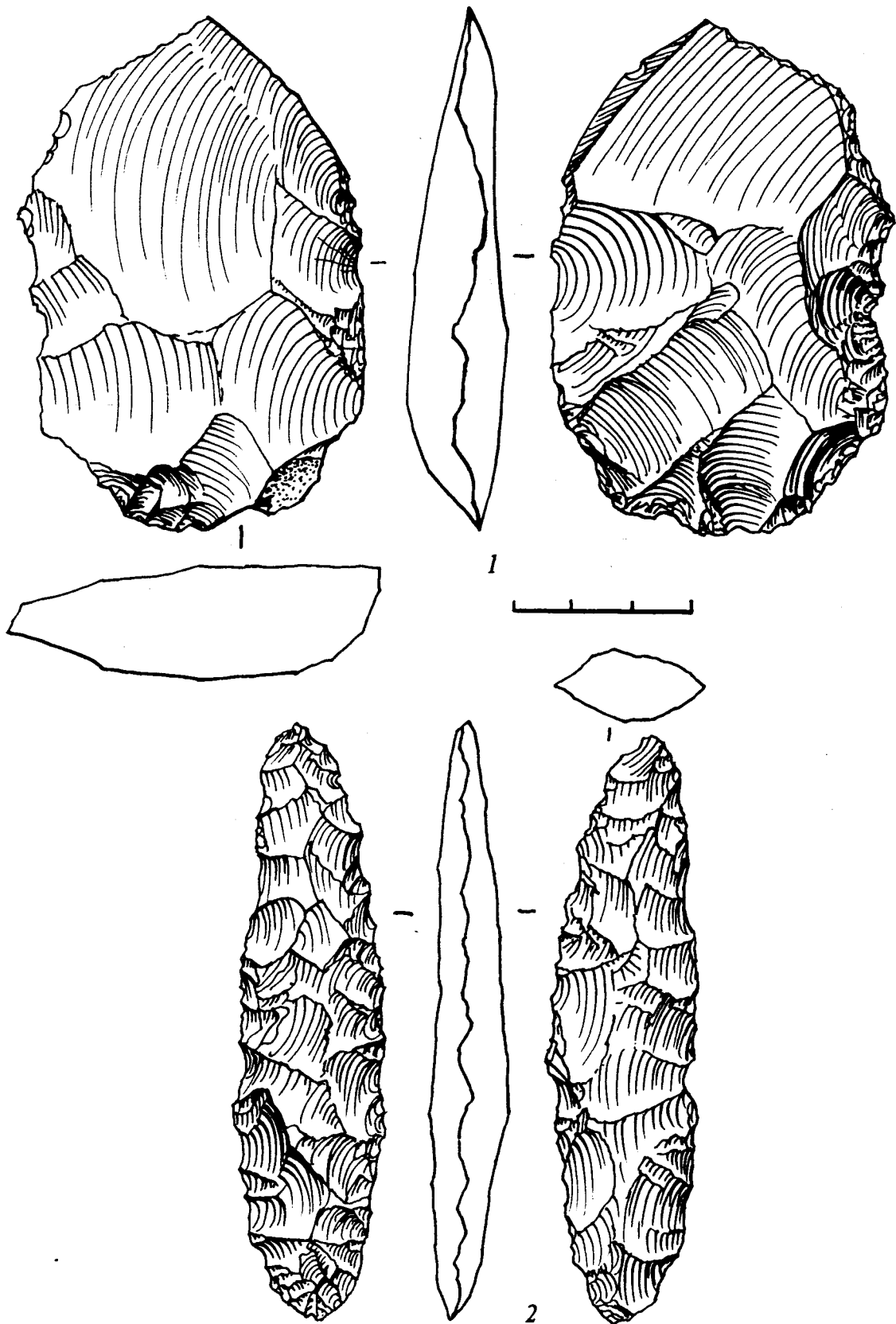

Рис. 55. Каменные орудия со стоянки Гипотетический X

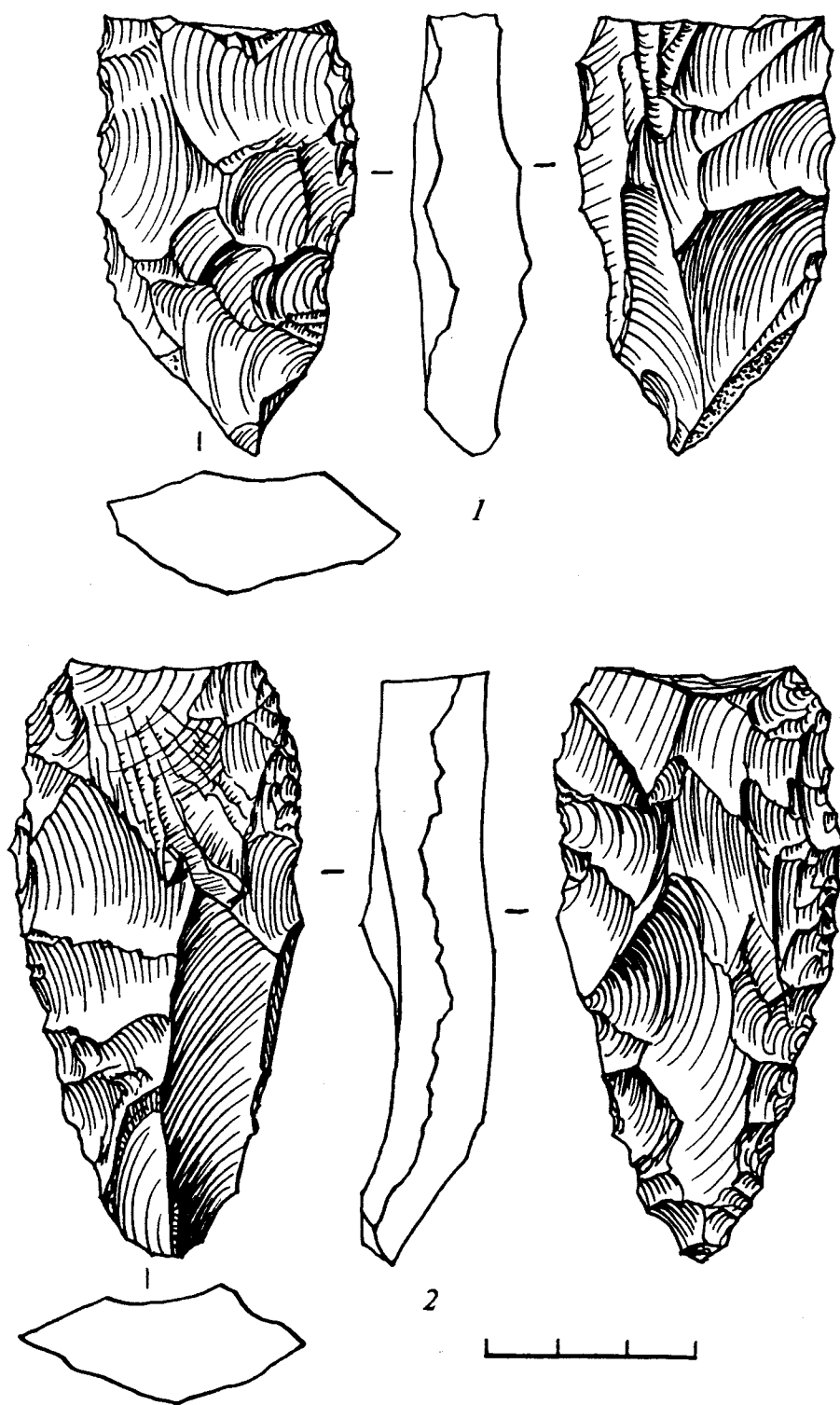

Рис. 56. Каменные орудия со стоянки Гипотетический XIII

глубина рассечения склонов постепенно уменьшается и рельеф приобретает платообразный облик с абсолютными отметками вершин 1000-1200 м.

Наиболее распространенный тип растительности района - лиственный редколесье, а на отметках выше 1000 м над уровнем моря - тундра кустарниковая, лишайниковая. В геологической литературе о Северо-Востоке этот район известен как Хетинское плато [Халцедоны..., 1987. С. 28, 29]. Здесь широко представлены разнообразные кремнистые породы, агаты, халцедоны, имеется месторождение

агальматолита. В то же время качество агатовых пород невысокое из-за сильной трещиноватости. Большинство из пригодных для обработки пород можно найти в виде галек на косах в долине р. Хета, прорезавшей Хетинское плато в его южной части.

Стоянка частично разрушена проложенным через нее телефонным кабелем. Исследования позволили установить, что стоянка многослойная и содержит, помимо находок из верхнего слоя, отнесенных к неолиту, нижний культурный слой, являющийся палеолитическим (позднеплейстоценовым) как по технико-типологическим показателям, так и по стратиграфическому положению. Кроме того, выделен еще один орудийный комплекс, занимающий промежуточное положение.

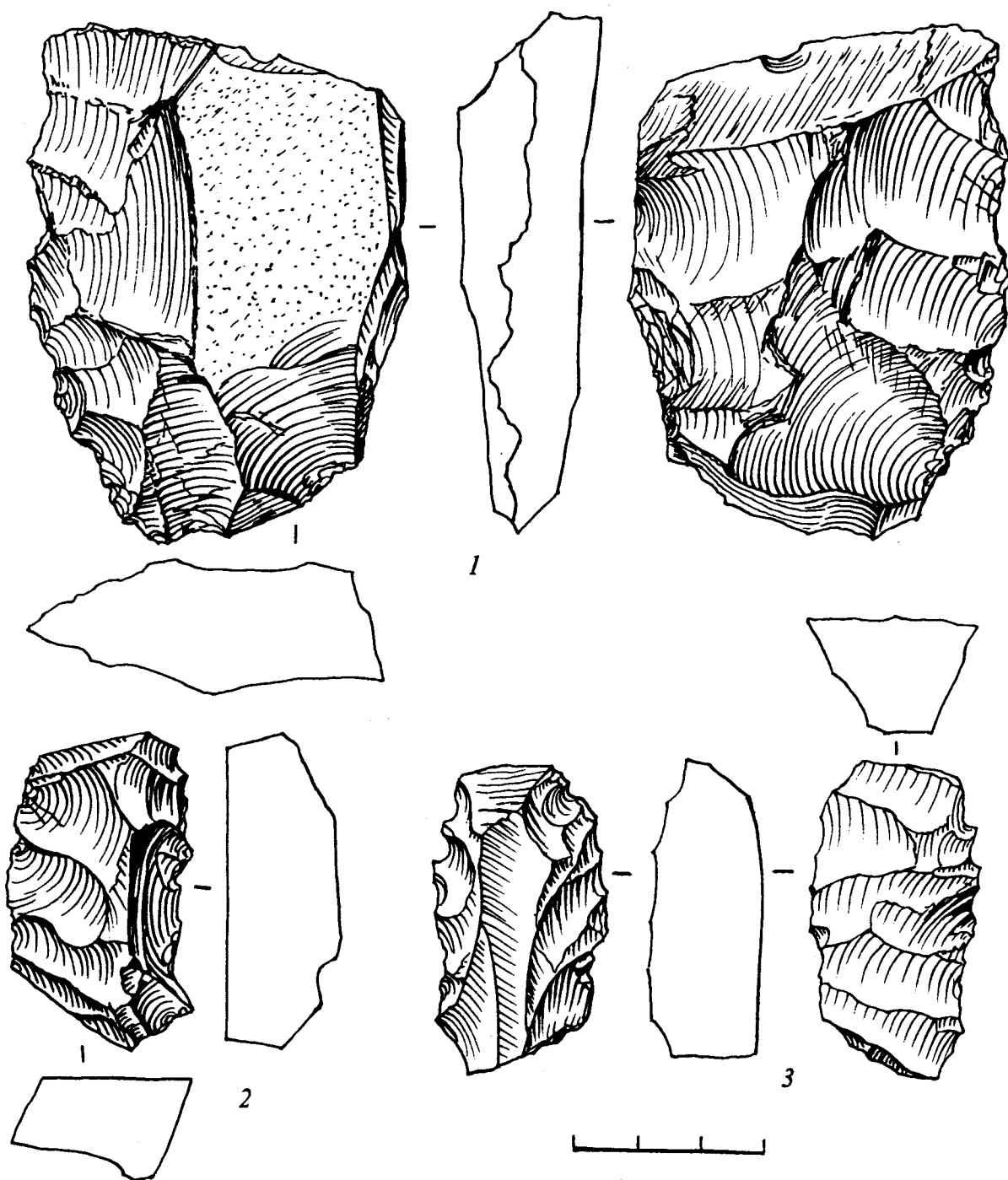

Рис. 57. Каменные орудия со стоянки Гипотетический XIII

Разрез рыхлых отложений стоянки имеет следующее строение:

	Мощность, м
Почвенно-растительный слой	0,0-0,1
Легкий палевый суглинок (верхний культурный слой)	0,1-0,2
Светло-серый вулканический пепел	0,2-0,3
Серая супесь с углистостью	0,3-0,35
Рыжая супесь (нижний культурный слой)	0,35-0,45
Разнозернистый песок, мелкая галька	0,45-0,5
Коренные породы, глинистые сланцы	Более 500

Разрушения на стоянке коснулись прежде всего верхних слоев, содержащих неолитический материал, но в ряде мест затронули и нижний слой. Материалы из нижнего слоя были рассмотрены ранее и датированы палеолитом [Слободин, 1999а]. Часть материалов из верхних слоев уже опубликована [Слободин, 1999а. Рис. 11-15].

Верхний культурный комплекс фиксируется в слоях, залегающих выше пепловой прослойки, содержит материалы эпохи металлов, неолитические и более ранние комплексы возрастом до 8 тыс. лет. Разделить их пока не представляется возможным ни по типологии орудий, ни по сырью.

Этот комплекс характеризуется большим количеством отщепов, из которых 5118 экз. из кремня и 75 экз. из халцедона. Здесь найдены 582 кремневые ножевидные пластинки, 15 нуклеусов и их заготовок, более 20 орудий.

Большинство отщепов маленького и среднего размера и являются отходами вторичной обработки изделий. Ножевидные пластинки имеют ширину до 0,3-1,9 см. Средняя ширина большинства пластинок 0,5-0,7 см. Около 20 пластинок обработано мелкой краевой унифасиальной ретушью вдоль одного или обоих краев. Несколько пластинок с притупляющей ретушью.

Заготовки нуклеусов представлены 4 экз. Они имеют подпризматическую форму, округлую отжимную площадку. По всей поверхности с них скалывались грубые короткие пластинчатые отщепы. Высота заготовок 3,4-4,8 см, ширина 2,2-3,8 см. Для их изготовления использовался кремнь различных оттенков.

Более представительна группа нуклеусов, на поверхности которых следы снятия четких подпризматических пластинок. Среди них выделяются 6 конических, призматический одноплощадочный, призматический двухплощадочный и конический уплощенный нуклеусы.

Конические нуклеусы имеют вид почти полностью сработанных изделий. Их рабочие площадки аккуратно подработаны мелкой ретушью по всей поверхности.

Призматический одноплощадочный нуклеус имеет скошенную отжимную площадку. Фронт плоскости скалывания подправлен мелкой ретушью.

У призматического двухплощадочного нуклеуса округлые отжимные площадки, одна из которых повреждена. Они тщательно подработаны по всей окружности мелкой отжимной ретушью. Поверхность нуклеуса слегка выпуклая.

Конический уплощенный нуклеус использовался для снятия ножевидных пластинок по всей его поверхности. Фронт плоскости скалывания подправлен ретушью, скашивающей отжимную площадку в сторону, противоположную фронту скалывания (рис. 58, 4).

Найдено 10 наконечников. Пять из них представлены обломками кончиков, имеющих линзовидное поперечное сечение и бифасиально обработанные поверхности. На поверхности одного фрагмента сохранился небольшой участок галечной корки. Целые наконечники можно отнести к четырем группам: первая объединяет два наконечника листовидной формы. Один изготовлен из кремня, другой - из мягкой породы. Поверхности наконечников полностью обработаны плоской ретушью. Поперечное сечение линзовидное.

Ко второй группе отнесен наконечник стрелы с черешком. Он изготовлен на отщепе желтого туфа. Дорсальная поверхность полностью обработана ретушью; со стороны вентральной поверхности обработаны только острие наконечника, края и черешок, остальная часть сохраняет поверхность первоначального скола. Черешок отделен от лезвия небольшими плечиками. Снизу на него нанесен попереч-

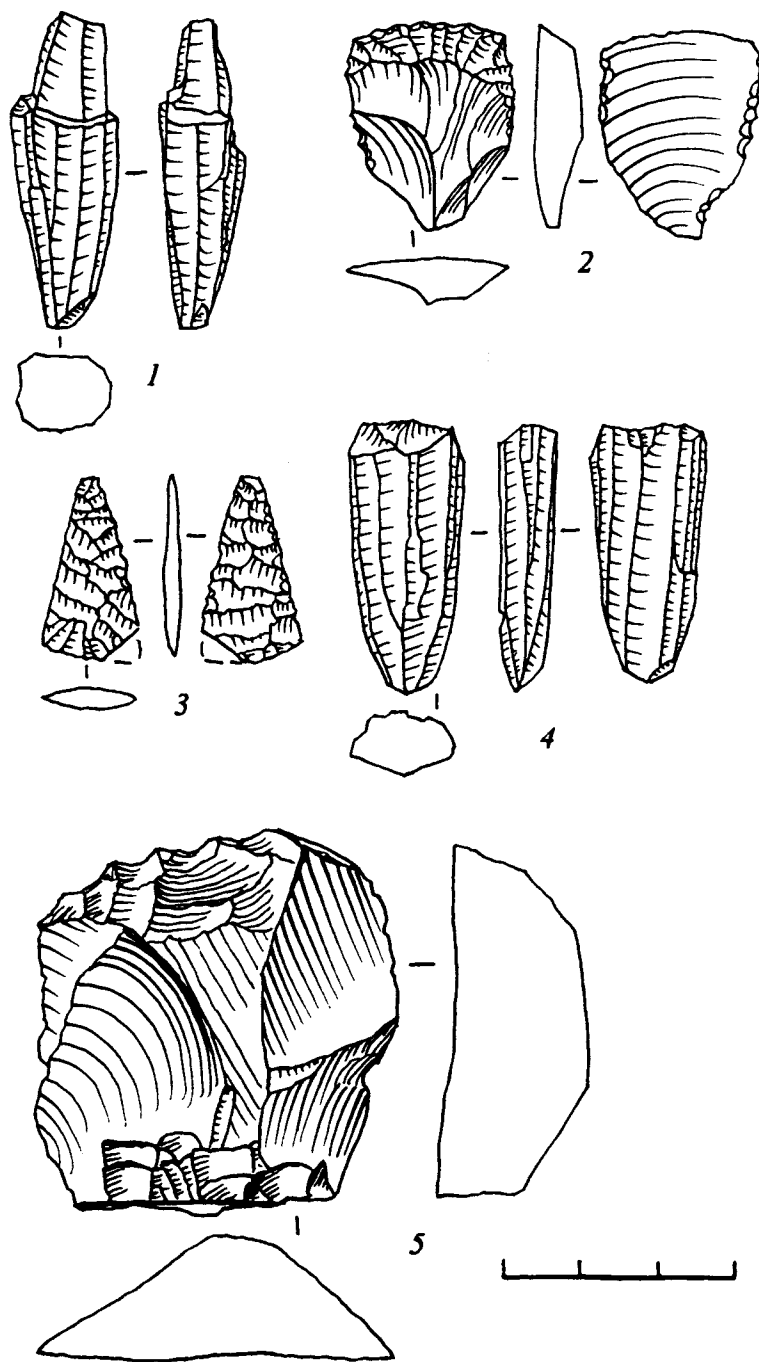

Рис. 58. Каменные орудия из верхних слоев стоянки Хета

ный скол, придавший черешку подпрямоугольную форму. Поперечное сечение асимметричное, односторонне выпуклое.

К третьей группе отнесен наконечник подтреугольной формы со слегка выпуклым основанием. Наконечник аккуратно обработан по всей поверхности ровной параллельной ретушью. Со стороны основания нанесены очень тонкие, уплощающие его сколы, сечение уплощенно-линзовидное (рис. 58, 3). К четвертой группе отнесен наконечник треугольной формы с выемчатым основанием (рис. 59, 4).

К ножам отнесено 6 изделий. Два из них являются двусторонне обработанными заготовками, два других представлены обломками бифасиально обработанных лезвий. Почти целый экземпляр ножа оваль-

ной формы изготовлен из многоцветного халцедона. Он обработан с обеих сторон довольно грубой ретушью, подправлен краевой ретушью. Сечение линзовидное.

К ножам отнесен бифас небольших размеров, имеющий листовидную, близкую к овальной форму. Он полностью обработан двусторонней ретушью, в основании имеет несколько грубых уплощающих сколов. Лезвие со следами сильной заполированности. Имеет линзовидное поперечное сечение.

Скребки представлены разнообразными экземплярами. Самый крупный из них изготовлен на отщепе подпрямоугольной формы. Лезвие оформлено грубыми сколами и имеет неровный (зубчатый) рабочий край. Размеры скребка $4,7 \times 5$ см (рис. 58, 5).

Скребок подтреугольной формы со слегка выпуклым, почти прямым в плане лезвием сделан на кремневом отщепе (рис. 58, 2). Слегка загнутый конец лезвия занимает весь нижний край отщепа. Угол заточки его лезвия $60-65^\circ$. Края подправлены мелкой краевой ретушью.

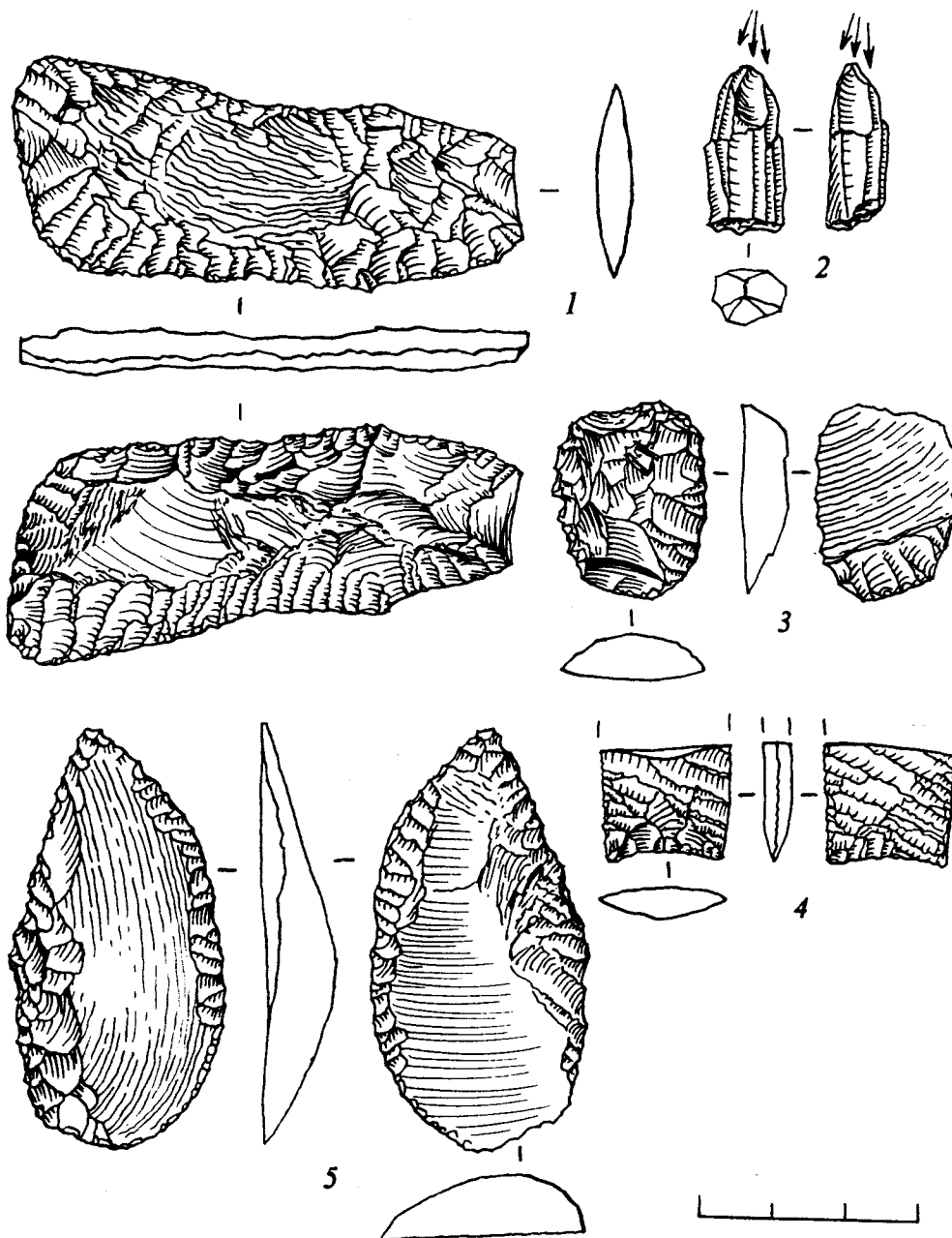

Рис. 59. Каменные орудия со стоянок Левая Хета (1), Хета, верхние слои (2-4), Хета II (5)

Скребок с овально-выпуклым лезвием изготовлен из мягкой породы. Лезвие скребка обработано ретушью, направленной с брюшка на спинку. Так же обработаны боковые края скребка. Размеры его $3,3 \times 2,8$ см, толщина 0,7 см. Угол заточки лезвия $50-60^\circ$.

Боковой скребок изготовлен на кремневом, слегка изогнутом отщепе. Мелкой унифасиальной ретушью обработан один продольный край отщепа. Поперечное сечение подтреугольное.

Скребок со скошенным лезвием на конце ножевидной пластинки имеет подтреугольное поперечное сечение. Концевой скребок овальной формы сделан из халцедона (рис. 59, 3).

К скребкам отнесено оригинальное орудие подпрямоугольной формы с подтрапециевидным поперечным сечением. Дорсальная поверхность образована одним широким сколом. Края обработаны крутой, почти вертикальной ретушью. Дистальному концу скола придана слегка выпуклая форма. Лезвие скребка повреждено несколькими сколами.

Проколка (резчик?) изготовлена на конце кремневой ножевидной пластинки подтрапециевидного сечения. Сходящиеся края пластинки подправлены унифасиальной краевой ретушью: по одному краю - со стороны вентрала, по другому - со стороны дорсала.

Двумя экземплярами представлены полиэдрические резцы с нуклевидной рукояткой. В сечении они имеют округлую форму (рис. 58, 1; 59, 2).

Этим не исчерпывается орудийный набор третьего слоя. В коллекции выделяется около 20 отщепов, обработанных на небольших участках мелкой краевой ретушью. Они могли использоваться в качестве скребков, ножей-резчиков и других вспомогательных орудий.

Обращает на себя внимание малое количество ножевидных пластинок при значительном количестве нуклеусов. Слои, содержащие данный комплекс, залегают выше пепловой прослойки. Изделия из этого слоя находят аналогии в неолитических материалах Чукотки и Якутии (конические нуклеусы, полиэдрические резцы, наконечники, подтреугольные скребки, ретушированные пластинки и др.), и их можно датировать тем же временем. Однако надо учитывать, что в верхний комплекс могли попасть изделия из разрушенных участков стоянки, относящиеся к раннему и среднему комплексу.

Местонахождение Левая Хета II. На высокой 10-метровой террасе левого берега р. Левая Хета, у ее кромки, на развешенной поверхности найден черешковый нож (рис. 59, 1). Он сделан из серого кремня и обработан с обеих сторон. Черешок отделен от лезвия небольшим перехватом. По аналогии с подобными находками на Камчатке и Охотском побережье стоянка датируется I тыс. до н. э. - I тыс. н. э.

Местонахождение Правая Хета I. На 15-метровой террасе правого берега р. Правая Хета, на развешенной поверхности найден нож на отщепе (рис. 59, 5).

Стоянки на оз. Нярка

Озеро Нярка расположено в верховьях р. Наяхан. На его северном берегу были открыты стоянки Нярка I и II. Южный берег образован крутым склоном сопки и лишен удобных для проживания террас. Вдоль северного берега озера протянулись сухие ровные террасы высотой 2-5 м и небольшие мысы. На одной из таких террас расположена стоянка Нярка I. На сильно выдающемся в озеро мысу была открыта стоянка Нярка II. Из озера вытекает небольшая река, впадающая в р. Наяхан. По ее берегам на отдельных стоящих террасах и холмах были выявлены местонахождения, получившие название Исток I - III.

Стоянка Нярка I расположена на 5-метровой террасе, протянувшейся на 100 м вдоль берега озера, в 3 км от истока реки, вытекающей из него. На ее раздернованной поверхности были собраны каменные изделия. Находки размещались неравномерно, что позволило выделить пункты скопления А, Б, В, Г.

В пункте А найдены 501 отщеп, преимущественно мелких и средних (меньше 2 см) размеров из серого и розового туффита, 1 халцедоновый отщеп, 4 пластинчатых скола, 4 обломка неопределимых бифасиально обработанных орудий, 2 кремневые плитки со следами краевой обработки, 3 фрагмента орудий, ребристая пластина (рис. 60, 5) и заготовка.

Среди орудий фрагмент плоского изделия с двусторонне ретушированными краями, прямым основанием, изготовленного на кремневой плитке, естественная поверхность которой сохранилась на обеих плоскостях изделия (рис. 60, 1). Два изделия представлены фрагментами бифасиально обработанных

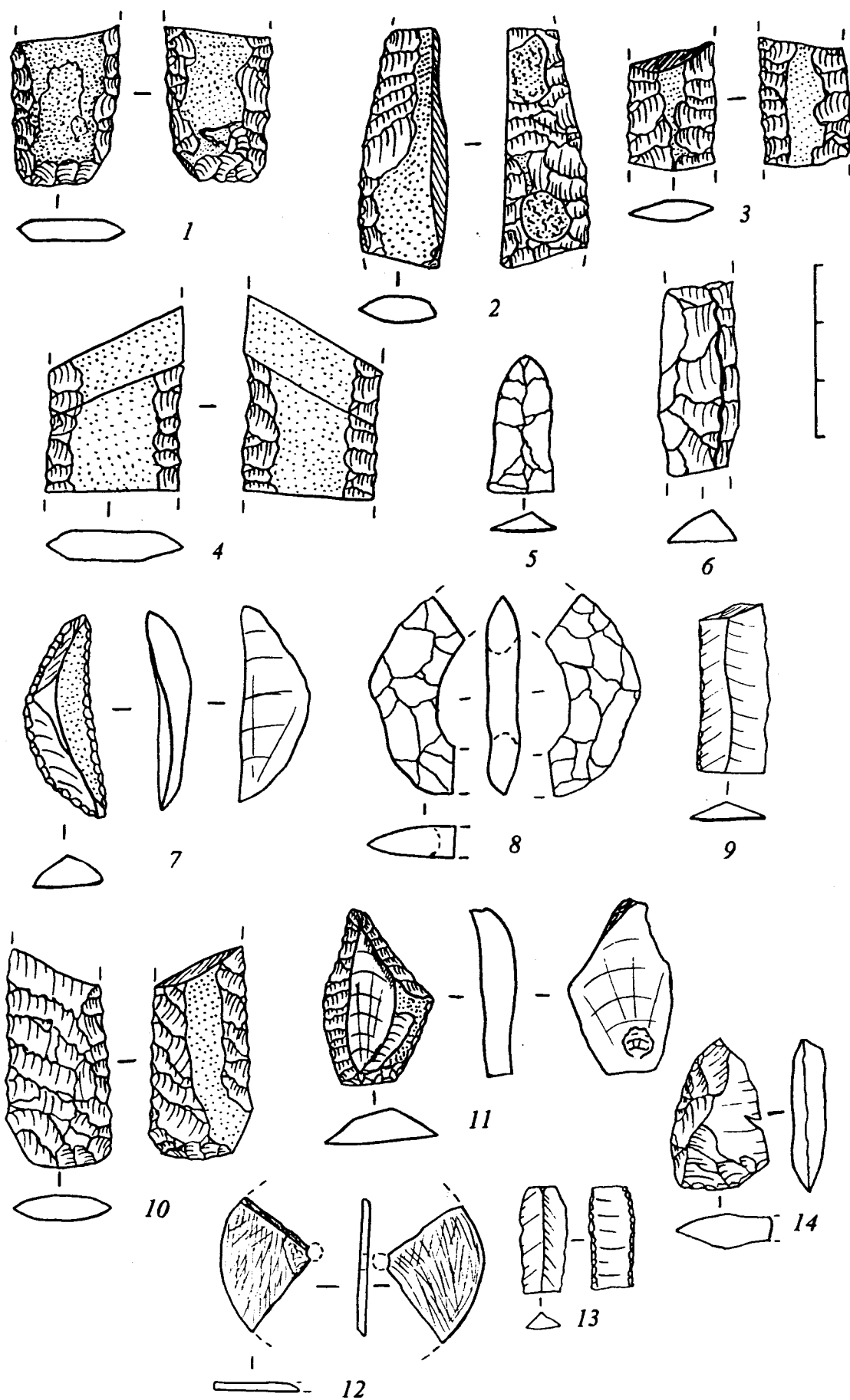

Рис. 60. Каменные орудия со стоянок Нярка I (1-8), Исток II (9, 10), Эликчан IX (11), III (12), VIII (13), VII (14)

орудий с линзовидным сечением (рис. 60, 2, 3). Еще одно орудие также изготовлено на плитке. Бифасиальной ретушью обработаны лишь его края. Это изделие несколько более крупных размеров, во время обработки оно раскололось по естественной трещине и поэтому не было закончено (рис. 60, 4).

В пункте Б, локализованном на небольшой площади, в 3 м к западу от пункта А, были найдены 14 отщепов из серого туфа, 2 отщепа из кремня, ретушированная плитка туфа, ребристая пластина (рис. 60, 6) и 2 скребка. Один скребок изготовлен на отщепе размерами $3,6 \times 2,1$ см, нижний край которого обработан унифасиальной ретушью. Второй имеет серповидную форму, обработан по всей окружности мелкой краевой унифасиальной ретушью, направленной с брюшка на двухгранную спинку. Одна грань скребка имеет естественную поверхность плитчатой отдельности. Брюшко сохранило первоначальную поверхность скола (рис. 60, 7).

В пункте В, в 7 м от пункта Б, были найдены 2 отщепа из желтого туфа. В пункте ИГ, расположенном в 10 м к северо-западу от пункта А, найдены 4 крупных, 28 мелких отщепов из черного диабаз и фрагмент полностью ретушированного линзовидного в сечении кольца из диабаз. Они сильно патинизированы и выветрены (рис. 60, 8). Стоянка датирована неолитическим временем.

Стоянка Нярка II найдена на сильно выдающемся в озеро мысу, в 1 км от истока реки, вытекающей из озера. В развалах дернины и при зачистке обнажения под дерном на глубине 1-2 см в серой супеси были найдены 34 отщепа из серого туфа, 106 кремневых отщепов, ножевидная пластинка шириной 0,8 см и ребристая пластина шириной 1-1,2 см. Стоянка датирована неолитическим временем.

Стоянка Исток I открыта на 2-3-метровой террасе на правом берегу реки, в 500 м от озера. На поверхности террасы были найдены 2 мелких отщепа, кремневая плитка размером 4×2 см и на глубине 5 см под дерном - 4 ножевидные пластинки из кремня шириной 0,7-0,9 см. Одна из пластинок обработана мелкой краевой унифасиальной ретушью со стороны спинки и имеет подтески с торца. Стоянка датирована неолитическим временем, хотя не исключено, что она имеет и более ранний возраст.

Стоянка Исток II открыта на левом берегу речки, на 5-метровой ровной террасе в 1-1,5 км от озера. Терраса почти полностью раздернована и практически лишена растительности. На ее поверхности и по склонам видны результаты солифлюкционных процессов. Проведение раскопок затруднено из-за повышенной глинистости террасы. На ней был найден подъемный материал, среди которого 41 отщеп из окремнелого туфа, 3 плитки-заготовки со следами краевой обработки, фрагмент бифасиального орудия (нож? наконечник?) на кремнистой плитке с прямым основанием, параллельными продольными краями и линзовидным поперечным сечением (рис. 60, 10), ножевидная пластинка подтреугольного сечения шириной 1,1 см с ретушью по одному из продольных краев со стороны спинки (рис. 60, 9). Стоянка датирована неолитическим временем.

Стоянка Исток III расположена на невысокой, наклонной к реке левобережной террасе, в 1 км от озера. Здесь найдены 8 кремневых, 1 галечный отщеп, 2 отщепа со следами мелкой краевой ретуши, 2 крупных скребла. Первое скребло изготовлено на галечном первичном сколе округлой формы. Его боковые края отретушированы для крепления скребка в рукоятке. Лезвие обработано мельчайшей краевой ретушью со стороны спинки и имеет следы сильной заполированности (рис. 61, 1). Менее выразителен второй скребок: он почти лишен дополнительной обработки. В качестве лезвия использовался нижний овально-выпуклый край первичного галечного скола. Стоянка датирована эпохой палеометалла.

Стоянки в верховьях р. Сугой

Стоянки Эликчан I - IX расположены в истоках р. Сугой, где она до слияния с другими крупными притоками называется Эликчан. По долине р. Эликчан открывается прямой путь по удобному, почти незаметному перевалу в долину р. Омон. Высота перевала более 1000 м над уровнем моря. От перевала до отметки 1000 м (3 км вниз по реке) доминирует тундровый и лесотундровый ландшафт, ниже - таежная зона. Стоянки расположены на террасах в долине реки от перевала до отметки 800-850 м. Первая стоянка - Эликчан I найдена в 2 км от перевала. Ее материалы датированы ранним голоценом и рассмотрены ранее [Слободин, 1999].

Стоянка Эликчан II расположена на 10-метровой террасе по правому берегу реки, в 3 км от перевала. Она представлена тремя подъемными изделиями: галечным скребком округлой формы разме-

рами $6 \times 5,5$ см и двумя галечными отщепами, один из которых ретуширован (нож? скребок?). Стоянка датирована эпохой палеометаллов.

Стоянка Эликчан III расположена в 14 км от перевала, 1,5 км ниже многолетней наледи, на окончании узкой 5-7-метровой правобережной террасы, протянувшейся на 150 м вдоль реки. Подъемный материал стоянки состоит из отщеп и фрагмента шлифованного диска из агальматолита с небольшим отверстием посредине (рис. 60, 12). Материалы датированы средним неолитом.

На левом берегу р. Эликчан, напротив стоянки Эликчан III, открыта **стоянка Эликчан IV**, где были выявлены два скопления галечных изделий. В пункте А найдены 2 галечных скребла размерами $6,3 \times 6$ и $7,5 \times 6$ см, а также крупный галечный отщеп. В пункте Б найдены 2 галечных скребла и небольшой осколок гальки. Одно скребло имеет размеры $6,7 \times 5,3$ см, изготовлено на первичном сколе. Грубой ретушью обработаны боковые края. Лезвие - нижний край отщепы - заложено и не имеет следов обработки. Второе сделано на крупном галечном сколе подтрапцевидной формы, обработанном по краям грубой ударной ретушью (рис. 61, 2). Стоянка датирована эпохой металлов.

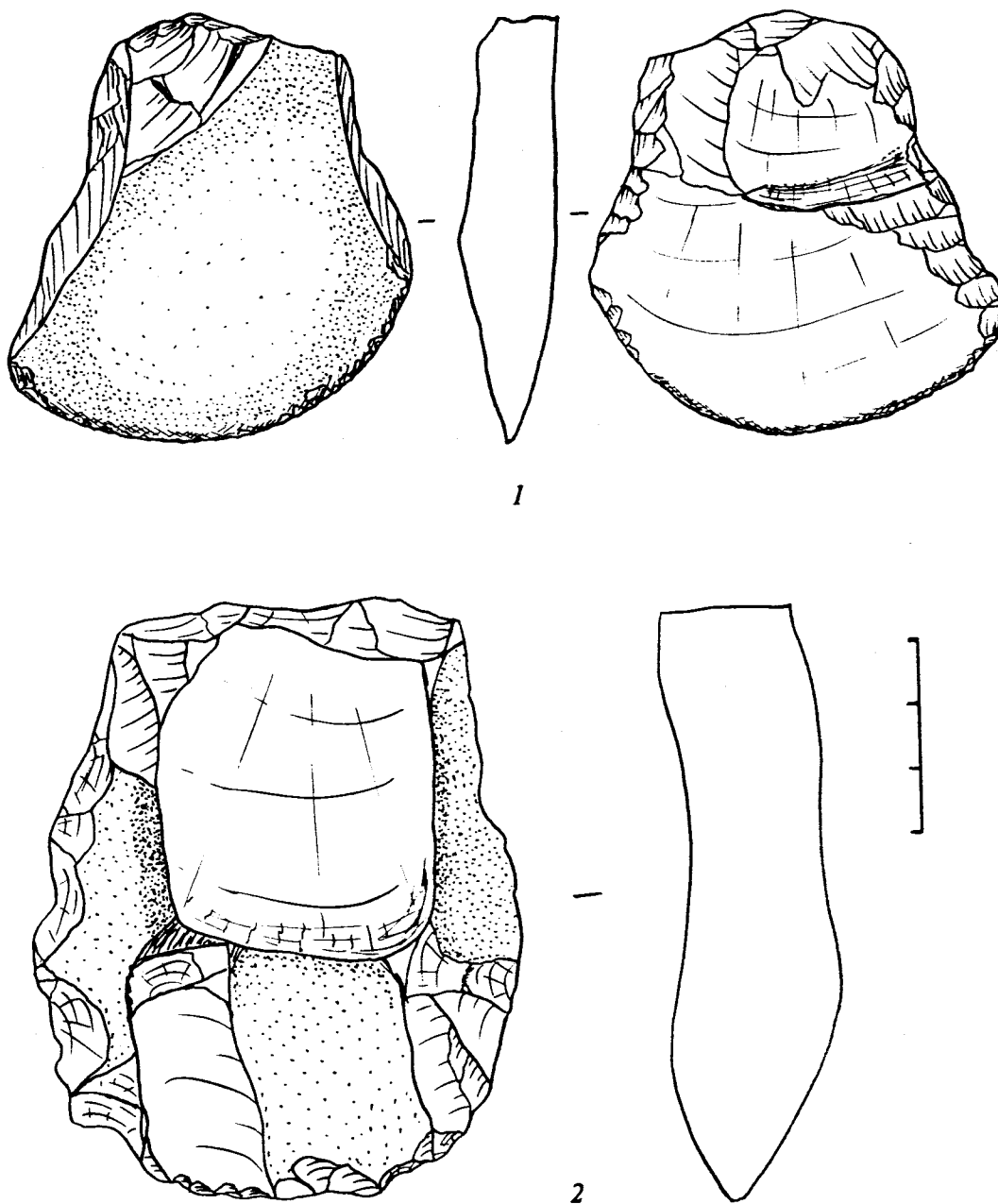

Рис. 61. Каменные изделия со стоянок Исток III (1) и Эликчан IV (2)

Стоянка Эликчан V обнаружена на правом берегу р. Эликчан, в 3 км ниже наледи, у геодезического репера с отметкой 900 м над уровнем моря. На поверхности террасы найдено несколько галечных отщепов. Возраст стоянки не определен.

Стоянка Эликчан VI расположена на 2-метровой правой приустьевой террасе первого правого притока р. Эликчан. Здесь был найден крупный (10 × 12 см) галечный отщеп с ретушью. На террасе видны следы современных стойбищ оленеводов. Возраст стоянки не определен.

Стоянка Эликчан VIII расположена на 3-метровой террасе на левом берегу р. Эликчан, в 24 км от перевала. На ее поверхности, почти лишенной растительности, у геодезического репера найдено галечное ядрище и несколько отщепов. В 250 м от них - еще одно скопление из 5 галечных отщепов. В промежутке между ними выделен пункт, где обнаружены 2 мелких кремневых отщепа, кремневая, ретушированная по краям ножевидная пластинка (рис. 60, 13), 4 мелких обсидиановых отщепа и одна ретушированная обсидиановая микропластинка шириной 0,6 см. Стоянка датирована неолитом, но не исключено, что имеет более ранний возраст.

Стоянка Эликчан VII найдена в 25 км от перевала, на грунтовой дороге, идущей по краю 2-3-метровой террасы по левому берегу р. Эликчан. На участке длиной 25 м собраны 4 галечных отщепа, халцедоновое ядрище размерами 2 × 2 см и обломок орудия. Орудие изготовлено из халцедона, обработано двусторонней отжимной ретушью, образующей лезвие ножа или наконечника (рис. 60, 14). У дороги заложен шурф размерами 1 × 2 м. На глубине 2-3 см, в супеси, найдены около 30 галечных отщепов, ретушированные сколы и 4 скребла на первичных галечных отщепах с оббитыми боковыми краями и необработанным нижним краем, использовавшимся в качестве лезвия. Стоянка датирована эпохой палеометалла.

В 900 м ниже по реке, между нею и дорогой, на той же террасе отмечены выложенные из камней знаки в виде расходящихся радиальных лучей. Большинство камней почти полностью заросло мхом и дерном, видны лишь самые крупные из них. В одном случае выявлен знак из 5 лучей длиной 5-5,5 м. Ширина знака в месте расхождения лучей 1,7 м, в месте их окончания - 5,8 м. Каждый луч выложен из 21-31 камня. Другой знак состоит из трех лучей по 20-25 камней в каждом; ширина его в основании 0,5 м, в месте окончания лучей - 3 м. Рядом, в 1 м от них, видна кладка размерами 2 × 2 м из неплотно уложенных камней и линия из 11 камней. Судя по годовым кольцам дерева, стоящего посреди знаков и выросшего, по всей вероятности, после их укладки, им не менее 100 лет.

Стоянка Эликчан IX расположена в 30 км от перевала, на речной террасе по левому берегу, справа от устья первого крупного левого притока р. Эликчан. Здесь был найден кремневый резец клювовидного типа на крупной пластине или пластинчатом отщепе. Боковые края и лезвие обработаны унифасиальной ретушью со стороны трехгранной спинки (рис. 60, 11). При зачистке обнажения в супеси на глубине 1-2 см найдены 2 мелких кремневых и 1 халцедоновый отщеп. Стоянка датирована неолитическим временем.

Стоянка Бурлакич

Стоянка расположена в долине р. Бурлакич, на правом берегу ее правого притока руч. Шар, в 500 м от ее устья. На площади 1 м² в тонком слое серой супеси найдены 1 кремневый отщеп, 1 фрагмент и 3 целых бифасиально обработанных наконечника, сделанных из серого кремня. Наконечники удлиненно-треугольной формы, основание выемчатое, а одна из шпор в основании оттянута в сторону. Длина их от 3,5 до 5 см, ширина основания 1,5-1,7 см, толщина 0,4 см (рис. 62, 1-3). Стоянка датирована III-IV тыс. до н. э.

Стоянка Денисова

Стоянка открыта на левом берегу руч. Длинный, в 8 км от его впадения в р. Нючали. На высокой террасе в устье безымянного ручья, в разведочном шурфе под дерном найдены отщепы из серого кремня, нуклеус и ножевидная пластинка.

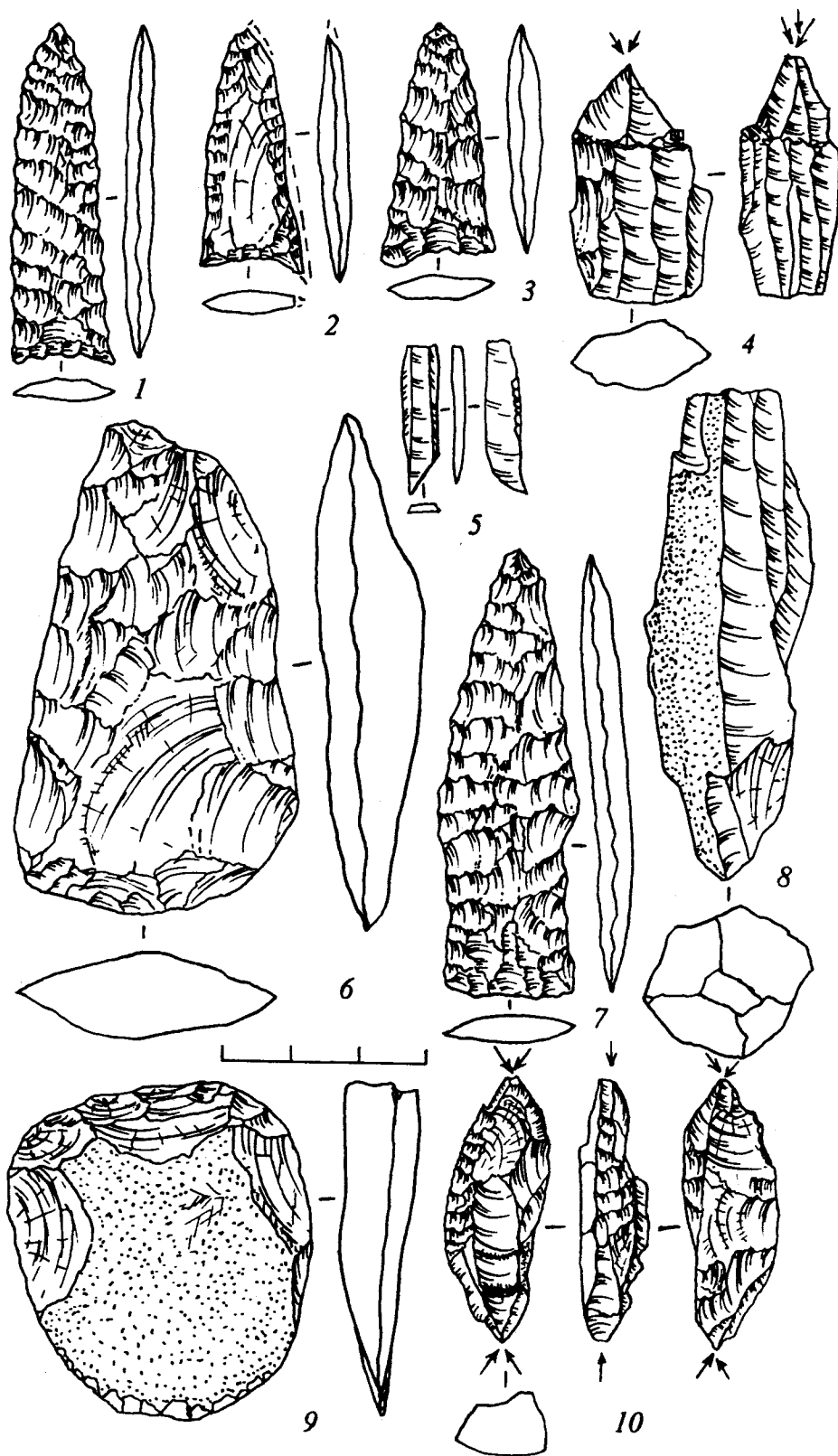

Рис. 62. Каменные изделия со стоянок Бурлакич (1-3), Коркодон II (4), Денисова (5, 8), Тебана IV (6), III (7), Коркодон I (9, 10)

Нуклеус конического типа, сделан из желтоватого кремня, одноплощадный. Высота 7,1 см, ширина 2,5 см (рис. 62, 8). Ножевидная пластинка из того же материала, что и нуклеус. Вентральная поверхность ее обработана унифасиальной краевой ретушью (рис. 62, 5). Стоянка может датироваться неолитическим или более ранним временем.

Стоянки Тебана III, IV

Стоянки найдены в верховьях р. Тебана. Здесь имеется несколько местонахождений каменного века. Особый интерес представляют находки со стоянок Тебана III у оз. Тебана, у истока реки и Тебана IV - в 10 км от истока реки.

Стоянка Тебана III находится на холме с плоской вершиной, расположенном у истока реки, вытекающей из озера. Здесь в поверхностном разветвленном делювиальном слое найдены нож на черном диабазовом отщепе и наконечник.

Нож обработан краевой бифасиальной ретушью по одному краю и унифасиальной по другому. Его размеры 5,4 × 4,8 см.

Наконечник черешкового типа из того же материала, что и нож. Основание прямое, черешок подпрямоугольной формы, поперечное сечение линзовидное. Обработан наконечник по всей поверхности двусторонней плоской отжимной ретушью. Ширина основания 1,9 см, в плечиках 2,1 см, длина орудия 6,6 см, толщина 0,6 см (рис. 62, 7). Стоянка датирована каменным веком.

Стоянка Тебана IV расположена на левобережной террасе р. Тебана, в 20 м от ее кромки. В развалах дерна здесь найдено более 15 диабазовых отщепов и сделанных из того же материала 2 тесловидных орудия овальной формы с заостренным обушком. Поперечное сечение обоих изделий линзовидное. Одно из орудий обработано крупной ударной ретушью с одной стороны по всей поверхности, с другой - частично по краю. Его размеры 7,4 × 4,5 см. Второе орудие полностью обработано с обеих сторон крупной ударной ретушью. Его размеры 7,1 × 4,2 см (рис. 62, 6). Стоянка датирована каменным веком.

Стоянки Коркодон I, II

Стоянки обнаружены на террасе левого берега р. Коркодон, в районе дорожно-ремонтного пункта у руч. Ветвистый на 185-м км зимника на р. Омолон.

На стоянке Коркодон I, на расстоянии 2 м друг от друга, найдены галечный скребок и резец.

Скребок округлой формы, сделан на галечном первичном отщепе. Лезвием служил проксимальный конец отщепа без вторичной обработки. На лезвии скребка видны следы износа. Проксимальный конец отщепа и боковые края обработаны краевой ретушью для закрепления скребка в костяной или деревянной рукоятке. Размеры его 4,5 × 5 см (рис. 62, 9).

Резец срединного типа, двойной многофасеточный, сделан из халцедона. Корпус резца уплощенный. Длина его 3,9 см, ширина 1,4 см (рис. 62, 10). Стоянка может быть датирована неолитическим или более поздним временем.

Стоянка Коркодон II найдена в 3 м от края дороги, проходящей по террасе в 1,5 км выше устья руч. Ветвистый. В культурном слое сохранились лишь находки, залегающие глубже 10-15 см от дневной поверхности. Верхние слои почвы со следами деятельности человека срыты бульдозером и свалены в отвалы в 10-15 м от кромки дороги.

Всего на поверхности террасы и в небольшом шурфе размером 1 м² было найдено 6 обломков костей (вероятно, оленьих) и 10 каменных артефактов, среди которых 7 ножевидных пластинок, 3 мелких кремневых отщепа и 1 полиэдрический резец.

Ножевидные пластинки сделаны из серого кремня. Сохранились преимущественно медиальные сегменты (6 экз.). Одна пластинка представлена дистальным сегментом. Пять пластинок имеют по три

границ на дорсальной поверхности, 2 - по две грани. Ширина их от 0,45 до 0,8 см, длина наиболее сохранившейся - 1,8 см. По краям некоторых пластинок выщерблины, что свидетельствует об их использовании в качестве вкладышевых лезвий в составных орудиях.

Полиэдрический резец сделан из серого кремня. В основе его использован уплощенный призматический нуклеус, сохранившаяся часть которого с опорной площадкой служит корпусом резца. Головка его оформлена пятью крупными резцовыми сколами. Длина резца 3,7 см, ширина 2,25 см, толщина 1,7 см (рис. 62, 4). Стоянка датируется неолитическим временем.

Стоянка Хетагчан-исток

Стоянка найдена в 5 км от перевала, в верховьях р. Хетагчан. У кромки правой террасы реки найдены галечные отщепы и галечный скребок на первичном отщепе. Лезвие скребка вторичной обработке не подвергалось, на нем видны следы сработанности. Проксимальный конец отщепа слегка оббит, очевидно, для закрепления в рукоятку. Размеры орудия 6,8 × 5,4 см. В месте нахождения отщепов на террасе обнаружена каменная кладка округлой формы радиусом в несколько метров. Камни на 2/3 погребены почвой. Предположительный возраст стоянки 200-500 лет.

Стоянки Хетагчан, Хетагчан II, III

Стоянки расположены в месте впадения слева небольшой безымянной речки в р. Левый Хетагчан, в 15 км от истока, у отметки уреза вод реки 818 (на карте масштаба 1:500 000).

Для стоянки **Хетагчан** была выбрана просторная площадка у небольшого ручейка на широкой террасе, тянувшейся от приустьевого мыса на 1,5-2 км по долине притока. Отсюда открывается хороший обзор долин обоих водотоков. По террасе проходит грунтовая дорога. Непосредственно на дороге разрушение культурного слоя фиксируется на протяжении более 100 м. На разрушенных участках на поверхности найдено большое количество каменных изделий, выделенных в пункты скопления и получивших буквенные индексы от А до П (всего 15 пунктов). Площадь скопления в среднем составляет около 4 м². В пунктах Г и Е проведены разведочные раскопки, получившие соответственные обозначения: Хетагчан - раскоп А и Б. Расстояние между раскопами примерно 25 м.

Пункт А выделен по скоплению около 100 мелких (менее 1 см) и средних (до 2 см) кремневых отщепов серого и коричневатого цвета и фрагменту бифаса или его заготовки из белого кремня размерами 3,5 × 4 см. На плоских боковых сторонах орудия сохранилась естественная поверхность плитчатых отдельностей.

Пункт Б выделен по скоплению около 40 мелких кремневых отщепов из светло-коричневого кремня и халцедоновой ножевидной пластинки (ширина 0,8 см, длина 3,5 см) со следами ретуши и использования (рис. 63, 8).

Пункт В выделен по скоплению кремневых отщепов и фрагменту бифаса (средняя часть) размерами 2,5 × 2,3 см, сделанного из кремня со следами «загара» на одной из сторон и остатками галечной корки на другой. Орудие имеет односторонне-уплощенное линзовидное поперечное сечение.

Пункт Г выделен по скоплению кремневых отщепов и находке фрагмента кремневого, двусторонне обработанного наконечника усеченно-листовидного типа с прямым основанием. Одна из сторон наконечника покрыта «загаром» белого цвета, другая сохранила естественный темно-коричневый до черного цвет. У основания края наконечника притуплены, на боковых сторонах видны следы заполировки от закрепления его в древко. Поперечное сечение изделия линзовидное (рис. 63, 2).

Пункт Д выделен по скоплению отщепов и фрагменту (средняя часть) двусторонне обработанного орудия (наконечник? вкладыш?) из белого кремня. Его размеры 1,5 × 3 см. На боковых сторонах орудия сохранились участки необработанной поверхности плитчатой отдельности красноватого цвета.

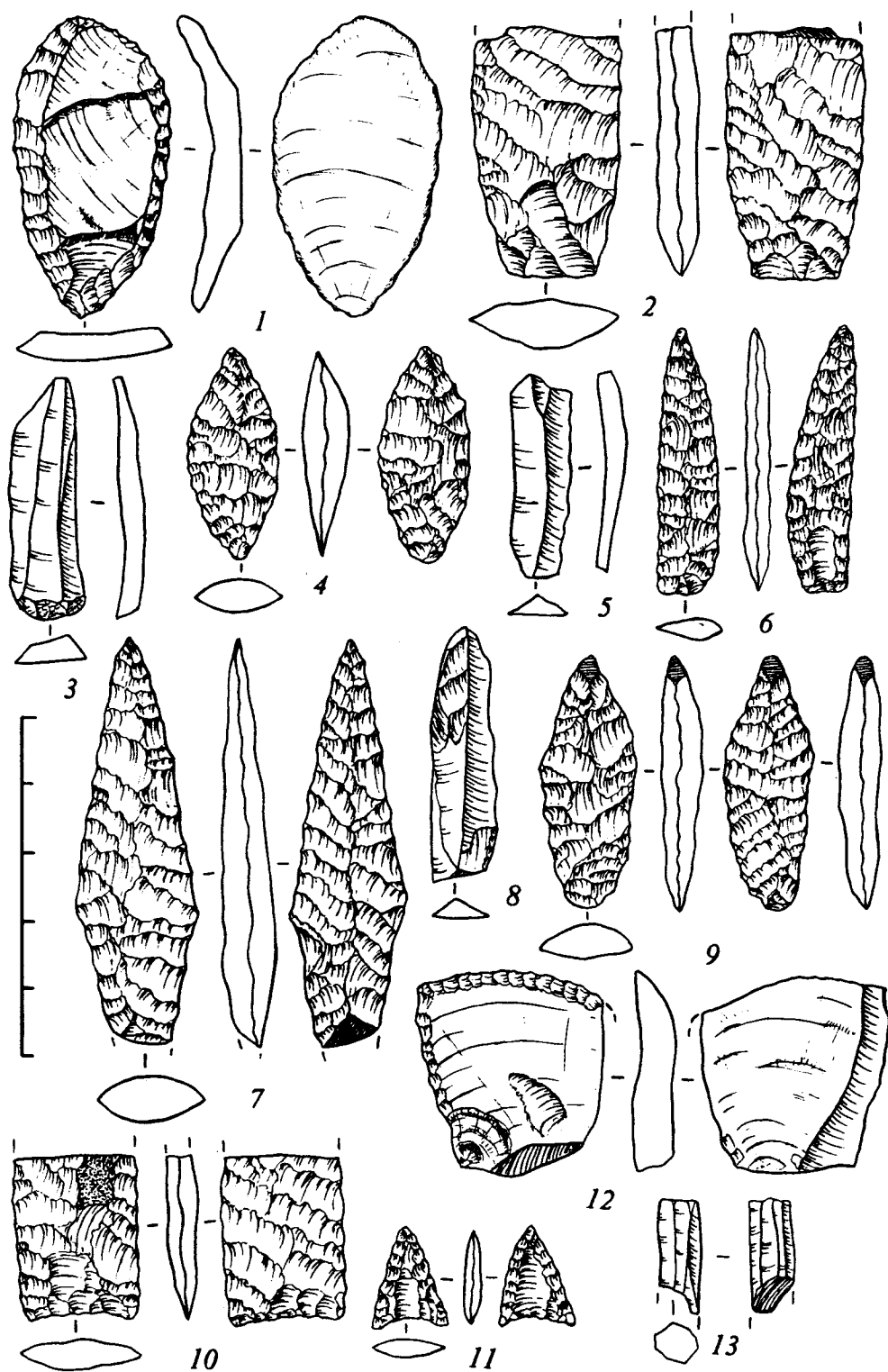

Рис. 63. Каменные изделия со стоянки Хетагчан, пункты: К (1, 3-6, 9), Г (2), О (7), Б (8), М (10), Н (11), Е (12), П (13)

Пункт Е выделен по скоплению кремневых отщепов и находке скребка из зелено-сиреневого кремня, который изготовлен на отщепе подпрямоугольной формы размерами $2,7 \times 3$ см. Его лезвие образовано мелкой унифасиальной краевой ретушью, нанесенной по нижнему и одному из боковых краев отщепа со стороны спинки. В точке соединения краев выделено небольшое острие, вероятно, резцовое лезвие. Спинка скребка не обработана (рис. 63, 12).

Пункт Ж выделен по скоплению мелких кремневых отщепов белого и красного цвета и двух изделий. Одно представлено фрагментом (средняя часть) двусторонне обработанного орудия из красного кремня. На одной из его сторон сохранилась естественная поверхность плитчатой отдельности, а также видны следы механического повреждения по краю. Другое представлено фрагментом двусторонне обработанного орудия из серого кремня с овальным основанием. Поперечное сечение - линзовидное.

Пункт З выделен по скоплению кремневых отщепов и фрагменту двусторонне обработанного орудия (средняя часть) из красноватого кремня. Боковые стороны плоские, с участками естественной поверхности плитчатой отдельности. Поперечное сечение уплощенно-линзовидное. Ширина фрагмента 2,2 см, длина 3,3 см.

Пункт И выделен по скоплению кремневых отщепов и фрагменту основания двусторонне обработанного орудия предположительно листовидной формы. Оно изготовлено из белого кремня и имеет линзовидное поперечное сечение. Ширина фрагмента в месте слома 1,7 см, длина 2,5 см.

Пункт К выделен по скоплению кремневых отщепов и фрагменту бифаса из белого кремня. Одна из сторон бифаса сохранила галечную корку. Длина фрагмента 5,3 см, ширина 4 см. Здесь была проведена расчистка культурного слоя, сильно разрушенного бульдозером. На площади примерно 4 м^2 собраны более 200 отщепов, 3 ножевидные пластинки и орудия, среди которых скребок, проколка, провертка, бифасы и их фрагменты.

Отщепы преимущественно из кремня серого и белого цвета мелких и средних размеров. Только 3 отщепа сделаны из халцедона. Один кремневый отщеп белого цвета размерами $2 \times 1,5$ см, на дорсальной поверхности имеет шлифованный участок в двух плоскостях, стыкующихся гранью под тупым углом. Данные характеристики отщепа указывают, что он был сколот с боковой поверхности шлифованного орудия типа тесла.

Две ножевидные пластинки изготовлены из кремня, их ширина 1 и 1,3 см, длина 2,5 и 3,5 см (рис. 63, 3, 5). Одна пластинка сделана из обсидиана. Ее длина 2,9 см, ширина 0,6-0,8 см. Боковые края пластинки имеют следы многочисленных выщерблин от использования ее в качестве режущего орудия (рис. 63, 5).

Скребок изготовлен на тонком (высота спинки 0,5 см), изогнутом в профиль, овальном в плане отщепе из серого кремня. Со стороны дорсала скребок обработан по всему периметру мелкой краевой крутой ретушью. Вентральная поверхность не обработана. На лезвии скребка видны следы сильной заполировки от работы (рис. 63, 1).

Проколка изготовлена на плоском халцедоновом отщепе. Бифасиальной краевой ретушью выделено короткое острие, рукоятка (корпус) обломана. Размеры проколки $1,5 \times 1,5$ см.

Провертка изготовлена из серого кремня с рукояткой и округлым в плане основанием. Лезвие отделено от рукоятки небольшими плечиками. Поперечное сечение провертки линзовидное. Судя по следам сработанности, рабочая часть провертки достигала 1 см, а общая ее длина 3,7 см, ширина в плечиках 1,4 см. Вся поверхность орудия покрыта тонкой отжимной ретушью. Кончик провертки затуплен, сильно заполирован от работы, и на нем отчетливо видны концентрические линии. Следы заполировки имеются и на боковых гранях, и на поверхностях рукоятки. При работе этой проверткой получали биконическое отверстие, наружный диаметр которого мог достигать 0,6 см. Трассологические исследования могут определить, по какому материалу работали найденной проверткой (рис. 63, 9).

Из пяти найденных бифасов два целые. Все они сделаны из серого кремня. Один имеет листовидную форму, по всей поверхности обработан отжимной ретушью, поперечное сечение линзовидное. В плане и в профиль орудие напоминает описанную провертку, но без следов использования. Возможно, это заготовка провертки (рис. 63, 4). Второе орудие имеет асимметричную форму в плане. Один его край прямой, второй выпуклый, основание прямое, поперечное сечение линзовидное. Судя по форме, данное орудие могло использоваться в качестве вкладыша. Подобные изделия можно найти в орудий-

ном наборе ымыяхтахской культуры (рис. 63, 6). Еще три бифаса представлены фрагментами медиальной части основания листовидного наконечника и продольного скола лезвия ножа (?).

Помимо каменных орудий, в процессе расчистки культурного слоя было найдено 14 небольших фрагментов керамики темно-коричневого, местами черного цвета. Сохранность керамики плохая, многие фрагменты расслаиваются. На изломе керамики видно, что она имеет двухслойное строение. Толщина черепков 0,6 см. На внешней поверхности некоторых черепков сохранился отпечаток вафельного штампа, видны следы нагара (рис. 76, 4). На внутренней поверхности имеются отпечатки оленьего волоса.

Пункт Л выделен по скоплению кремневых отщепов и фрагменту кремневой пластины из черного кремня, ретушированной по краю.

Пункт М выделен по скоплению кремневых отщепов и фрагменту нижней части треугольного наконечника стрелы из серого кремня со слегка выемчатым основанием и параллельными краями, сходящимися у острия. Боковые стороны наконечника, за исключением совсем небольшой части по центру, обработаны тонкой диагональной ретушью. Края подработаны мелкой краевой ретушью. Он имеет уплощенно-линзовидное поперечное сечение (рис. 63, 10).

Пункт Н выделен по скоплению кремневых отщепов и двум орудиям, расположенным на расстоянии 2 м друг от друга. Одна из находок - наконечник треугольной формы, сделанный из халцедона. Обращают на себя внимание его размеры: длина 1,9 см, ширина в основании 1,1 см. Наконечник имеет выемчатое основание. Поперечное сечение уплощенно-линзовидное, толщина около 0,3 см. Вся поверхность наконечника покрыта тонкой отжимной уплощающей ретушью. Это один из самых миниатюрных наконечников, найденных на Верхней Колыме (рис. 63, 11). Другая находка - фрагмент бифасиально обработанного орудия из кремня с прямым основанием. Поверхность его обработана тонкой отжимной параллельной ретушью, сечение линзовидное. Длина фрагмента 4 см, ширина в основании 2 см, а в месте слома 1,2 см. Края орудия сходились у острия.

Пункт О выделен по скоплению кремневых и халцедоновых отщепов, ножевидных пластинок и орудий. Отщепы преимущественно мелких размеров. Халцедоновых отщепов - 8 экз. Видимо, они скалывались с небольшой халцедоновой галечки, найденной здесь же. Сколы наносились преимущественно по длинной оси галечки, что придало ей в конечном итоге вид долотовидного орудия типа *pièce escaillé*. Ее размеры 2,5 × 1,5 см. На поверхности сохранился участок галечной корки, указывающий, что сырье брали из месторождения, а не из русла реки. Таким образом, есть перспектива поиска выхода халцедонов на поверхность поблизости от стоянки для определения источников сырья. Ножевидные пластинки представлены 3 экз. Две из них сделаны из халцедона. Ширина пластинок 0,5 и 0,7 см. Они имеют по три грани на дорсальной поверхности. Возможно, что одна из пластинок была сколота при оформлении головки полиэдрического резца и является, таким образом, резцовым сколом. Одна из ножевидных пластинок, представленная медиальным сегментом, изготовлена из черного обсидиана. Дорсальная поверхность ее оформлена двумя гранями, на одной из которых видны негативы поперечных снятий, образовавшиеся при оформлении заготовки нуклеуса. Длина пластинки 3,5 см, ширина 1,6 см. По продольным краям пластинки в результате ее утилизации нанесена мельчайшая краевая ретушь. На пластинке сохранился участок с корковой поверхностью, характерной для обсидиановых вулканических бомб. Месторождения обсидианового сырья на Верхней Колыме неизвестны, поэтому обсидиановые изделия здесь редки и представляют интерес для выяснения путей проникновения его на Колыму.

Орудия представлены наконечником, скребком, резцом и фрагментами двух бифасов. Наконечник стрелы черешкового типа изготовлен из серого кремня, имеет линзовидное поперечное сечение. Плечики у орудия лишь слегка обозначены и плавно переходят в черешок треугольной формы. Самый кончик черешка обломан. Обе плоские поверхности наконечника покрыты тонкой диагональной ретушью (рис. 63, 7).

Скребок овальной формы изготовлен на плоском кремневом отщепе серого цвета. Со стороны дорсальной поверхности по всему периметру, за исключением участка, прилегающего к ударному бугорку, скребок обработан краевой регулярной крутой ретушью. Вентральная поверхность скребка не обрабатывалась.

Один из бифасов представлен фрагментом основания подпрямоугольной формы из светло-коричневого кремня шириной 3-3,7 см. Поперечное сечение бифаса уплощенно-линзовидное, толщина

0,7 см. На обеих поверхностях бифаса видны следы десквамации. Второй бифас из серого кремня представлен фрагментом лезвия.

Резец двойной угловой из черного кремня. Один конец отщепа обработан краевой бифасиальной ретушью под лезвие. Перпендикулярно к нему вдоль краев отщепа нанесены резцовые сколы. Второй конец отщепа со стороны вентрала имеет следы сильной сработанности от его использования.

Пункт II выделен по скоплению отщепов, нуклеусу и фрагменту бифаса. Нуклеус призматического типа из халцедона частично поврежден. Он имеет ровную отжимную площадку диаметром 0,6 см. На поверхности нуклеуса видны негативы 8 пластинчатых снятий (рис. 63, 13).

Фрагмент бифаса изготовлен на кремнистой плитчатой отдельности серого цвета толщиной 0,6 см. Его ширина 2 см. Бифасиальной ретушью обработаны лишь края орудия, остальная поверхность покрыта галечной коркой. Орудие имеет уплощенно-линзовидное поперечное сечение.

Для выяснения перспективы раскопок в 5 м на юго-восток от пункта Е был заложен разведочный шурф на площади 23 м², получивший обозначение **Хетагчан (раскоп Б)**. На этом месте в развале дернины, образовавшемся в результате передвижения транспорта, были собраны кремневые отщепы и фрагмент наконечника с вогнутым основанием. Боковые края наконечника параллельны и сходятся у острия. Обе поверхности его обработаны тонкой отжимной параллельной ретушью. Ширина основания 1,3 см, в месте слома - 1,6 см. Длина фрагмента 2,8 см. Поперечное сечение наконечника линзовидное.

По шурфу была определена следующая стратиграфия стоянки: сверху идет дерн, ягель, мох. Затем гумусированная супесь мощностью до 5 см. Ниже рыжая супесь мощностью до 2-5 см. Большинство находок залегали в ней и выше. Ее подстилала серая супесь с камнями мощностью до 20 см. В северо-западном углу разведочного шурфа в 1994 г. в слое с находками зафиксировано скопление углестости, по которому получена радиоуглеродная дата 3250 ± 70 (Beta-140690). При расчистке шурфа было отмечено, что обсидиановые ножевидные пластинки и обсидиановый наконечник найдены в верхней части дерна. Артефакты из коричневого и серого кремня залегали в рыжей супеси. Многочисленные морозобойные трещины на поверхности шурфа затрудняли проведение раскопок послойно.

Ножевидные пластинки составляют в целом небольшую часть от всех находок (около 40 шт.). Большинство сделано из обсидиана (рис. 64, 5, 15), около десятка пластинок из халцедона и лишь несколько из кремня.

На происхождение халцедоновых пластинок указывает находка конического нуклеуса из халцедона (рис. 64, 1). Он имеет четко выраженное трехгранное поперечное сечение и в верхней половине сработан, как при подготовке лезвия полиэдрического резца. В целом микропластинки не играют существенной роли в орудийном комплексе стоянки.

Орудия из раскопа представлены кремневыми и халцедоновыми отщепами, ножевидными пластинками (рис. 64, 5, 15), наконечниками, скребками, резцами, теслом, ножами, вкладышевыми и выемчатыми орудиями.

Наконечники разделяются на изделия треугольной формы с прямым или слегка выемчатым основанием (рис. 64, 4), трехгранные напильниковидные (1 экз.) (рис. 64, 10), на ножевидной пластине из обсидиана (1 экз.) (рис. 64, 6), листовидные (рис. 64, 9) и черешковые - односторонне выпуклые (айонского типа) (рис. 65, 3). Последний наконечник является очень выразительным типом, встречающимся на ряде стоянок Чукотки (Айон, Экиатапский могильник, Липчиквыгытгын I, Эльгыгытгын и др.) [Диков, 1979а; Кирьяк, 1993а] и ранее неизвестным на Колыме. Характерные его черты - односторонне выпуклое поперечное сечение, прямой черешок, изогнутый в продольном сечении профиль, часто не полностью ретушированная плоская поверхность наконечника, представляющая брюшко пластинчатого отщепа, использованного для изготовления наконечника. Их своеобразие даже для комплексов Чукотки давно отмечено [Там же]. Но при этом своего отличительного названия они не получили (как, например, напильниковидные), и авторы используют описательные характеристики (иногда различные в рамках одной работы), что затрудняет их идентификацию. Особенно важно видеть их отличие от пластинчатых черешковых наконечников уолбинского типа [Мочанов, 1977; Кашин, 1983; Слободин, 1999а]. По наиболее выразительному комплексу подобных наконечников со стоянки Айон мы предлагаем называть их наконечниками айонского типа.

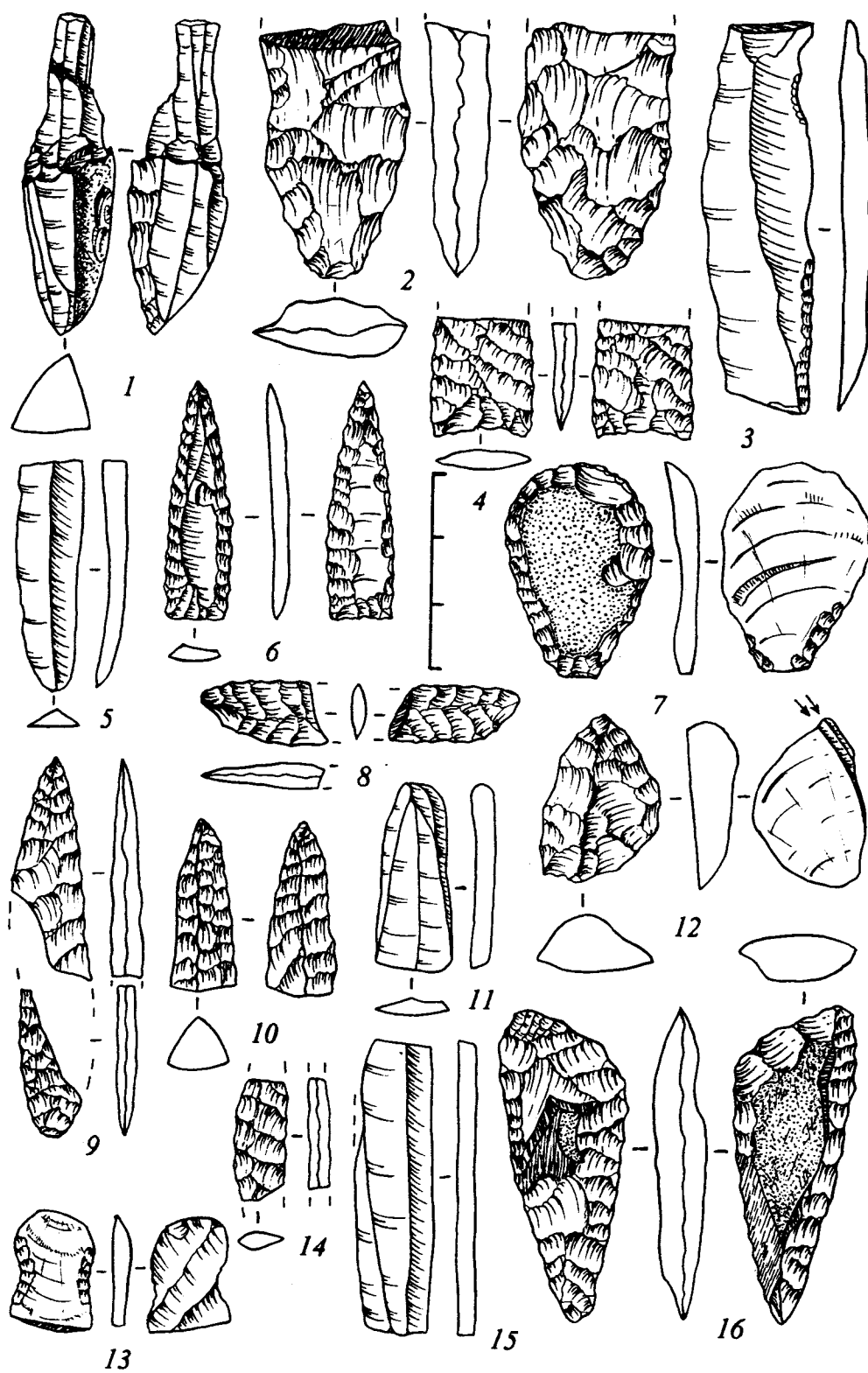

Рис. 64. Каменные изделия со стоянки Хетагчан, раскоп Б (1994 г.)

Скребки кремневые округлой (рис. 65, 9), каплевидной (рис. 64, 7), возможно, овальной (рис. 65, 4) формы. Один скребок концевой типа с прямым лезвием сделан из халцедона (рис. 65, 5).

Резцы или резчики преимущественно клювовидного типа с ретушированным лезвием, все сделаны из кремня (рис. 65, 6-8). У одного резчика лезвие дополнительно подправлено резцовыми сколами (рис. 64, 12). Впервые подобный резец на пластинчатом отщепе с ретушированным лезвием был найден

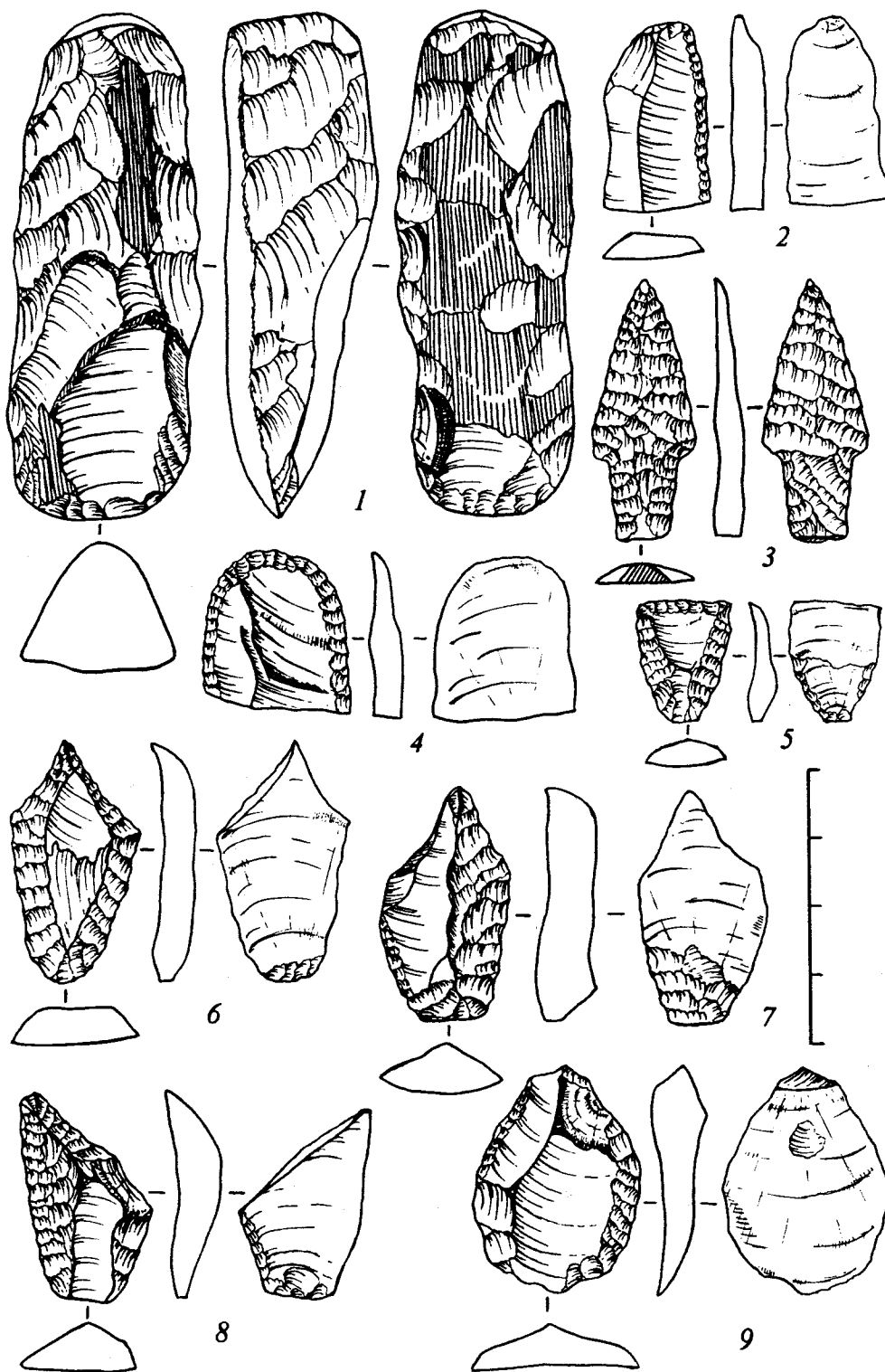

Рис. 65. Каменные изделия со стоянки Хетагчан, раскоп Б (1994 г.)

на Верхней Колыме на стоянке Эликчан IX в верховьях р. Сугой (в 50 км по прямой от стоянки Хетагчан). На стоянке Хетагчан обнаружена серия подобных резцов, отличающихся только степенью обработки. У некоторых, кроме обработанных со стороны спинки лезвия и продольных краев, со стороны брюшка обработаны уплощающей ретушью ударный бугорок и один или оба продольных края резца. Они получили название резцов клювовидного типа.

Тесло подпрямоугольной в плане формы (рис. 65, 1). Его корпус имеет подтреугольное, а лезвие линзовидное поперечное сечение. Обработано крупными сколами с последующей пришлифовкой поверхности тесла. Часть сколов нанесена после шлифовки.

Ножи трех видов: на ретушированных по краю обсидиановых и кремневых пластинах (рис. 64, 3; 65, 2), двусторонне обработанные со скошенным лезвием (рис. 64, 16), подпрямоугольной формы и с округлым основанием (рис. 64, 2).

Вкладыши представлены фрагментами бифасиально обработанных узких продолговатых лезвий с уплощенно-линзовидным (слегка асимметричным) поперечным сечением (рис. 64, 8, 14).

Выемчатые орудия одинарные и двойные сделаны на кремневых и халцедоновых отщепках (рис. 64, 13; 66, 10).

Для выяснения планиграфии стоянки в пункте Г был заложен разведочный шурф, обозначенный как Хетагчан (раскоп А).

Стратиграфия этого шурфа повторяет ситуацию, представленную в первом шурфе. Находки залежали на глубине от 3 до 20 см в рыжей супеси. В северо-восточном углу раскопа из слоя на поверхность выходят три плоских крупных камня. Возможно, что они использовались как наковальни, однако большой концентрации отщепов около них не отмечено.

В шурфе найдено 940 кремневых, 18 халцедоновых, 1 обсидиановый отщеп и 16 орудий. К орудиям отнесены 6 наконечников, резчик и 8 бифасов.

Наконечники двух типов. Пять из них преимущественно фрагменты - плоские, треугольные в плане, бифасиально обработанные с прямым или слегка выемчатым основанием (рис. 66, 6, 7, 9). У некоторых боковые стороны идут почти параллельно примерно на 2/3 длины наконечника и сходятся у самого острия (рис. 66, 5, 8). Один наконечник черешкового типа со следами легкой заполировки на плоских поверхностях черешка (рис. 66, 2). Все наконечники имеют уплощенно-линзовидное поперечное сечение и сделаны из кремня серого или коричневого цвета.

Резчик из серого кремня и сделан, судя по его внешнему виду, на расколоте пополам по продольной оси бифасе. По одной из плоскостей орудия со стороны расколотого края была произведена его подработка по уплощению поверхности крупными ударными сколами. Острие также подработано несколькими резцовыми сколами. Острие и прилегающие к нему плоскости и края несут на себе следы сильной сработанности в виде заполировки. Поперечное сечение лезвия резца и всего орудия в переформленном виде - подтреугольное: две грани обработаны, третья, представленная плоскостью слома, необработана (рис. 66, 4).

Бифасы все из кремня и представлены:

орудием листовидной формы. Одна из плоскостей бифаса обработана тонкой косопараллельной ретушью, другая - регулярной отжимной. Поперечное сечение линзовидное. По размерам орудие могло быть наконечником, однако некоторая асимметрия в форме дает основание предполагать, что это нож (рис. 66, 3);

фрагментом острия крупного плоского орудия, судя по размеру, наконечника копья или ножа, сделанного на тонкой плитке кремня коричневого цвета. Острие обработано тонкой отжимной бифасиальной краевой ретушью и имеет уплощенно-линзовидное поперечное сечение. Широкие поверхности орудия по центру покрыты коркой (рис. 66, 1);

фрагментом острия узкого орудия, возможно, листовидной формы. Поперечное сечение линзовидное. По всей поверхности обработано тонкой отжимной ретушью. Ширина в месте слома 2 см;

фрагментом медиальной части незаконченного орудия;

основанием ножа из коричневого кремня. Одна из его плоскостей полностью покрыта тонкой отжимной ретушью, другая - только по краю. Поперечное сечение односторонне выпуклое. Ширина в месте слома 2,4 см;

основанием крупного ножа из серого кремня. Поперечное сечение линзовидное, ширина в месте слома 3,1 см;

двумя фрагментами лезвия орудия на кремневой плитке.

Дополнительные исследования, проведенные на стоянке в 1997 г., позволили получить более разнообразный каменный материал, который включал ножевидные пластинки, наконечники стрел, ножи,

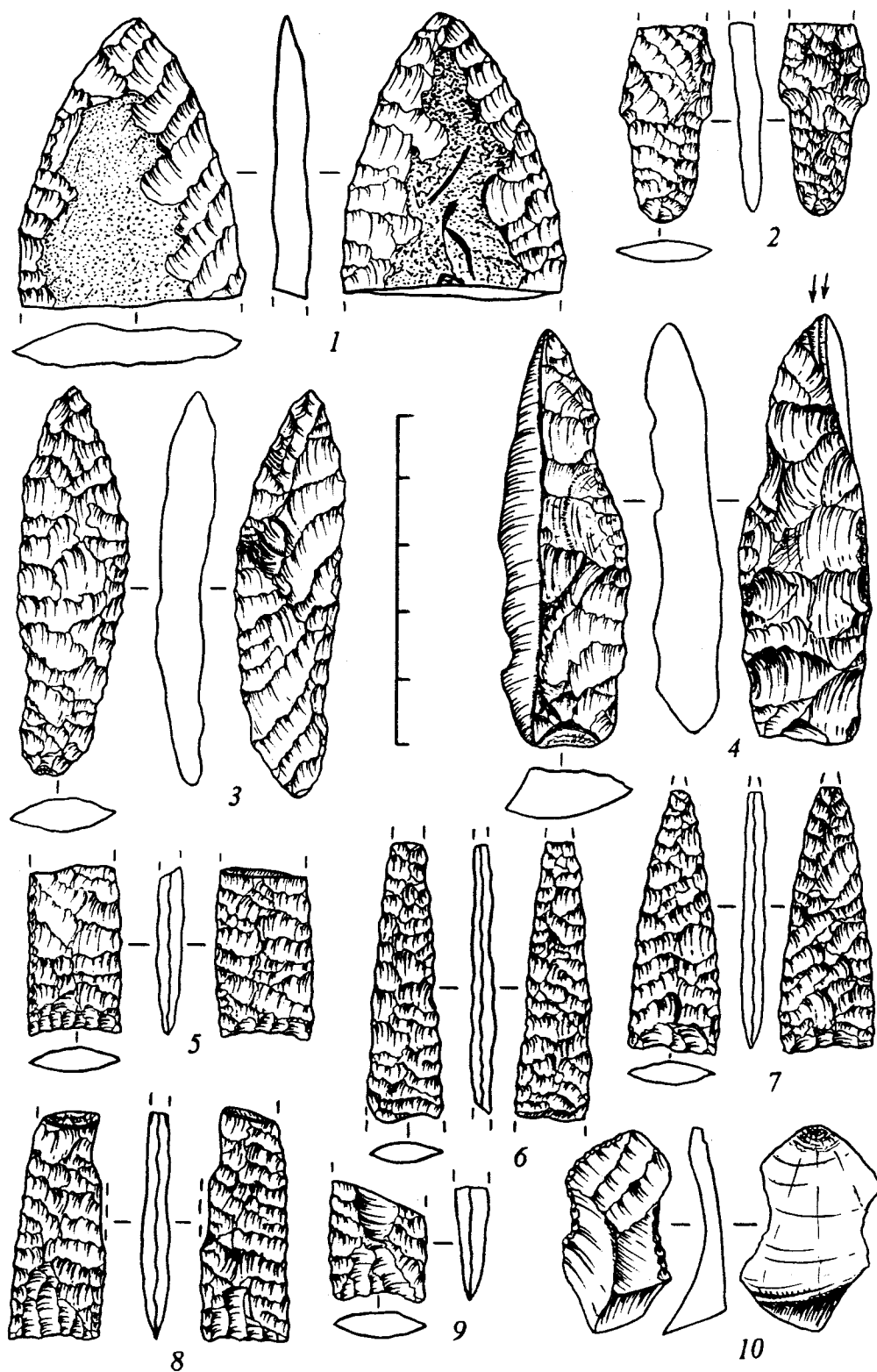

Рис. 66. Каменные изделия со стоянки Хетагчан, раскоп А (1994 г.)

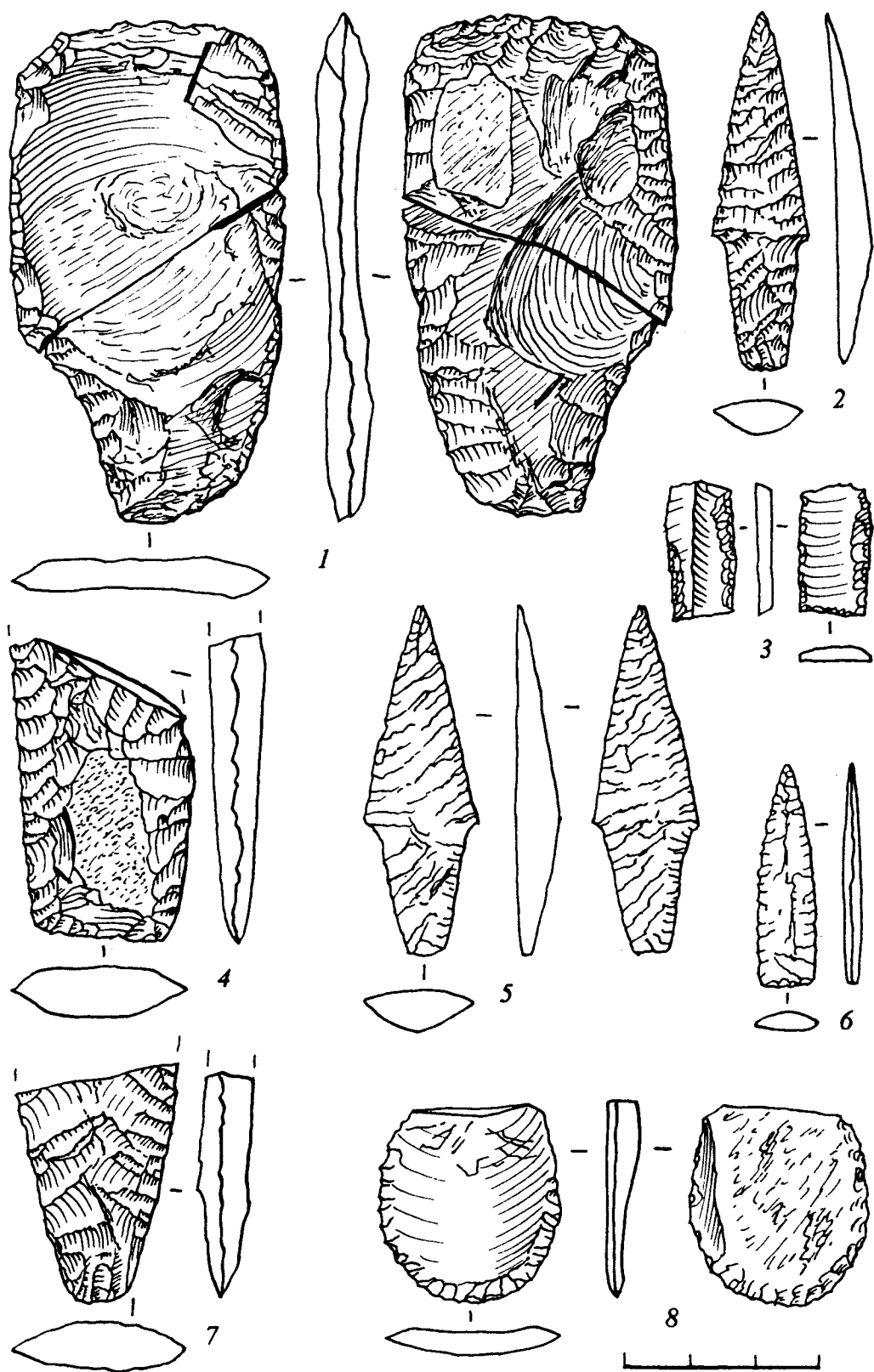

Рис. 67. Каменные изделия со стоянки Хетагчан, раскоп А (1997 г.)

скребки, резцы, резчики, тесла и заготовки орудий. Большое количество бифасов представлено фрагментами оснований прямой (рис. 67, 4; 68, 5) и округлой формы (рис. 67, 7), что затрудняет выделение среди них наконечников или ножей.

Ножевидные пластинки редки, изготовлены преимущественно из обсидиана, в большинстве ретушированы или сработаны от употребления по краям (рис. 67, 3). Единичны пластинки из кремня (рис. 69, 10).

Наконечники стрел преимущественно черешковые, односторонне выпуклые айонского типа (рис. 67, 2, 5; 68, 7). Вторые по количеству наконечники треугольной формы с прямым или слегка выемчатым основанием и уплощенно-линзовидным поперечным сечением (рис. 67, 6; 69, 8). Часть из них имеет слегка вытянутое жало в основании (рис. 68, 2). Выделяется изяществом исполнения наконечник усеченно-линовидного типа (рис. 70, 4). Все они сделаны из кремня и имеют бифасиальную обработку, кроме некоторых наконечников айонского типа, у которых остается необработанной часть поверхности на плоской стороне.

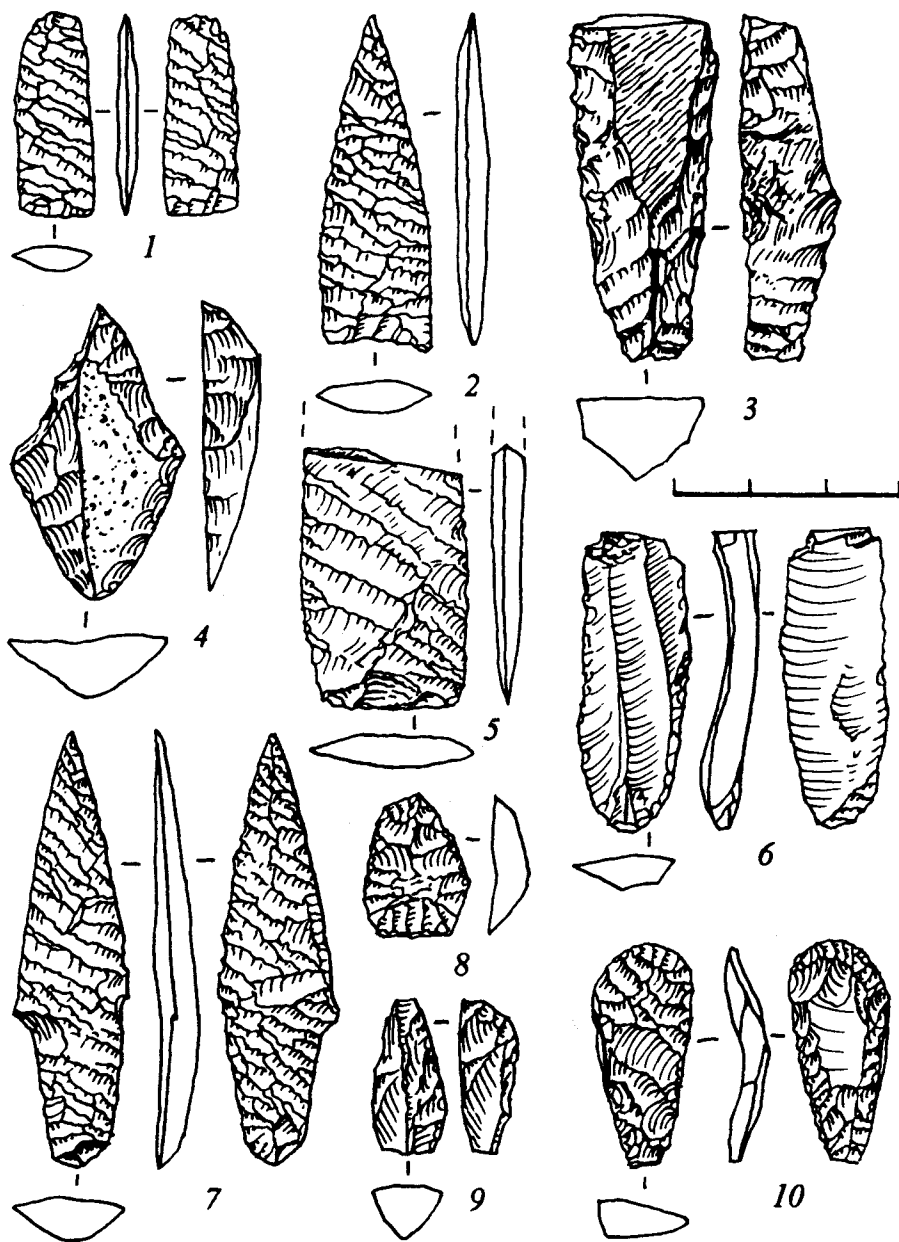

Рис. 68. Каменные изделия со стоянки Хетагчан, раскоп А (1997 г.)

Нож черешкового типа с прямым лезвием изготовлен на кремневой плитке со следами дисквома-ции (рис. 67, 1).

Среди скребков можно выделить орудия с округлым (рис. 68, 10; 69, 6) и прямым (рис. 68, 8; 69, 9) лезвием. Первые обработаны преимущественно по всей поверхности, вторые - только со стороны спинки. Один скребок сделан на пластинчатом сколе и имеет скошенный рабочий край (рис. 68, 6). Они сделаны из кремня и халцедона.

Резцы делятся на полиэдрические, из халцедона с округлым корпусом (рис. 69, 5) и срединные на плоских кремневых отщепах или пластинах (рис. 69, 2, 4).

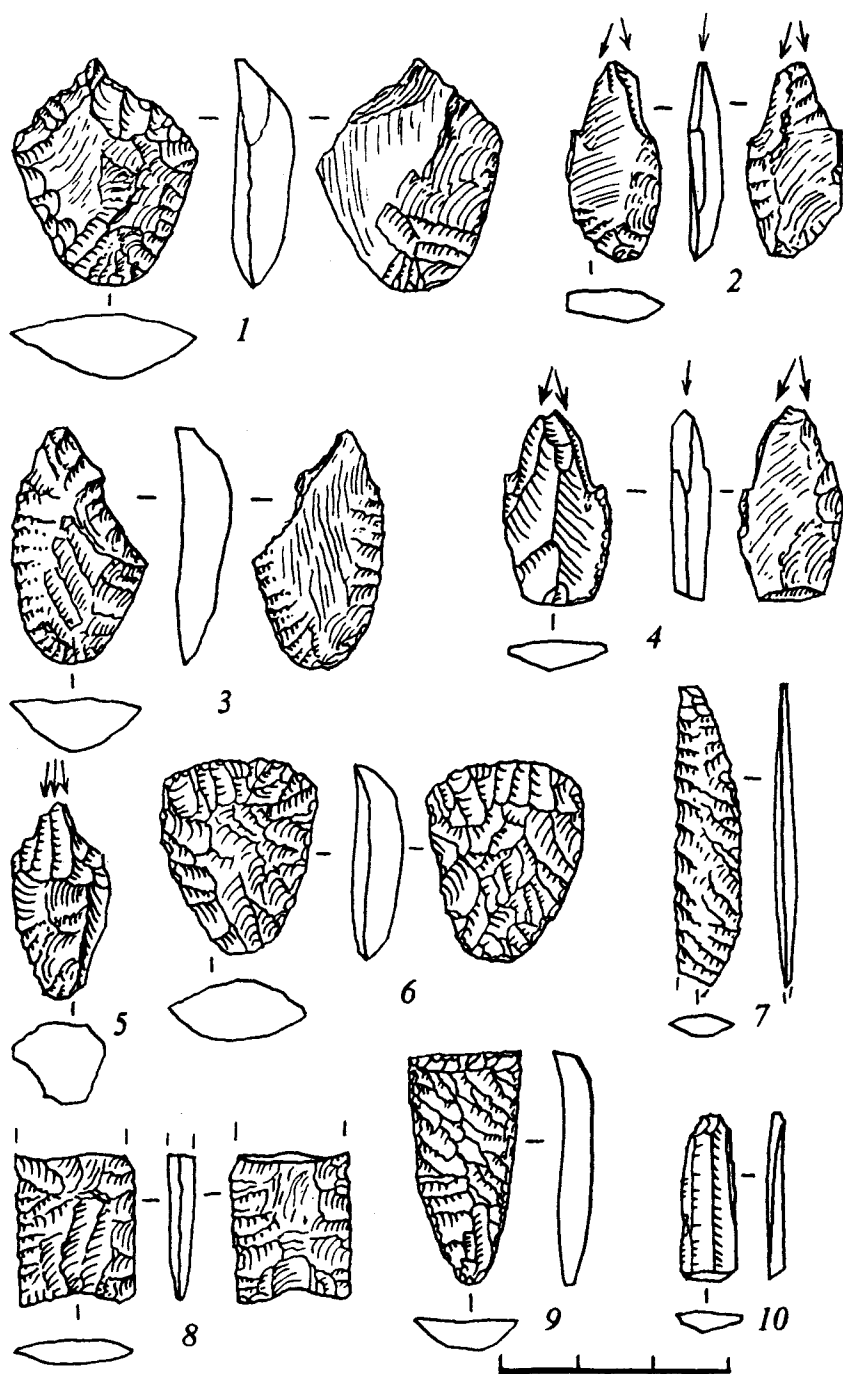

Рис. 69. Каменные изделия со стоянки Хетагчан, раскоп А (1997 г.)

Резчики кремневые клювовидного типа с полностью обработанной спинкой и частично брюшком (рис. 68, 4; 69, 1, 3). Один резчик на трехгранной кремневой заготовке (рис. 68, 9).

Вкладыши подпрямоугольной (рис. 68, 1) и асимметрично-листовидной (сегментовидной) (рис. 69, 7) формы с двусторонней обработкой. Сделаны из кремня. В сечении - уплощенно-линзовидные.

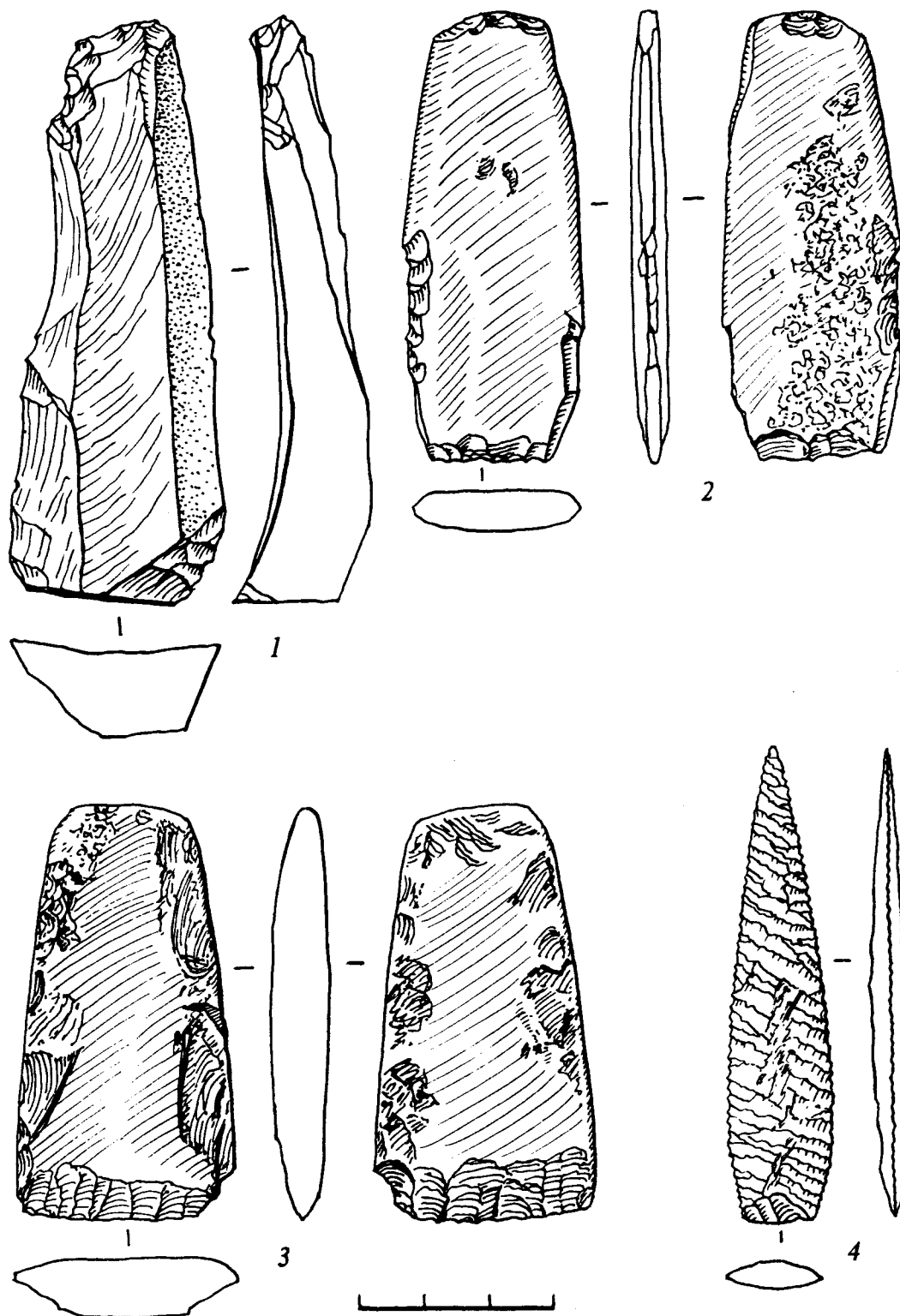

Рис. 70. Каменные изделия со стоянки Хетагчан, раскоп А (1997 г.)

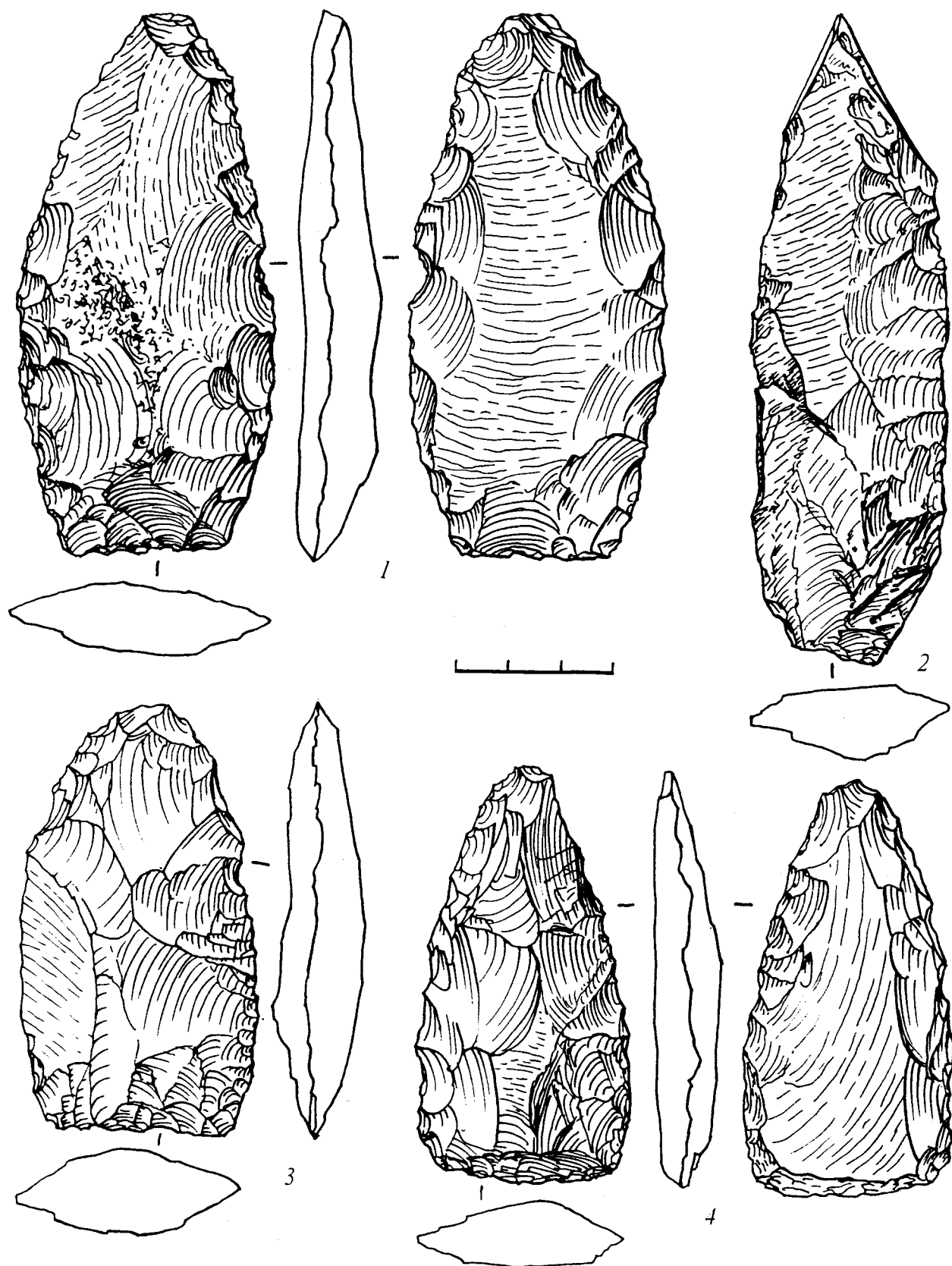
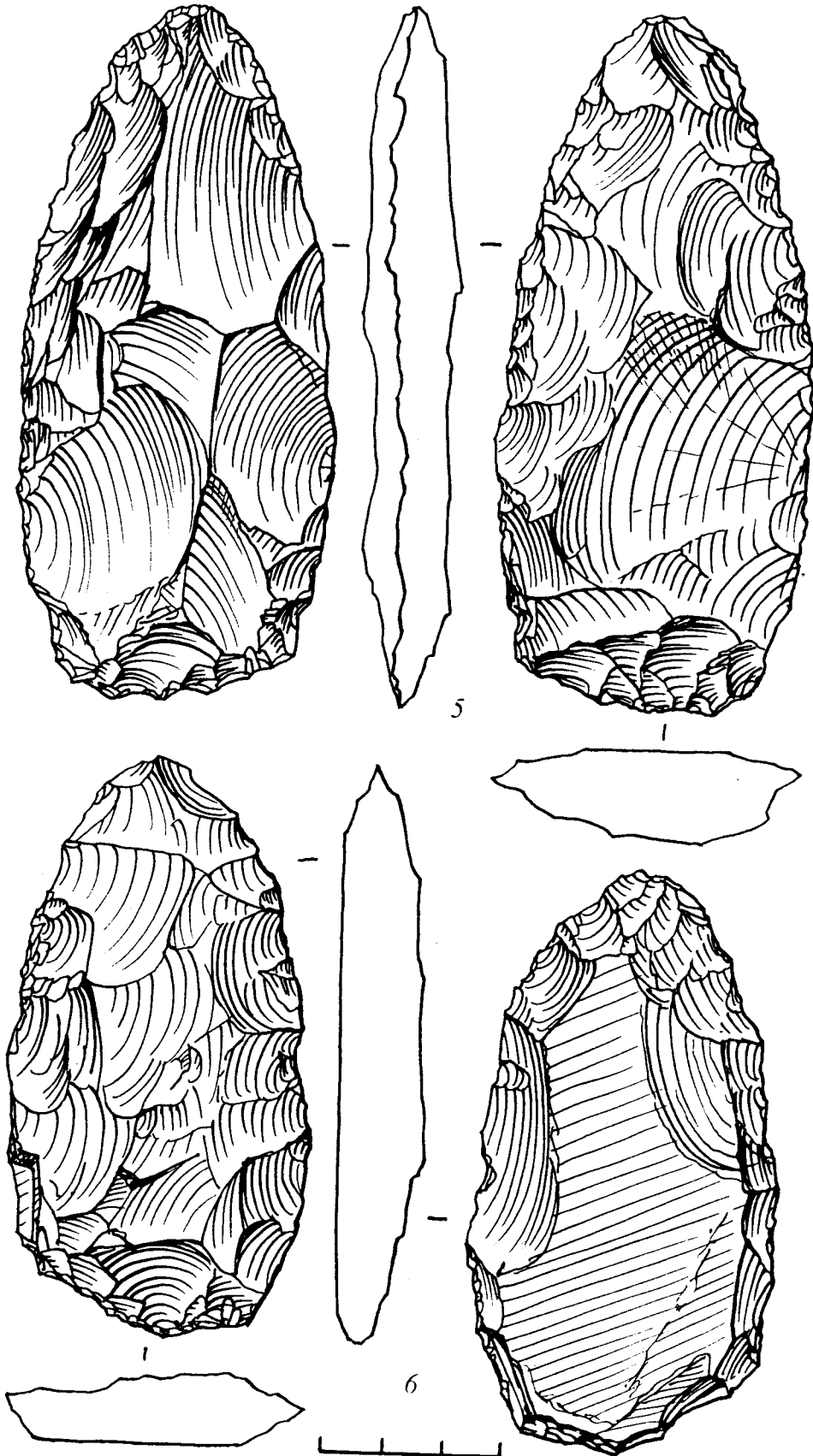

Рис. 71. Каменные изделия со стоянки Хетагчан II (клад бифасов)

Тесла подпрямоугольной формы, плоские, полностью шлифованные со следами сработанности и подправки лезвия (рис. 70, 2, 3). Сделаны из плотной кристаллической породы.

Заготовкой орудия является крупная пластина из кремня (рис. 70, 1). Одно изделие, представленное фрагментом, имеет трехгранное (напильниковидное ?) поперечное сечение, хотя орудий с таким сечением немного (рис. 68, 3). Керамика представлена фрагментами с вафельным штампом (рис. 76, 3).

В 14 м к востоку от шурфа, в развалах дерна, был найден крупный, бифасиально-обработанный нож трапециевидной формы, сделанный из серого плитчатого кремня. Поверхность ножа оббита крупными сколами, края подработаны мелкой краевой ретушью. Один конец ножа сломан. Длина его 8,5 см, ширина 3,6 см, толщина 1,2 см. Это пока самое крупное из найденных на стоянке каменных изделий.

Найденные на стоянке материалы датируются поздним неолитом, для которого характерно угасание использования технологии микропластинок. Это соответствует полученной дате из раскопа Б - конец II тыс. до н.э.

Стоянка Хетагчан II расположена на плоской вершине невысокой сопки, у подножия которой находится стоянка Хетагчан. Поверхность вершины сопки покрыта мелкообломочным коллювием с редкой лишайниковой растительностью. На поверхности стоянки найдены один крупный бифас овальной формы из светло-коричневого плитчатого кремня (рис. 71, 1) и несколько отщепов. В раскопе на площади около 1 м² в слое детрита мощностью до 10 см найдено более 20 подобных бифасов и их заготовок овальной, подтреугольной формы (рис. 71, 2-6). Отсутствие отщепов указывает, что их принесли на место находки, а залегание в слое плотным скоплением (один на другом) позволяет предположить, что они были оставлены в какой-то объемной таре, вероятно, мешке или сумке из шкуры.

По всей остальной плоской поверхности вершины сопки без видимой привязки друг к другу и к скоплению бифасов на площади около 500 м² был собран подъемный материал, представленный каменными изделиями. Небольшую часть их составляют отщепы и ножевидные пластинки. Пластинки сделаны из кремня и обсидиана, некоторые ретушированы по одному или двум краям (рис. 72, 2; 73, 4, 6, 8, 11). На стоянке среди орудий - наконечники, ножи, скребок и вкладыш.

Наконечники представлены одним целым кремневым изделием удлинненно-треугольной формы с выемчатым основанием (рис. 72, 5), фрагментами еще одного подобного наконечника (рис. 72, 4) и халцедонового острия (рис. 73, 9). Трудно определить, острием или основанием является фрагмент наконечника (рис. 72, 3). Вероятно, наконечником является острие на пластинчатом отщепе (рис. 76, 1).

Среди ножей четко фиксируются изделия с рукояткой и скошенным лезвием (рис. 72, 1, 6). Несколько бифасов и их фрагментов из кремня могут быть ножами или наконечниками (рис. 72, 7; 73, 2, 5, 7, 10).

Вкладыш сегментовидного типа сделан из кремня, имеет двустороннюю обработку (рис. 73, 3).

Кремневый скребок концевой типа (топоровидный) с краевой, частично бифасиальной обработкой лезвия и продольных краев (рис. 73, 1). Материалы стоянки датированы неолитическим временем.

Стоянка Хетагчан III расположена на плоской вершине отрога сопки (со стороны р. Хетагчан), у подножия которой находится стоянка Хетагчан. На развешенной поверхности вершины, на протяжении 30-40 м найдены каменные орудия, ножевидные пластинки (рис. 75, 5) и отщепы.

Среди орудий два практически целых бифасиально обработанных орудия листовидной формы из зеленоватого кремня (рис. 74, 3; 75, 3). Они могли служить клинками ножей или наконечниками копий. Еще несколько фрагментов бифасов представляют собой, видимо, обломки таких же орудий (рис. 74, 1, 2, 5, 6). Наконечники нескольких типов: короткий напильниковидный (трехгранный) с небольшим хвостиком в основании, что характерно для подобных изделий со стоянок на р. Омолон (рис. 75, 7); плоские, двусторонне обработанные, треугольной формы (рис. 75, 8) и листовидный с миндалевидным (почти овальным) поперечным сечением (рис. 74, 7).

Проколка сделана на кремневом отщепе (рис. 75, 1). Ретушью оформлено острие проколки и выправлены ее края.

Вкладыши представлены фрагментами двусторонне обработанных сегментовидных изделий из кремня (рис. 75, 4, 6).

Резцы двойные ординарные, с ретушированным краем между резцовыми кромками, сделаны на кремневых отщепах (рис. 74, 4; 75, 2).

Материалы могут быть датированы поздним неолитом.

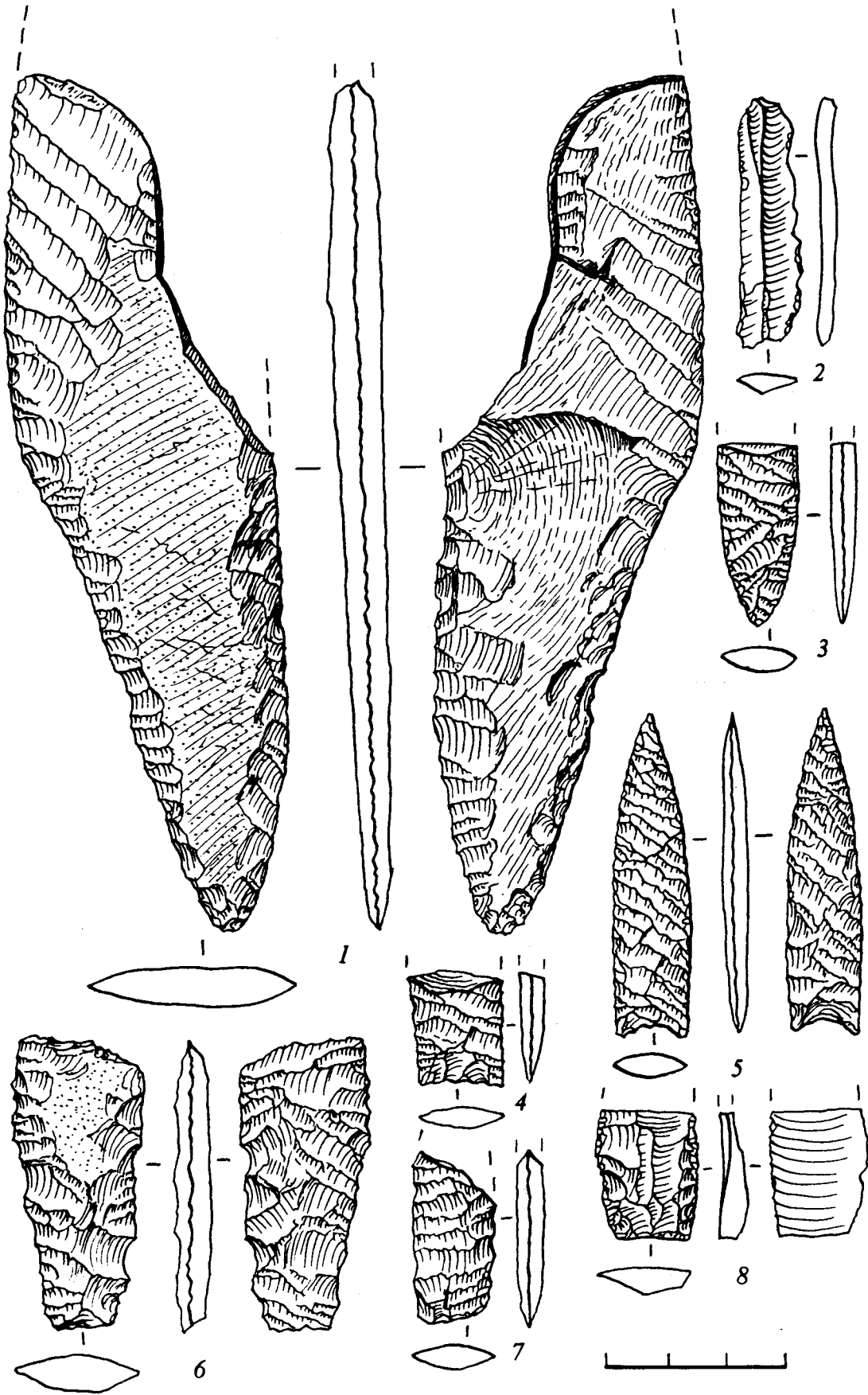

Рис. 72. Каменные изделия со стоянки Хетагчан II

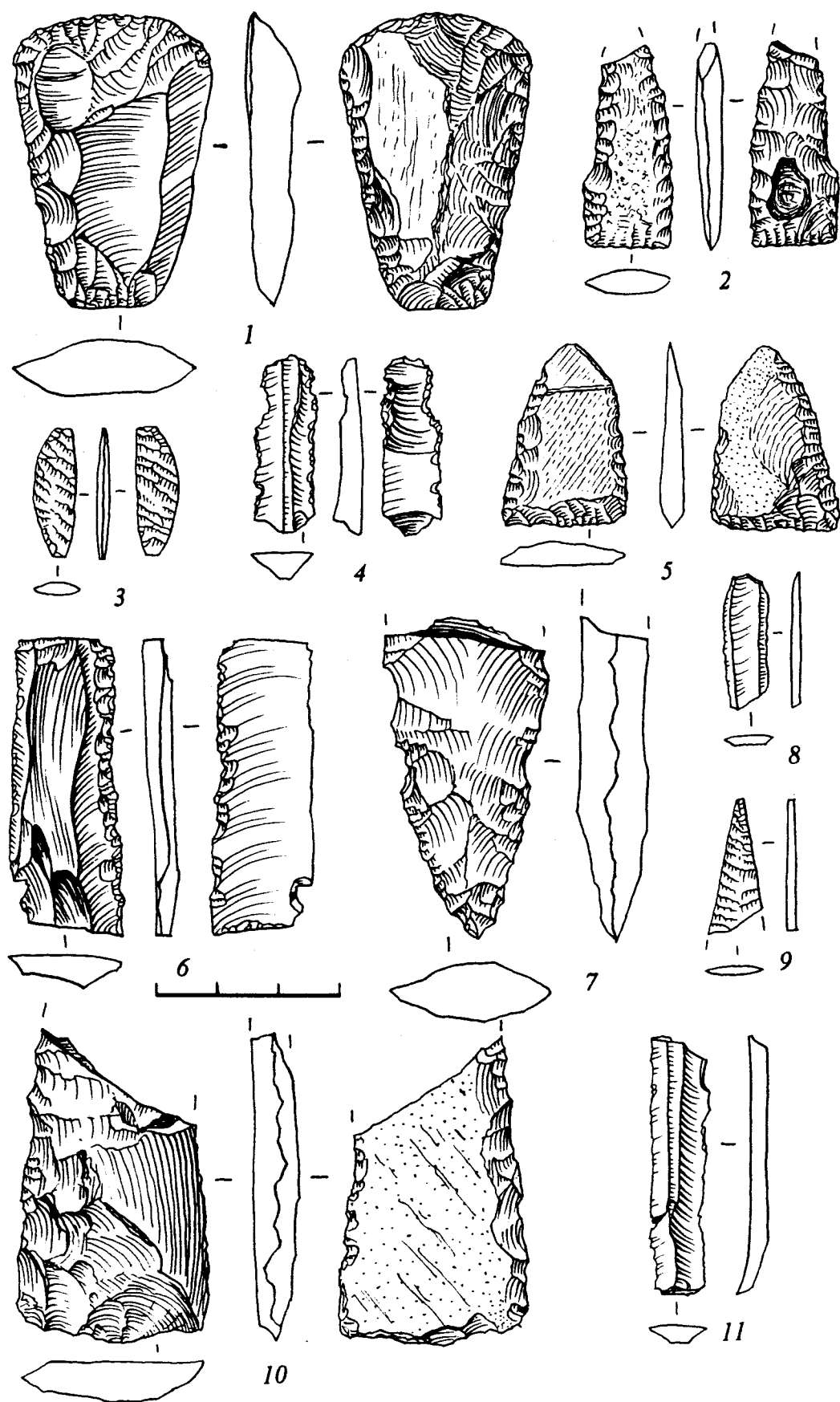

Рис. 73. Каменные изделия со стоянки Хетагчан II

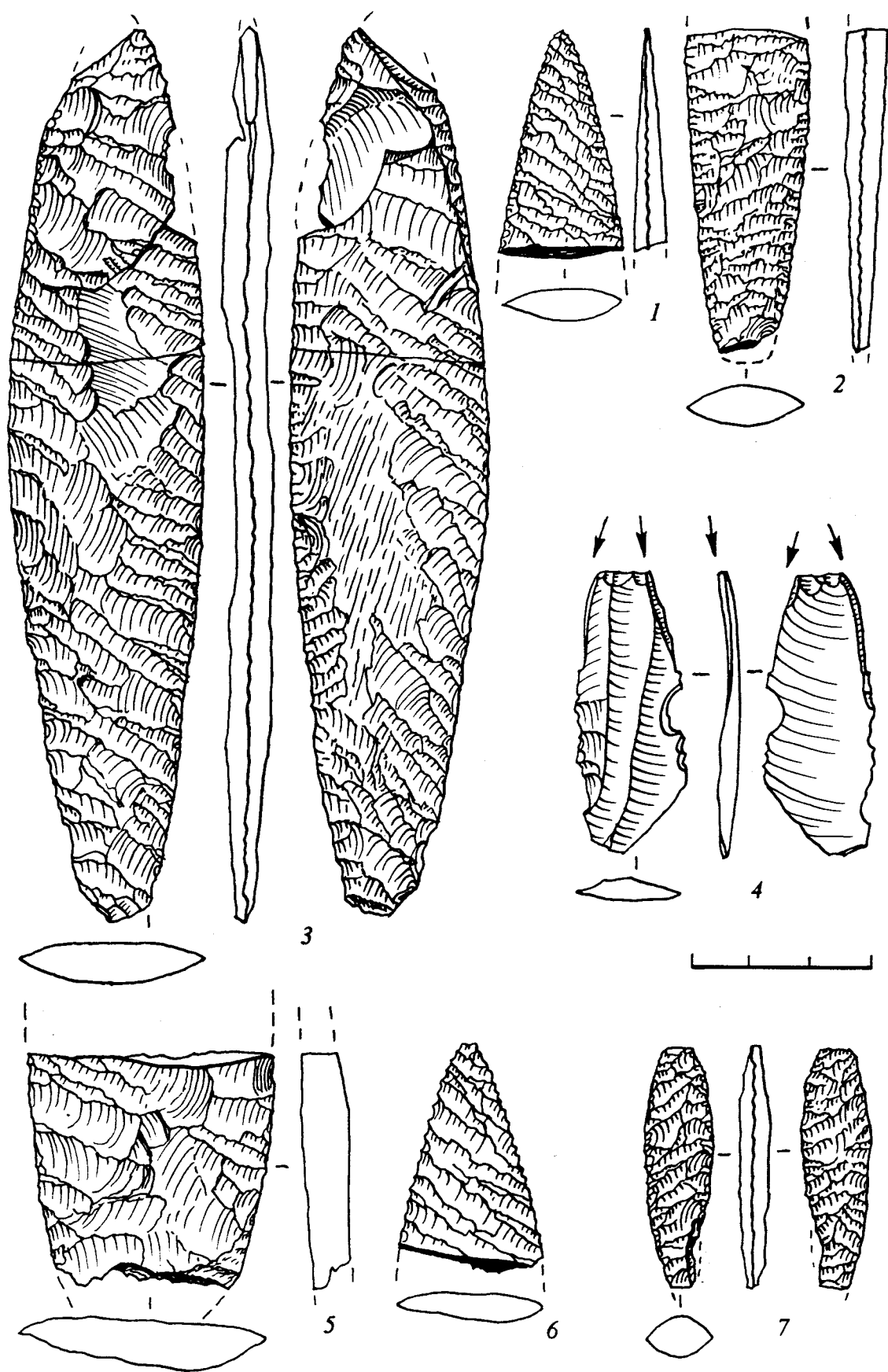

Рис. 74. Каменные изделия со стоянки Хетагчан III

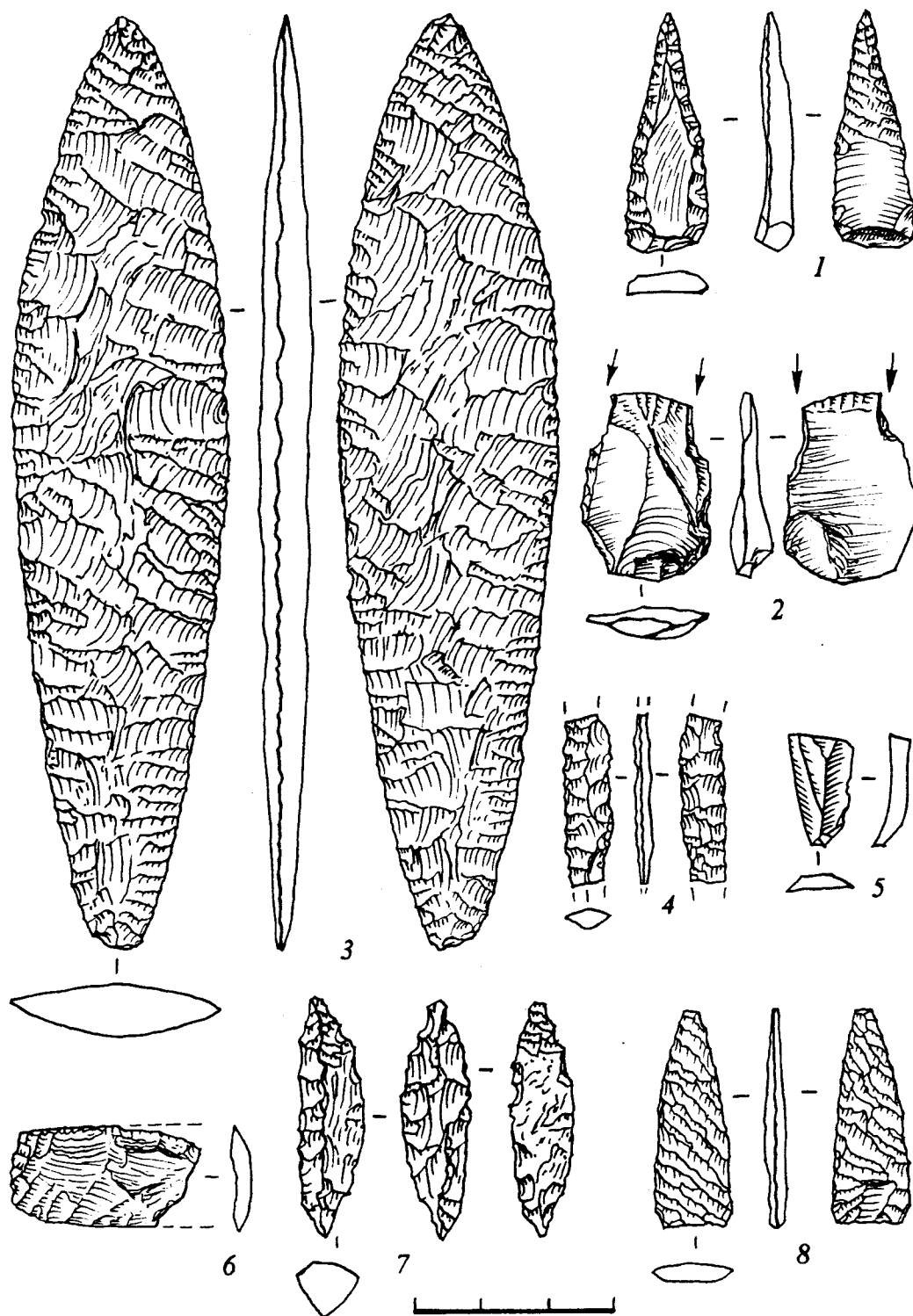

Рис. 75. Каменные изделия со стоянки Хетагчан III

Стоянки Агробаза I-IV

Стоянки расположены на левом берегу р. Колыма (в настоящее время - зона затопления водохранилищем Колымской ГЭС), напротив устья ее правого притока р. Тенке. В этом месте Колыма делает поворот почти на 90° , и стоянки оказываются как бы на оконечности большого мыса. Берег Колымы

здесь представляет собой древнюю дюну высотой до 20 м, поросшую лесом. Вырубка деревьев по краю речной террасы привела к ее эрозии и частичному разрушению стоянок, расположенных на ней. Материалы стоянки Агробаза II отнесены к раннему голоцену [Слободин, 1999а].

Стоянка Агробаза I обнаружена в 30 м от кромки воды. Подъемный материал собран на раздернованном участке террасы площадью 8 м². Всего найдены 32 каменных изделия, среди которых 27 халцедоновых и 2 базальтовых отщепа, 2 нуклеуса и нож.

Нуклеусы аморфной формы изготовлены из халцедона. С них снимались пластинчатые сколы и отщепы. Отжимная площадка выбиралась произвольно. Пластины и отщепы снимались бессистемно. Размеры нуклеусов 3 × 3,5 и 3 × 5 см.

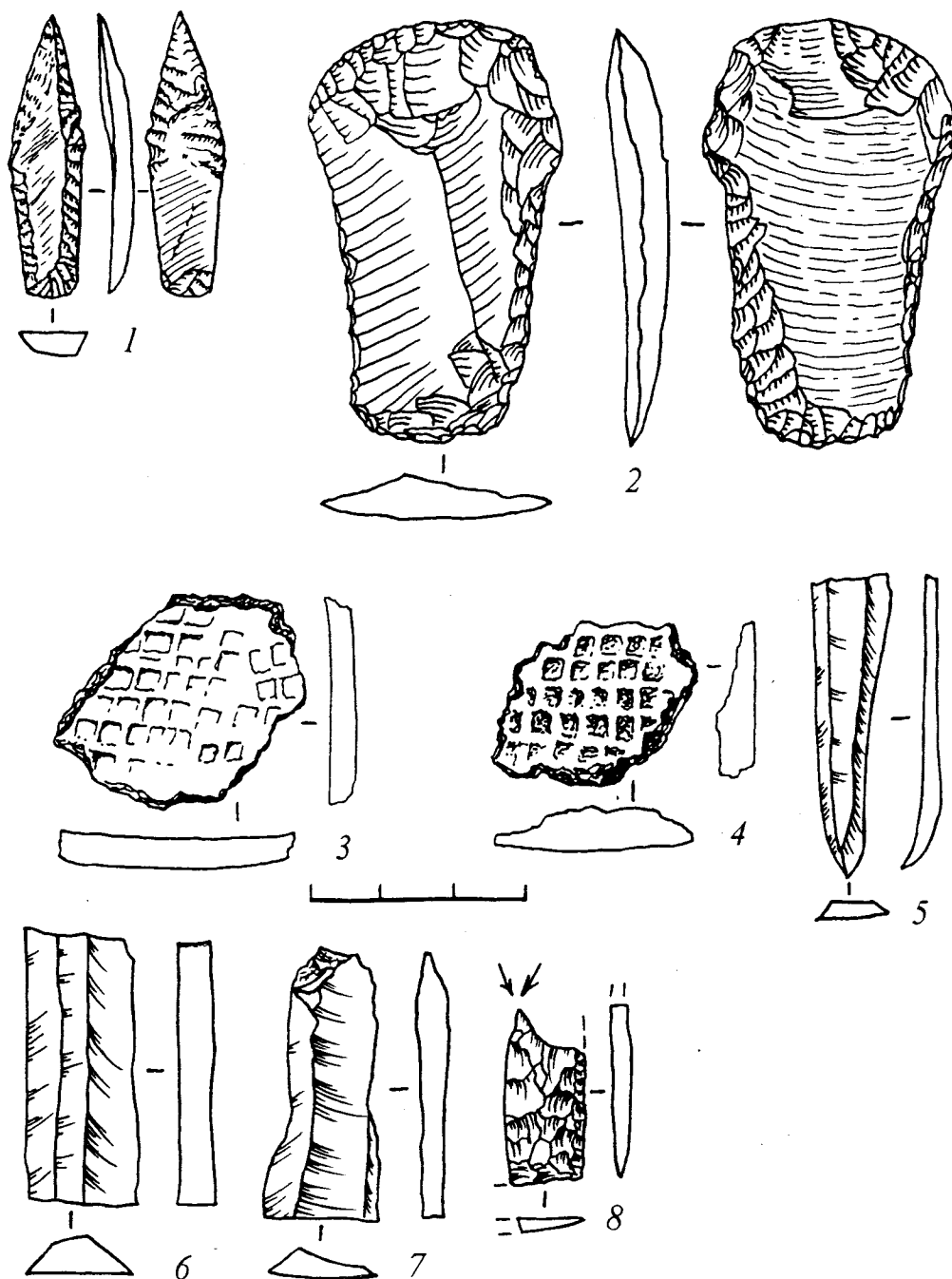

Рис. 76. Каменные изделия со стоянок Хетагчан II (1), Малык I (2), Агробаза III (5-8) и керамика со стоянки Хетагчан (раскоп А, 1997 г.) (3) и Хетагчан (пункт К) (4)

Нож изготовлен на халцедоновом пластинчатом сколе. Нерегулярной ретушью обработан один из продольных краев скола; второй оформлен одним сплошным снятием.

Стоянка Агробаза III расположена в 50 м к востоку от стоянки Агробаза II, на краю 15-метровой террасы. На ее кромке, разрушенной эрозией, собран подъемный материал, содержащий галечные и кремневые отщепы, ножевидные пластинки шириной 0,7-1,6 см (рис. 76, 5-7), отбойник, скребки, нако- нечники и обломки бифасиальных орудий.

Скребки двух типов: одни концевые, изготовленные на пластинчатых отщепах (рис. 77, 4) и ноже- видных пластинках, другие галечные.

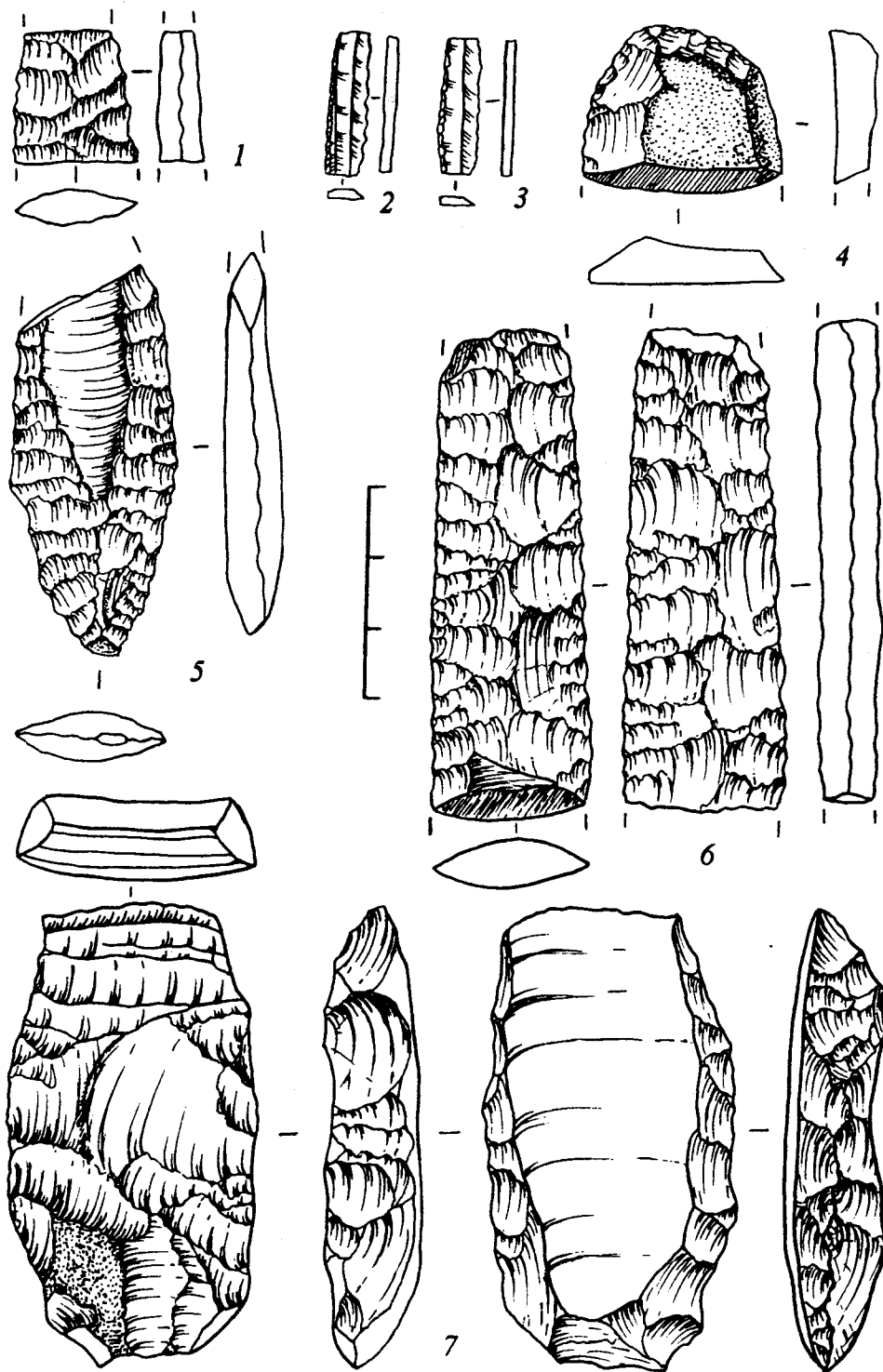

Рис. 77. Каменные изделия со стоянки Агробаза III (1, 4-6) и IV (2, 3, 7)

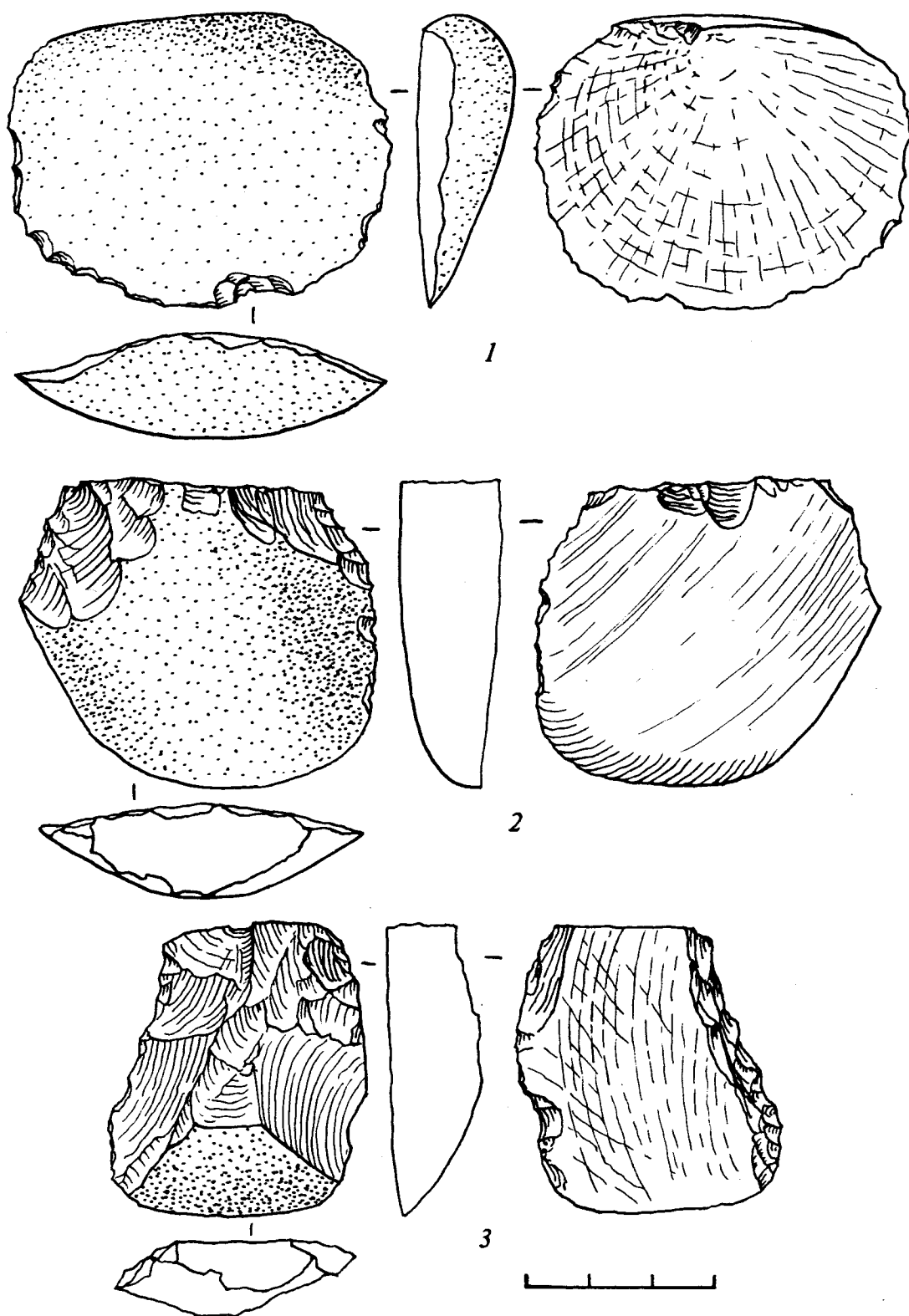

Рис. 78. Каменные изделия со стоянки Агробаза III

Наконечники представлены двумя обломками орудия предположительно листовидной формы с линзовидным поперечным сечением (рис. 77, 1, 5).

Обломок средней части бифасиального орудия изготовлен из белого кремневого материала, имеет прямые края и линзовидное поперечное сечение. С обеих сторон обработан плоской отжимной ретушью (рис. 77, 6). Другой обломок бифасиального орудия из халцедона послужил заготовкой срединного резца.

Заготовками для скребков служили отщепы, снятые с галечного нуклеуса, найденного здесь же. Отщепы скалывались с обеих его плоских поверхностей.

На неразрушенной части террасы, у места сбора подъемного материала, был заложен раскоп на площади 88 м². Для стоянки была определена следующая стратиграфия:

	Мощность, см
Дерн	4-5
Песок	5-85
Углистость	5-10
Песок плотный	До 10
Песок неплотный	Более 500

Раскопки показали, что стоянка двухслойная и содержит материалы, относящиеся к различным эпохам.

Верхний культурный слой залегал в третьем стратиграфическом слое. Он характеризуется мощной углистостью с песком и содержит исключительно галечные изделия. Наиболее многочисленные из них отщепы, водогрейки, осколки дробленых камней, отбойники, рубила (рис. 84, 2), колотые гальки.

Из орудий здесь найдено около 30 галечных скребков и несколько ножей на галечных отщепах (рис. 78, 1-3; 79, 1-3).

У скребков преимущественно грубой ударной ретушью обработаны боковые края. Лезвия, за редким исключением, не обрабатывались.

В квадратах Д, Е-7 был раскопан очаг диаметром 1,5 м без каменной обкладки вокруг, но с большим количеством (около 600 экз.) расколовшихся от температурных колебаний водогреек. Очаг был углублен в землю на 20 см, и в его разрезе зафиксированы прослойки рыжего и белого пепла и мощный слой углистости.

Керамика, а также какие-либо изделия, отщепы и ножевидные пластинки из кремня или халцедона в верхнем культурном слое отсутствовали. Здесь находились исключительно галечные орудия.

В северо-западной части раскопа в квадрате Б-9 найдено несколько десятков расколотых трубчатых костей, предположительно оленя или лося.

Вне сомнения, галечные изделия в подъемном материале из обнажений составляют единый комплекс с находками верхнего культурного слоя из раскопа. Свидетельством этому стала находка в подъемных материалах нуклеуса для снятия отщепов, два отщепа, последовательно апплицирующихся с нуклеусом и друг с другом, обнаружены при раскопках в квадрате Д-8 в 4 м от края раскопа и в 8 м от нуклеуса (рис. 84, 1). Еще одна галька из раскопа была апплицирована с ее второй половиной, найденной в подъемном материале у края обнажения террасы.

По углю, взятому из очага стоянки, получена С-14 дата: 650 ± 60 (ЛЕ-1259), из культурного слоя стоянки получены две даты - 390 ± 90 (ЛЕ-3989) и 8220 ± 95 (GX-17060). Последняя дата представляется недостоверной для верхнего культурного слоя стоянки.

Второй культурный слой зафиксирован под углистой прослойкой на 5-12 см ниже верхнего культурного слоя. Он залегал в плотном песке. В нем были найдены 14 кремневых ножевидных пластинок шириной 0,5-1,5 см и кремневые отщепы. Находки залегали не по всей площади раскопа, а в квадратах В, Г-7 и Е-9. В этом слое не зафиксировано ни одного галечного изделия или отщепа. По качеству обработки и материалу ножевидные пластинки идентичны аналогичным находкам из подъемных сборов. Материалы второго культурного слоя, видимо, датируются периодом не позднее неолита.

Стоянка Агробаза IV находится в 60 м от стоянки Агробаза III, на краю той же террасы. Поверхность кромки террасы разрушена. Здесь собраны каменные изделия, включающие около 1000 кремневых, халцедоновых и галечных отщепов, ножевидные пластинки, часть которых обработана вдоль од-

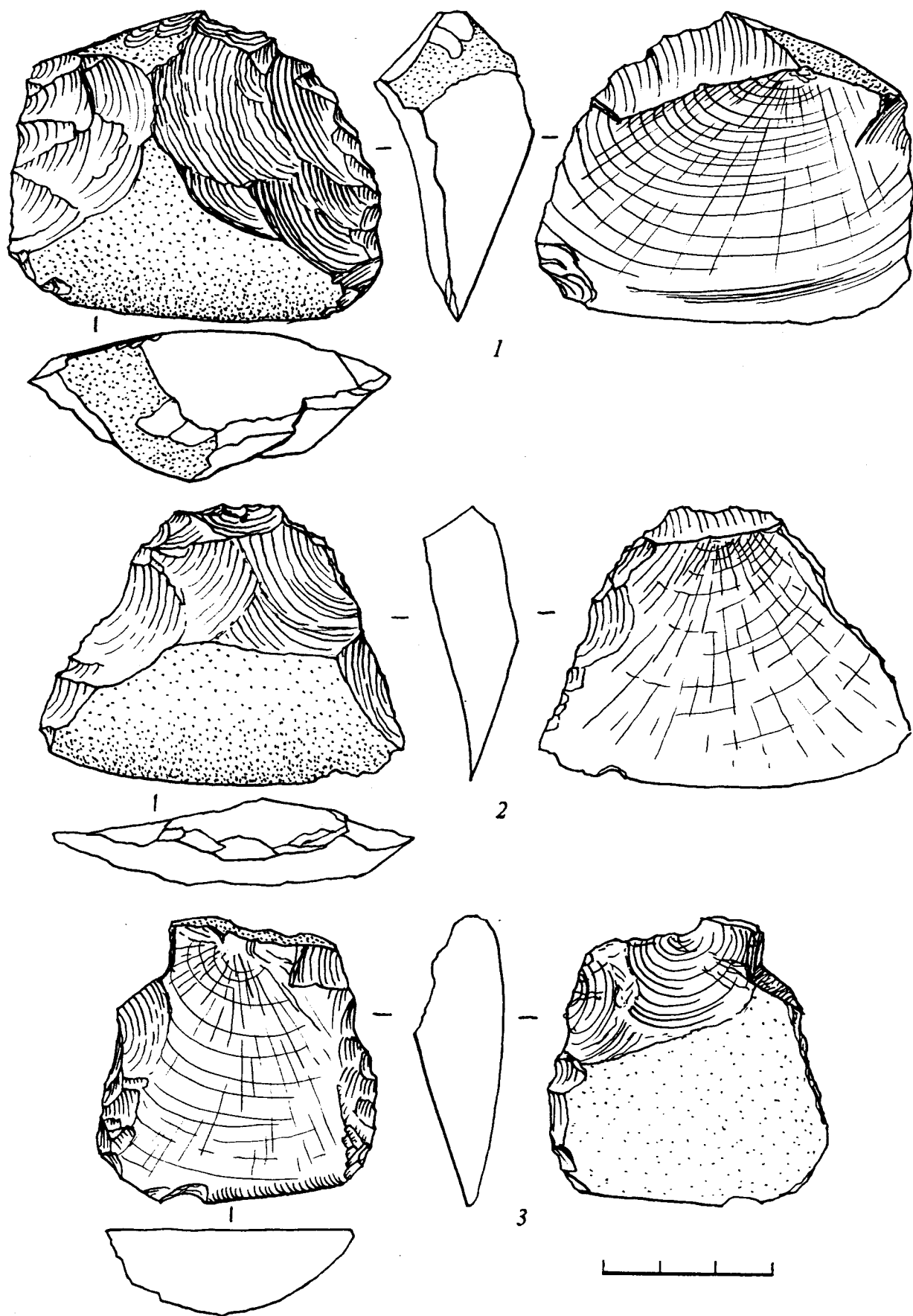

Рис. 79. Каменные изделия со стоянки Агробаза III

ного или двух краев унифасиальной ретушью (рис. 77, 2, 3), 5 галечных скребков, дисковидный нуклеус для снятия галечных отщепов [Слободин, 1999б. Рис. 5, 2], отбойник на продолговатой, овальной в сечении гальке и кремневое бифасиально обработанное орудие.

У одной из ножевидных пластинок шириной 0,9 см обработанный ретушью, усеченный поперечный край.

Бифасиальное орудие имеет в плане подпрямоугольную форму, одна его поверхность полностью обработана ретушью, вторая образована одним сплошным сколом и ретуширована по краю. С одного края изделия скалывались ножевидные пластинки (рис. 77, 7).

Зачистка обнажений позволила определить, что в отложениях террасы залегают два культурных слоя, относящиеся к различным хронологическим периодам и технологическим традициям.

Шурфовочные работы показали, что культурный слой простирается на расстоянии 10-15 м от края обнажения. Мощность песчаных (дюнных) отложений, перекрывающих его, изменяется от 30 см у края обнажения до 1,5 м в 10 м от него. Далее, в глубь террасы, поверхность дюны идет на понижение.

На неразрушенном участке террасы, поросшем лесом, рядом с местом наиболее интенсивного скопления находок проведены раскопки на площади 50 м². В раскопе определена следующая стратиграфия (рис. 80):

	Мощность, см
Дерн	5-10
Песок неслежавшийся	30-150
Углистость (верхний культурный слой)	1-8
Песок серый, плотный (нижний культурный слой)	3-8
Песок неслежавшийся	Более 100

Верхний слой стоянки отмечен мощной прослойкой углистости, большим количеством галечных отщепов, осколков камней, скоплением обгоревших мелких раздробленных костей.

Из орудий здесь найдены (около 20 экз.) лишь крупные, размером от 5,3 × 4,3 до 8,3 × 7,5 см галечные скребки, изготовленные преимущественно на первичных сколах. Только у некоторых из них лезвие обрабатывалось унифасиальной ретушью. Скребки использовались главным образом без дополнительной обработки лезвия, в качестве которого служил нижний край отщепа. Часть скребков обработана вдоль боковых краев грубой унифасиальной или бифасиальной ретушью для придания им формы, удобной для закрепления их в рукоятке (рис. 79, 1-3). Они полностью аналогичны скребкам из подъемных сборов.

Сравнительный анализ находок верхнего слоя стоянки Агробаза IV и материалов стоянки Агробаза III (верхний слой) позволяет датировать первые XIII-XV вв. н. э.

Нижний культурный слой наиболее полно представлен в северной части раскопа. Находки здесь концентрировались вокруг двух скоплений крупных камней, часть которых имеет характерное температурное растрескивание. Пятно сильно прокаленного песка под камнями на глубине до 10 см, угольки в нем свидетельствуют об использовании скоплений камней в качестве очагов. Здесь же найдено скопление фрагментов керамики.

Наиболее многочисленную группу находок составляют отщепы. Среди них 2205 кремневых и 633 халцедоновых отщепов. Почти все они мелких размеров (до 1 см) или чешуйки. Найдено всего несколько крупных (2-3 см) кремневых отщепов. Все отщепы являются продуктами вторичной обработки изделий.

Кремневых ножевидных пластинок в слое найдены 362 экз. Большинство имеет ширину 0,3-0,8 см (рис. 81, 3, 4), хотя имеются экземпляры шириной 1,1 см (рис. 81, 1, 2). Из халцедона сделано 9 ножевидных пластинок (рис. 81, 5). Почти все пластинки правильной геометрической формы с треугольным или трапециевидным поперечным сечением. Судя по пластинкам, их скалывали с нуклеусов призматической или конической формы.

Целых нуклеусов не найдено. Один, из серого кремня, представлен фрагментом верхней части. Это, видимо, был полностью сработанный нуклеус призматического или конического типа. Пластинки снимались по всей его окружности. Отжимная площадка расположена под прямым углом к фронту

скалывания (рис. 81, 7). Второй нуклеус представлен сколом, захватившим часть площадки и фронта скалывания с четырьмя негативами на фронте (рис. 81, 6). Судя по ножевидным пластинкам, на стоянке использовалось еще, по меньшей мере, 4-5 нуклеусов из сиреневого, черного, зеленого и других цветов кремня. Обработывались также нуклеусы из халцедона. Ребристый скол с одного из них был найден в раскопе (рис. 81, 9). Две части расколотой в древности заготовки нуклеуса из халцедона были обнаружены в раскопе на расстоянии более 1 м друг от друга. Рабочая площадка округлая. В нижней части нуклеус расширяется до 2,5 см и имеет подтреугольное поперечное сечение (рис. 81, 8).

Орудия представлены 6 наконечниками стрел, 3 резцами, резчиком, 3 скребками и 25 вкладышевыми орудиями.

Наконечники стрел сделаны из кремня (5 экз.) и халцедона (1 экз.). Найдены 3 целых наконечника. Наконечник из зеленого кремня имеет ромбическую форму. По краям в средней части выделяются небольшие, но четко оформленные выступы (плечики), отделяющие лезвие наконечника от насада. Можно отметить различия в качестве обработки разных частей наконечника: лезвие обработано тщательнее, более мелкими и аккуратными, чем в основании, фасетками отжимной ретуши. Поперечное сечение его

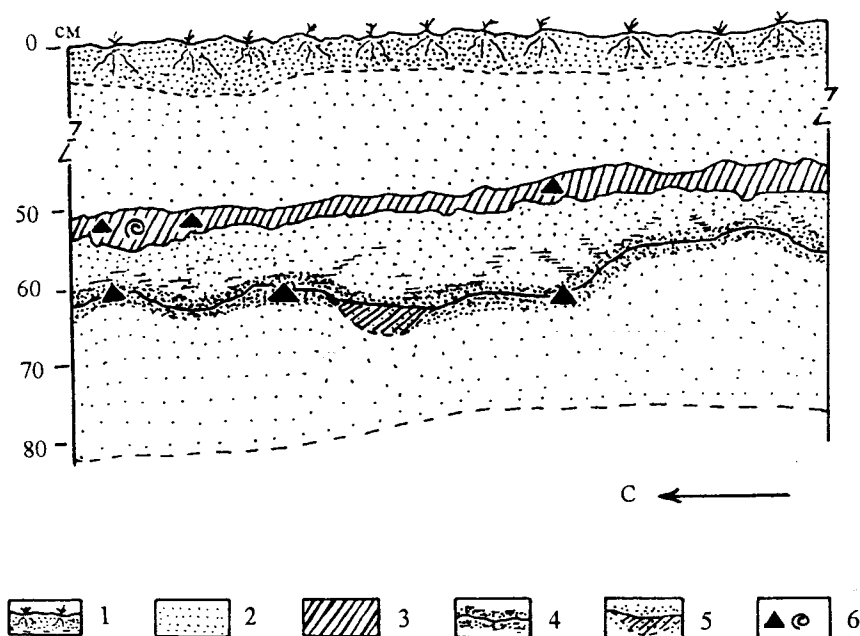

Рис. 80. Стратиграфия стоянки Агробаза IV: 1 - дерн; 2 - песок; 3 - углистая; 4 - плотный песок; 5 - прокаленный песок с углистостью; 6 - артефакты, органика

линзовидное (рис. 82, 1). С такой же тщательностью изготовлен найденный целый двусторонне обработанный наконечник из белого кремня. Он имеет линзовидную форму с округлым основанием. Поперечное сечение линзовидное. Края наконечника в части, относящейся к насаду, имеют отчетливые следы притупливания (рис. 82, 2). Наконечник стрелы, изготовленный из халцедона, имеет линзовидную форму, обработан с обеих сторон. Он восстановлен из двух фрагментов, найденных отдельно в одном квадрате. Поперечное сечение линзовидное (рис. 82, 3). По сравнению с остальными наконечниками он обработан довольно грубо. У него отмечается небольшое сужение основания, выделенного узкими плечиками. Остальные наконечники представлены двусторонне обработанными фрагментами кончиков, имеющих линзовидное поперечное сечение. Один из этих наконечников представлен сразу двумя фрагментами, позволяющими в общем предположить, что он имел линзовидную форму, был длиной не менее 3 см и шириной около 1 см (рис. 82, 6).

Резцы типологически делятся на угловые (1 экз.) и полиэдрические (2 экз.). Угловой резец сделан на кремневой ножевидной пластине, имеющей трапециевидное поперечное сечение. Первоначально, судя по сколу вдоль левого края пластины, она была усечена диагональным сколом справа налево, затем ее усеченный конец обработали ретушированным анкошем и в конце нанесли резцовый скол длиной

1,2 см вдоль правого края пластинки. Он образовал резцовое лезвие, имеющее (за счет анкоша) острый угол заточки. Со стороны вентральной поверхности резец не обрабатывался (рис. 81, 14).

Полиэдрические резцы изготовлены из зеленого и белого кремня. Целый резец из зеленого кремня относится к типу двойных полиэдрических резцов. Он сделан на плитчатом сколе. На концах рукоятки (корпуса), имеющей четырехугольное поперечное сечение, резцовыми сколами, сходящимися под острым углом, образованы два лезвия: одно короткое (длиной около 1 см), другое вытянутое (длиной около 2 см). Широкие плоские боковые поверхности рукоятки резца образованы сколами по всей поверх-

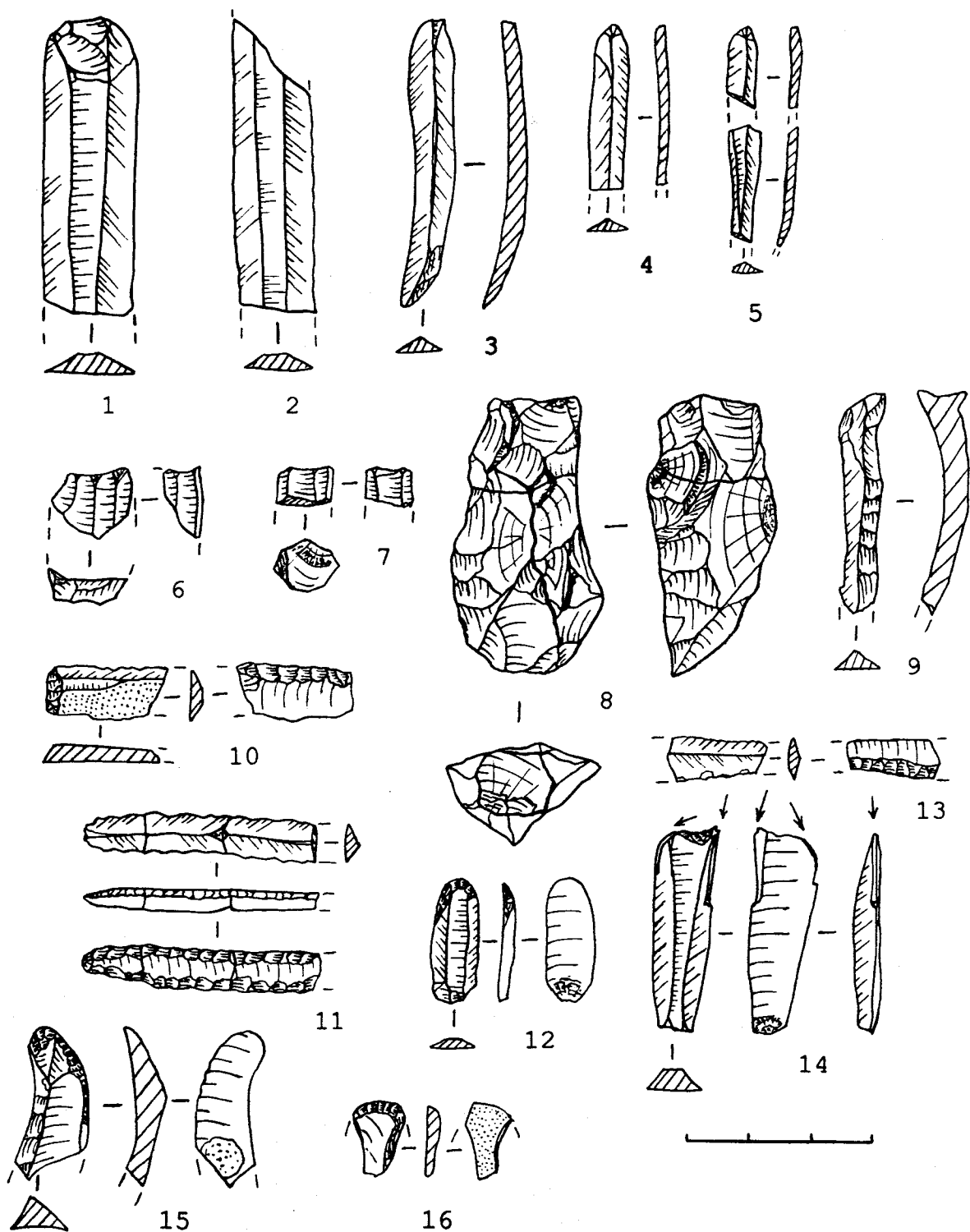

Рис. 81. Каменные изделия со стоянки Агробаза IV

ности каждой из четырех сторон. Боковые плоскости лишь частично подправлены крутой ретушью (рис. 82, 4). Второй резец представлен обломком рабочей части изделия без рукоятки. Лезвие его образовано 6-7 резцовыми сколами, сходящимися под острым углом (рис. 82, 8).

Резчик сделан на пластинчатом отщепе из зеленого кремня, имеет подтреугольное поперечное сечение. Сходящимися на дистальном конце продольными краями пластины, обработанными крутой

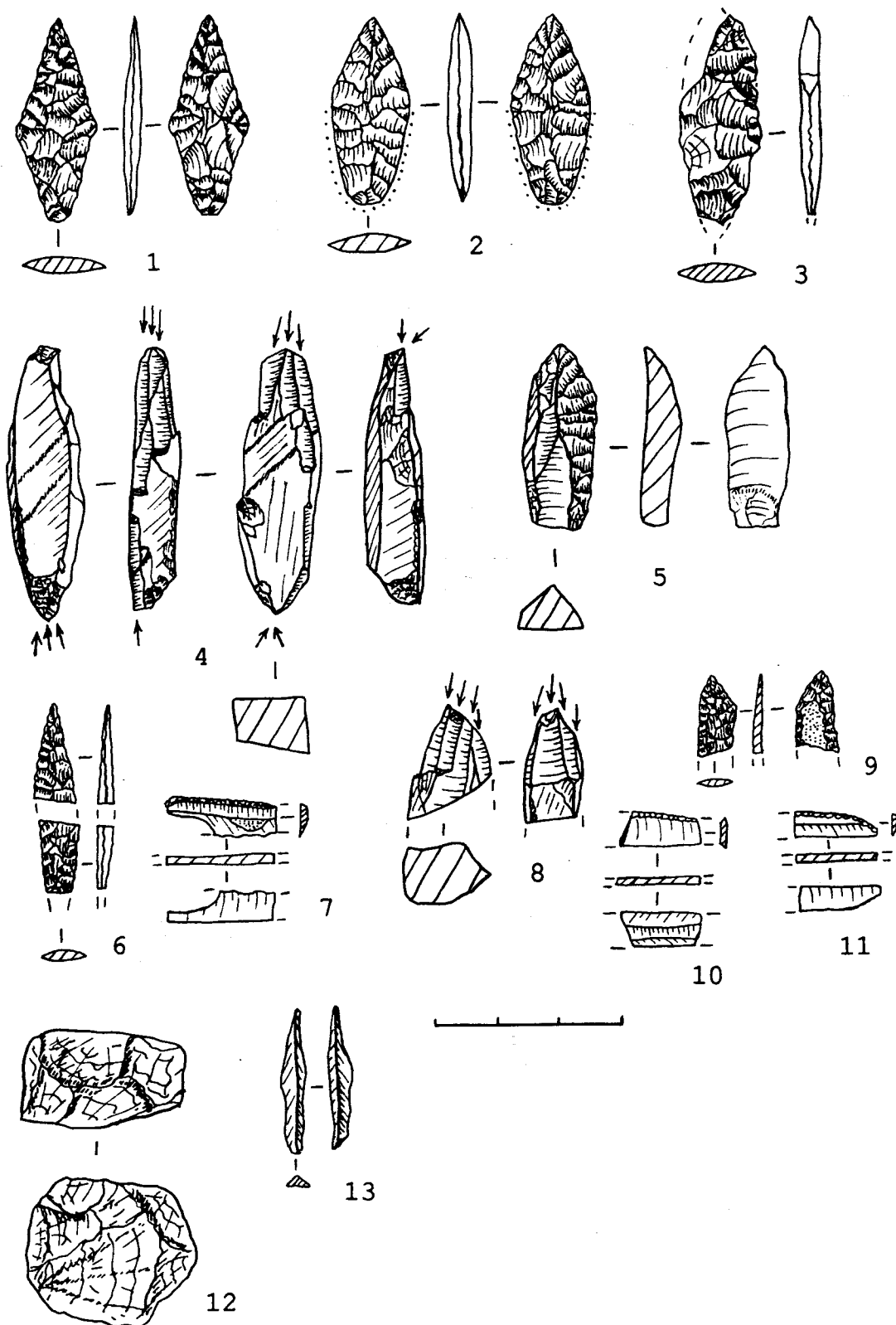

Рис. 82. Каменные изделия со стоянки Агробаза IV

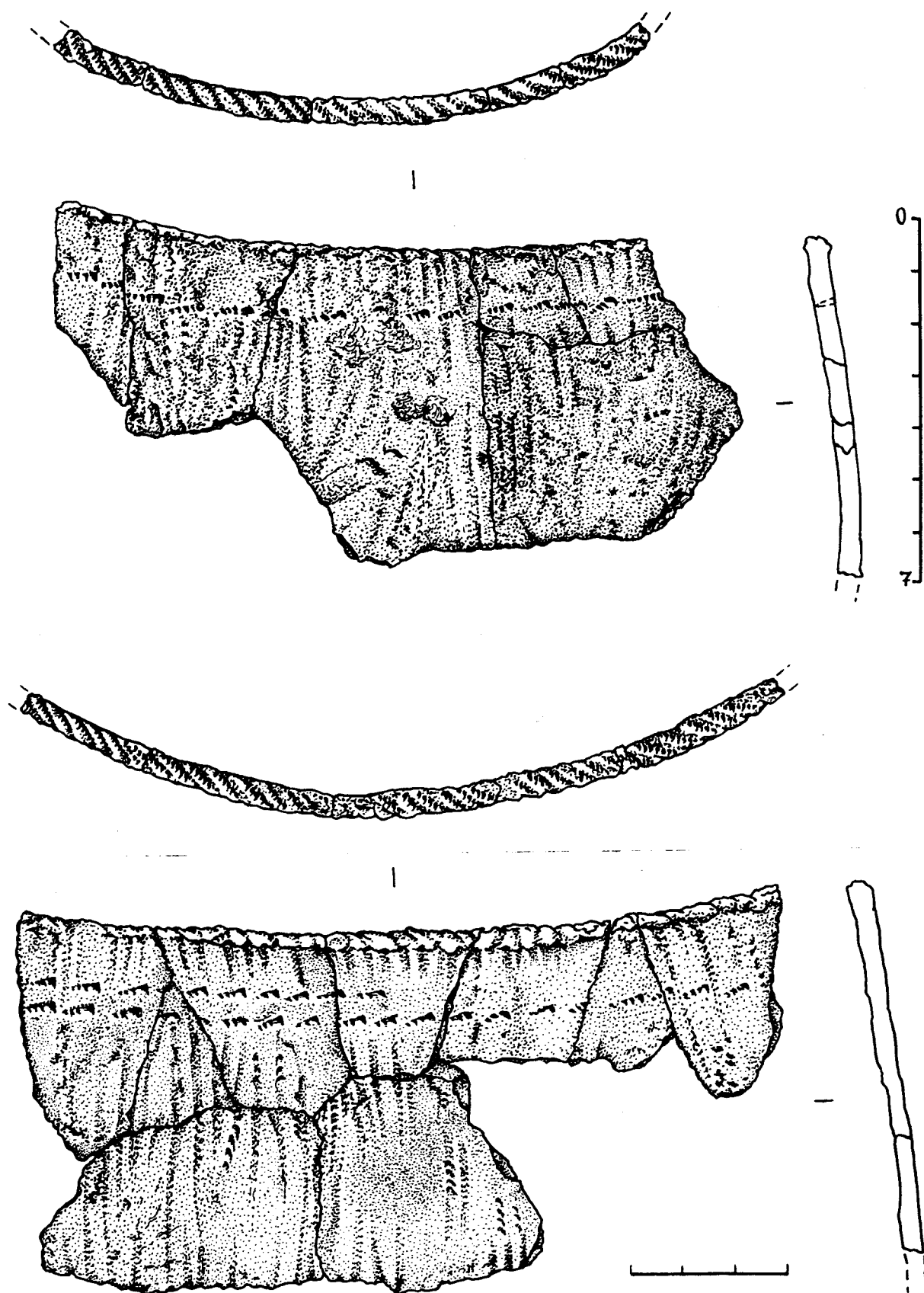

Рис. 83. Керамика со стоянки Агробаза IV

унифасиальной ретушью, направленной с необработанного брюшка на спинку, образована режущая кромка орудия (рис. 82, 5). Судя по следам залощенности на участке лезвия, прилегающего к острию резчика, орудие могло использоваться в качестве резчика-скребка.

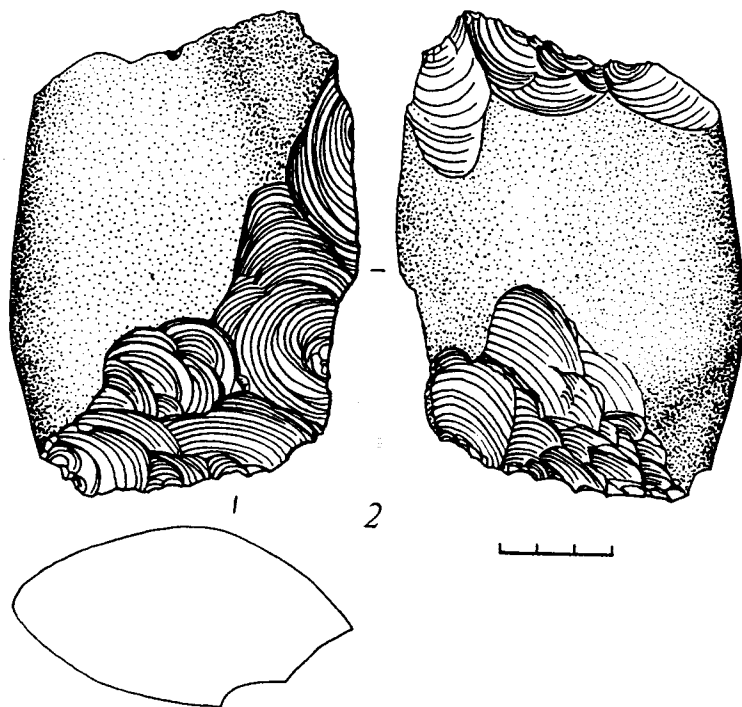
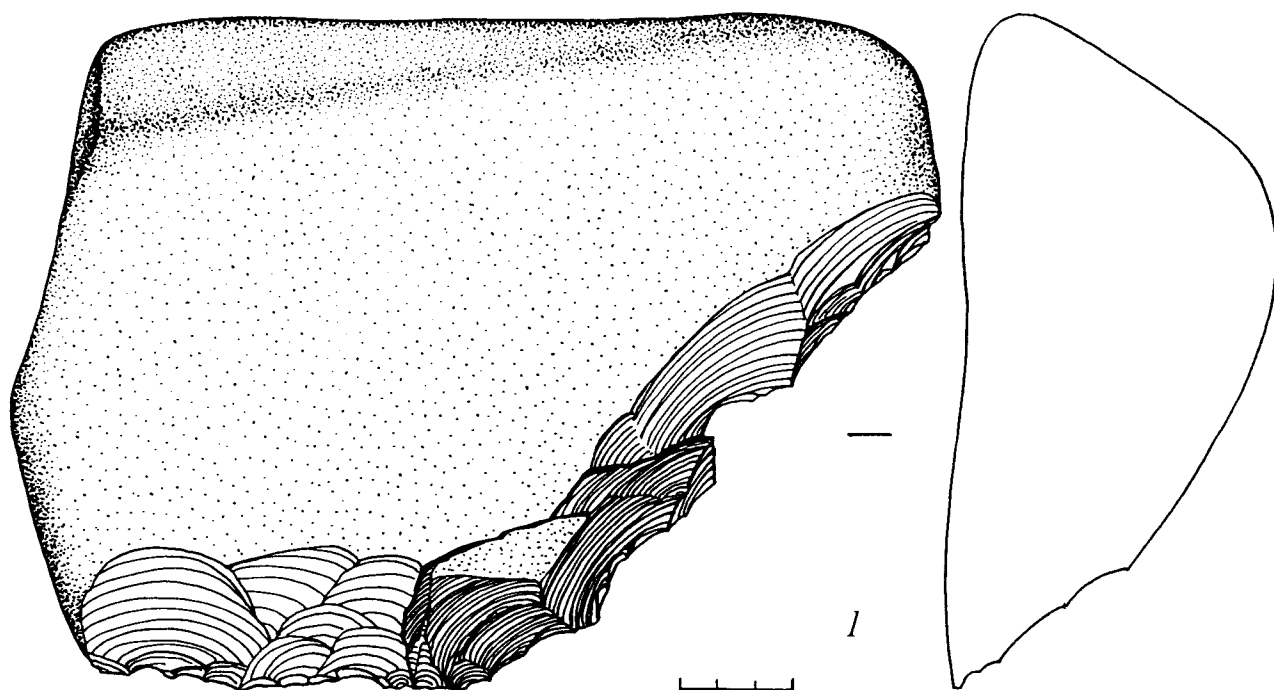

Рис. 84. Каменные изделия со стоянки Агробаза III

Скребки изготовлены на отщепках (2 экз.) и ножевидной пластинке (1 экз.) из кремня. Скребок на ножевидной пластинке шириной 0,8 см концевое типа. Крутой унифасиальной ретушью со стороны спинки на дистальном конце пластинки образовано овально-выпуклое лезвие (рис. 81, 12). На изогнутом в плане отщепе, по скошенному продольному краю крутой унифасиальной ретушью со стороны спинки образовано лезвие другого скребка (рис. 81, 15).

Микроскребок, имеющий овально-выпуклое лезвие, сделан на первичном отщепе. Лезвие его обработано мелкой краевой ретушью, направленной со спинки на брюшко (рис. 81, 16).

Вкладышевые орудия изготовлены на ножевидных пластинках, 14 из них шириной 0,3-0,6 см обработаны притупляющей ретушью по одному краю (рис. 82, 7, 10, 11). Два вкладыша с отретушированным пологим скосом между продольным и торцевым краями (рис. 82, 11). Три вкладыша имеют лезвия, оформленные со стороны брюшка глубокой, перекрывающей половину ширины пластинок ретушью (рис. 81, 13). Один из них обработан, кроме того, с торца крутой ретушью, направленной с брюшка на спинку (рис. 81, 10). Их ширина 0,6-0,8 см. Один из вкладышей, собранный из трех фрагментов, обнаруженных в разных квадратах, обработан вдоль обоих продольных краев со стороны брюшка унифасиальной ретушью, почти полностью его перекрывающей (рис. 81, 11). Остальные вкладыши обработаны мелкой краевой ретушью.

Единственный двусторонне обработанный вкладыш из кремня имеет острие, образованное сходящимися под острым углом боковыми краями. Поперечное сечение линзовидное, ширина 0,6 см (рис. 82, 9).

В раскопе рядом были найдены два плоских, примерно одинакового размера белых кварцевых изделия, оббитых по окружности, диаметром 2-2,5 см (рис. 82, 12). Назначение их не установлено.

Рядом обнаружены несколько халцедоновых отщепов и пластинчатый скол (рис. 82, 13) со следами охры на поверхности.

Всего в раскопе найдено около 40 фрагментов керамики. Примерно из 30 фрагментов был наполовину восстановлен венчик сосуда открытого типа, изготовленного ручной лепкой (рис. 83). Судя по его реконструированной верхней части, он имел диаметр не меньше 20-22 см. Утолщенный венчик ornamentирован идущими наискосок рядами зубчатых вдавлений. В 1-2 см под венчиком по тулову сосуда нанесены в одну горизонтальную прерывистую линию зубчатые вдавления (по 3-4 вдавления вместе). Внешняя поверхность сосуда покрыта рельефными вертикальными отпечатками шнура. Под венчиком сосуда, прямо по линии зубчатых вдавлений, идущей по его тулову, проделано тонкое сквозное отверстие. Несколько фрагментов керамики были использованы для проведения термолюминесцентного анализа для определения ее возраста.

По всему раскопу встречены небольшие (диаметром 2-5 см) округлые, овальные или продолговатые плоские галечки. В одном квадрате обнаружено скопление из 10 подобных находок, назначение которых не определено. Здесь же в слое была найдена плоская, овальная в плане галька размерами 17 × 9 см с небольшими выемками по бокам, служившая, возможно, в качестве грузила.

Материалы стоянки датированы средним неолитом. Полученная AMS-датировка по углю из слоя дала возраст нижнего комплекса стоянки 4790 ± 50 (Beta-140689).

Стоянка Немичан

Стоянка найдена на 7-9-метровой террасе левого берега Колымы, справа от небольшого руч. Немичан. Она удалена от берега Колымы на 50 м.

Цоколь колымской террасы на этом участке сложен сланцами вертикального залегания и перекрыт сверху 1-2-метровой толщей рыхлых отложений. На стыке правого берега руч. Немичан и левого р. Колыма терраса на значительной площади очищена от леса, видны следы хозяйственной деятельности, имеются нарушения почвенного покрова. Визуальный осмотр террасы не дал результатов.

Культурный слой был найден в шурфе, заложенном в 5 м от края второй террасы руч. Немичан. Находки залегали на глубине 10-15 см в серой супеси. Раскопки на площади 6 м² выявили следующую стратиграфию стоянки:

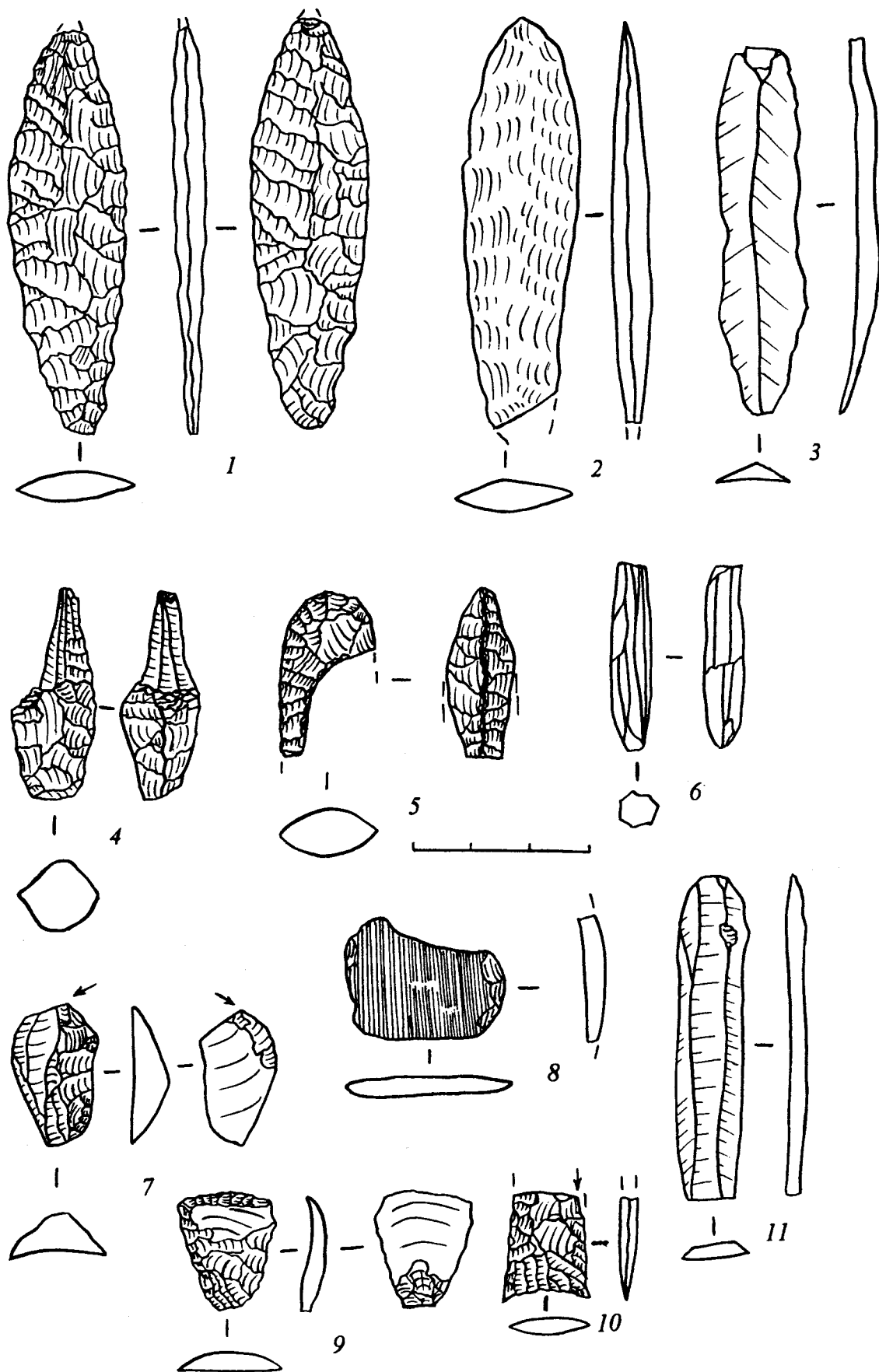
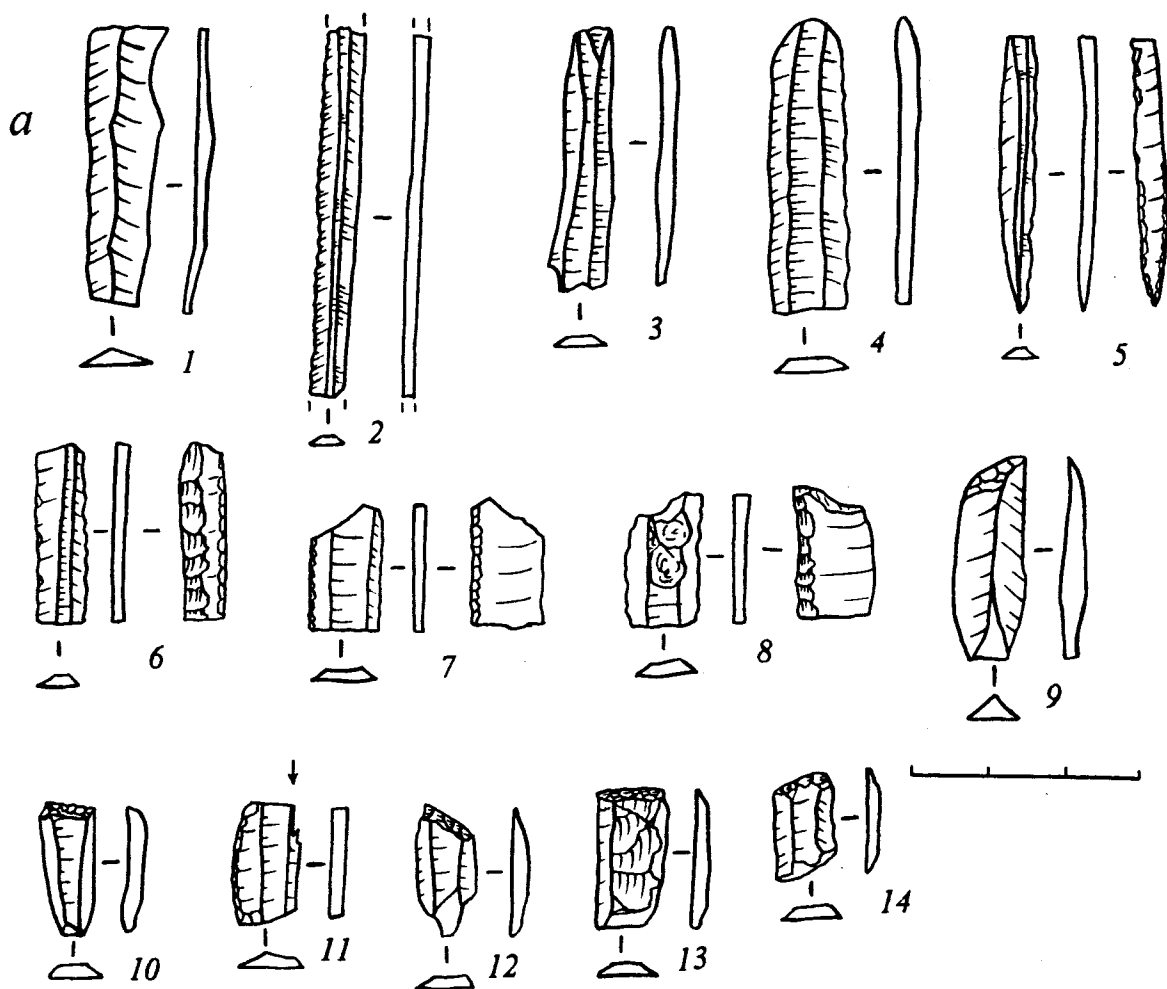

Рис. 85. Каменные изделия со стоянки Немичан

	Мощность, см
Дерн	2-8
Пепловая прослойка (пожар)	2-3
Серая супесь	5-7
Суглинок	Более 40

Всего в шурфе найдено 270 каменных изделий, в частности отщепы из черного кремня (34 экз.), из халцедона (63 экз.), из обсидиана (55 экз.), из желтоватого окремнелого туфа (4 экз.), из светло-коричневого кремня (5 экз.), из светло-серого кремня (7 экз.). Все они малых форм, размером менее 1,5 см и чешуйки; ножевидные пластинки (рис. 85, 11; 86а, 1-14) из черного кремня (26 экз., из них 7 - ребристые пластины), из обсидиана (8 экз.), из зеленого кремня (5 экз.), из светло-коричневого кремня (15 экз.), из серого кремня (6 экз.), из халцедона (4 экз.), из полосчатого кремня (1 экз.).

К орудиям отнесены 20 пластинок, в том числе 4 из обсидиана, 3 из халцедона, 6 из черного, 4 из светло-коричневого и 3 из серого кремня.

По размерам все ножевидные пластинки распределяются следующим образом: 15 - шириной до 0,5 см; 6 - от 1 до 1,2 см; остальные - от 0,5 до 1 см. Длина наиболее крупной пластинки 6,2 см (рис. 85, 3).

Каменные орудия представлены 3 наконечниками стрел, нуклеусом, 2 резцами, скребком, фрагментом шлифованного орудия, фрагментом нуклеуса или полиэдрического резца, унифасиальным орудием (скребок? резец?), 13 вкладышами на пластинах с ретушированными продольными краями, 7 вкладышами с ретушированным поперечным краем, 2 подвесками.

Два из найденных наконечников имеют листовидную форму и линзовидное поперечное сечение. Один сделан из серого кремня, обработан двусторонней отжимной диагональной ретушью, второй - из мягкой породы и сильно патинизирован (рис. 85, 1, 2).

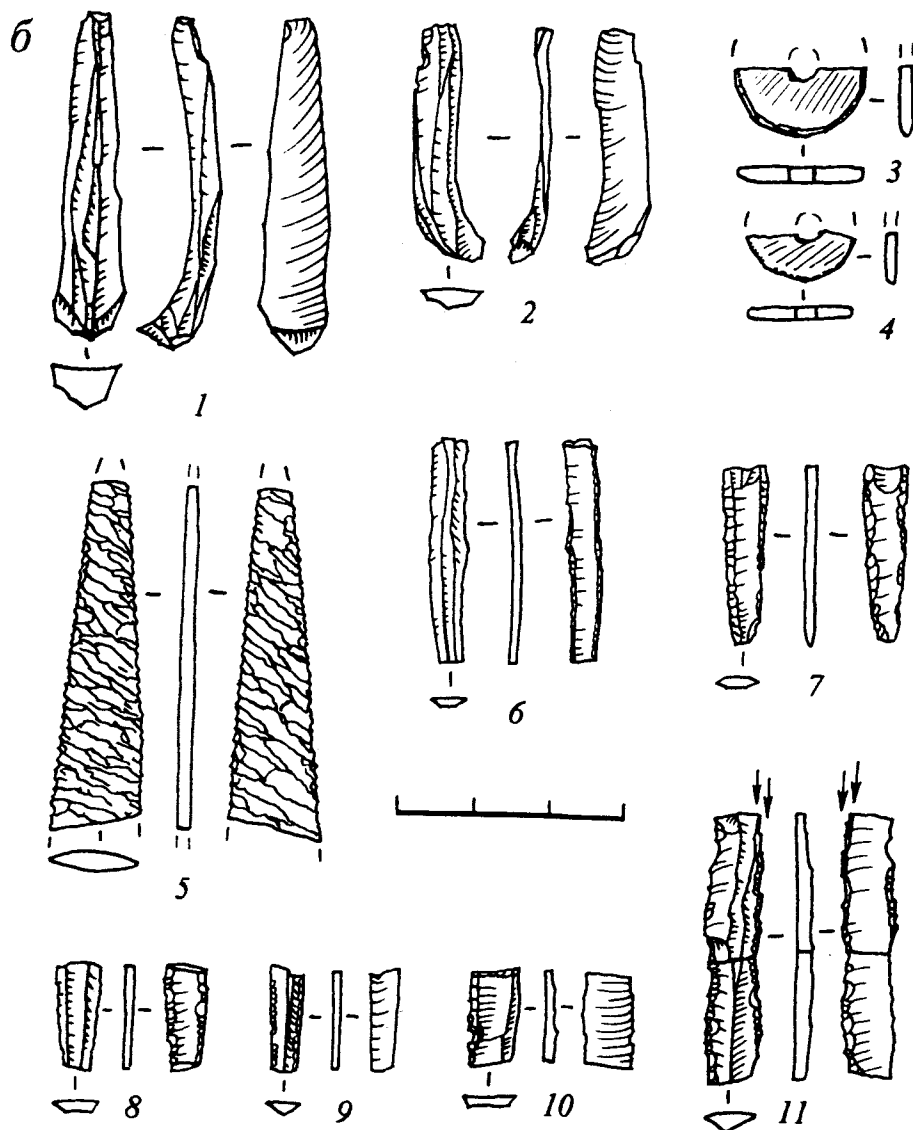

Рис. 86. Каменные изделия со стоянки Немичан: а - 1-14; б - 1, 2, 5-11 и украшения (3, 4)

Треугольный в плане и уплощенно-линзовидный в сечении наконечник из зеленого кремня представлен фрагментом насада с выемчатым основанием и прямыми краями (рис. 85, 10).

Одноплощадочный нуклеус призматического типа изготовлен из темного обсидиана. Нуклеус сработан до предела. Последние снятия по всему периметру закончены заломами (рис. 85, 6).

Один из резцов полиэдрического типа. Изготовлен из зеленоватого кремня с выпукло-линзовидной в сечении, двусторонне ретушированной рукояткой (корпусом). Лезвие резца оформлено резцовыми сколами. Рукоятка имеет следы залощенности (рис. 85, 4). Другой резец - угловой на пластинке (рис. 86а, 11). Скребок изготовлен на халцедоновом отщепе подтреугольной формы. Лезвие его слегка выпуклое, края ретушированы. Спинка скребка почти полностью покрыта отжимной ретушью. Со стороны брюшка нанесено лишь несколько сколов для уплощения ударного бугорка (рис. 85, 9).

Отщеп со шлифованного орудия, судя по залощенному брюшку и ретушированным краям, мог использоваться как небольшое тесло (рис. 85, 8). Фрагмент бифасиально обработанного, с выпукло-линзовидным поперечным сечением орудия из халцедона имеет следы сработанности по лезвию (рис. 85, 5).

Орудие из белого кремня изготовлено на отщепе с высокой спинкой. Один край его обработан мелкой унифасиальной ретушью, по другому краю с обоих концов нанесены резцовые сколы (рис. 85, 7).

Среди вкладышей на пластинках выделяются изделия, оформленные унифасиальной ретушью (рис. 86а, 5-8):

со стороны спинки: вдоль обоих продольных краев - 1 экз.; вдоль одного края - 1 экз.;

со стороны брюшка: вдоль обоих краев - 2 экз.; вдоль одного края - 1 экз.;

противолежащей ретушью - 2 экз.

Еще 7 пластинок имеют выщербленные края, вероятно, от употребления (но специально не ретушировались), у 6 пластинок скошенный унифасиальной ретушью поперечный край (рис. 86а, 9, 10, 12-14).

Из заготовок найдены лишь 3 небольшие, хаотично оббитые халцедоновые галечки.

Дополнительные исследования на стоянке позволили получить новые материалы (рис. 86а), среди которых, кроме пластинок и фрагмента наконечника (рис. 86б, 1, 2, 5-11), подвески, представленные двумя фрагментами двух плоских овальных дисков с биконическим отверстием посередине. Поверхность подвесок отшлифована (рис. 86б, 3, 4). Материалы стоянки датируются средним неолитом.

Стоянка Запятая

Стоянка находится на правом приустьевом мысу р. Запятая - правого притока р. Колыма. Цоколь мыса имеет скальную основу, перекрытую сверху рыхлыми отложениями, вероятнее всего, делювиального происхождения. Высота мыса 10-15 м над уровнем Колымы. Со стороны р. Запятая к мысу примыкает терраса, уходящая по долине реки на несколько километров. Со стороны Колымы терраса через 200 м вверх и вниз по реке выклинивается и переходит в склон сопки и подмываемые рекой обрывы. Несмотря на скальную основу, мыс подвергается разрушению паводковыми водами. Вместе с ним разрушалась и стоянка древнего человека, расположенная на самом краю мыса.

Культурные остатки каменного века найдены в результате осмотра обнажения на оконечности мыса. Первыми находками были несколько халцедоновых отщепов.

Поверхность мыса слегка наклонена к обрыву, частично раздернована и имеет следы современной деятельности человека, что впоследствии подтвердилось находками кирпичей, стекла и железа на глубине до 10-20 см. На краю мыса, у обрыва, был заложен разведочный шурф площадью 12 м². Артефакты залегали в нем на глубине 5-20 см. В обнажении, у западной стенки шурфа, была зафиксирована следующая стратиграфия: над скалой залегают суглинки мощностью от 5 см у кромки обрыва до 50 см и более в 2-3 м от нее; суглинки перекрыты небольшой (3-4 см) прослойкой светлого песка, над которым залегает серая супесь мощностью 7-8 см. Встречаются прослойки пепла, но их происхождение неясно. Выше супеси - дерн мощностью от 1 до 10 см. В северной части шурфа сланцы цоколя выходят на поверхность.

Общее количество находок, полученных в результате раскопок, насчитывает около 300 экз. Они представлены отщепами, ножевидными пластинками, керамикой, каменными орудиями. Наиболее многочисленную группу составляют отщепы. Среди них 159 халцедоновых. Все отщепы мелкие (меньше 1 см) и чешуйки, 8 халцедоновых отщепов имеют участки с галечной коркой. Из 68 кремневых отщепов 7 размерами от 1,5 до 2,5 см, 17 менее 1 см. Остальные отщепы и чешуйки размером менее 0,5 см. Использовался кремнь черного (14 экз.), зеленоватого (15 экз.), светло-коричневого (4 экз.) и серого (35 экз.) цвета.

Вторые по количеству - ножевидные пластинки. Среди них 8 халцедоновых шириной 0,4-1 см, из 16 кремневых шириной 1,1 см - 1 экз., 0,5-1,0 см - 10 экз., менее 0,5 см - 5 экз., 3 пластинки изготовлены из зеленого кремня, 3 из белого, 3 из серого, 4 из черного, 3 из коричневого.

Найдены 2 резцовых скола из халцедона и массивный скол, возможно, заготовка из темно-коричневого кремня размерами 8,5 × 6,5 см.

Среди орудий - нуклеус, резец, вкладыши (3 экз.) и заготовка бифаса.

Нуклеус одноплощадный, из черного кремня. Пластины отделялись с торцевой части. Отжимная площадка в форме клина обработана отжимной ретушью, направленной с торца. Противолежащий торцу край имеет форму кия, подправленного мелкой ретушью. На торце сохранилось 5 негативов снятий (рис. 87, 2).

Резец полиэдрического типа из халцедона (рис. 87, 6). Рукоятка имеет три грани, две из которых покрыты галечной коркой, а третья образована одним сколом и не имеет следов вторичной обработки. Лезвие резца оформлено шестью резцовыми сколами длиной от 1,1 до 2 см.

Заготовка бифаса изготовлена из светлого кремня и имеет листовидно-усеченную форму. С обеих сторон она обработана крупными сколами (рис. 87, 1).

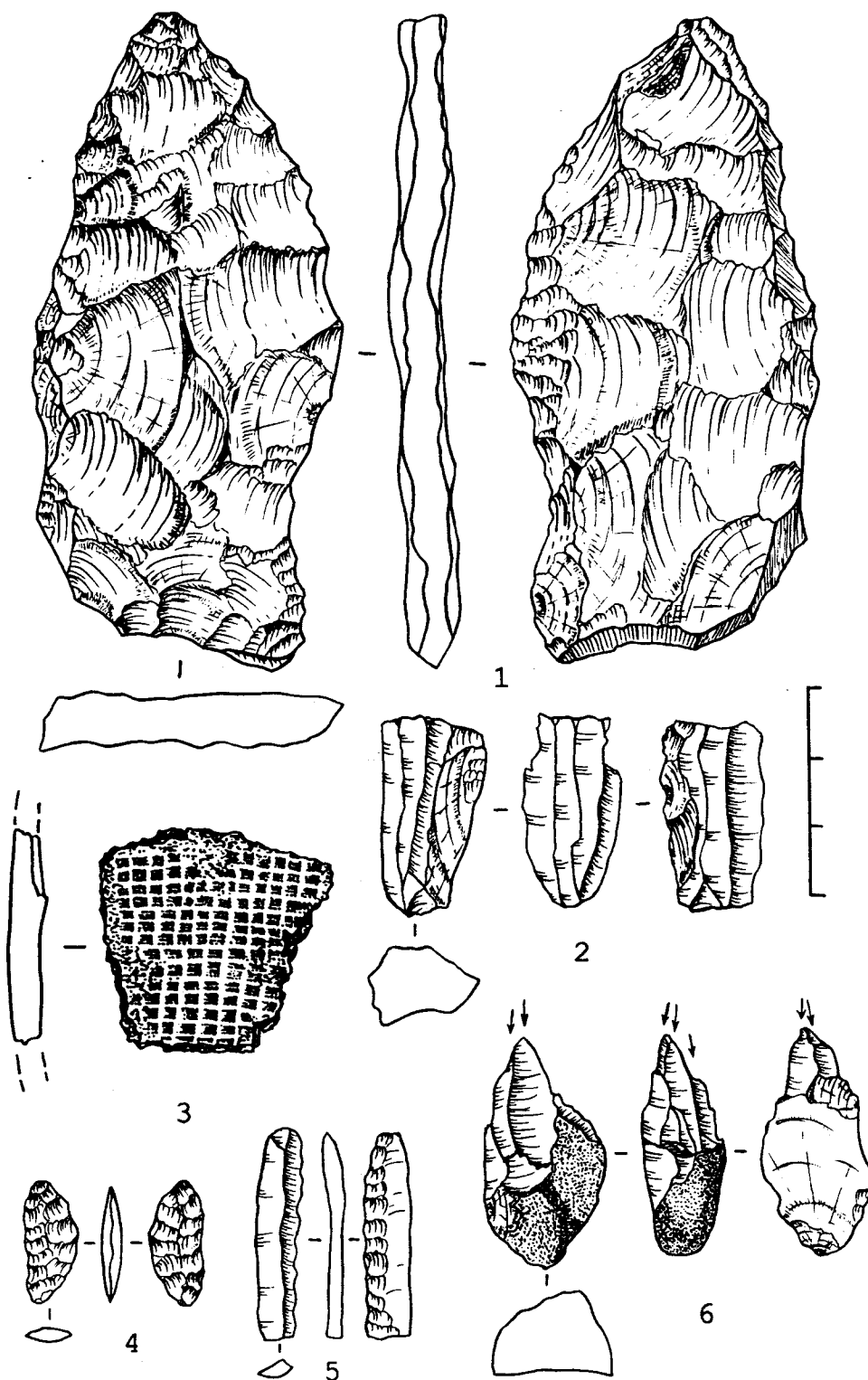

Рис. 87. Каменные изделия (1, 2, 4-6) и керамика (3) со стоянки Запятая

Вкладыши двух типов: на пластинках и двусторонне ретушированные. Первые представлены 2 экз. Один из них на пластинке шириной 0,45 см. Притупляющая ретушь нанесена по одному из продольных краев пластинки со стороны спинки с заходом на торцевой край. Второй обработан краевой унифасиальной вентральной ретушью (рис. 87, 5). Другой тип вкладышей представлен двусторонне ретушированным орудием сегментовидной формы. Поперечное сечение линзовидное (рис. 87, 4).

Отдельную группу среди находок из слоя представляет галечный комплекс, состоящий из двух отбойников, семи первичных сколов, одного ядрища и пластинчатого отщепа. Материалом для их изготовления послужили диабазовые гальки, взятые у реки.

Помимо находок, имеющих следы обработки, в раскопе найдено более 60 экз. растрескавшихся и целых кварцитовых галек, использовавшихся для нагрева воды. Все они также были принесены на мыс от реки.

В юго-западной части раскопа зафиксировано более 100 фрагментов сильно раздробленных обгорелых мелких костей.

Из керамики в раскопе были найдены 4 фрагмента глиняной посуды, являющихся, по-видимому, обломками тулова одного сосуда (рис. 87, 3). Самый крупный фрагмент размером 3,5 × 3,4 см. Один фрагмент расслоился, три других светло-коричневого цвета и покрыты с лицевой стороны отпечатками вафельного орнамента. Толщина фрагментов 0,4 - 0,5 см.

Кремневый комплекс с микропластинками со стоянки Запятая датирован поздним неолитом, галечные орудия - эпохой палеометалла.

Стоянка Мигай

Стоянка открыта в 1991 г. Колымским отрядом Приленской археологической экспедиции на левом берегу р. Колыма, в 100 м ниже устья р. Мигай [Кистенев, 1993]. Материалы были обнаружены в обнажении 8-метровой террасы под дерном в подзолистой супеси на глубине 5-7 см. В процессе раскопок на площади 12 м² найдено 47 предметов, среди которых 27 отщепов, 5 пластин (рис. 88, 1-3, 8), 2 гальки со сколами, 2 крупные заготовки ножей или дротиков (рис. 88, 14; 89а, б) и 8 орудий.

Орудия представлены двумя вкладышами (рис. 88, 4), наконечником стрелы (рис. 88, 5), тремя (угловым, боковым и срединным) резцами на отщепах (рис. 88, 12; 89а, 3, 4), комбинированным скребком-проверткой (рис. 88, 7), вкладышевым теслом с «ушками» (рис. 88, 10). Вместе с каменными предметами в раскопе найдены 2 куса охры [Там же]. Для изготовления каменных орудий на стоянке использовались такие породы камня, как кремнь, кремнистый сланец, диабаз, халцедон, обсидиан и горный хрусталь [Там же].

Материалы стоянки были датированы С.П. Кистеневым [1993] средним неолитом (III тыс. до н. э.) и отнесены к белькачинской культуре Якутии.

Дополнительные исследования на стоянке позволили получить новые материалы, среди которых кремневый конический нуклеус (рис. 89б, 1), срединный резец на фрагменте бифасиального орудия из халцедона с апплицированным к нему резцовым сколом поджигления лезвия (рис. 89б, 5), скребок округлой формы на кремневом отщепе (рис. 20, 10), концевой скребок на пластинчатом отщепе из туф-фита, кремневые и обсидиановые ножевидные пластинки, многие из которых ретушированы по краю (рис. 89б, 3), и угловые резцы на них (рис. 89б, 2, 4). Дополнительные материалы не противоречат датировке, предложенной для стоянки.

Стоянка Мшистая

Открыта в окрестностях пос. Дебин, на 12-метровой террасе левого берега руч. Мшистый [Кистенев, 1991, 1993]. На раздернованной поверхности цоколя террасы найдены 4 фрагмента гладкостенной (без орнамента и технического штампа) керамики (рис. 88, 11) и большое количество обожженных трубчатых костей животных. Керамика в изломе двухслойная, с внешней стороны - светло-коричневая, с внутренней - зеленоватая. Предполагаемый возраст стоянки - ранний железный век [Там же].

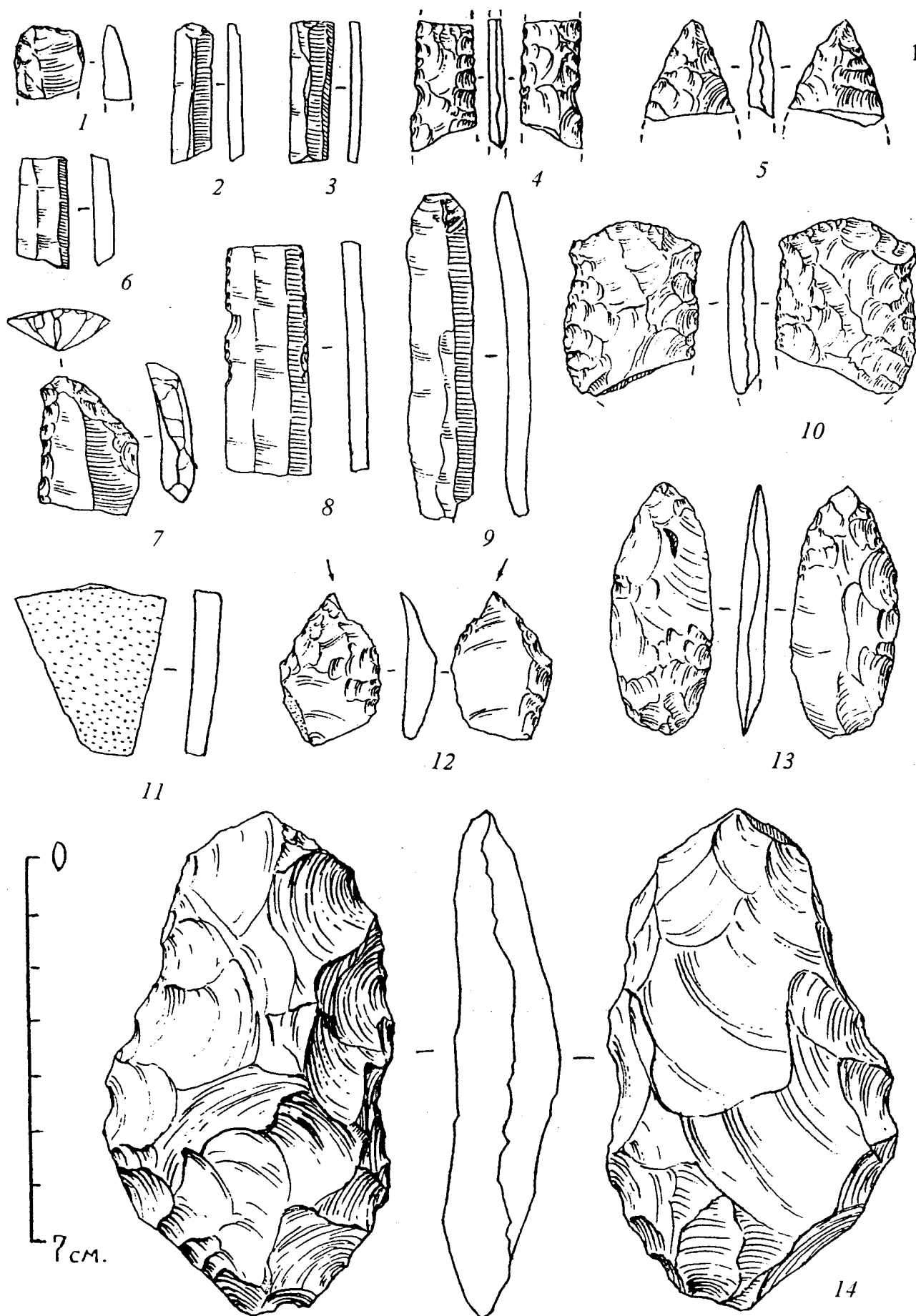

Рис. 88. Каменные изделия со стоянок Мигай (1-5, 7, 8, 10, 12, 14), Светлая (6), Моржовая (9), Мши-
стая (11), Усть-Оротукан (13) (по С.П. Кистеневу [1991])

а

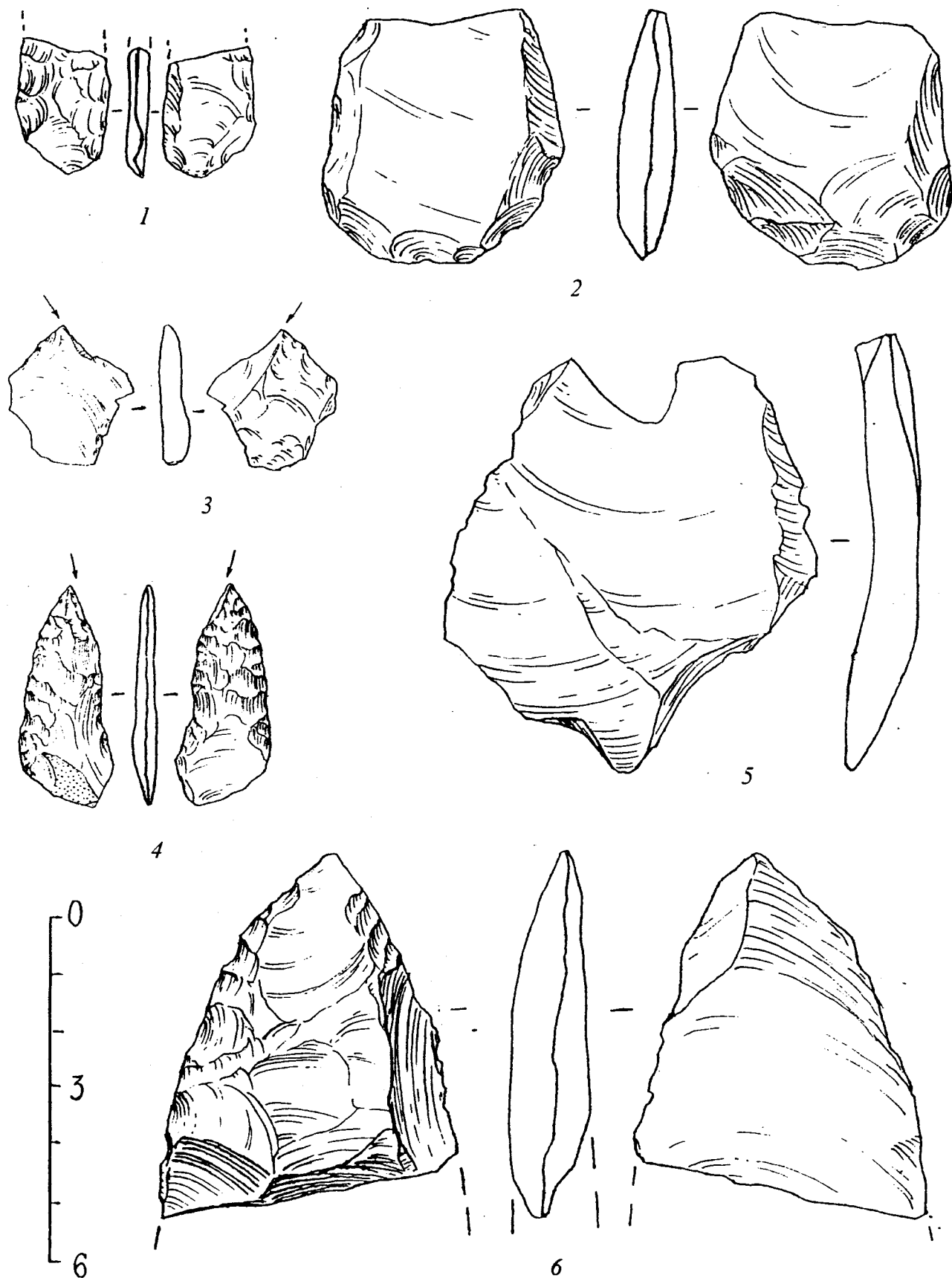
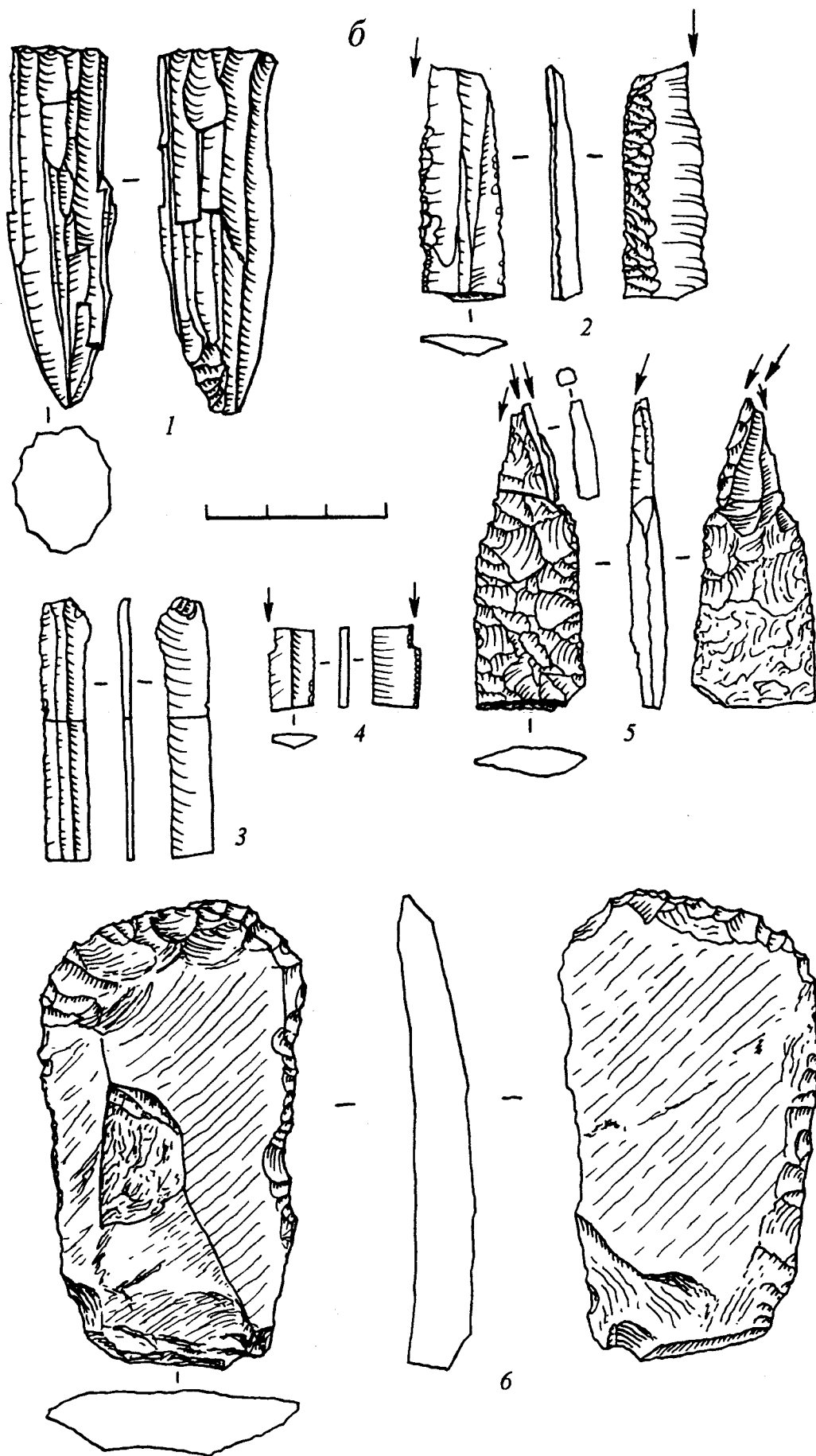

Рис. 89. Каменные изделия со стоянок: а - Усть-Оротукан (1), Могильная (2), Светлая (5), Мигай (3, 4, 6) (по С.П. Кистеневу [1991]); б - со стоянки Мигай (1-6)

Стоянка Могильная

Открыта также у пос. Дебин, на 60-метровой террасе правого берега руч. Могильный [Кистенев, 1991, 1993]. На скальном обнажении края террасы найдено 5 сланцевых отщепов и топорovidное оружие из сланца (рис. 89а, 2). Стоянка датирована каменным веком.

Стоянка Усть-Оротукан

Открыта в 5 км от устья р. Оротукан (правый приток р. Колыма), на 75-метровой левобережной мысовидной террасе [Кистенев, 1991, 1993]. На поверхности террасы найдены 8 сланцевых отщепов, обломок вкладыша или наконечника (рис. 89а, 1) и листовидный двусторонне обработанный наконечник стрелы из сланца (рис. 88, 13). Материалы стоянки датированы неолитом [Там же].

Стоянка Моржовая

Открыта в устье одноименного ручья - притока р. Колыма, в 9 км ниже устья р. Оротукан [Кистенев, 1991, 1993]. При зачистке берегового обнажения 8-метровой террасы под дерном, в красноватой супеси найдены ножевидная пластина из сланца и отщеп (рис. 88, 9). Стоянка предварительно датирована неолитом.

Стоянка Светлая

Она расположена на 9,5-метровой правобережной колымской террасе, 800 м выше устья руч. Светлый и 9 км ниже устья р. Таскан [Кистенев, 1991, 1993]. Под слоем ягеля, на поверхности цоколя найдены 2 отщепа (рис. 89а, 5) и ножевидная пластинка из сланца (рис. 88, 6). Стоянка предварительно датирована неолитом.

Стоянка Уи (пункт 2)

Стоянка открыта в 1987 г. на оз. Уи в междуречье Омудевки и ее правого притока Момонтай. Стоянка расположена на северном берегу озера, на слабо наклоненной к озеру террасе высотой до 5 м над уровнем воды. В 50 м от берега озера на террасе были проведены раскопки стоянки Уи (основной раскоп), давшие раннеголоценовые материалы, которые были опубликованы ранее [Слободин, 1999а]. Вблизи основного раскопа было выявлено несколько пунктов, содержащих неолитические находки.

Пункт 2 стоянки Уи расположен в 50 м к западу от основного раскопа (вдоль берега озера). Находки залегали в слое на глубине до 7 см, прямо под маломощным неспрессованным дерном на террасе, частично нарушенной дорогой. По колее дороги был заложен шурф площадью 2 м², по которому была определена стратиграфия стоянки:

	Мощность, см
Дерн	1-2
Бурая супесь с углистостью	8-10
Рыжая супесь с камнями	Более 50

Находки представлены кремневыми и халцедоновыми отщепами, кремневыми ножевидными пластинками (рис. 90, 8), полностью сработанным кремневым коническим нуклеусом (рис. 90, 3), сколотой площадкой с кремневого призматического нуклеуса (рис. 90, 7) и орудиями. Среди последних миниатюрные, двусторонне обработанные наконечники стрел треугольной формы из кремня (рис. 90, 1, 4, 6), фрагмент двусторонне обработанного изделия с округлым основанием (рис. 90, 5) и оригинальное плоское нуклевидное орудие с ретушированными краями (рис. 90, 2). Возможно, это переоформленный под нож или скребок скол с нуклеуса.

На террасе, в непосредственной близости от основного раскопа на стоянке Уи, в поверхностном слое был найден халцедоновый (желтого цвета) двусторонне обработанный нож со скошенным лезвием (рис. 90, 9). По нашему мнению, то, что рассматривается как основание у подобных ножей, в Якутии

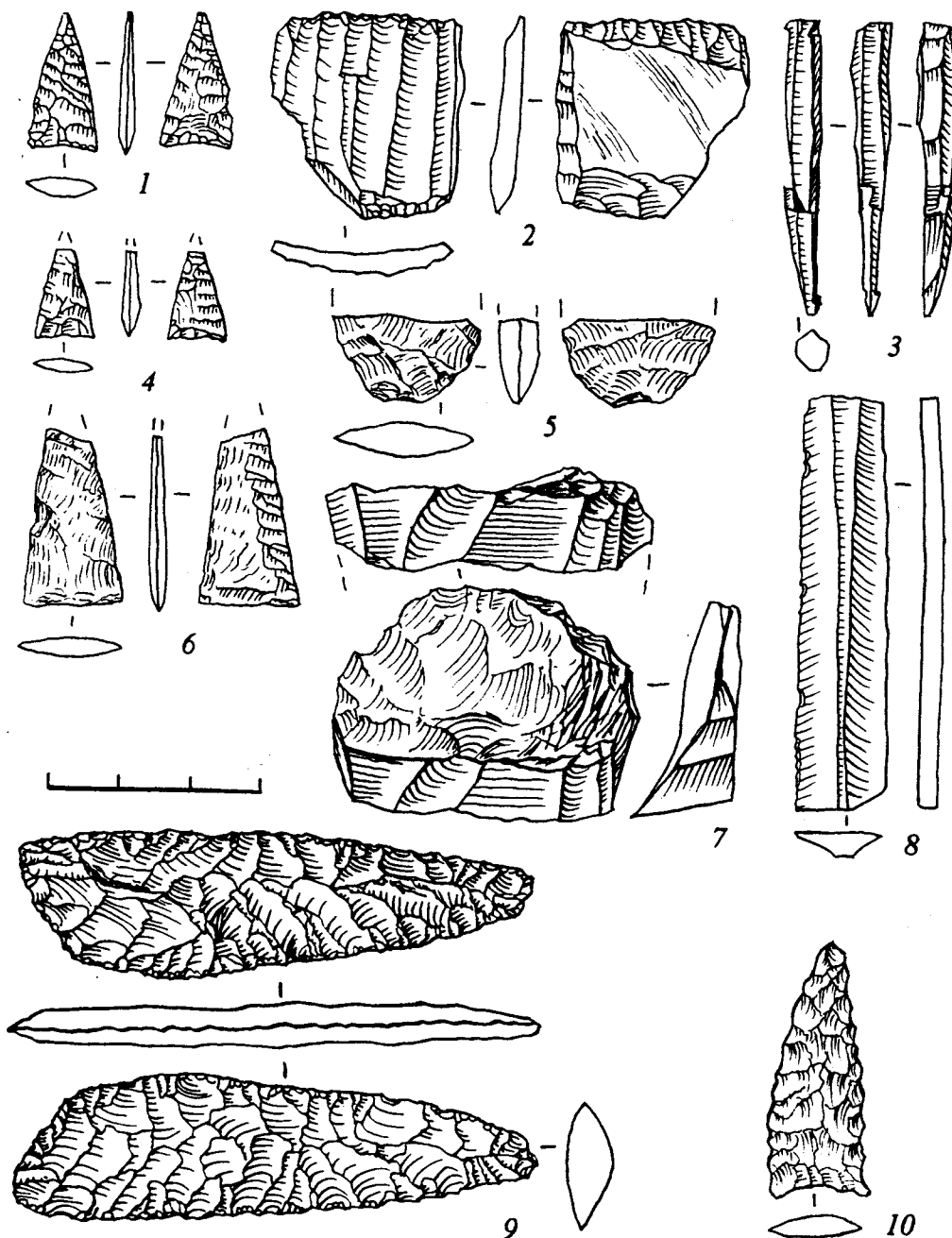

Рис. 90. Каменные изделия со стоянок Уи, пункт 1 (9), пункт 2 (1-8), Момонтай (10)

[Федосеева, 1980] служит рабочим лезвием, а основанием является узкая часть орудия, которая насаживалась на костяную или деревянную рукоятку.

Материалы этого пункта стоянки Уи датированы поздним неолитом, а нож со скошенным лезвием имеет прямые аналогии в ымыяхтахской культуре Якутии.

Стоянки на оз. Момонтай

Озеро Момонтай находится в верховьях одноименной реки, в предгорной части хр. Чьорго, на высоте 1050 м над уровнем моря. В окрестностях озера преобладает лесотундровый ландшафт. Стоянки расположены на моренных террасах, протянувшихся вдоль западного берега оз. Момонтай, южнее руч. Рыбачий до руч. Придорожный. Высота террас 7-10 м. Здесь выявлено более 10 местонахождений, из которых наибольший интерес представляют стоянки Момонтай I-IV, VI, VIII, Придорожная.

Стоянка Момонтай I расположена на моренной террасе, протянувшейся вдоль берега оз. Момонтай к югу от устья руч. Рыбачий. Высота террасы 10 м. Ее бровка раздернована и подвергается разрушению. Культурный слой в обнажении террасы не прослеживается. В 1985 г. на поверхности террасы вдоль края собран подъемный материал. Поверхность ее ровная, почти без камней, покрыта ягелем, лишайниками, ниже залегает супесь светло-серого цвета мощностью до 12 см, насыщенная крупнозернистым кварцевым песком. Каких-либо видимых на поверхности террасы следов очажных или жилищных конструкций не обнаружено.

Подъемный материал был собран на площади 1500 м². Он представлен 233 каменными предметами, среди которых 146 отщепов, 72 ножевидные пластинки, обломок призматического или конического нуклеуса, 2 пластинчатых отщепа и 12 орудий. Большинство отщепов мелких размеров, сделаны из кремня. Ножевидные пластинки шириной 0,5 - 1,5 см. Среди орудий - 3 наконечника, скребок, проколка, 5 вкладышей, 2 ножа.

Из кремневых наконечников один целый. Это плоское, двусторонне ретушированное орудие со слегка выемчатым основанием и асимметричными продольными краями (рис. 90, 10). Один из обломков имеет линзовидное поперечное сечение, двусторонне ретуширован.

Проколка (резчик?) изготовлена на кремневой ножевидной пластине. Краевой ретушью обработаны грани пластинки со стороны спинки. Они, сходясь под острым углом, образуют острие проколки (рис. 91, 5).

Концевой скребок изготовлен на пластинчатом сколе. Спинка его оформлена четкими гранями, сходящимися в центре отщепа. Односторонней крутой ретушью, направленной с брюшка на спинку, обработано овально-выпуклое лезвие скребка. Боковые края скребка оформлены мелкой ретушью. Поперечное сечение подтрапцевидное (рис. 91, 2).

К ножам отнесен обломок халцедонового орудия с округлым лезвием. С одной стороны он тщательно обработан отжимной ретушью, с другой подправлен мельчайшей краевой. Длина орудия 1,7 см, ширина 1,2 см. Второй нож изготовлен на пластинчатом отщепа из серого кремня. Мелкой краевой ретушью оформлен один край пластины. Длина орудия 7,8 см, ширина 1,7 см.

Вкладышами является большинство ножевидных пластинок, имеющих на боковых гранях следы сработанности. Среди них выявлены 4 пластинки, обработанные мелкой краевой ретушью по одному или обоим краям. Ширина вкладышей 0,8-1,4 см. К вкладышам также можно отнести нож подпрямоугольной формы, изготовленный на тонком отщепа и обработанный двусторонней ретушью. Ширина его 1,5 см, длина 2,5 см. Поперечное сечение уплощенно-линзовидное.

В 1989 г. на террасе, примерно в 25 м от края, за границей распространения подъемного материала был заложен раскоп площадью 7 × 8 м. Раскопки выявили следующую стратиграфию стоянки:

	Мощность, см
Дерн	1
Серая супесь с углистостью	10-12
Суглинок (детрит)	Более 50

Культурный слой представлен серой супесью с углистостью. Находки встречаются на глубине от 1 до 10 см.

Всего в раскопе найдены 408 отщепов, 151 ножевидная пластинка, 4 нуклеуса и 22 орудия. Среди отщепов 8 крупных, 12 средних и 388 мелких экземпляров. Почти все отщепы сделаны из туфа, за исключением нескольких (из халцедона и кремня). Все они являются отходами вторичной обработки изделий.

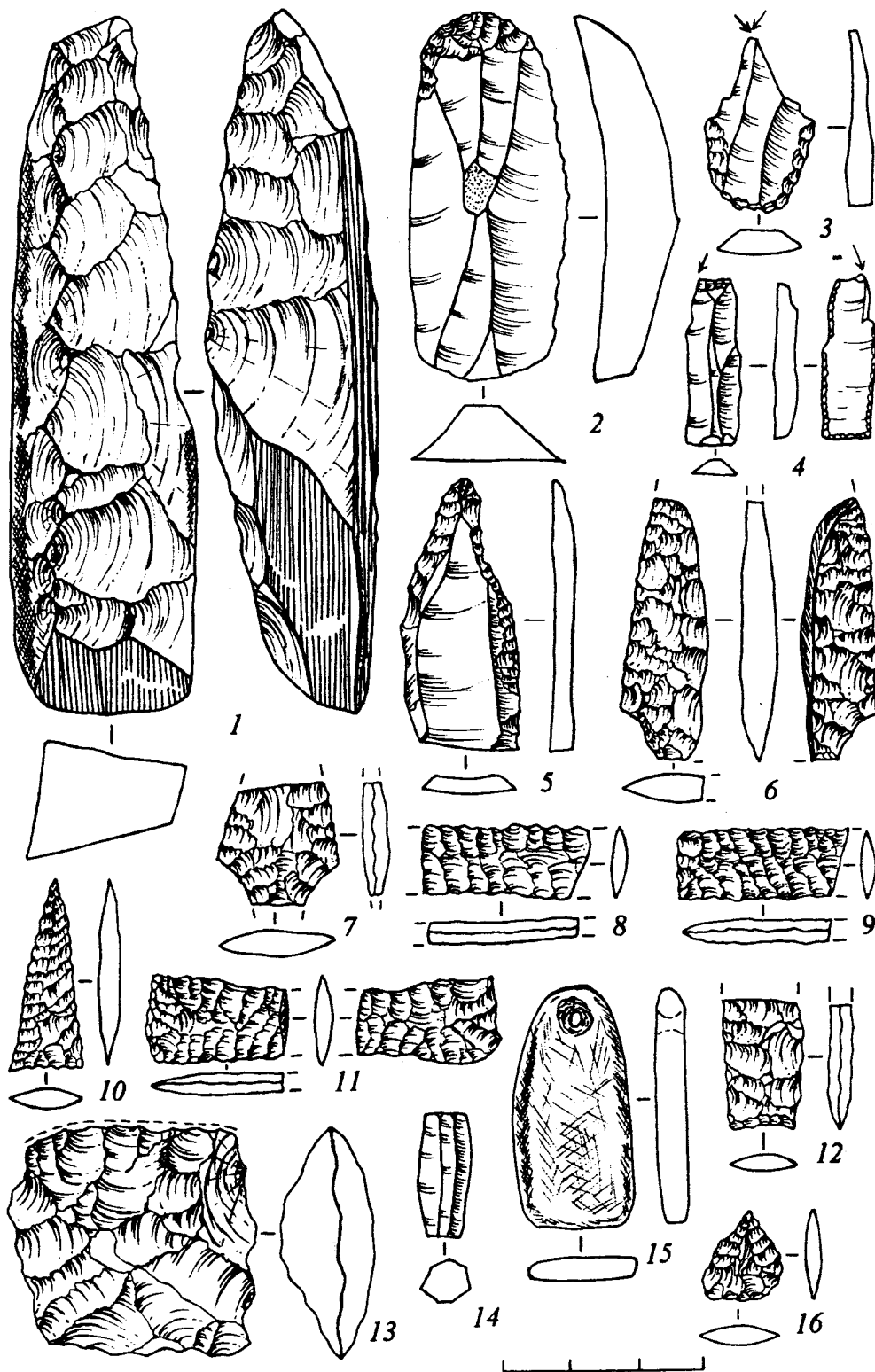

Рис. 91. Каменные изделия со стоянок Момонтай I (2, 5, 4), II (6, 7, 12, 13, 14), III (8, 9, 11, 16), IV (10, 15), VI (1), VIII (3)

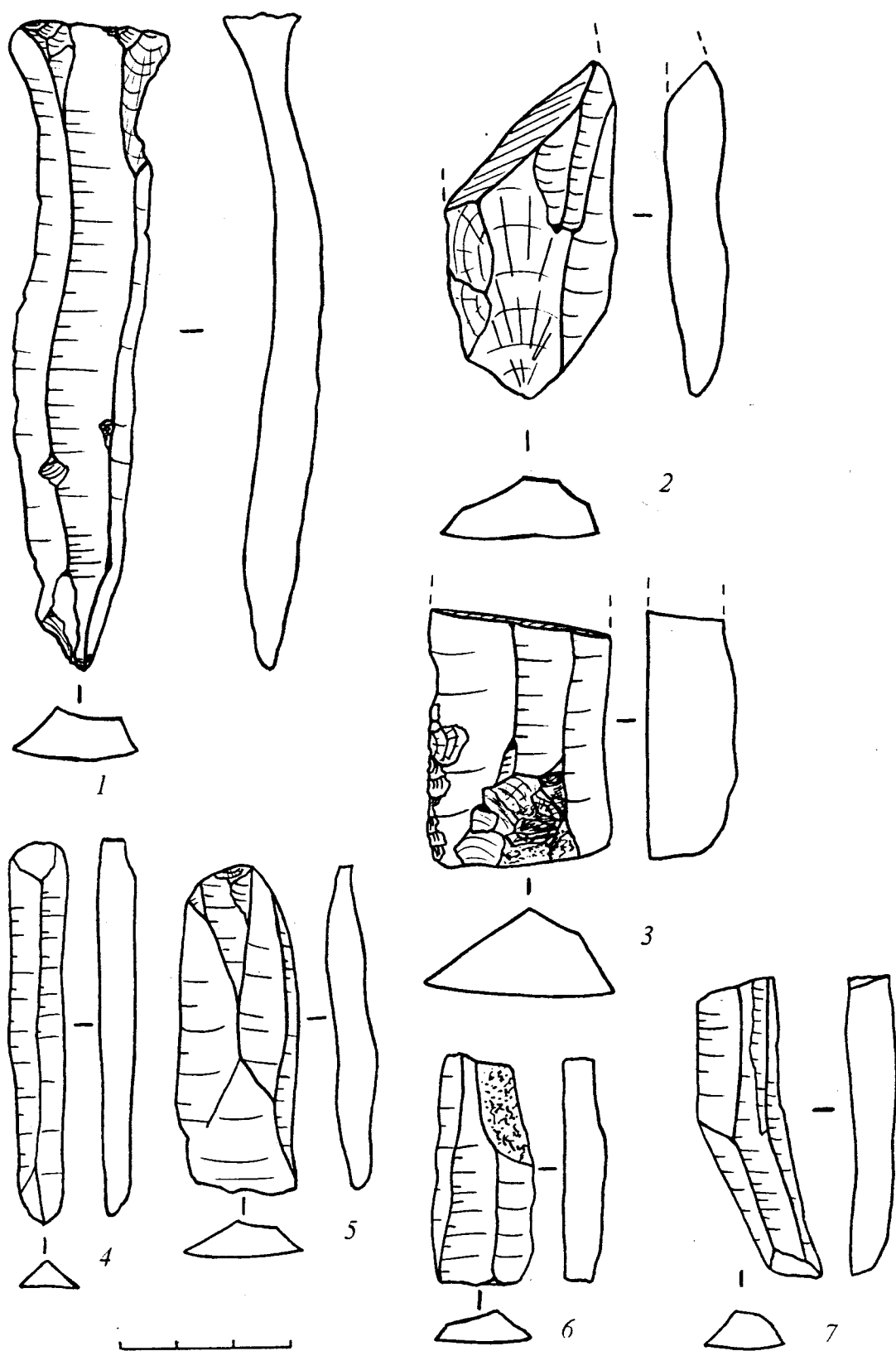

Рис. 92. Каменные изделия со стоянки Момонтай I (раскоп)

Ножевидные пластинки и пластины изготовлены из серого кремня и туфа (рис. 92, 4-7; 93, 4-8). Края их частично ретушированы, в большинстве случаев изломаны. Помимо них в комплексе имеются крупные пластины и пластинчатые отщепы. Один пластинчатый отщеп целый (рис. 92, 1), остальные представлены фрагментами (рис. 92, 2, 4-7). Одна из пластин обработана по одному краю мелкой ретушью со спинки, по другому - с брюшка. Она использовалась, вероятно, в качестве ножа или скребка (рис. 92, 3).

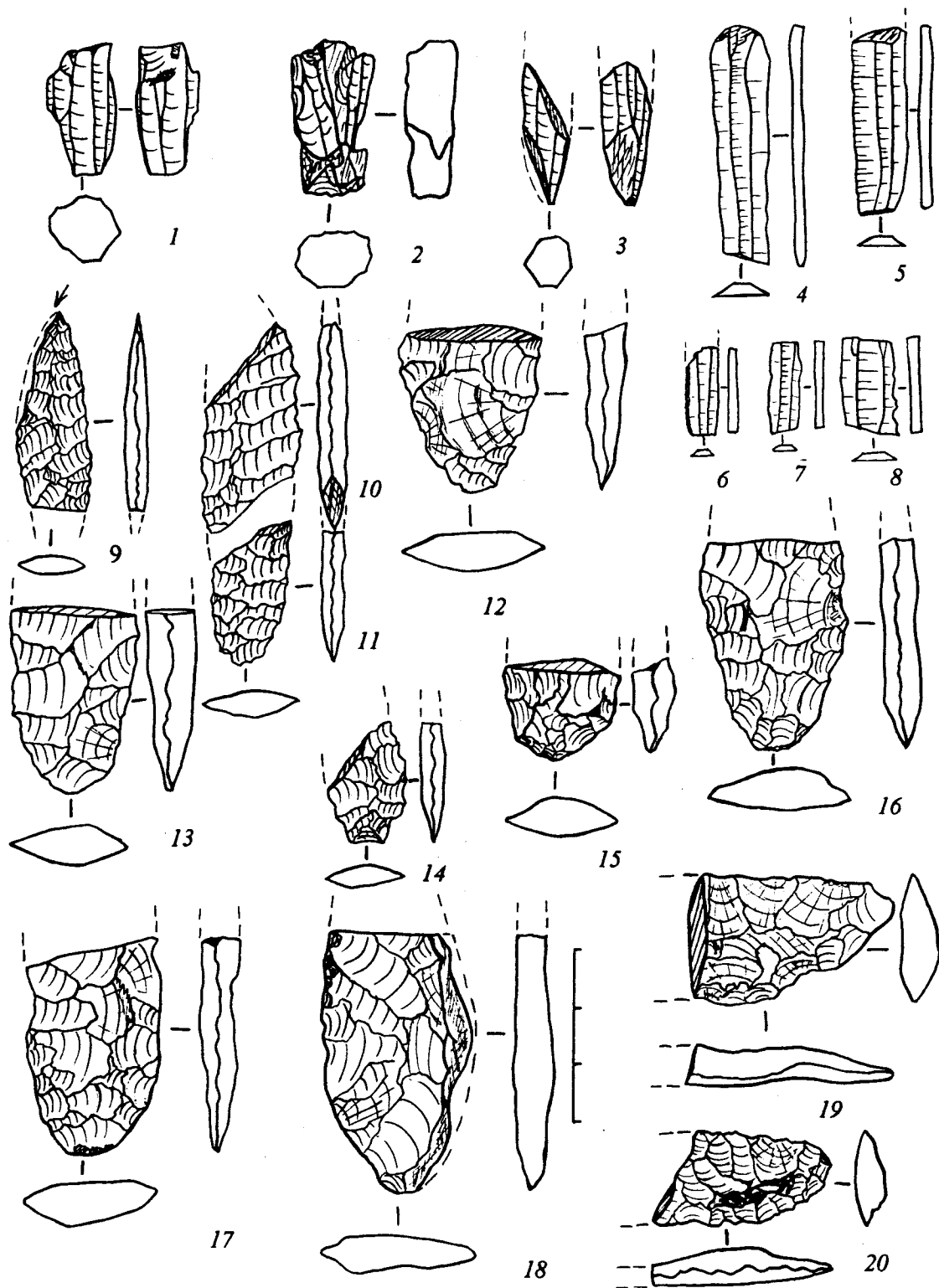

Рис. 93. Каменные изделия со стоянки Момонтай I (раскоп)

Большую часть орудий составляют бифасы. Целых изделий нет. Все они, за небольшим исключением, имеют линзовидное сечение и листовидную форму. Среди них выделены наконечники стрел (рис. 93, 9-11, 14), наконечники копий (дротиков?) (рис. 93, 12, 13, 16-18). На ряде фрагментов бифасов достаточно четко фиксируется асимметричность формы, что, видимо, было результатом обработки рукояток ножей (рис. 93, 19, 20). Один нож изготовлен на крупном отщепе (рис. 94, 1).

Четкие формы скребков отсутствуют. Найден всего один, предположительно концевой скребок с высокой спинкой на крупной пластине (рис. 94, 3).

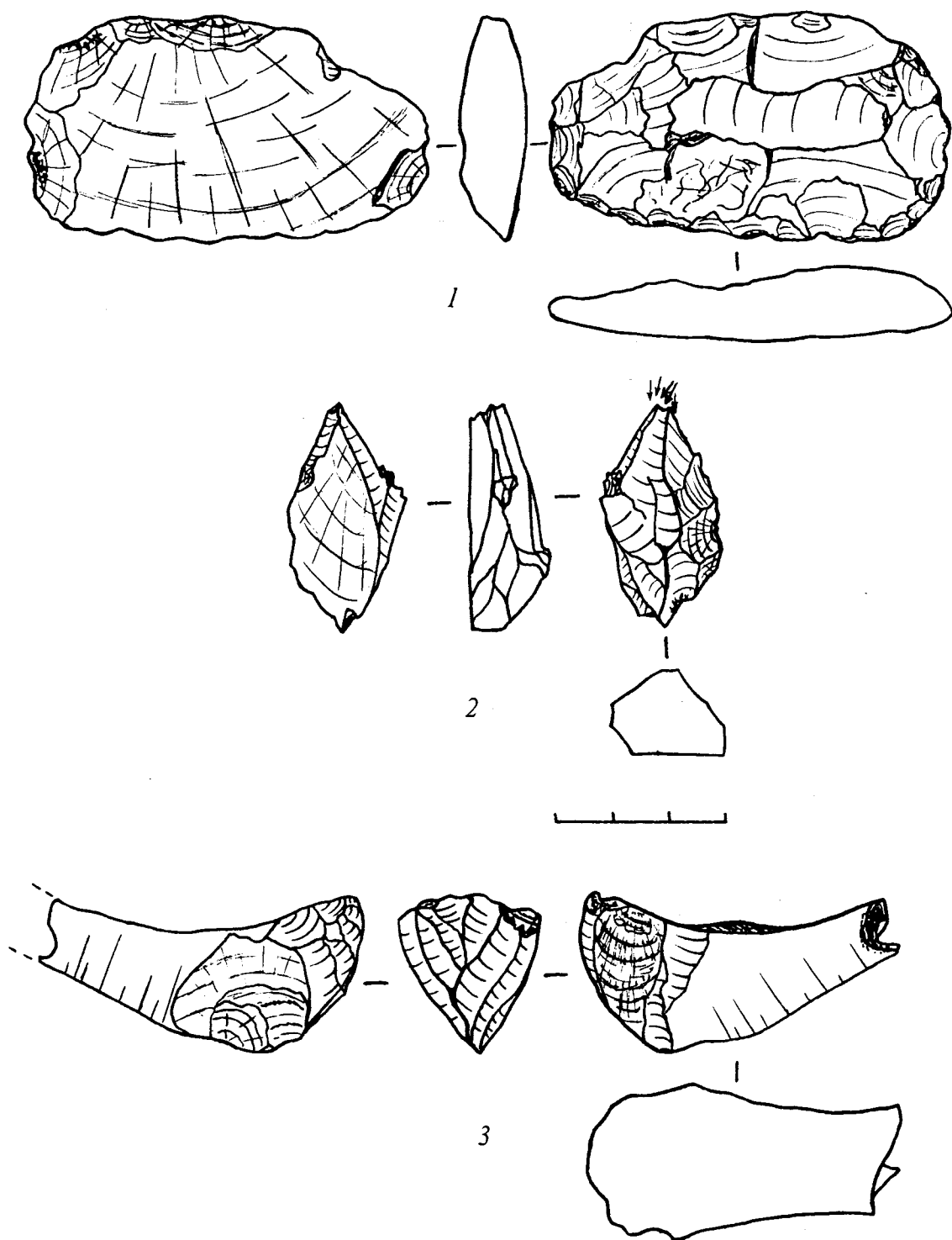

Рис. 94. Каменные изделия со стоянки Момонтай (раскоп)

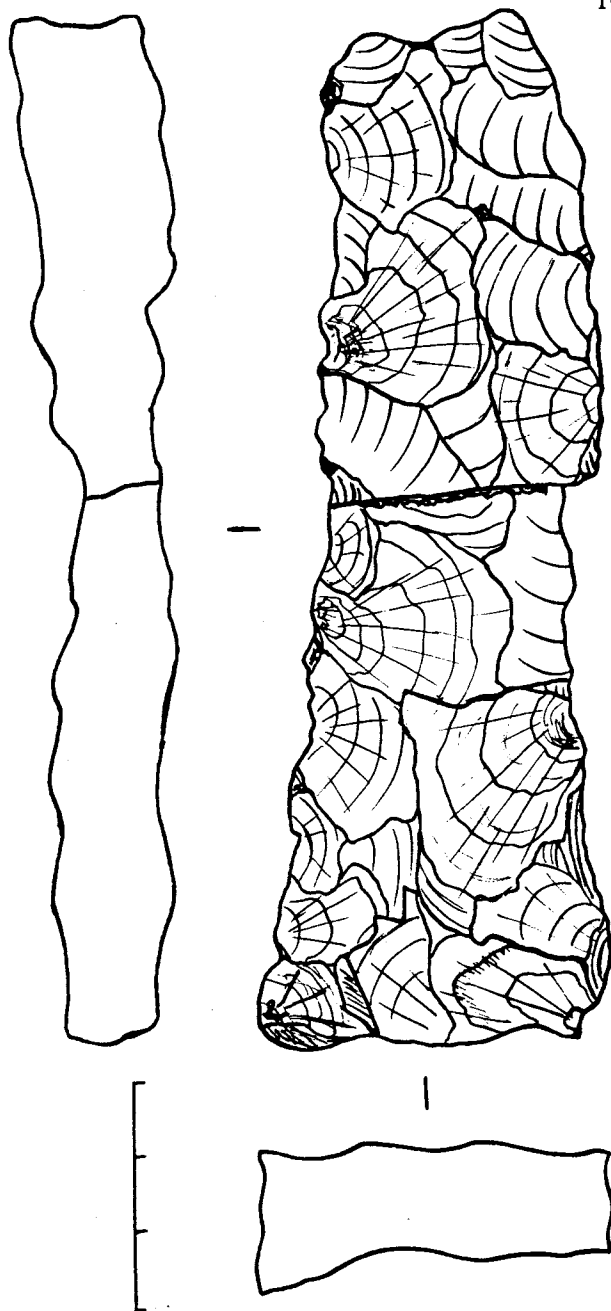
Рис. 95. Каменные заготовки орудий со стоянки Момонтай I (раскоп)

Резец полиэдрического типа, с лезвием, оформленным пятью резцовыми сколами, имеет в сечении односторонне-выпуклую форму. Корпус резца обработан поперечными и продольными сколами (рис. 94, 2).

Две подпрямоугольные заготовки из туфа, оббитые со всех сторон, найдены рядом. Первоначально они были одной плиткой размерами $3,5-4 \times 4,5 \times 1,2-1,8$ см, которая была расколота и дополнительно обработана (рис. 95).

Из четырех нуклеусов два - призматические одноплощадные из туфа (рис. 93, 1) - найдены в слое; другие два - призматический из красного кремня и фрагмент конического из зеленого кремня (рис. 93, 2, 3) - залегали в дерне.

Углистость выявлена в южной части раскопа и встречается до глубины 10-12 см. Местам интенсивной углистости соответствуют скопления находок: большинство орудий найдено в пределах углистости. Четко выраженных очажных кладок в раскопе выделено не было, но определенная закономерность в расположении камней и углистости имеется: по краям раскопа заметно возрастает количество камней больших и средних размеров; количество находок уменьшается или сходит на нет; углистость по краям раскопа исчезает. Можно предположить, что на этом месте была произведена расчистка жилой или производственной площадки размерами $4 \times 4-6$ (?) м от камней или камни по окружности прижимали края шкур, покрывающих жилище типа яранги (рис. 96).

Следует подчеркнуть, что четко прослеживается различие между подъемным материалом и находками из раскопа по технико-типологическим показателям и сырью, из которого они изготовлены. Кроме того, из материалов раскопок выделяются два нуклеуса из красного и зеленоватого кремня, найденные в дерне (рис. 93, 2, 3), которые отличаются от всех остальных находок сырьем и поэтому не включены в комплекс орудий из раскопа стоянки Момонтай I. Подъемные и раскопочные материалы стоянки Момонтай I датируются различными периодами эпохи неолита.

Стоянка Момонтай II выделена рядом со стоянкой Момонтай I, на той же террасе, в 50 м к югу. На поверхности террасы обнаружены 1 обсидиановый и 55 кремневых отщепов, 44 ножевидных пластины из кремня и 1 из обсидиана, призматический нуклеус (рис. 91, 14), 3 наконечника уплощенно-линзовидного сечения, 2 из которых черешковые (рис. 91, 6, 7), а третий с прямым, слегка вогнутым основанием (рис. 91, 12), бифас квадратной в плане формы с линзовидным сечением (рис. 91, 13), усеченная с торца пластина. Стоянка датируется неолитическим временем.

Стоянка Момонтай III расположена на 7-метровом холме у грунтовой дороги, идущей вдоль западного берега озера, в 1,5 км от пересечения ею руч. Рыбачий. Находки собраны в развешанном слое светло-серой супеси, залегающей под дерном мощностью 2-5 см на площади 15 м².

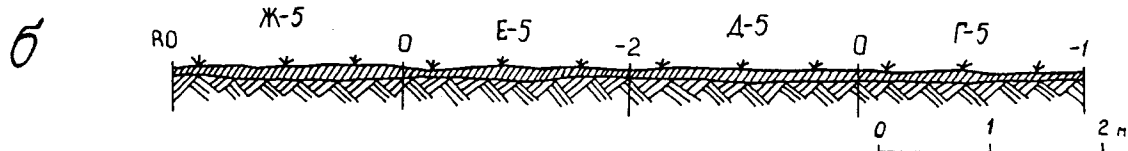
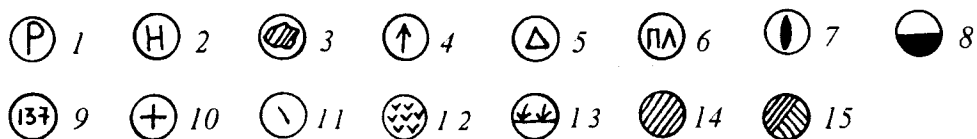
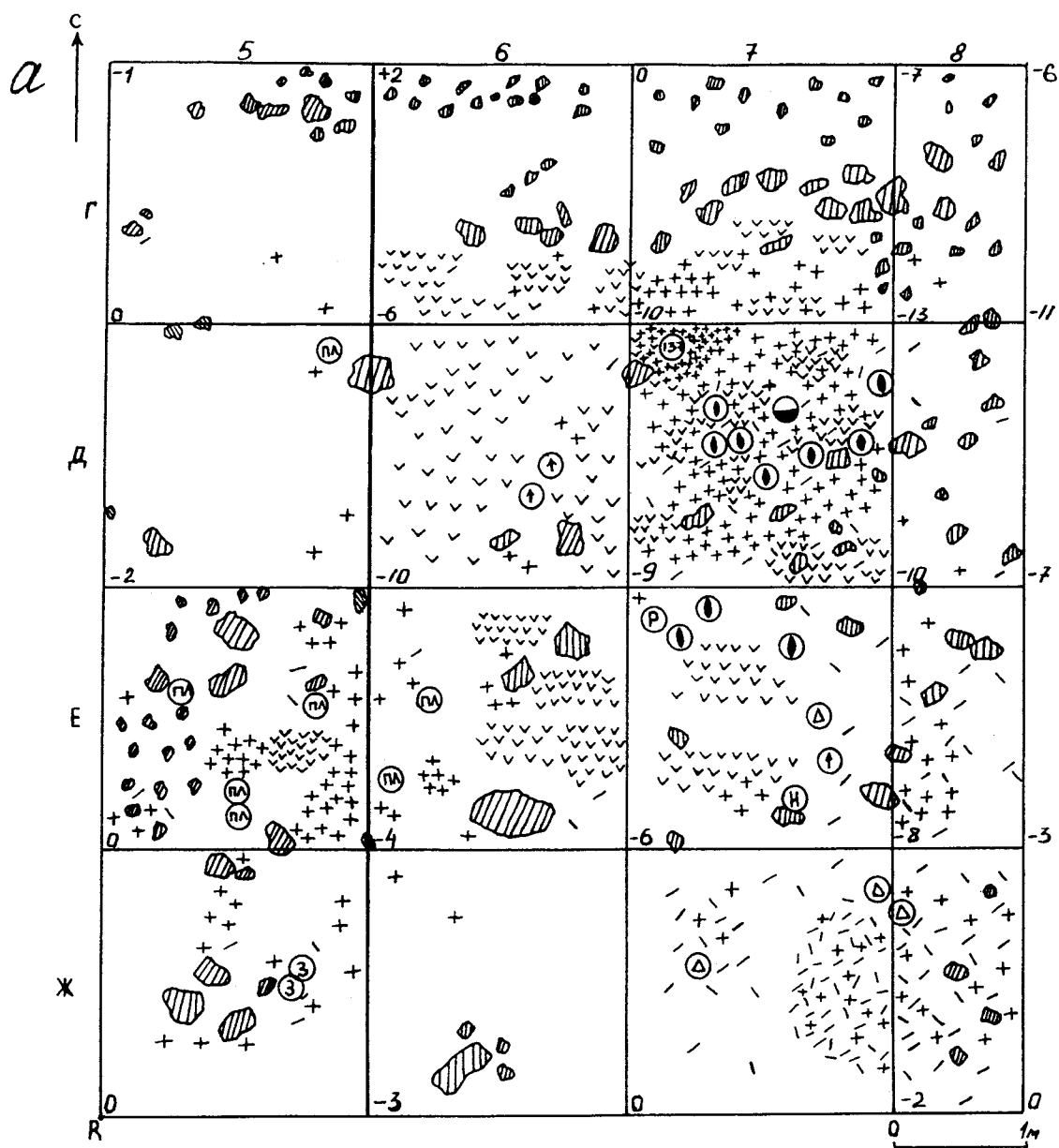

Рис. 96. План раскопа (*a*) и стратиграфия (*б*) стоянки Момонтай I: 1 - резец; 2 - нож; 3 - камень; 4 - наконечник; 5 - нуклеус; 6 - пластинчатый отщеп; 7 - орудие; 8 - скребок; 9 - скопление отщепов; 10 - отщеп; 11 - ножевидная пластинка; 12 - углистость; 13 - дерн; 14 - серая супесь; 15 - суглинок

На стоянке найдены 10 мелких отщепов из кремня, ножевидная пластинка, два вкладыша из кремня и один из халцедона, проколка и скребок на отщепе.

Вкладыши подпрямоугольной в плане формы, бифасиально обработаны, имеют уплощенно-линзовидное поперечное сечение. Торцевые грани вкладышей (у одного обе, у двух по одной) сломаны (рис. 91, 8, 9, 11).

Проколка сделана из халцедонового, обработанного с обеих сторон отщепа, имеет каплевидную в плане форму и уплощенно-линзовидное поперечное сечение (рис. 91, 16).

Стоянка Момонтай IV находится на одном из холмов на западном берегу озера. Подъемный материал собран в развалах дерна (в колее вездехода). Находки взяты из слоя, представленного супесью серого цвета, залегающей под дерном мощностью 10-15 см. Среди них 75 кремневых отщепов, две халцедоновые и одна кремневая ножевидная пластинки, 2 плоских, треугольных в плане наконечника (рис. 91, 10) и шлифованная подвеска из агальматолита с биконическим отверстием в ее верхней части (рис. 91, 15).

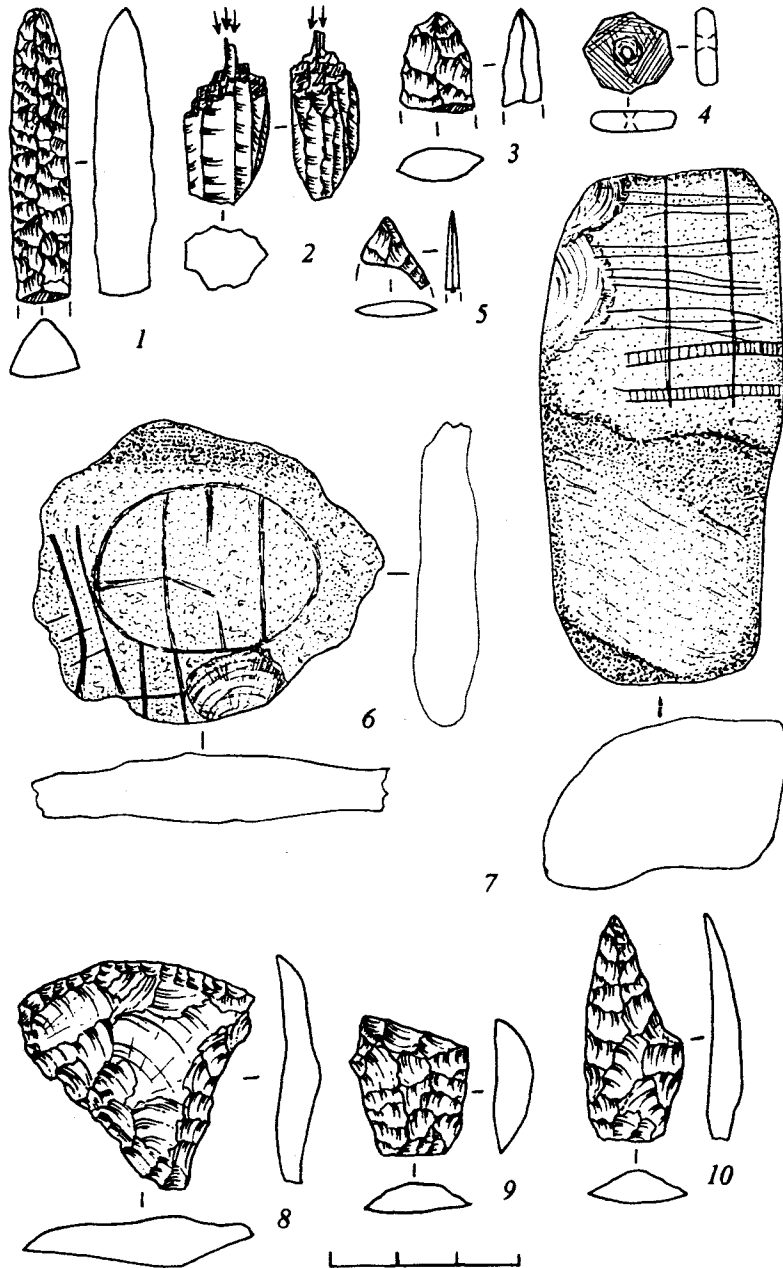

Рис. 97. Неолитические каменные изделия со стоянок Придорожная (1-7) и Малык II (8-10)

Стоянка Момонтай VI расположена на плоском моренном холме в 1,5 км от руч. Рыбачий. Здесь были собраны находки, представленные 13 отщепами, 14 ножевидными пластинками, фрагментом проколки (?) на пластине и теслом удлинненно-треугольной формы (рис. 91, 1). Одна плоскость тесла ошлифована почти полностью, другая оббита и ошлифована только по лезвию, боковые грани пришлифованы частично.

Стоянка Момонтай VIII найдена на террасе у руч. Рыбачий. Вдоль кромки террасы собраны 12 кремневых отщепов, 2 ножевидные пластинки и срединный резец на пластине с обработанными краями со стороны спинки (рис. 91, 3).

Стоянка Придорожная открыта на западном берегу оз. Момонтай, в устье ручья, впадающего в озеро в 1,5 - 2 км от руч. Рыбачий. Она приурочена к 3-метровой террасе на левом берегу ручья, примерно в 130 м от озера. Проходившая по террасе дорога частично разрушила стоянку. На разрушенном участке собран подъемный материал. Обследование террасы показало, что в основном стоянка не потревожена и располагается к востоку от дороги. Здесь были произведены раскопки на площади 16 м². Раскопки позволили определить, что находки залегают под дерном, в слоях светло-коричневой и коричневой супеси на глубине 2-12 см без четкого разделения по слоям. Полученный при раскопках материал представляет собой смешанный комплекс каменных орудий разных эпох позднего и раннего голоцена. Чтобы дать полное представление о стоянке, подробно ее материалы были рассмотрены при анализе раннеголоценовых комплексов Верхней Колымы [Слободин, 1999а. С. 113-119].

В данном исследовании рассматриваются только материалы, наиболее точно характеризующие неолит района. К таким из раскопа отнесены: наконечник трехгранный (напильниковидный) из кремневого туфа (рис. 97, 1); фрагменты (острия) бифасиально обработанных наконечников с плоским и миндалевидным поперечным сечением (рис. 97, 3, 5); полиэдрические резцы с нуклеидным корпусом (рис. 97, 2); халцедоновое изделие с резцовым сколом; шлифованная подвеска из агальматолита с биконическим отверстием посередине (рис. 97, 4) и две плитки граффити (рис. 97, 6, 7). Остальные находки - отщепы, ретушированные ножевидные пластинки, нуклеусы, шлифовальная плитка, скребки на отщепах - могут относиться и к более раннему, чем неолит, периоду, на что, помимо типологических оснований, указывают С-14 даты (5300 и 6805 л.н.), полученные по древесному углю со стоянки.

Стоянки на оз. Малык

Оз. Малык - одно из крупных озер (длина более 10 км) в окрестностях хр. Чорго, наряду с Уи и Момонтай. Стоянки расположены на высоких сухих террасах, окружающих озеро.

Стоянка Малык I расположена у северной части озера, на 7-метровом уступе террасы, выходящей к устью безымянного ручья. Уступ сложен мелкообломочным делювием с супесью серого цвета и покрыт тонким слоем дерна. Терраса частично раздернована. На поверхности была обнаружена овальная кладка длиной около 5 м, шириной 2 м из 29 камней, выступающих из земли на высоту от 4 до 25 см.

Внутри овала и за его пределами был собран подъемный материал, представленный 43 кремневыми и 1 халцедоновым отщепами. Из орудий найден концевой скребок и вкладыш.

Концевой скребок на кремневом отщепе имеет продолговатую форму с выделенным полукруглым лезвием и рукоятью и по всей окружности оформлен плоской краевой бифасиальной ретушью. Поперечное сечение орудия линзовидное (рис. 76, 2).

Вкладыш изготовлен на пластинчатом отщепе из зеленоватого кремня. Одна из его продольных граней оформлена мельчайшей краевой ретушью, направленной с брюшка на спинку, другая - со спинки на брюшко и представляет собой режущий край вкладыша. Длина орудия 2,5 см, ширина 1,5 см.

В западной части овальной кладки (предположительно, шалашеобразного жилища) находятся три небольших камня, расположенных по окружности радиусом 20-25 см, которые были, вероятно, очагом, сдвинутым к выходу - небольшому узкому тамбуру, от которого осталась каменная обкладка в северо-западной части жилища. Такой тамбур мог быть скорее у зимнего, чем у летнего, жилища. Камни для обкладки взяты выше по склону, где преобладает коллювий. Следов углистости в пределах стоянки не выявлено. Площадь ее примерно 35 м².

Стоянка Малык II открыта на юго-восточном берегу оз. Малык, примерно в 2 км от истока р.Малык-Сиен, вытекающей из озера, на сильно выступающем мысу. Высота мыса 3-4 м. Подъемный материал обнаружен на всей его площади. Выделены 4 пункта скопления находок, расположенных вдоль края мыса. Они обозначены как Малык II, пункты *а, б, в, г*. В пунктах *а* и *в* были произведены раскопочные работы на площади $3 \times 1,5$ и 2×3 м. Поверхность мыса большей частью раздернована и покрыта слоем пепла и перегоревшей супеси вследствие лесного пожара, происшедшего, судя по обгоревшим деревьям, недавно. Культурный слой практически разрушен; находки собраны в перевеянном пепловом слое на глубине 1-8 см.

В раскопах прослежены следующие слои:

	Мощность, см
Пепел светло-серый	5-8
Супесь коричневого цвета с большим количеством обломочного материала	До 10
Грубо окатанная галька	Более 1 м

Культурные остатки найдены в первом стратиграфическом слое. Все находки сильно обожжены.

Пункт а расположен на оконечности мыса. Здесь обнаружены 72 кремневых отщепов средних размеров, 8 мелких халцедоновых отщепов, 13 ножевидных пластинок и 10 орудий (скребки, резец и фрагменты бифасов).

Среди орудий наиболее многочисленны скребки, которые можно разделить на три группы. К первой отнесены 3 скребка на отщепах с высокой спинкой. Ширина их 2-2,5 см. Они имеют слегка выпуклое рабочее лезвие, обработанное крутой ретушью. Обработке подвергались боковые края скребков, спинка и частично брюшко. Ко второй группе отнесен скребок на отщепе размерами $3,5 \times 2,8$ см с выпуклым лезвием, обработанным крутой унифасиальной ретушью. Его дорсальная поверхность оформлена одним широким уплощающим сколом; со стороны вентрала следов обработки нет. К третьей группе отнесена заготовка полукруглого скребка на отщепе размерами 4×3 см. Лезвие его по периметру оформлено широкими фасетками сколов, полого заходящими на высокую выпуклую спинку скребка. Со стороны вентрала скребок не обрабатывался.

Резец изготовлен на пластинчатом отщепе и имеет подтреугольную в плане форму. Его длина 4 см, ширина в основании 2 см. Края орудия обработаны со стороны спинки краевой унифасиальной ретушью, переходящей от пологой у основания до крутой у острия. На острие резца по левому краю нанесен резцовый скол, снявший край лезвия. Вентральная поверхность обработке не подвергалась.

Бифасы представлены двумя фрагментами ножей неопределимой формы и острием орудия, обработанного по всей поверхности отжимной ретушью. Поперечное сечение последнего уплощенно-линзовидное.

В процессе раскопок дополнительно найдены 38 мелких и средних отщепов из серого кремневого материала, пластинчатый отщеп, 5 мелких отщепов из оранжевого халцедона, 2 ножевидные пластинки (рис. 98, 4, 5), 3 скребка и наконечник.

Скребки одного типа - концевые, округлой формы на отщепах. Они имеют овальное, слегка скошенное лезвие, оформленное крутой ретушью со стороны спинки (рис. 98, 2, 3, 15).

Наконечник черешковый, с прямым основанием, небольшими плечиками. Полностью обработан с обеих сторон отжимной ретушью. Поперечное сечение линзовидное (рис. 98, 1).

Пункт б расположен в 40 м от пункта *Па*, на краю восточного берега мыса. На развеейной поверхности террасы найдены 70 мелких кремневых и халцедоновых отщепов, 4 ножевидные пластинки шириной 0,6-1,5 см со следами краевой ретуши и обломок (средняя часть) бифасиального орудия шириной 0,9 см с уплощенно-линзовидным поперечным сечением.

Пункт в расположен в 70 м от оконечности мыса. На его раздернованной поверхности найдены 69 кремневых отщепов, 2 обсидиановые чешуйки, 14 ножевидных пластинок из кремня и 5 орудий.

Ширина пластинок 0,5-1,6 см. Судя по выщербленным краям, большинство их было использовано в качестве вкладышей.

Орудия представлены тремя наконечниками, ножом и резцом.

Один из наконечников халцедоновый, длиной 4 см, шириной у основания 1,3 см. Он имеет удлиненную треугольную форму и уплощенно-линзовидное поперечное сечение. Его плоские поверхности полностью обработаны отжимной ретушью. Второй наконечник представлен обломком средней части бифасиально обработанного изделия из кремня с линзовидным поперечным сечением шириной 2 см. Третий наконечник представлен обломком бифасиально обработанного острия из кремня.

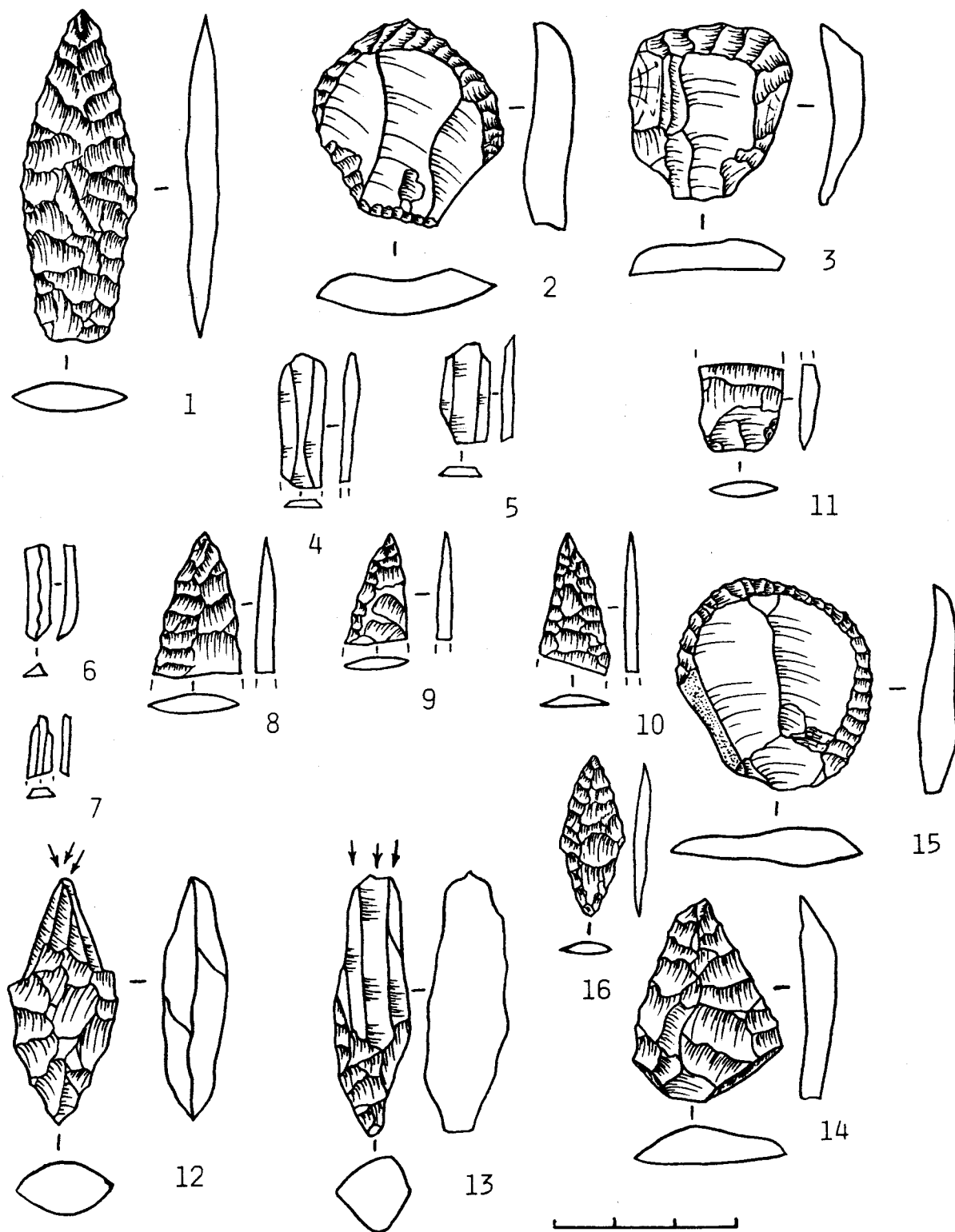

Рис. 98. Каменные изделия со стоянки Малук II

Обломок ножа имеет асимметричные продольные края и линзовидное поперечное сечение. Одно лезвие обработано бифасиальной пильчатой ретушью, другое мелкой краевой бифасиальной ретушью. Ширина орудия 1 см.

Резец изготовлен на пластинчатом отщепе. Его лезвие оформлено тремя резцовыми сколами, а рукоятка - мелкой краевой ретушью со стороны спинки. Вентральная поверхность не обрабатывалась. Ширина орудия 1,3 см, длина 2 см.

В результате раскопок здесь найдены 37 мелких и средних отщепов из кремня, 4 мелких халцедоновых отщепа, мелкий отщеп из оранжевого халцедона, обсидиановая чешуйка, 2 кремневые ножевидные пластинки (рис. 98, 6, 7) и 8 орудий. Среди орудий 2 резца, проколка и 5 наконечников.

Резцы полиэдрического типа с ретушированной, овально-линзовидной в сечении рукояткой (рис. 98, 12, 13).

Проколка (резец?) изготовлена на подтреугольном отщепе из кремня. Бифасиальной ретушью обработаны края и кончик орудия (рис. 98, 14).

Из пяти наконечников три представлены двусторонне обработанными обломками кончиков (рис. 98, 8-10). У двух из них поперечное сечение линзовидное, у одного - односторонне-выпуклое. Один наконечник из обсидиана, обработанный с обеих сторон, представлен обломком прямого основания с линзовидным поперечным сечением (рис. 98, 11). Единственный целый, двусторонне обработанный наконечник изготовлен из оранжевого халцедона. Это уплощенный, ромбический в плане и линзовидный в сечении наконечник стрелы. В основании наконечника небольшими плечиками выделен черешок (рис. 98, 16).

В 2 м от раскопа в направлении к центру мыса найдены еще 3 кремневых изделия: скребок, резчик и комбинированное орудие (скребок-резчик).

Скребок изготовлен на отщепе, имеет треугольную в плане форму. Боковые края скребка обработаны краевой бифасиальной ретушью, лезвие - краевой унифасиальной ретушью со стороны спинки (рис. 97, 8).

Резчик изготовлен на пластинчатом отщепе, полностью обработанном со стороны спинки. Вентральная поверхность, за исключением небольшого участка в основании рукоятки, не обработана (рис. 97, 10).

Комбинированное орудие изготовлено на пластинчатом отщепе, полностью обработанном со стороны спинки и частично у проксимального конца, со стороны брюшка. Дистальный конец изделия обработан крутой ретушью, образующей прямое, скошенное вправо лезвие скребка, и имеет боковую выемку, с помощью которой оформлено резцовое острие (рис. 97, 9).

Пункт 2 находится на восточном берегу мыса, в 50 м от его оконечности. На площади 8 м² найдены 4 галечных отщепа, заготовка орудия из гальки и галечный скребок.

Лезвием скребка служил острый дистальный край отщепа, имеющий следы сильной залощенности. Рукоятка скребка обработана грубой ударной бифасиальной ретушью.

Материалы стоянки Малый II в пунктах *а, б* и *в* датированы периодом неолита. Находки из пункта *г* имеют более поздний возраст.

Стоянка Малый III найдена на южном берегу оз. Малый, в 10 м от берега, у дороги, на 3-метровой террасе правого берега ручья, впадающего в озеро в 1 км от истока р. Малый-Сиен. На дороге были найдены отщепы. Рядом с дорогой был заложен шурф 2,5 × 2 м, по разрезу которого выявлена стратиграфия стоянки:

	Мощность слоя, см
Дерн	3-15
Супесь светло-коричневая с примесью пепла серого цвета (культурный слой)	1-5
Гравий	Более 50

В шурфе найдены 61 отщеп, обломок орудия, 3 ножевидные пластинки (рис. 99, 1-3), нож и скребок.

Отщепы преимущественно аморфного типа, 52 из них - средних размеров. Среди отщепов можно выделить четыре пластинчатых. На продольных гранях двух из них отмечены следы ретуши и выщерблины (рис. 99, 7, 8). Три имеют подтреугольное поперечное сечение (рис. 99, 7-9).

Обломок орудия представлен небольшим фрагментом, обработанным унифасиальной ретушью (рис. 99, 4).

Нож (рис. 99, 5) и скребок (рис. 99, 6) сделаны на кремневых отщепках овальной формы с подтреугольным поперечным сечением. Края орудий обработаны ретушью со стороны брюшка.

Материал стоянки датирован неолитом.

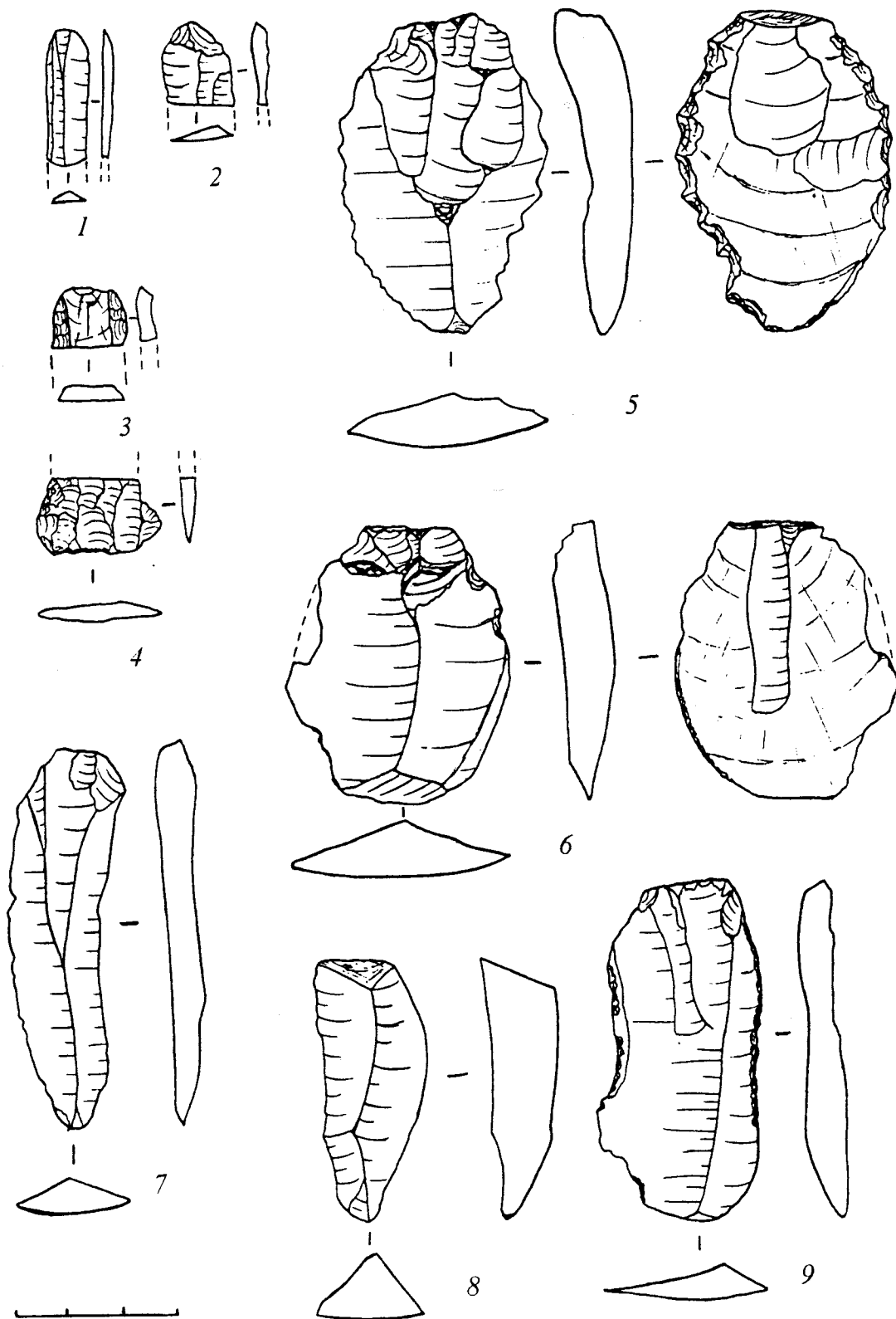

Рис. 99. Каменные изделия со стоянки Малый III

Стоянка Перевальная IX

Стоянка открыта на перевале рр. Омчик (левый приток р. Омuleвка в ее верховьях) и Дарпир-Сиен, впадающей в оз. Малый Дарпир. Высота перевала около 1000 м над уровнем моря. Он имеет пологое строение, узкий и окружен крутыми осыпными склонами сопки, поднимающихся еще на 200-300 м над высшей точкой перевала. На перевале преобладает тундровое редколесье. Поверхность перевала щебенистая, слабо задернованная. Изделия каменного века были найдены на поверхности небольших террасовидных уступов и холмов, расположенных на перевале. К неолиту отнесены материалы, найденные на стоянке Перевальная IX.

Она расположена на отдельно стоящем холме на перевале со стороны р. Омчик. Кроме нескольких отщепов из туфа здесь на поверхности холма найдено тесло (рис. 100). Оно имеет подпрямоугольную форму в плане и в поперечном сечении. Продольное сечение асимметрично-линзовидной формы. Все плоские поверхности тесла тщательно оббиты, на одной из боковых сторон орудия сохранились остатки шлифовки. Возможно, что шлифованная поверхность занимала значительно большую площадь поверхности тесла, но низкое качество сырья, из которого оно было изготовлено, привело к выветриванию и сильной патинизации шлифованной поверхности, затрудняющей ее идентификацию.

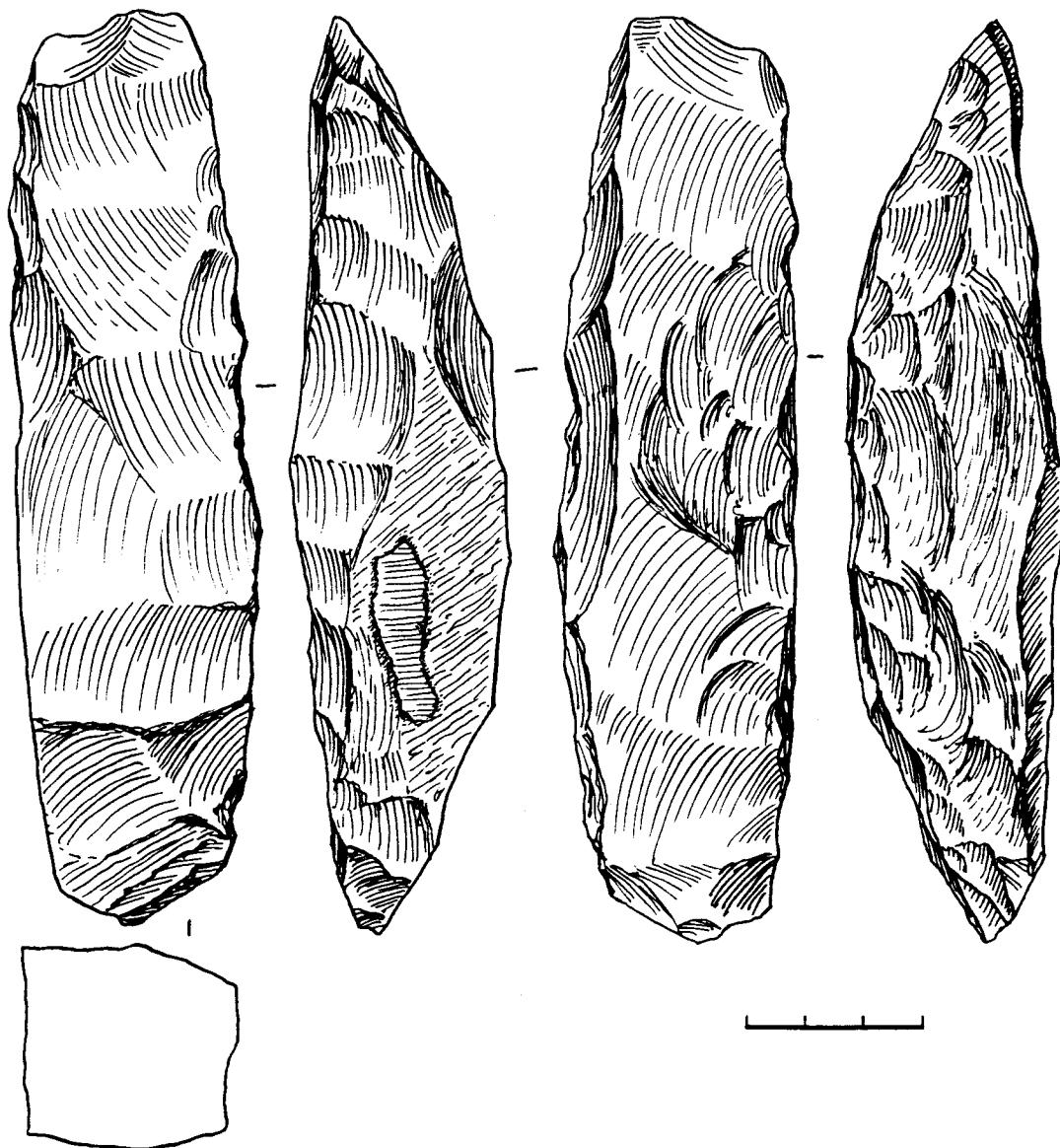

Рис. 100. Тесло со стоянки Перевальная IX

Глава 4. КЛАССИФИКАЦИЯ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ И КЕРАМИКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ВЕРХНЕЙ КОЛЫМЫ И КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРИОХОТЬЯ

В условиях Северо-Востока Азии, где накопление почвенного слоя происходит очень медленно, культурные слои археологических памятников в процессе формирования подвергаются постоянному риску быть смешанными, что может привести к образованию неких несуществующих гибридных культурных (орудийных) комплексов, вводящих в заблуждение как самого автора «открытия», так и других исследователей. История археологии Дальнего Востока, Якутии, Северо-Востока Азии знает множество таких примеров. Помимо простого смешения материалов различных эпох и культур, существует и проблема определения сезонности, хозяйственной и функциональной направленности (мастерская, стоянка, охотничий лагерь, отдельное жилище и др.) памятника, где была собрана коллекция артефактов. Многие памятники требуют отдельных исследований.

Наиболее распространенным примером, демонстрирующим различие, существующее между материальными комплексами, является выделение стоянок и мастерских. Однако и здесь имеются существенные проблемы, наглядно проявившиеся в трудности определения функциональной направленности стоянок Устиновского типа на Дальнем Востоке. Высказываются различные мнения по поводу отнесения местонахождений к стоянкам, мастерским или поселениям-мастерским [Деревянко, 1983. С. 89; Васильевский, Гладышев, 1989. С. 94-103; Кузнецов, 1992. С. 110-113].

Примером смешения разновременных материалов может служить выделение культуры Буссе, от которого впоследствии отказались [Кузнецов, 1992. С. 112, 113].

В последние годы разработано достаточное количество разнообразных классификаций орудий как для различных регионов, так и культур: для района Нижней Колымы [Кистенев, 1990], Северо-Западной Якутии [Аргунов, 1990], бассейна р. Олекма [Алексеев, 1987], Камчатки, Чукотки и Северо-охотского побережья [Диков, 1979а], Приморья [Кузнецов, 1992], ымяхтахской культуры [Федосеева, 1980].

Предлагаемая временная схема региональной классификации каменного инвентаря стоянок Верхней Колымы и Континентального Приохотья носит информационно-справочный характер и предназначена для определения типов орудий, характерных для этой территории, выяснения их ареалов и хронологических рамок существования. Разрабатывая эту классификацию, мы столкнулись со многими проблемами, отмеченными в «Археологической типологии» Л.С. Клейна [1991] и в «Теории археологической классификации» Е.М. Колпакова [1991]. Не все их удалось разрешить. Принимая в ряде случаев в качестве основания для разделения или группирования артефактов какие-либо формальные (например, внешние) характеристики, мы опирались на выводы типологов основываться на формальных признаках, что естественно для этапа первичного упорядочения материала, поскольку в устойчивых формах отложились стандарты, а также (мы бы уточнили, что в совокупности определенных форм) выражены не только функции, но и культурные традиции, имеющие территориально-хронологическое и в некоторых случаях этническое опознавательное значение [Клейн, 1991. С. 71, 72]. Классификация строилась по принципу распределения материала в группы на основании отобранных признаков и с учетом их значимости [Колпаков, 1991]. С получением новых данных и датировок эта классификация неизбежно будет видоизменяться. В конечном итоге, мы надеемся, будет способствовать разработке такой типологической классификации артефактов для Северо-Востока Азии, которая, как определено у Л.С. Клейна [1991. С. 367], поможет заниматься исследованием культуры.

В основу предлагаемой нами классификации положены технико-типологические, морфологические признаки, определяемые характером вторичной обработки рабочего края, формой, размерами изделий и следами сработанности. Среди каменных изделий выделяются группы орудий: I - нуклеусы, II - ножевидные пластинки, III - пластины, IV - отщепы, V - технические сколы, VI - скребки, VII - скребла, VIII - бифасы, IX - ножи, X - вкладыши, XI - резцы, XII - резчики, XIII - наконечники, XIV - рубящие

орудия, XV - проколки, XVI - сверла, XVII - отбойники, XVIII - абразивы. Внутри этих групп орудий выделены типы, разновидности (подтипы) и единичные изделия. Отдельно рассматриваются типы керамики, определенные для Верхней Колымы и Континентального Приохотья.

При разработке этой классификации кроме региональных использованы и другие классификационные схемы с учетом конкретики исследуемого материала [Медведев и др., 1981; Абрамова, 1986].

В процессе выделения типов каменного материала и керамики для Верхней Колымы и Континентального Приохотья было исследовано около 30 тыс. отщепов, около 6 тыс. ножевидных пластинок, более 70 нуклеусов и их заготовок и свыше 1 тыс. орудий. Материалы стоянок Майорыч, Конго, Малтан и Сибердик изучались по публикациям [Мочанов, 1977; Диков, 1977а, 1979а].

Древние жители Верхней Колымы и Континентального Приохотья использовали все разнообразие каменных пород Севера Дальнего Востока. Сырье брали как из коренных месторождений, так и на речных косах и в руслах ручьев. Использовали и редкий для исследуемой территории обсидиан. Повсеместно распространены кремни различных цветов, яшмоидные породы, кремневые туфы, фельзит, афанитовый базальт. Украшения изготавливали из агальматолита, туфовых пород с невысокой степенью кремнелости. В небольших количествах использовался горный хрусталь. Полное отсутствие хрусталя в материалах стоянок Хуренджа I-XI, Нил-Устье, Нил II-IV, Уртычук I-X при невероятном обилии его на склонах Ольского плато, где они расположены, остается необъясненным.

Разнообразная цветовая гамма сырья позволяет проводить аппликации и определять количество нуклеусов по разнообразию ножевидных пластинок, найденных на стоянке. По аппликациям (лыжевидных сколов между собой, резцового скола и резца, отщепов с галечного нуклеуса, скребка на пластине с предыдущими сколами и др.) и заготовкам удалось проследить некоторые технологические приемы обработки и изготовления каменных орудий.

Анализ материалов показывает, что в древности применялись различные технологические приемы обработки камня - скол, отжим, оббивка и др., реже шлифовка (найденно небольшое количество шлифованных орудий и украшений) и резание (отмечено на фрагментах заготовок для украшений из мягкого материала). В то же время большое количество резцов на стоянках позволяет предположить, что костяные орудия играли существенную роль в хозяйстве обитателей этих стоянок.

Нуклеусы

Они разделяются на две категории: нуклеусы для получения микропластинок (микропластинчатые, или микронуклеусы) и нуклеусы для получения отщепов и крупных пластин.

А. Типы микропластинчатых нуклеусов:

1. Клиновидные микропластинчатые нуклеусы. Они найдены в нижнем слое стоянки Хета [Слободин, 1999а. Рис. 9, 8]. Выполнены техникой юбецу и сопровождаются лыжевидными сколами, бифасами и ножевидными пластинками. Хронологические рамки существования этих нуклеусов на Северо-Востоке охватывают поздний плейстоцен - ранний голоцен. В Якутии этот тип нуклеусов характерен только для плейстоцена [Мочанов, 1977], на Камчатке встречается в раннем голоцене [Диков, 1979а].

Предполагается, что клиновидный нуклеус найден на стоянке Сибердик [Диков, 1977а, 1979а]. Он характеризуется как гобийский, хотя по облику не соответствует этому типу изделий, которые, как известно, имеют «сильно удлиненную клиновидную часть» [Аксенов, 1980. С. 47, 48]. Наличие клиновидного нуклеуса на стоянке Сибердик пока окончательно не доказано [Слободин, 1999а].

Еще одно изделие на Верхней Колыме, определяемое как клиновидный нуклеус, найдено на стоянке Майорыч, что позволило датировать ее позднеплейстоценовым временем [Мочанов, 1977]. Однако этот фрагмент бифаса, который в процессе дальнейшей обработки мог быть оформлен клиновидным нуклеусом, на данной стадии обработки сложно считать таковым. Предполагается, что это «утилизированный скребок» [Хлобыстин, 1998. С. 24].

На Нижней Колыме такой тип нуклеусов пока не известен. Ближайшие к Верхней Колыме стоянки с клиновидными нуклеусами на Омолоне - Большой Эльгахчан [Кирьяк, 1993а] и на восточном фланге Охотско-Колымского нагорья - Дручак-В [Воробей, 1996б].

2. Призматические микропластинчатые нуклеусы делятся на подтипы:

а) призматические одноплощадочные нуклеусы имеют отжимную площадку ровную или слегка скошенную, округлой формы на одном из концов нуклеуса. Снятия производились по всей его поверхности. Встречаются на раннеголоценовых [Слободин, 1999а. Рис. 35] и неолитических (рис. 85, 6; 93, 1) памятниках Верхней Колымы. Среди одноплощадочных выделяются карандашевидные нуклеусы с параллельными гранями и приостренным нижним концом. Мы рассматриваем карандашевидные нуклеусы не как самостоятельный тип изделия, как предлагается в некоторых схемах [Алексеев, 1987], а как частный случай одноплощадочных призматических нуклеусов, отражающий степень его сработанности;

б) призматические двухплощадочные нуклеусы. Отжимные площадки расположены на обоих концах изделий. Скалывание производилось во встречных направлениях. У некоторых нуклеусов одна из площадок меньше другой, они встречаются на неолитических памятниках (рис. 21, 5; 91, 14). На раннеголоценовых в общем призматических одноплощадочных нуклеусах отмечается по одному сколу, направленному от опорной площадки к отжимной. В раннем голоцене Якутии этот тип нуклеусов встречается довольно часто [Мочанов, 1977. С. 242; Аргунов, 1990. С. 163]. На раннеголоценовых памятниках Западной Чукотки двухплощадочные призматические нуклеусы не выделяются [Кирияк, 1990. С. 23].

3. *Конические микропластинчатые нуклеусы.* Они имеют сходящиеся на конце грани. Эти изделия использовались на Верхней Колыме в раннем голоцене и неолите. В раннем голоцене Якутии они не выделяются [Мочанов, 1977]. На Чукотке отмечены в «мезолитической коллекции» стоянки Тытыль I [Кирияк, 1990. С. 23]. Н.Н. Диков [1979а. С. 90, 91] относит конический нуклеус со стоянки Конго к раннему этапу сибердиковской культуры, т.е. к раннему голоцену.

Конические нуклеусы имеют округлую отжимную площадку. Пластинки с них снимались по всей окружности. Распространены по всей территории исследования (рис. 2, 1; 21, 3; 19, 1, 9) [Слободин, 1999а. Рис. 59, 1]. Отжимные площадки ровные или слегка скошенные.

4. *Уплощенные микропластинчатые нуклеусы.* Возможно, получили распространение с раннего голоцена. Представлены двумя разновидностями:

а) нуклеусы, у которых снятия производили по всей поверхности. Отжимная площадка слегка скошена в сторону одной из широких поверхностей (рис. 58, 4) [Слободин, 1999а. Рис. 15, 8];

б) нуклеусы, у которых снятия производили с одной широкой поверхности, контрфронт ретушировали. Отжимная площадка ретуширована. Различаются нуклеусы с прямой [Слободин, 1999а. Рис. 49, 1, 4] и сильно скошенной в сторону контрфронта отжимной площадкой (рис. 76, 1, 4, 10, 12; 90, 2).

5. *Торцевые нуклеусы.* Этот тип выделен для обозначения нуклеусов, найденных на стоянках Нил-Устье и Запятая (рис. 28, 4; 87, 2). Отжимная площадка у них имеет подтреугольную форму, оформлен киль. Снятие пластинок производилось с торца, а боковые грани обработаны пластинчатыми снятиями, что отличает его от классических клиновидных и торцевых нуклеусов, необработанных по киллю и боковым граням (по классификации З.А. Абрамовой [1979а. С. 105]).

Б. Нуклеусы для получения отщепов и крупных пластин:

6. *Галечные нуклеусы.* Их получали из галек, оббивая крупными сколами с одного конца или по краю, поэтому условно называли галечными. Многие исследователи рассматривают галечные нуклеусы как галечные орудия типа чопперов. Вполне возможно их многофункциональное использование. Имеющиеся у нас прямые свидетельства использования отщепов с этих галек для изготовления орудий дают основание рассматривать их как нуклеусы, предназначенные для снятия крупных отщепов для изготовления на них орудий. На один из таких нуклеусов со стоянки Агробаза III апплицированы два отщепа. Обычно на стоянках представлены уже снятые с этих нуклеусов отщепы. По результатам исследования стоянки Агробаза III они датируются XIV-XVI вв. [Слободина, 1999а. Рис. 86]. С такой датировкой хорошо согласуются данные о возрасте подобных изделий с р. Омолон [Кирияк, 1993а. С. 19-22]. На Колыме к этому виду нуклеусов можно отнести, по крайней мере, часть сибердиковских чопперов, получивших раннеголоценовую датировку и отнесенных к реликтовому палеолиту [Диков, 1979а]. Палеолитом, что пока трудно доказуемо, предложено датировать другие подобные подъемные находки в долине р. Омолон [Воробей, 1999б]. Мы не ставим под сомнение, что галечные нуклеусы (или чопперы) использовались в палеолите, в том числе и палеолите Крайнего Северо-Востока. Об этом

исчерпывающе свидетельствуют материалы стоянок Ушки [Диков, 1979а], дюктайской культуры [Мочанов, 1977]. Но датировать их на Верхней Колыме можно только по сопутствующему им контексту (материальные комплексы, стратиграфия, датировки). Чистые галечные комплексы в подъемных материалах, вероятно, относятся к эпохе палеометалла.

7. *Нуклеусы радиального скалывания (дисковидные)*. Предназначены для снятия отщепов определенной формы. Обрабатывались обе широкие поверхности нуклеуса. По центру в ряде случаев сохраняется корковая поверхность исходного материала. Образец такого нуклеуса из гальки найден на стоянке Агробаза IV [Слободин, 1999а. Рис. 85, 1] и датируется, как и верхний слой стоянок Агробаза III, IV, 400-600 л. н. Другие такие нуклеусы найдены на стоянках Перевальная I, II (фонды лаборатории археологии СВКНИИ).

8. *Нуклеусы-ядрища (аморфные)*. Скалывание отщепов и пластинчатых отщепов производилось бессистемно, без выбора и оформления площадки. Они найдены на стоянках Агробаза I, Ола II (рис. 7, 5) и характерны для рубежа эпох неолита и раннего металла.

Ножевидные пластинки

Ножевидные пластинки скалывались с микронуклеусов. Среди них выделяются пластинки с двух-, трехгранной спинкой. Реже встречаются пластинки с четырех- или пятигранной спинкой. Ширина пластинок 0,4-1,5 см, максимальная длина пластинки, найденной на стоянке Уи, более 11 см при ширине до 1,5 см [Слободин, 1999а]. Выделяются микропластинки шириной менее 0,4-0,5 мм. К группе пластинок, в отличие от классификаций, разработанных для палеолита Сибири (длина пластинок до 7 см) [Абрамова, 1979а], отнесены некоторые пластинки длиной до 10-11 см при ширине до 1,5 см, с правильной огранкой спинки, и толщине, не превышающей среднюю толщину пластинок. Использовались они с палеолита и до конца неолита.

Пластины (макропластины)

Учитывались сколы шириной более 1,5 см и длиной, более чем в 3 раза превышающей ширину при правильной огранке спинки (рис. 21, 1; 92, 1) [Слободин, 1999а. Рис. 79, 1]. Широко использовались для изготовления концевых скребков начиная с палеолита.

Отщепы

Это самый многочисленный материал на стоянках, поскольку является отходами производства орудий и нуклеусов. В то же время часть отщепов представляет собой заготовки, которые производились намеренно с целью последующего изготовления из них орудий. Часть отщепов использовали без специальной обработки, хотя на них отчетливо фиксируются следы утилизации (выщербленность, заполированность лезвия), или обрабатывали лишь по краю, без придания им какой-либо специальной формы (рис. 23, 8). Различаются отщепы и пластинчатые отщепы.

Отщепы. При анализе материала выделяются первичные, вторичные и собственно отщепы [Маркин, 1986. С. 8]; в зависимости от материала различаются галечные и кремневые, халцедоновые, обсидиановые и другие отщепы. Первичные и вторичные отщепы составляют меньшую часть всех находок этой группы. На ряде стоянок (Хуренджа I-XI, Уртычук I-X и др.) первичные отщепы достаточно сложно выделить, поскольку сырье бралось непосредственно из месторождения и не имеет галечной корки.

Пластинчатые отщепы определены как сколы в пропорции ширины к длине примерно 1:2 (и более) с продольной огранкой спинки.

Технические сколы

Они получались при подготовке к использованию нуклеусов и резцов разных типов. Выделяются следующие типы технических сколов:

1. *Краевые (ладьевидные) сколы*. Образовывались при оформлении отжимной площадки клиновидных нуклеусов в процессе их изготовления из бифасов [Слободин, 1999а. Рис. 7, 3].

2. *Лыжевидные сколы*. Образовывались при подправке отжимной площадки клиновидных нуклеусов [Слободин, 1999а. Рис. 9, 8]. Сопутствуют находкам клиновидных нуклеусов. При отсутствии последних лыжевидные сколы могут свидетельствовать о наличии клиновидных нуклеусов в комплексе. Датируются поздним плейстоценом.

3. *Core tablets*. Сколы подправки отжимной площадки призматических или конических нуклеусов путем скалывания ее полностью [Слободин, 1999а. Рис. 30, 14; 66, 4; 56, 9]. Распространены с раннего голоцена, встречаются в неолите (рис. 83, 7; 90, 7).

4. *Сколы подправки отжимных площадок* конических или призматических нуклеусов. Подправку производили путем ретуширования отжимной площадки крупными сколами, захватывающими часть этой площадки [Слободин, 1999а. Рис. 66, 4]. Распространены с раннего голоцена и до конца неолита.

5. *Ребристые сколы*. Получались при подготовке к работе фронта скалывания призматических и конических нуклеусов (рис. 36, 7).

6. *Резцовые сколы*. Образовывались при оформлении лезвия трансверсальных, полиэдрических и срединных резцов (рис. 18, 3; 35, 6).

Скребки

Скребки различаются исходной заготовкой (на пластинах, пластинчатых отщепах и отщепах), по расположению лезвия (боковые и концевые, двойные), по форме (округлые, треугольные, скошенные, топоровидные) и по степени обработки. Выделяются следующие их типы:

1. *Скребки на пластинах или пластинчатых отщепах:*

а) скребки на пластинах. Выпуклое лезвие скребка располагалось на дистальном конце пластины, обработано крутой унифасиальной ретушью со стороны спинки (рис. 15, 1) [Слободин, 1999а. Рис. 2, 2; 9, 9; 69, 1; 78, 6]. Встречается унифасиальная подправка латералей по дорсальной или вентральной плоскости, выполаживание ударного бугорка. Возможно, что к этой группе может быть отнесена часть скребков, рассматривающихся в группе концевых скребков на пластинчатых отщепах, поскольку в процессе подправки лезвия скребка пластины утрачивали свои технические характеристики.

Н.Н. Диков считает, что такие скребки «типичны для позднего палеолита Северо-Востока Сибири» [Диков, Герасимчук, 1971. С. 186], хотя другой такой скребок был им найден в неолитических материалах со стоянки Сибирдик [Диков, 1979а. Рис. 33, 9]. По Ю.А. Мочанову [1977. С. 205, 206], «одним из наиболее четких показателей присутствия на стоянках остатков сумнагинской культуры являются концевые скребки на массивных пластинах и пластинчатых отщепах». Вместе с тем исследователь считает, что они «не имеют... четкой стратиграфической привязки» [Там же. С. 94].

Отмечается присутствие концевых скребков на пластинчатых отщепах на стоянке Сибирдик в слое III, но в иллюстрациях они представлены фрагментом, не позволяющим получить представление об орудии, поскольку именно концевые части (обе) у него либо сколоты, либо не обработаны [Диков, 1979а. С. 93, 94], так что выглядит оно, скорее, как двойной боковой скребок на пластинчатом отщепе;

б) концевые скребки на пластинах или пластинчатых отщепах изготавливали на двух-, трехгранных пластинчатых отщепах с дугообразно-выпуклым лезвием, обработанным унифасиальной краевой ретушью, направленной с брюшка на спинку, иногда с ретушированными боковыми краями (рис. 12, 2) [Слободин, 1999а. Рис. 60, 1, 3, 6, 8]. На стоянке Хета (нижний культурный комплекс) у скребков этого

типа отмечается усеченный проксимальный конец [Слободин, 1999а. Рис. 10, 1], а на стоянках ИНГ-78 и Мигай, кроме того, лезвие скребков скошено, а сбоку лезвия выделен шип (возможно, в качестве резчика) (рис. 88, 7) [Там же. Рис. 74, 4]. Скребки этого типа более известны на стоянках позднего плейстоцена и голоцена Колымы;

в) двойные концевые пластинчатые скребки отмечены в небольших количествах на Колыме [Слободин, 1999а. Рис. 74, 2] и на Ольском плато на стоянке Олынь. Подобный скребок известен со стоянки Большая Северная на Витиме, отнесенной к сумнагинской культуре [Мочанов, 1977. С. 206-209. Табл. 76, 35];

г) боковые скребки изготавливались на пластинчатых отщепах с лезвием, оформленным ретушью по одному или обоим боковым краям (рис. 33, б) [Слободин, 1999а. Рис. 20, 4].

2. *Концевые скребки (скребочки) на ножевидных пластинках.* Овально-выпуклое, прямое или скошенное влево (вправо) лезвие скребков расположено на дистальном конце пластинки. Характерны для раннеголоценовых [Слободин, 1999а. Рис. 64, 8; 65, 8] и неолитических (рис. 83, 12; 86а, 9, 10, 12-14) стоянок.

3. *Скребки на отщепах.* Здесь различаются как частично, так и полностью обработанные скребки. Отдельно рассматриваются скребки на галечных отщепах:

а) скребки на отщепах с оформленным лезвием и без дополнительной обработки поверхности (кроме изготовленных на галечных отщепах). Дугообразно-выпуклое или прямое унифасиально обработанное короткое лезвие оформлялось по краю отщепа без дополнительной обработки и придания ему определенной формы (рис. 21, 10; 26, 5, 8; 35, 3) [Слободин, 1999а. Рис. 59, 3];

б) концевые скребки (на отщепах) подтреугольной формы. Ретушированием скребкам придавалась подтреугольная форма. Различаются изделия с прямым и слегка выпуклым лезвием и ретушированные либо частично (по одному или обоим боковым краям или по всей спинке) (рис. 19, 19; 26, 2; 35, 2; 65, 5; 69, 9), либо полностью (или почти полностью) со спинки и брюшка [Слободин, 1999а. Рис. 67, 6; 73, 2] (рис. 69, 6; 23, 13);

в) скребки (на отщепах) округлой и овальной формы. Дугообразно-выпуклое лезвие оформлялось на краю отщепа, который почти полностью обрабатывался со стороны спинки унифасиальной ретушью по периметру (рис. 13, 3; 63, 1; 64, 7; 65, 9; 98, 2, 3, 15) или по всей поверхности спинки (рис. 26, 4; 41, 3). Характерны для неолитического времени.

4. *Концевые топорovidные скребки.* Имели двусторонне обработанное лезвие, уплощенно-линзовидное поперечное и продольное сечение. Обрабатывалась большая часть плоских поверхностей скребков (рис. 26, 1; 73, 1). Характерны для позднего этапа ымыяхтахской неолитической культуры [Федосеева, 1980].

5. *Концевой скребок с выделенной рукояткой* (рис. 76, 2).

6. *Скребки на галечных отщепах.* Для их изготовления использовались преимущественно первичные или вторичные отщепы. Выделяются скребки со слегка ретушированным лезвием и без обработки, подправленные грубой ретушью по бокам для закрепления в двуручную поперечную рукоятку (рис. 61, 1; 78, 1-3; 79, 1-3). Их использовали для скобления и размягчения шкур, и, возможно, в дальнейшем будет целесообразно выделить их в отдельную группу скобелей.

Скребла

Представлены одним экземпляром двусторонне обработанного скребла овальной формы (7,5 × 5,5 см), с рабочими лезвиями по обоим продольным краям со стоянки Майка (рис. 52, 1). Оно обработано широкими радиальными сколами по всей поверхности и подправлено мелкой краевой унифасиальной ретушью по лезвиям, с носиком на одном из концов. Сделано из кремнистой породы, имеет линзовидное поперечное и уплощенно-линзовидное продольное сечение. Визуально видны следы залощенности лезвий скребла.

Бифасы

Представляют собой довольно сложную для интерпретации категорию орудий. Термин «бифас» широко используется при описании двусторонне обработанных орудий (обычно крупного размера), найденных на палеолитических памятниках Северо-Востока Азии и Сибири. В зависимости от формы (овальной, листовидной, полулунной) и размера предполагалось, что эти изделия могли быть как клинками ножей, наконечниками или ножами типа «улу» [Мочанов, 1977. С. 70; Аксенов, 1980. С. 90, 91; Алексеев, 1987], так и заготовками клиновидных нуклеусов [Диков, Кононенко, 1990. С. 173-175; Кузнецов, 1992. С. 108,]. Склад из более чем 20 крупных экземпляров таких бифасов овальной, листовидной и подтреугольной формы был найден на стоянке Хетагчан II (рис. 71). Они обработаны довольно грубо (ударной ретушью, без подправки лезвия, часто с плоским обушком) и могут быть незаконченными орудиями (ножами, наконечниками копий). С ними очень сходны бифасы со стоянок в долине р. Гипотетический (рис. 54, 1-3; 55, 1; 56, 1, 2; 57, 1), найденные вместе с заготовками призматических нуклеусов. Невыработанный профиль рабочего лезвия орудий дает основание предполагать, что их обработка не завершена. Мастерская по производству бифасов найдена на стоянке Олынь. Бифасиально оббитые угловато-овальные обушковые изделия (рис. 45-48) на конечной стадии обработки принимали форму листовидно-овальных бифасов-ножей (рис. 49, 1). Возраст их точно неизвестен, но очевидно, что бифасами продолжали пользоваться и в неолите. На это указывают многочисленные находки фрагментов крупных бифасов на неолитических памятниках (рис. 15, 2; 87, 1; 88, 14).

Большая группа бифасиально обработанных орудий, представленных фрагментами оснований, острий или центральной части, может рассматриваться пока только в общем виде в качестве бифасов (рис. 66, 1; 74, 5). Несомненно, что по мере проведения новых исследований изделия из этой группы могут быть отнесены к различным группам орудий, таким, как ножи, наконечники копий и дротиков.

Ножи

В качестве ножей рассматриваются тонкие бифасы овальной, продолговатой с закругленными концами, приостренно-овальной, подпрямоугольной формы, линзовидные или уплощенно-линзовидные в поперечном сечении, с лезвием, подправленным мелкой отжимной ретушью. Важными критериями выделения ножей из группы орудий и фрагментов бифасов являются асимметричность изделий в плане или сечении, профиль лезвия и качество его обработки и обушка. К ножам отнесены также и ретушированные по острому краю с одной или обеих сторон отщепы, кремневые плитки и пластины. Различаются следующие типы ножей:

1. Ножи-бифасы:

а) продолговато-овальной в плане формы. Различаются либо наличием обушка (рис. 11, 7; 49, 1) [Слободин, 1999а. Рис. 11, 6; 25, 2] или асимметричностью в плане (рис. 50, 9; 93, 19, 20), или наличием продольного желобка на одной из сторон бифасов (рис. 7, 1; 13, 7) [Слободин, 1988б. Рис. 2, 9];

б) приостренно-овальной формы. Форма орудий и их поперечное сечение предполагают использование их в качестве ножей (рис. 34, 1; 42, 1) [Слободин, 1999а. Рис. 9, 10];

в) подпрямоугольной формы. Большая часть этих изделий грубо обработана и представлена фрагментами (рис. 9, 1; 14, 5; 15, 3; 35, 1; 91, 13);

г) листовидной формы. Ножами может быть часть изделий удлиненно-листовидной формы с округлым, зауженным или прямым основанием. Определить, ножи это или наконечники копий, достаточно сложно до выделения устойчивых серий целых орудий и получения результатов трассологического анализа (рис. 13, 4, 6; 14, 1, 2; 43, 2; 51, 4; 73, 7) [Слободин, 1999а. Рис. 11, 1, 2; 12, 1; 14, 6; 24, 1];

д) листовидные с косоусеченным лезвием. Характерные орудия поздненеолитической ымыяхтахской культуры Якутии (рис. 64, 16; 72, 6; 99, 9). По нашему мнению, то, что рассматривается у подобных ножей (тип 1, подтип Б, В) в ымыяхтахской культуре как скошенное основание [Федосеева, 1980], судя по характеру обработки и сработанности края, есть скошенное рабочее лезвие, а основанием служит узкая часть орудия, которая насаживалась на костяную или деревянную рукоятку.

2. *Ножи на отщепах*. В качестве лезвия использовался ретушированный край отщепа без изменения формы. Сюда же относятся ножи на плитчатых отдельностях (рис. 7, 2, 4; 22, 8; 23, 10; 33, 5; 41, 2, 4). Выделяются ножи на галечных отщепах (рис. 68, 2).

3. *Черешковые ножи*. Найденные образцы можно разделить на две группы:

а) ножи, которые обнаруживают сходство с изделиями, найденными на Охотском побережье [Лебединцев, 1990а. С. 40, 41, 92-103] и на Камчатке [Пономаренко, 1985. С. 85. Рис. 18; 1989. С. 143, 147, 151], возрастом 2-3 тыс. л. (рис. 90, 9);

б) ножи, которые обнаруживают сходство с позднелеолитическими орудиями Чукотки [Кирияк, 1993а. Табл. 93, 3; 96, 3] (рис. 11, 3; 67, 1; 72, 1).

4. *Ножи на пластинках, пластинах и пластинчатых отщепах*. Их могли использовать самостоятельно, а не как части составного лезвия. Лезвием служили один или оба ретушированных (унифасиально или бифасиально) продольных края (рис. 28, 5) [Слободин, 1999а. Рис. 16, 2; 59, 5]. Имеют широкое хронологическое бытование от палеолита до конца неолита.

Вкладыши

В эту группу отнесены каменные орудия, являющиеся частями составных лезвий костяных и деревянных наконечников и ножей. Выделяются по двум типам:

1. *Целиком ретушированные вкладыши*:

а) подпрямоугольной формы, уплощенно-линзовидные в сечении. Обработаны узкими диагональными фасетками (рис. 12, 4; 44, 5; 50, 6; 68, 1; 91, 8, 9, 11). Известны в позднем неолите Колымы;

б) сегментовидные двусторонне ретушированные (рис. 12, 9; 13, 8; 63, 6; 69, 7; 73, 3; 87, 4). Известны в позднем неолите Колымы.

2. *Вкладыши на ножевидных пластинках*. Для их изготовления использовались преимущественно медиальные сегменты ножевидных пластинок. Часть пластинок, видимо, применяли в качестве вкладышей без подправки лезвия. При использовании их края покрывались ретушью утилизации, такие пластинки включены в группу вкладышей с ретушированными краями. Применялись с палеолита (с минимальной обработкой) до конца неолита (с минимальным и интенсивным ретушированием краев и плоских поверхностей). Выделяются:

а) вкладыши на ножевидных пластинках без ретуши (рис. 11, 5);

б) вкладыши на ножевидных пластинках с ретушированными: одним краем со спинки (рис. 11, 6) [Слободин, 1999а. Рис. 31, 20; 67, 2]; одним краем с брюшка (рис. 15, 4, 5; 33, 15) [Слободин, 1999а. Рис. 31, 18, 23]; одним краем бифасиально [Слободин, 1999а. Рис. 67, 7, 8]; двумя краями со спинки (рис. 50, 4) [Слободин, 1999а. Рис. 65, 3; 67, 3]; двумя краями с брюшка (рис. 20, 6; 30, 2; 33, 16; 81, 11) [Слободин, 1999а. Рис. 67, 9]; а также с противоположающей ретушью (рис. 86а, 7) [Слободин, 1999а. Рис. 67, 4]; ретушированные полностью со стороны спинки [Слободин, 1999а. Рис. 61, 12; 66, 7]; с ретушированным торцом (рис. 9, 6; 23, 3; 29, 2; 81, 10) [Слободин, 1999а. Рис. 61, 11]; с притупляющей ретушью по одному краю при необработанном втором (рис. 77, 2, 3); со скошенным краем (рис. 82, 11) [Слободин, 1999а. Рис. 61, 3, 4; 63, 1-5].

Вкладыши со скошенным краем, вероятно, вставлялись в оправу крайними к острию, чтобы обеспечить плавный переход от обоймы к режущей кромке вкладышей. Подобные изделия отмечаются в сумнагинской культуре [Мочанов, 1977. С. 242], однако там они несколько иного типа. В Северо-Западной Якутии такой тип изделий не выделяется [Аргунов, 1990. С. 171]. Не отмечены они и в типологической таблице для ымыяхтахской культуры [Федосеева, 1980. С. 181]. Их функцию, видимо, выполняли пластинки удлиненно-треугольной формы с заостренным концом [Кирияк, 1993б. С. 5, 6]. Подобные изделия известны на Олекме, где они определены как резчики [Алексеев, 1987. Рис. 3, 4].

Резцы

Они составляют значительную часть каменных орудий, что свидетельствует о важной роли изделий из кости и дерева, которые ими обрабатывали. Выделяются трансверсальные, угловые, полиэдрические разновидности резцов. Большую сложность представляет выделение резцов на отщепах и ножевидных пластинках. Возможно, их значительно больше, но к их выделению нужно подходить очень осторожно, чтобы не причислить к группе резцов все отщепы и пластинки с острым краем. Среди резцов выделены:

1. *Трансверсальные резцы*. Изготавливались на пластинчатых заготовках, как правило, с ретушированными латеральными. Резцовый скол под разным углом заострения рабочей кромки ($90-60^\circ$) наносился поперек заготовки (диагонально).

Трансверсальные резцы пока слабо представлены на Верхней Колыме. Один найден на стоянке Хета. По технологическим характеристикам к этой группе отнесено еще несколько экземпляров со стоянки Хета [Слободин, 1999а. Рис. 12, 7]. Другой экземпляр найден в комплексе с орудиями неолитического времени на стоянке Хуренджа II. Находки трансверсальных резцов с большой долей уверенности можно прогнозировать для Верхней Колымы, поскольку они хорошо представлены на палеолитической стоянке Дручак-Ветреный в Северном Приохотье [Воробей, 1992. С. 43-45]. Р.С. Васильевский и С.А. Гладышев [1989. С. 104], подводя итог исследованиям палеолита Южного Приморья, заключают, что «сочетание клиновидных нуклеусов и трансверсальных резцов связывает целый ряд памятников... территории Северо-Восточной Азии, от Прибайкалья до Тихоокеанского побережья». На наш взгляд, эту мысль можно продолжить, включив в перечень территорий Крайний Северо-Восток, где подобное сочетание присутствует на стоянках Ушки, Дручак-Ветреный, Хета, и Аляску с подобными орудиями в комплексе Денали на стоянке Драй Крик [Powers 1990. Р. 62. Fig. 4, b, e].

2. *Угловые (боковые) резцы*. Резцовый скол у них наносили вдоль одной или обеих латералей пластинки или отщепа. Имеют широкое территориальное и хронологическое распространение - с палеолита до конца неолита. Одни исследователи характеризуют их как резцы с боковыми сколами [Кузнецов, 1992], или боковые [Дикова, 1979б], другие - как угловые [Медведев и др., 1981; Федосеева, 1980; Алексеев, 1987]. Встречается употребление обоих терминов, хотя критерии различия не определены [Мочанов, 1977; Диков, 1979а]. Предлагается выделение боковых резцов по углу резцового лезвия, который у них равен приблизительно 90° [Воробей, 1996б]. Выделяются подтипы:

А. Угловые продольные резцы на ножевидных пластинках. Угол резцовой кромки, близкий к 90° . Они делятся на:

а) угловые продольные ординарные (рис. 86а, 11) [Слободин, 1999а. Рис. 30, 18; 31, 28-31; 66, 5; 75, 5]. Резцовый скол наносился с торца по одному краю пластинки. Выделяются резцы с ретушированным торцом, примыкающим к резцовой кромке (рис. 91, 4). Среди последних выделяется экземпляр с рудиментарным поперечно-диагональным (кроме продольного) сколом, который был затем заретуширован с торца пластинки так, что рабочая кромка резца образована только продольным сколом и ретушированным торцом (рис. 83, 14);

б) угловые продольные двойные (рис. 24, 6). Резцовый скол наносился с одного торца по обоим краям пластинки. Выделяются резцы с ретушированным торцом, примыкающим к резцовой кромке [Слободин, 1999а. Рис. 66, 2, 3].

Б. Угловые резцы на пластинчатых отщепах и отщепах. Они делятся на:

а) угловые продольные ординарные [Диков, 1979а. Рис. 27, 2, 3];

б) угловые продольные двойные с ретушированным торцом, примыкающим к резцовой кромке (рис. 74, 4; 75, 2).

3. *Угловые комбинированные резцы*. Выделяются их подтипы:

А. Угловые комбинированные ординарные. Их оформляли пересечением диагонального и продольного (латерального) сколов. Края заготовки резца ретушировались [Слободин, 1999а. Рис. 12, 5, 6].

Б. Угловые комбинированные двойные [Слободин, 1999а. Рис. 10, 3]. Найдены в нижнем слое стоянки Хета. Находят аналогии в материалах со стоянки Устиновка IV в Приморье [Крупяно, 1991. С. 37], где их рассматривают в группе трансверсальных.

4. *Полиэдрические резцы*. Они имеют на одном конце орудия рабочее лезвие (головку), оформленное множественными продольно-радиальными резцовыми сколами, расходящимися по его периметру (не более чем на 2/3 длины орудия) через одну (условно) точку на оси заготовки. Они различаются преимущественно формой, обработкой и поперечным сечением рукоятки (тела). Характерны для неолитических культур Якутии и Чукотки. Выделяются полиэдрические резцы:

- а) с нуклевидной рукояткой (рис. 3, 8; 9, 3; 58, 1; 62, 4);
- б) с трехгранной рукояткой (рис. 14, 7; 20, 11; 27, 6);
- в) с аморфной или почти необработанной рукояткой (рис. 13, 2);
- г) с четырехгранной рукояткой (рис. 18, 7);
- д) двойной с четырехгранной рукояткой (рис. 81, 4);
- е) с линзовидной или овальной в сечении рукояткой (рис. 9, 7; 27, 3; 69, 5).

5. *Многофасеточные односторонне-выпуклые* (рис. 21, 11; 94, 2). Их особенностью является то, что головка не по всей окружности обработана резцовыми сколами. Н.Н. Диков [1979а. С. 91, 92] определяет такой резец из нижнего слоя стоянки Конго как «микроизделие ладьевидной формы». Известны в сумнагинской культуре [Мочанов, 1977. Табл. 59, 7]. На Верхней Колыме представлены на неолитических памятниках.

6. *Срединные резцы*. Изготавливались на пластинах и пластинчатых отщепах нанесением пересекающихся в плоскости заготовки как минимум двух (реже трех-четырех) диагональных резцовых сколов с резцовым острием, расположенным по оси заготовки. Латерали заготовок ретушировались (рис. 33, 4; 69, 2, 4; 91, 3).

Резчики

Выделяются резчики клювовидного типа. Они составляют группу изделий, сделанных на отщепах или пластинчатых отщепах, отличающихся от резцов тем, что лезвие у них оформлено не резцовыми сколами, а крутой унифасиальной ретушью исключительно с дорсальной плоскости в форме клюва (обычно с небольшим изгибом). Корпус (тело) у них отделен от лезвия одним или двумя плечиками, имеет односторонне-выпуклое поперечное сечение, ретуширован полностью или по краям с дорсала и частично со стороны вентрала (по краям и со стороны ударного бугорка) (рис. 24, 5; 60, 11; 65, 6-8; 68, 4; 69, 1, 3; 82, 5; 98, 14). Известны на стоянках неолитического времени.

Выделяется комбинированный тип резцов-резчиков; это изделия с ретушированным острием и резцовым сколом (реже сколами) по одному краю, нанесенным поверх ретуши (рис. 24, 3; 35, 7; 64, 12). Встречаются вместе с резцами клювовидного типа.

Привлекает внимание резчик на халцедоновой галечке с двумя резцовыми лезвиями, оформленными ретушью, и резцовыми сколами на противоположных краях, с выделенным шипом посередине, опираясь на который, можно проводить окружность радиусом 1,7 см (рис. 18, 9). Изделие было найдено на стоянке Хуренджа VI. Интересно, что рядом, на стоянке Хуренджа V, найдены плоские кольца из агальматолита (рис. 14, 11), одно из которых имеет радиус примерно 1,35 см.

Наконечники

В этой группе рассматриваются наконечники копий, дротиков и стрел. Особую сложность представляет выделение в орудийных комплексах наконечников копий и дротиков.

При разработке типологии каменных орудий Якутии данные изделия не выделяются в отдельный тип, а рассматриваются в качестве ножей или бифасов с оговоркой, что их могли использовать как наконечники копий и дротиков [Федосеева, 1980; Алексеев, 1987; Аргунов, 1990]. Отсутствуют критерии выделения таких орудий в классификации для Чукотки, Камчатки и севера Охотского побережья [Диков, 1979а].

Наконечники копий и дротиков. На материалах археологических коллекций с Верхней Колымы и Континентального Приохотья выделяется группа изделий, обладающих рядом характеристик, которые позволяют рассматривать их как наконечники копий и дротиков. К ним относятся бифасиально обработанные орудия крупных размеров, листовидной формы, с уплощенно-линзовидным сечением, с зауженным, по сравнению с более массивным острием, насадом (рис. 55, 2; 74, 3; 75, 3) [Слободин, 1999а. Рис. 11, 1, 2; 23, 4; 24, 3]. По этнографическим данным известно, что наконечники стрел могут быть довольно больших размеров, до 10 см [Bogoras, 1904-1909. Р. 156], поэтому при рассмотрении размеров орудий учитывались и такие их характеристики, как пропорции, симметричность, массивность, форма, характер и качество обработки лезвия. Другую группу - орудия листовидной формы с округлым или прямым основанием, как уже отмечалось нами, можно отнести к группе ножей, однако не исключено, что часть их использовалась в качестве наконечников копий и дротиков (рис. 14, 1, 2).

Наконечники стрел. Выделяется несколько типов, различающихся формой, которую придавали изделиям вторичной обработкой, исходной заготовкой (пластина, отщеп) и поперечным сечением:

1. *Листовидные наконечники с уплощенно-линзовидным сечением* (рис. 82, 3; 85, 1; 93, 9) [Слободин, 1999а. Рис. 9, 7; 14, 3; 21, 2, 3, 5; 80, 2]. Встречаются на памятниках палеолита и неолита. Среди них выделяются:

а) листовидные с округлым основанием (рис. 82, 2);

б) усеченно-лизовидные (рис. 70, 4).

2. *Наконечники стрел треугольной в плане формы, двусторонне ретушированные, уплощенно-линзовидные в сечении.* Разновидности выделяются по форме основания и боковых сторон. Широкое распространение получили в неолите, хотя отдельные экземпляры (возможно, более поздняя примесь) найдены на раннеголоценовой стоянке Уи [Слободин, 1999а. Рис. 61, 13]. Они подразделяются на:

а) равносторонние с прямым основанием (рис. 34, 8);

б) равносторонние с выемчатым основанием (рис. 3, 6);

в) с прямым основанием и параллельными (иногда слегка выпуклыми) боковыми сторонами, сходящимися у острия (рис. 19, 11; 44, 2). Сюда могут быть отнесены наконечники со стоянки Малтан [Диков, 1979а. Рис. 35, 2];

г) удлинненно-треугольные с прямым или слегка вогнутым основанием (рис. 15, 7, 8; 32, 9; 66, 7, 8; 67, 6; 69, 8; 91, 10) [Слободин, 1999а. Рис. 61, 13];

д) удлинненно-треугольные с выемчатым основанием (рис. 72, 5);

ж) удлинненно-треугольные с выемчатым основанием и асимметрично выделенным шипом (рис. 34, 5; 85, 10). Характерный тип средненеолитического времени;

з) асимметрично-треугольные (рис. 18, 5; 19, 16; 23, 11).

3. *Ромбовидные в плане наконечники стрел.* Найдены на неолитических памятниках Верхней Колымы (рис. 82, 1; 98, 16).

4. *Черешковые, уплощенно-линзовидные в сечении, двусторонне ретушированные наконечники стрел.* Подразделяются на:

а) черешковые с подтреугольным черешком и слегка выделенными плечиками (рис. 25, 1; 50, 7);

б) черешковые с четко выраженными плечиками и прямым черешком (рис. 91, 6; 98, 1) [Слободин, 1999а. Рис. 14, 4; 80, 1]. Такие наконечники на Северо-Востоке Азии связываются с палеолитическими ушковскими из седьмого слоя [Диков, 1979а; Кирьяк, 1993а; Воробей, 1993].

5. *Черешковые треугольные в поперечном сечении.* Имеют короткий приостренный черешок, плечики четко выделены (рис. 21, 8; 24, 1, 2). Со стороны брюшка ретушированы частично. Они отличаются от пластинчатых черешковых наконечников коротким, треугольной формы пером и поперечным сечением. Найдены на Ольском плато на неолитических стоянках Хуренджа VIII и Нил-Устье.

6. *Черешковые односторонне-выпуклые в сечении (айонского типа).* Ранее они были найдены на ряде неолитических стоянок Чукотки (Айон, Экиатапский могильник, Липчиквыгытгын I. Эльгыгытгын и др.) [Диков, 1979а; Кирьяк, 1993а] и до последнего времени не были известны на Колыме, где сейчас представлены только на одной стоянке - Хетагчан (рис. 65, 3; 67, 2, 5; 68, 7). Характерные черты этих наконечников - односторонне-выпуклое поперечное сечение, прямой черешок, изогнутый в продольном сечении профиль. Ряд наконечников не полностью ретуширован по плоской поверхности, пред-

ставляющей собой брюшко пластинчатого отщепа, использованного для их изготовления. Их своеобразие даже для комплексов Чукотки давно отмечено [Там же]. Но при этом своего отличительного названия они не получили (как, например, напильниковидные), и авторы используют описательные характеристики (иногда различные даже в рамках одной работы), что затрудняет их идентификацию. Особенно важно понимать их отличие от пластинчатых черешковых наконечников уолбинского типа [Мочанов, 1977; Кашин, 1983; Слободин, 1999а]. По наиболее выразительному комплексу подобных наконечников со стоянки Айон мы предлагаем называть их наконечниками айонского типа.

7. *Пластинчатые черешковые наконечники стрел*. Выделены А.П.Окладниковым на оз.Уолба в Якутии. Имеют подтреугольный черешок. Найдены на раннеголоценовых стоянках. Различаются по степени обработки. Подразделяются на:

- а) частично ретушированные по черешку и острию [Слободин, 1999а. Рис. 73, 1];
- б) полностью ретушированные [Слободин, 1999а. Рис. 61, 5].

8. *Напильниковидные наконечники стрел*. Рассматриваются как характерное изделие ымыяхтахской культуры [Федосеева, 1980]. Широко распространены на Чукотке [Кирияк, 1993а]. На Верхней Колыме представлены единичными экземплярами (рис. 64, 10; 75, 7; 97, 1).

9. *Шлифованные наконечники стрел треугольной формы в плане*. Полностью шлифованных наконечников не найдено. Имеющиеся образцы со стоянок Нил IV, Джугаджака III и Малтан I пришлифованы с боковых поверхностей (рис. 11, 1; 38, 2, 3, 4).

Рубящие орудия

К ним отнесены тесла, топоры и долота. На исследуемой территории они составляют немногочисленную группу изделий. На ряде памятников об их присутствии свидетельствуют шлифованные осколки (рис. 22, 7; 81, 16; 85, 8). Несмотря на то что все исследователи, классифицирующие материал по территории или культурам на Северо-Востоке Азии, так или иначе занимались разделением рубящих орудий на группы [Федосеева, 1980; Аргунов, 1990; Алексеев, 1987; Кирияк, 1993а], критерии выделения среди них тесел, топоров и долот еще не в достаточной мере разработаны. Если для группы изделий ымыяхтахской культуры Якутии, относимых к «долотам», дается определение, что это «*орудия, которые вставлялись в костяную или деревянную рукоятку*» [Федосеева, 1980], то критерии определения остальных групп рубящих орудий не конкретизированы, хотя понятно, что они также вставлялись в рукоятку. Н.Н. Диков [1979а. С. 307] вполне справедливо определяет отличие топоров от тесел «симметричностью рубящего края», хотя проследить это по составленным им таблицам орудий достаточно сложно [Там же. С. 322, 333]. Конкретизируя мысль об асимметрии лезвия у тесел, отметим, что лезвие у них сминуто относительно осевой линии (в продольном сечении) к одной из широких плоскостей.

В исследуемом районе общее количество рубящих орудий незначительно, поэтому в классификацию попадают почти все орудия. Лишь несколько орудий составляют «серии» из двух экземпляров. Наиболее логично они распадаются на две группы - шлифованные и нешлифованные орудия.

Нешлифованные орудия

Подразделяются на:

1. Удлиненно-треугольное в плане орудие с подтреугольным сечением обушка и линзовидным лезвием. Ретушировано по всей поверхности. Обушок более массивен, чем симметрично расположенное лезвие [Слободин, 1999а. Рис. 59, 6]. Датировано ранним голоценом.

2. Продолговато-овальное в плане, овально-линзовидное в сечении, полностью ретушированное, с дугообразно-выпуклым лезвием (относительно симметричным) (рис. 11, 4). Найдено в составе неолитических материалов.

3. Ретушированное по всей поверхности, подтреугольное в плане, плоское, подпрямоугольное в поперечном сечении изделие со скошенным обушком и симметрично расположенным лезвием [Слободин, 1999а. Рис. 67, 1]. Датировано ранним голоценом.

4. Тесло с ушками, найденное С.П.Кистеневым на стоянке Мигай на Верхней Колыме (рис. 88, 10) и описанное им как «обломок двусторонне ретушированного орудия с “ушками” (вкладышевое тесло?)» [Кистенев, 1993]. В.Г.Аргунов [1990. С. 178] относит такие изделия к топорам. Возможно, что фрагментом лезвия такого орудия является находка из халцедона с сильно забитым лезвием овальной формы со стоянки Немичан (рис. 85, 5). Датруется средним неолитом.

5. Тесло небольших размеров, с овальной в сечении рукояткой и линзовидным в сечении лезвием, ретушированное, с подработкой лезвия и рукоятки с одной стороны пластинчатыми снятиями (рис. 36, 2). Датировано неолитом.

6. Рубящее орудие на продолговатой в плане гальке, оббитой широкими сколами с одной стороны. На обратной поверхности - галечная корка. Лезвие симметричное, дугообразно-выпуклое, подправлено мелкой краевой ретушью (рис. 32, 6). Датировано неолитом.

7. К топорам отнесено крупное орудие с массивным необработанным обушком и симметричным дугообразно-выпуклым, двусторонне ретушированным лезвием, имеющим линзовидное поперечное сечение [Слободин, 1999а. Рис. 68]. Найдено в составе раннеголоценовых материалов.

8. Чопперы. Изготовлены на крупных гальках, оббитых по одному краю. Широко представлены по всему ареалу исследования. Предполагается, что они появились на Колыме в конце плейстоцена и составляли основу орудийного комплекса раннеголоценовой сибердиковской культуры [Диков, 1979а]. Присутствуют в неолитических комплексах (рис. 8, 3) [Там же] и на стоянках палеометалла (рис. 84, 1, 2) [Кирияк, 1993а].

Шлифованные орудия

Они относятся к неолиту и подразделяются на:

1. Удлиненно-треугольное в плане, четырехугольное в сечении тесло, частично шлифованное по поверхности и с отшлифованным, асимметрично расположенным лезвием (рис. 91, 1). Датруется средним неолитом.

2. Небольшое плоское тесло (долото?) подпрямоугольной формы с овальным обушком (обработанным двусторонней краевой ретушью). Имеет односторонне-выпуклое поперечное сечение: одна плоскость ретуширована, другая - шлифованная. Лезвие прямое, шлифованное (рис. 28, 6). Датруется поздним неолитом.

3. Плоские, подпрямоугольной в плане формы, шлифованные с обеих сторон и ретушированные по лезвию (рис. 70, 2, 3) топоры или тесла. Одно из них (рис. 70, 2), возможно, было переоформлено под резец. Датуются поздним неолитом.

4. Тесла (2 экз.) овальные в плане с массивным подтреугольным в поперечном сечении обушком и уплощенным линзовидным в сечении лезвием. Первоначально изготовлены оббивкой, затем отшлифованы и опять частично отретушированы (рис. 65, 1). Датуются поздним неолитом.

5. Тесло подпрямоугольной формы в плане и квадратной в поперечном сечении. Продольное сечение - односторонне-выпуклое. Все плоские поверхности тесла тщательно оббиты, на одной из боковых сторон орудия сохранились остатки шлифовки. Возможно, шлифовка занимала значительно большую площадь его поверхности, но низкое качество сырья, из которого оно было изготовлено, привело к выветриванию и сильной патинизации шлифованной поверхности, затрудняющей ее фиксацию (рис. 100). Датуются ранним или средним неолитом.

Проколки

Выделяются следующие типы с рабочим лезвием, оформленным ретушью:

1. Проколки на ножевидных пластинках [Слободин, 1988б, рис. 2, 7; 1999а. Рис. 10, 2]. Датируются, как и микропластинчатые индустрии, от палеолита до неолита.

2. Проколки на отщепах (рис. 21, 12; 75, 1).

Сверла

Единственным экземпляром на Верхней Колыме представлено каменное сверло листовидной формы с округлым основанием и линзовидным сечением. Рукоятка (тело) его ретуширована с обеих сторон (рис. 63, 9). Острие сверла от работы скруглено, заполировано и имеет концентрические следы по окружности острия. Вероятно, сверло вставлялось в древко и использовалось при сверлении лучковым сверлом. Датируется поздним неолитом.

Отбойники

Представлены продолговатыми гальками без специальной обработки или ретуширования. Следы от использования в виде выщерблин и забитости фиксируются на концах галек (рис. 8, 1) [Слободин, 1999а. Рис. 62, 1].

Абразивы

Представлены плоскими подпрямоугольными плитками песчаника. Использовались для шлифовки тонких, длинных изделий, вероятно, костяных шильев и игл [Слободин, 1999а. Рис. 56, 13]. Предварительно датированы неолитом.

Керамика

На Верхней Колыме и в Континентальном Приохотье найдено небольшое количество фрагментов керамики, преимущественно без венчиков, по которым выделены следующие ее типы:

1. Шнуровая керамика с зубчатым орнаментом по венчику и сквозным отверстием под ним. Толщина стенок 0,5-0,6 см (рис. 83). В Якутии распространена на памятниках белькачинской культуры III тыс. до н.э. [Мочанов, Федосеева, 1976].

2. Вафельная керамика. Форма венчика неизвестна. Толщина стенок 0,5-0,6 см. Отмечается слоистость. Различаются крупные (рис. 22, 13) и мелкие (рис. 87, 3) размеры ячеек штампа. По форме отпечатков выделяются подпрямоугольные и ромбовидные [Слободин, 1999а. Рис. 72, 7]. В Якутии относится к материалам ымыяхтахской культуры II тыс. до н.э. [Мочанов, Федосеева, 1976].

3. Керамика с рубчатым венчиком. Найдена на стоянке Малтан. Предполагаются различные ее датировки - от III тыс. до н. э. до раннего железного века [Диков, 1979а. С. 102; Лебединцев, 1990а. С. 130, 212].

4. Гладкостенная керамика. В изломе двойная, без следов технического штампа или орнамента на поверхности. Предположительно датируется ранним железным веком [Кистенев, 1993. С. 25, 26].

Малочисленность керамики может служить свидетельством большой подвижности древних верхнеколымских племен, вызванной мобильностью популяции горно-лесных оленей, на которых они охотились, не подверженной крупным миграциям по постоянным маршрутам [Чернявский, 1984].

Анализ каменного инвентаря и керамики Верхней Колымы и Континентального Приохотья показывает разнообразие форм каменных орудий и способов их обработки древним человеком. Отмечается определенное типологическое своеобразие исследованного материала по сравнению с материалом Якутии, Чукотки, Камчатки. В то же время по многим типам каменных орудий прослеживаются некоторые связи района исследований с перечисленными регионами, что свидетельствует в пользу общности культурно-исторических процессов, происходивших на Северо-Востоке Азии в позднеплейстоценовое и голоценовое время.

Глава 5. ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА ВЕРХНЕЙ КОЛЫМЫ И КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРИОХОТЬЯ

Эпоха неолита на Верхней Колыме и в Континентальном Приохотье представляет собой длительный и многоплановый процесс развития нескольких различных по облику и времени существования и, возможно, территории распространения культурных формирований. Время их становления, развития, последовательной смены друг друга и, возможно, сосуществования охватывает период более 4 тыс. лет. Еще не все этапы неолита Верхней Колымы освещены нами в равной мере, но и имеющийся материал позволяет заполнить достаточно большой пробел в наших знаниях об этой исторической эпохе.

Исследования показывают, что формирование неолитических культур на Верхней Колыме в определенной мере проходило на основе более древних местных раннеголоценовых традиций, с которыми у них, наряду с появлением нового в материальной культуре, осталось много общего. Изменения в каменобрабатывающей технике при переходе от раннеголоценовых культур к неолиту не были так ярко выражены, как при смене плейстоценовых культур раннеголоценовыми.

Так же, как и в большинстве других районов Северо-Восточной Азии, на Верхней Колыме в неолите отмечается появление в хозяйстве древних племен керамики и шлифованных орудий. Однако они не получили широкого распространения. Появление новых технологий, вероятнее всего, следует связывать с продвижением на север кочевых охотничьих племен, начавшимся еще в палеолите и закончившимся в историческое время. В неолите это продвижение «усилилось и приобрело четкие формы» [Окладников, 1955. С.133]. Этот тезис подтверждается как количеством неолитических памятников в районе исследования, так и объемом культурных материалов, найденных на них.

Своеобразие культурным процессам, происходившим на Верхней Колыме в неолите, придает то промежуточное положение, которое Колыма занимает между такими крупными географическими и самобытными в культурном отношении регионами, как Якутия, Дальний Восток, с одной стороны, Чукотка, Камчатка и Приохотье - с другой. На всех этих территориях в основном уже завершился процесс выделения неолитических культур, и на данном этапе происходит уточнение территории их распространения и хронологических рамок бытования. Несомненно то, что племена с Верхней Колымы поддерживали связь с населением сопредельных территорий, и поэтому для понимания культурно-исторических процессов, происходящих в районе исследований в неолите, необходимо их рассматривать в связи с событиями, имевшими место в то же время в соседних с Верхней Колымой и Континентальным Приохотьем районах.

По-видимому, первым, кто обратился к проблеме выделения неолитических комплексов на Колыме, был А.П. Окладников. Находки, сделанные им на нижнеколымских стоянках, свидетельствовали, по его мнению, о том, что *«из-за особо суровых условий северных территорий неолитическое население могло заниматься только охотой, собирательством и рыбной ловлей. В остальном же ее (Колымы. - С.С.) культура ничем не уступала по уровню своего развития культуре южан. Неолитические жители Колымы умели одинаково искусно шлифовать и пилить камень, изготавливать прочную глиняную посуду и многое другое, как и их южные соседи у Олекминска или Якутска»* [Окладников, 1955. С. 133, 134]. На стоянках древних обитателей Нижней Колымы найдены наконечники стрел на частично ретушированных тонких ножевидных пластинках, в том числе с черешком, трехгранные напильниковидные, обработанные со всех сторон (в виде «подпилка»), керамика с «шахматными вдавлениями в виде сетки» [Окладников, 1947а. С. 178, 179]. Аналогии этим изделиям А.П. Окладников находит в Якутии, Карелии и Прибалтике, что, по его мнению, не может быть объяснено одной только конвергенцией или диффузией изолированных культурных элементов. С запада, считает А.П. Окладников, и появились около 4 тыс. л.н. в низовьях Колымы ее древние обитатели - озерные рыболовы и бродячие охотники лесотундры, имевшие какую-то связь не только с Нижней Леной, но и с западными областями Севера [Там же]. Археологические материалы, полученные нами во время работ на Верхней Колыме, в целом подтверж-

дают правильность этих самых первых выводов А.П. Окладникова о том, что заселение Колымы в древности шло с западных территорий. Вместе с тем имеющиеся материалы позволяют с иной позиции рассматривать ранее считавшиеся «не заселенными в древности человеком», как предполагал А.П. Окладников, таежные верховья Колымы.

Значительно древнее, чем 4 тыс. л., как это первоначально предполагалось на основании имеющихся материалов, оказался и период первоначального освоения Колымы, уходящий в плейстоцен. При этом самые древние следы этого освоения, хорошо документированные и датированные, найдены именно на Верхней Колыме на стоянках Уптар, Хета [Слободин, 1999а], причем верхние слои последней стоянки содержат свидетельства существования здесь и более поздних неолитических культур.

К западу от Колымы, в Якутии, в неолите, в конце V-IV тыс. до н.э. появляются керамика и полностью шлифованные орудия. К раннему этапу неолита Якутии относится сылахская культура [Мочанов, 1969а. С. 145, рис. 19; Мочанов, Федосеева, 1980. С. 3-13; Археологические..., 1983. С. 13-21; Археологические..., 1991. С. 11-20]. В ее ареал включаются, помимо Якутии, низовья Колымы, Чукотка, а также левобережье Верхней Колымы. Наиболее показательным признаком этой культуры, по которому выделяются ее материалы, в том числе на памятниках со смешанными слоями, является сетчатая керамика с орнаментом из одного ряда сквозных дырочек, расположенным под бортиком венчика. В каменном инвентаре присутствуют двусторонне обработанные иволистные наконечники стрел, шлифованные полулунные ножи, прямоугольные шлифованные, иногда ступенчатые тесла, угловые резцы, вкладыши, проколки и концевые скребки из пластин, многофасеточные срединные резцы с нуклевидной рукояткой, пластинчатые наконечники стрел, а также костяные наконечники гарпунов [Там же].

В конце IV тыс. до н.э. сылахская культура сменяется среднеолитической белькачинской, основным индикатором которой считается шнуровая керамика с горизонтальным рядом сквозных дырочек под венчиком. В состав каменного инвентаря входят шлифованные тесла с высокой спинкой, топоры с ушками, киявовидные комбинированные орудия, иволистные и овальные двусторонне обработанные ножи и наконечники копий, иволистные и треугольные двусторонне обработанные наконечники стрел, многофасеточные срединные резцы с нуклевидными ретушированными рукоятками, орудия на пластинах, костяные изделия [Там же]. В ее ареал, по мнению исследователей, входила большая часть территории Северо-Восточной Азии, включая Колыму, Приохотье, Западную и Центральную Чукотку [Там же].

В конце III тыс. до н.э. белькачинская культура сменяется ымыяхтахской, просуществовавшей на Северо-Востоке Азии до XIV-XIII вв. до н.э. Основным ее индикаторным признаком считается вафельная и рубчатая керамика с применением шерсти и остатков растительных волокон [Там же]. Не менее характерны, однако, и каменные изделия ымыяхтахской культуры, по ряду элементов резко отличные от изделий предшествующих ей неолитических культур. Среди ымыяхтахского каменного инвентаря выделяются тщательно ретушированные трех- и четырехгранные так называемые напильниковидные наконечники стрел, треугольные наконечники стрел, двусторонне ретушированные прямоугольные вкладыши, небольшие подтреугольные концевые скребки с обработанной спинкой, многофасеточные резцы с нуклевидной или трехгранной ретушированной рукояткой, небольшие шлифованные тесла подпрямоугольной в плане формы и др. [Мочанов, Федосеева, 1976. С. 524, рис. 14; Федосеева, 1980. С. 174-205, рис. 102]. Из бассейна Лены ымыяхтахская культура, по мнению ряда археологов, распространилась почти по всей Северо-Восточной Азии, заняв, как предполагается, северную часть Камчатки [Археологические..., 1991. С. 17] и Приохотье [Федосеева, 1980. С. 206, 207].

На Западной Чукотке отмечается с некоторым «запаздыванием» по сравнению с Якутией распространение тех же неолитических культур. Отсутствие радиоуглеродных датировок делает возможным только технико-типологическое сравнение для определения возраста и культурной принадлежности большинства выделенных здесь комплексов. Ранний неолит представлен здесь «однослойной несмешанной стоянкой Б. Нутенеут II» и датирован по присутствию на стоянке сетчатой сылахской керамики IV - первой половиной III тыс. до н.э. [Кирьяк, 1989. С. 7, 8].

В среднем неолите, в III тыс. до н.э., на Западной Чукотке распространяется культура, все материальные компоненты которой «находят аналогии в белькачинской культуре Якутии» [Там же. С. 9].

В позднем неолите на Западной Чукотке выделяется несколько этапов, один из которых относится к ымыяхтахской культуре в ее северном варианте (II тыс. до н.э., нижняя граница 4290 ± 100); другой

соотносится с усть-бельской культурой центральной Чукотки и датируется началом I тыс. до н.э., и последний по технико-типологическим показателям находит аналогии в усть-бельском и бурулгинском (ымыяхтахская культура) комплексах и датируется серединой I тыс. до н.э. [Там же. С. 9-13]. Таким образом, наблюдается позднее «переживание» ымыяхтахской культуры на Чукотке по сравнению с Якутией, где уже в конце II тыс. до н.э. ымыяхтахскую неолитическую культуру сменяет усть-мильская культура эпохи бронзы.

Эти исследования показывают, что предполагаемое ранее «запаздывание» в появлении сетчатой и шнуровой керамики на Чукотке по сравнению с Якутией, при котором нижняя граница возраста сетчатой керамики определялась III тыс. до н.э., а шнуровой - I тыс. до н.э. [Диков, 1979а. С. 134], было незначительным.

Определенное влияние неолита Якутии на неолитическую культуру Чукотки, по мнению Н.Н. Дикова, выражалось в распространении там сетчатой, шнуровой и вафельной керамики и некоторых характерных типов каменных изделий (трехгранных наконечников, ступенчатых тесел и др.) [Там же. С. 134-148]. Распространение этого влияния якутских культур на Чукотку шло через Колыму.

На Нижней Колыме предполагается та же смена неолитических культур, в тех же хронологических рамках, что и в Якутии: сылахская - в IV тыс. до н.э., белькачинская - в III тыс. до н.э., ымыяхтахская - во II тыс. до н.э.; это нашло отражение в выводе о том, что *«древние исторические процессы в бассейне Нижней Колымы проходили в тесной связи с Приленской культурной областью»* [Кистенев, 1990. С. 18].

В плане технико-типологических сопоставлений комплексов Верхней и Нижней Колымы важно иметь точное представление об орудийных наборах неолитических стоянок последней. Пока наиболее детально опубликованы данные о стоянках Конзабой, Пантелеиха I, II, III и VIII, Старые Петушки, Гора, Родинка, Помазкино [Федосеева, 1980; Кистенев, 1980; Кашин, Калинина, 1997].

М.А. Кирьяк, исследуя проблему этногенеза юкагиров, приходит к выводу, «что уже в первой половине II тысячелетия до нашей эры ымыяхтахцы», являющиеся, по ее мнению, предками юкагиров, по всей вероятности, достигают колымского рубежа, потеснив аборигенную палеоазиатскую (чукотско-корякско-ительменскую) общность к окраинам Азиатского материка и на Камчатку [Кирьяк, 1989. С. 14-16]. В то же время на Западной Чукотке присутствие ымыяхтахской культуры в ее северном варианте фиксируется материалами стоянки Тытыль IV с вафельной керамикой, полиэдрическими резцами, трехгранными напильниковидными наконечниками, датируемыми еще концом III тыс. до н.э. (абсолютная дата 4290 ± 100 , МАГ 1094) [Кирьяк, 1989. С. 9-11]. Таким образом, если дата со стоянки верна, вопрос о появлении ымыяхтахской культуры на Колыме остается открытым. Возможно, по этой же причине следует расширить нижнюю временную границу позднего неолита до начала III тыс. до н.э. [Там же. Табл.].

Исходя из того, что ымыяхтахской культуре в Якутии, на Нижней Колыме и Западной Чукотке предшествовала белькачинская культура, под аборигенной палеоазиатской (чукотско-корякско-ительменской) общностью, которая, по мнению М.А. Кирьяк, была вытесненной к окраинам Азиатского материка и на Камчатку [Кирьяк, 1989. С. 14-16], подразумевается, видимо, общность, представленная в археологических материалах белькачинской культурой. Однако под этим углом проблема этнического соотношения народов и археологических культур пока не рассматривалась.

Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева [1980. С. 11] предполагают, что с предками чукчей и коряков следует связывать материалы ымыяхтахской культуры, а носителей белькачинской культуры считают предками атапаскскоязычных индейцев; с предками юкагиров они связывают материалы усть-мильской культуры эпохи бронзы. Антропологические исследования черепов из Диринг-Юряхского могильника, который на основании анализа погребальных комплексов отнесен к позднему этапу ымыяхтахской культуры [Федосеева, 1992. С. 102], привели к выводу, что *«обнаруживается наибольшее сходство (черепов. - С.С.) с представителями центральноазиатской расы, а среди них с якутами»* [Гохман, Томтосова, 1992].

Не связывал ни ымыяхтахскую, ни белькачинскую культуру с предками юкагиров Н.Н. Диков, проводивший археологические исследования в районе обитания последних. По его мнению, то, что носители усть-бельской и северчукотской культур были предками *«чукчей, а может быть, эскимосов,*

но не юкагиров..., доказывает антропологический материал Усть-Бельского могильника» [Диков, 1977б. С. 52; 1989б. С. 102]. Палеоантропологические данные (исследования И.И. Гохмана) свидетельствуют о том, что череп, найденный в Усть-Бельском могильнике, близок черепам оленних чукчей и резко отличается от древних черепов, найденных в Якутии, т.е. юкагирских [Диков, 1969. С. 93].

В очерках «История и культура чукчей» [1987] в доказательство позднего появления юкагиров на Колыме и Чукотке приводится вывод исследовавшего юкагирский язык Е.А. Крейновича [С. 33]: «юкагиры не являются аборигенами Крайнего Северо-Востока Азии, ... в эти районы они пришли из каких-то других мест». По данным этнографов, «юкагиры пришли в соприкосновение с чукчами не ранее XIII-XIV вв.» [Там же. С. 48]. По их мнению, об этом свидетельствует и то, что ни в чукотском, ни в корякском фольклоре почти не упоминается о юкагирах, а в исторических преданиях юкагиров имеются прямые указания на то, что, когда они пришли на Колыму, ее берега были заселены чукчами [Там же. С. 34].

В то же время в орнаментальных мотивах из Родинского захоронения на Нижней Колыме, которое получило культурно-хронологическую привязку как «ранние ымыяхтахцы - поздние белькачинцы» [Кистенев, 1992], и с ымыяхтахской стоянки Белая Гора на Нижней Индигирке исследователи видят определенные юкагирские традиции [Там же; Эверстов, 1998].

Противоречивость аргументов и точек зрения, представленных в этом кратком обзоре, свидетельствует о сложных этнокультурных процессах, протекавших на Колыме в неолитическое время, и говорит о важности археологических материалов, найденных на этих территориях, в том числе на Верхней Колыме и в Континентальном Приохотье, для их окончательного выяснения.

Основой выделения неолитических культур на Нижней Колыме послужила керамика. Это имеет свое объяснение. Керамический материал составляет более 13% от всего учтенного и привлеченного к исследованию материала по каменному веку Нижней Колымы, включая ножевидные пластинки, отщепы, костяные изделия [Кистенев, 1990]. На Верхней Колыме и в Континентальном Приохотье требуются другие критерии выделения неолитических культур, поскольку керамический материал в общей массе каменных изделий составляет крайне незначительную часть, не более 0,1%. Керамика здесь найдена лишь на нескольких стоянках - Агробаза IV, Запятая, Хуренджа II, Нил-Устье, Хетагчан, Малтан, Сиббердик, Усть-Эльгенья, Мшистая. За исключением стоянки Агробаза IV, где найдена большая часть раздавленного венчика, все остальные находки представлены маленькими фрагментами, что делает возможным анализ керамики только по орнаменту и качеству теста, исключая выводы о форме сосудов и их венчиков.

Из всех находок керамики можно выделить несколько типов ее орнамента. Керамика с сетчатым орнаментом, относящаяся к сылахской культуре, на Верхней Колыме и в Континентальном Приохотье не найдена. Нет свидетельств ее применения и на Охотском побережье [Лебединцев, 1990а], что пока ограничивает рамки ее распространения территорией Якутии и Чукотки.

Наиболее ранняя из известных на Верхней Колыме (со стоянки Агробаза IV, возраст по радиоуглероду 4790 ± 50 некалиброванных лет) пока шнуровая керамика с зубчатым орнаментом, нанесенным по венчику, и таким же орнаментом и сквозным отверстием под венчиком. Керамика тонкостенная (толщина стенок не превышает 0,6 см). Качество теста и обжига хорошее, слоистость отсутствует, венчик плоский, слегка сплюснен при нанесении на него орнамента. На внутренней поверхности сосуда видны следы ручной формовки изделия. Цвет керамики светло-коричневый. В Якутии и на Чукотке такая керамика относится к среднему неолиту и ассоциируется с белькачинской культурой.

Возможно, что найденный во II слое стоянки Сиббердик «фрагмент керамики тонкостенной, но грубо вылепленной и слегка бороздчатой», предварительно датированной возрастом 6300 ± 170 [Диков, 1977а, С. 115], представляет собой шнуровую керамику и является свидетельством еще более раннего ее появления на Верхней Колыме. Но в дальнейшем керамика была исключена из комплекса II слоя [Диков, 1979а], и вопрос о ее возрасте остается открытым.

Другой тип орнамента керамики, найденной на Верхней Колыме, представляет собой рельефные отпечатки вафельной сетки с прямоугольными ячейками со стоянок Запятая (рис. 87, 3), Нил-Устье на Охотско-Колымском водоразделе (рис. 22, 13) и Хетагчан (рис. 76, 3, 4). По сравнению с вафельной керамикой со стоянки Запятая отпечатки штампа на других памятниках более крупные, но качество керамики значительно хуже. Очень слабо просматривается вафельный (ромбовидный) штамп на керамике со стоянки Усть-Эльгенья [Слободин, 1999а. С. 139]. С этой керамикой связывается распростране-

ние в Якутии, на Чукотке и Нижней Колыме позднеолитического населения Северо-Восточной Азии, объединяемого в Якутии в ымыяхтахскую культуру [Мочанов, 1969а], а на Чукотке, кроме того, в северочукотскую [Диков, 1979а. С. 139]. По этим фрагментам невозможно судить о форме сосудов, отсутствуют и венчики, художественный орнамент которых позволил бы идентифицировать керамику в соответствии с локальными особенностями южных и северных памятников ымыяхтахской культуры [Федосеева, 1980. С. 195, 196]. На Нижней Колыме, как показали исследования, вафельная керамика не имеет, кроме одного фрагмента с резным орнаментом, даже простого в виде ряда сквозных отверстий под венчиком орнамента [Кистенев, 1990. С. 12]. Такое упрощение орнамента керамики на Верхней Колыме наблюдается уже со среднеолитического времени, когда в качестве орнамента на поверхность керамики со стоянки Агробаза IV был нанесен лишь один горизонтальный ряд зубчатых вдавлений и одно (на 2/3 периметра венчика) сквозное отверстие.

Третий тип орнамента представлен фрагментом керамики из верхнего слоя стоянки Малтан, орнаментированного вдоль венчика «рубчатым валиком» [Диков, 1979а. С. 102. Рис. 38, 12]. Керамика, орнаментированная одним или несколькими поясами горизонтальных наlepных рассеченных валиков, является в Якутии индикатором усть-мильской культуры I тыс. до н.э. [Мочанов, Федосеева, 1976. С. 537; Эртюков, 1990. С. 84-92. Табл. 1-24]. Верхний слой стоянки Малтан датируется III-II тыс. до н.э. [Диков, 1979а. С. 100]. А.И. Лебединцев [1990а. С. 212] отмечает, что подобная малтанской керамика с рубчатым валиком встречается на стоянках Охотского побережья, относящихся к концу I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э., и может быть датирована этим временем. находка подобной керамики, по мнению А.И. Лебединцева, свидетельствует о том, что южные традиции распространялись с Нижнего Амура и Сахалина не только вдоль побережья, но и на континентальную часть к северу от Охотского побережья. В связи с находкой нового керамического материала, считает исследователь, *«датировка малтанской керамики III-II тыс. до н.э. весьма условна; вполне возможно, что фрагмент керамики относится к более позднему времени и не связан с позднеолитическим комплексом»* и может быть определен пережиточным неолитом - ранним железным веком [Там же. С. 130]. В пользу этого предположения говорят и некоторые из дат верхнего слоя стоянки Малтан - 1790 ± 25 (МАГ 195) и 1300 ± 200 (МАГ 767) [Ложкин, 1985. С. 68].

На стоянке Хуренджа II найдены несколько небольших обломков тонкостенной керамики с нечеткими отпечатками технического штампа.

На стоянке Мшистая у пос. Дебин найдено 4 фрагмента гладкостенной керамики (рис. 88, 11). Керамика в изломе двухслойная. С наружной стороны она светло-коричневого цвета, с внутренней - зеленоватого. На внешней стороне нет никаких следов технического штампа или орнамента. С.П. Кистенев [1991. С. 1, 2], исследовавший эту стоянку, считает, что, судя по керамике, ее можно отнести к железному веку, а возможно, к эпохе бронзы.

На Верхней Колыме и в Континентальном Приохотье в неолитическую эпоху складываются три крупных района. Первый охватывает обширную территорию верховий р. Омулевка, близ хр. Оханджа, включая окрестности оз. Момонтай и Малык (Оханджийский археологический район). Второй район включает памятники, расположенные по берегам Колымы, на участке от устья р. Тенке до устья р. Буюнда. Третий, самый обширный район, совпадает с территорией Охотско-Колымского водораздела и Континентального Приохотья. Вероятно, такое деление на районы в определенной мере отражает хозяйственную направленность существующих в них культур, но не исключено, что в этом проявилась лишь степень исследованности Колымы.

В Оханджийском археологическом районе, в верховьях р. Омулевка, по берегам оз. Момонтай, Малык, Уи в результате раскопок и на основании подъемного материала выделено несколько различных неолитических комплексов.

Самые ранние из них (предположительно IV тыс. до н.э.) представлены материалами раскопок стоянки Момонтай I. На поверхности террасы были найдены каменные изделия, относящиеся, вероятно, к более поздним, чем материалы раскопок, периодам неолита. В слое на глубине до 10 см среди пятен углистости и каменных конструкций различного назначения (обкладка жилища и, возможно, очаг и наковальня) собран орудийный набор, включающий двусторонне обработанные листовидные наконечники стрел (рис. 93, 9-11), копий (рис. 93, 12-18), двусторонне обработанные ножи (рис. 93, 19, 20), призматические нуклеусы (рис. 93, 1), ножевидные пластинки (рис. 93, 4, 5), некоторые из них обрабо-

таны мельчайшей краевой унифасиальной ретушью (рис. 93, 6-8), полиэдрический резец (рис. 94, 2), скребки на пластинчатых отщепах (рис. 92, 3) и прямоугольные заготовки (рис. 95, 1).

Совершенно инородны в комплексе два нуклеуса (рис. 93, 2, 3), найденные почти на поверхности в пределах раскопа. Их можно отнести к подъемному материалу, площадь распространения которого практически не совпадает с площадью раскопа, лишь незначительно перекрывает ее у восточного края. Пластинки с них и другие изделия или отщепы из сырья, послужившего для их изготовления, полностью отсутствуют в основном культурном слое стоянки.

От предшествующей эпохи в этом комплексе сохранилась техника скалывания крупных пластинчатых отщепов и мелких ножевидных пластинок с призматических нуклеусов. Здесь пока отсутствуют керамика и шлифованные орудия. В то же время ножевидные пластинки уже не играют такой важной роли, как в раннем голоцене. Они составляют лишь 25-26% всех находок (в сравнении с 40-46% в раннем голоцене) и используются только в качестве вкладышей ножей, а не наконечников стрел. Ретушированных пластинок - не более 20% всех орудий комплекса. Преобладают двусторонне обработанные орудия листовидной формы, они составляют не менее 60% всех орудий.

В раннем неолите впервые появляются на Верхней Колыме полиэдрические (многофасеточные) резцы (или резцы-дрили). До недавнего времени они не были здесь известны. Впервые на Верхней Колыме подобные резцы найдены на стоянке Эликчан на р. Яма [Слободин, 1988б. С. 136. Рис. 4, 5]. Имеется более раннее сообщение (устное) о находке подобного резца А.А. Аликовым на оз. Джека Лондона (см. карту), но материалы не были опубликованы. Еще один многофасеточный резец найден геологами в верховьях р. Яна, на руч. Утро. Находка была задокументирована фотографией, послужившей прототипом рисунка [Там же. Рис. 4, 6]. Сообщается о находке полиэдрического резца на стоянке Сибердик [Диков, 1979а. С. 93. Рис. 31, 8]. Это изделие не имеет обработанной рукоятки, выделенного плечиками лезвия и может быть отнесено к полиэдрическим резцам лишь условно.

В Якутии многофасеточные резцы с ретушированной и нуклевидной рукояткой встречаются в единичных экземплярах уже в раннем голоцене в материалах сумнагинской культуры [Мочанов, 1977. Табл. 54, 15; 59, 7]. На Западной Чукотке в раннем неолите многофасеточные резцы, судя по материалам стоянки Большой Нутенеут II, еще не использовались [Кирьяк, 1989. С. 7, 8]. Они появляются здесь в среднем и позднем неолите, полностью вытесняя резцы на пластинках. Так же, как и в Якутии, они имеют нуклевидную и ретушированную рукоятку [Там же. С. 9-12]. Присутствуют многофасеточные резцы и в материалах поздненеолитических северчукотской [Диков, 1979а. С. 138] и усть-бельской [Там же. С. 144] культур на Чукотке. На Камчатке многофасеточные резцы появляются еще позже, чем на Чукотке. Самые ранние из них связывают со среднекамчатской группой тарьинских стоянок [Пономаренко, 1985. С. 166]. В северной части восточного побережья Камчатки полиэдрический резец был найден на стоянке Ивашка, датируемой I тыс. до н.э. [Там же. С. 153, 154. Табл. 42, 12]. Находка подобного резца отмечается и в материалах II поздненеолитического слоя стоянки Ушки I [Диков, 1979а. С. 310]. На западном побережье Камчатки полиэдрические резцы найдены на стоянке Андреевская I [Рубан, 1979. С. 120. Рис. 8, 18-20], Кульки II [Там же. С. 123. Рис. 10, 21, 24] и Палана-Аэропорт [Там же. С. 125. Рис. 11, 7]. Возраст этих памятников - в пределах II-I тыс. до н.э. На Аляске и в других районах Северной Америки этот тип резцов не получил распространения. Это подтверждается и выводами аляскинских археологов [Powers, Jordan, 1990. P. 268].

К среднему этапу неолита в этом районе относятся, судя по типологическим сопоставлениям, шлифованные четырехугольные в сечении тесла, найденные на стоянках Момонтай VI (рис. 91, 1) и Перевальная IX (рис. 100). В Якутии и на Чукотке такие тесла получили распространение в раннем и среднем неолите [Археологические..., 1991; Кирьяк, 1989. С. 7, 8]. Они отличаются от поздненеолитических тем, что последние (в ымыяхтахской культуре) имеют преимущественно приостренные продольные края и миндалевидное поперечное сечение [Федосеева, 1980. С. 185]. Этим же временем можно, вероятно, датировать концевой скребок (рис. 91, 2), проколку на пластине (рис. 91, 5) и резец на ножевидной пластинке (рис. 91, 4) со стоянки Момонтай I, а также срединный резец на пластине со стоянки Момонтай VIII (рис. 91, 3).

Возможно, также к среднему неолиту относится часть материалов (полиэдрический резец с нуклевидной рукояткой, ножевидные пластинки, конический нуклеус и подвеска) со стоянки Придорож-

ная, на что указывает одна из дат (5300 ± 150), полученная по углю, собранному в культурном слое стоянки, и типологические аналогии находкам в Якутии. Однако, какие именно, пока указать трудно, поскольку они характерны и для поздненеолитической ымыяхтахской культуры, присутствие которой на стоянке четко фиксируется по находке напильниковидного наконечника.

Поздний неолит (II тыс. до н.э.) в Оханджийском археологическом районе представлен комплексом находок со стоянок Момонтай I-IV, Придорожная, Малык II, Уи II.

На стоянке Момонтай III к нему относятся несколько двусторонне ретушированных прямоугольных вкладышей с уплощенно-линзовидным поперечным сечением (рис. 91, 8, 9), скребок и проколка на отщепках. Наибольшее распространение двусторонне обработанные вкладыши получили в Якутии в ымыяхтахской культуре [Федосеева, 1980. С. 180, 181. Рис. 102, 89-92]. Их появление на Западной Чукотке также относится к поздненеолитическому времени [Кирияк, 1989. С. 10]. В северочукотской поздненеолитической культуре такой тип вкладышей не выделяется [Диков, 1979а. С. 135-140], но присутствует в материалах усть-бельской культуры, распространившейся в лесотундрах Чукотки в II-I тыс. до н.э. [Там же. С. 141-148. Рис. 54, 27; 56, 36]. В более раннее время в Якутии и на Чукотке преобладали частично ретушированные вкладыши на ножевидных пластинках [Археологические..., 1983. С. 16-18; Кирияк, 1989. С. 7-9].

На стоянках Момонтай I, IV, Уи II к позднему неолиту отнесены плоские треугольные и удлиненно-треугольные двусторонне ретушированные наконечники с прямым или слегка выемчатым основанием (рис. 90, 1, 4, 6; 91, 10). В Якутии этот тип наконечников встречается наиболее часто на стоянках ымыяхтахской культуры [Федосеева, 1980. С. 181, 182. Рис. 102]. Многочисленные коллекции их были получены во время раскопок Чучур-Муранского могильника и Богучанского погребения [Там же. Рис. 44, 51, 52].

К позднему неолиту отнесены нами также фрагменты двусторонне обработанных наконечников с прямым черешком и линзовидным поперечным сечением (рис. 91, 6), нуклеус (рис. 91, 14) и узкие длинные наконечники с линзовидным поперечным сечением со стоянок Момонтай I и II.

Другой тип наконечников - трехгранные напильниковидные, не менее характерный для позднего неолита Якутии и Чукотки, был найден на стоянке Придорожная (рис. 97, 1). На этой стоянке неолитические изделия смешаны с изделиями, относящимися к раннему голоцену, - черешковыми наконечниками на пластинах, ножевидными пластинками с усеченным краем и др. К позднему неолиту кроме напильниковидного наконечника отнесены наконечник с линзовидным поперечным сечением, плитки из мягкого камня с гравировкой и шлифовальный камень (рис. 97, 3, 6, 7) [Слободин, 1999а. Рис. 56, 13]. Наконечники стрел или дротиков с линзовидным, почти овальным поперечным сечением известны в Якутии на стоянке Сиктях [Федосеева, 1980. Рис. 63, 22] и в Чучур-Муранском могильнике [Там же. Рис. 63, 6, 14]. Графические изображения на плитках из мягкого песчаника в виде круга и линий внутри него, параллельных линий, «изгороди» или «лестницы» находят аналогии в графических рисунках на сланцевых плитках со стоянки Раучувагытгын I (Западная Чукотка), где они датируются серединой I тыс. до н.э. [Кирияк, 1989. С. 12, 13]. В отличие от плиток, найденных нами на оз. Момонтай, изображения с Западной Чукотки, по мнению исследователя, содержат не только геометрические, но и зоо- и антропоморфные изображения [Кирияк, 1985. С. 87, 88]. Шлифовальный камень с несколькими желобками напоминает плитку для заточки или шлифовки костяных изделий типа шила или иглы из I слоя стоянки Бурулгино в низовьях Индигирки [Федосеева, 1980. С. 130. Рис. 81, 8].

К этому же периоду (по аналогии с поздненеолитическими комплексами Якутии и Чукотки) могут относиться и полиэдрический резец с нуклевидной рукояткой, ножевидные пластинки, конический нуклеус, подвеска. Но, как уже отмечалось, эти типы орудий найдены в ближайших к стоянке районах Якутии также в ранне- и средненеолитических культурах, поэтому вопрос их принадлежности остается открытым.

В Якутии трехгранные напильниковидные наконечники относятся ко II тыс. до н.э. Они считаются «характерными ымыяхтахскими изделиями» [Федосеева, 1980. С. 147, 212]. Мнение о том, что трехгранные напильниковидные наконечники появляются в Якутии с раннего неолита [Мочанов, 1969а. С. 144-159], пересмотрено в пользу их поздненеолитического происхождения [Археологические..., 1983, 1991; Аргунов, 1990, С. 173]. На Западной Чукотке «бесчерешковые листовидной формы и черешковые

напильниковидные наконечники на пластинах» выделяются вместе в комплексе стоянки Большой Нутенеут II, который по аналогии с сылахской сетчатой керамикой (найденной на стоянке вместе с наконечниками) датирован IV-III тыс. до н.э. [Кирыак, 1989. С. 7, 8]. Такие же трехгранные (бесчерешковые) напильниковидные наконечники были найдены на стоянках Западной Чукотки, относимых к позднему неолиту (II тыс. до н.э.), к «ымыяхтахской культуре в ее северном варианте» [Кирыак, 1989. С. 10, 11]. Таким образом, на Западной Чукотке предполагается более раннее, чем в Якутии, появление трехгранных напильниковидных наконечников. В отличие от нутенеутских, в Якутии напильниковидные трехгранные наконечники изготавливались не на пластинах, а из специальных трехгранных заготовок. В классификации С.А. Федосеевой, разработанной для орудий ымыяхтахской культуры, трех- и четырехгранные наконечники относятся к типу 5, а наконечники на ножевидных пластинах - к типу 6 [Федосеева, 1980. С. 181-183. Рис. 102]. В.Г. Аргунов, разработавший классификацию орудий каменного века Северо-Западной Якутии, также не связывает трехгранные напильниковидные наконечники с изделиями на пластинах [Аргунов, 1990. С. 172, 173]. Такое раннее появление на Западной Чукотке трехгранных напильниковидных наконечников пока не находит удовлетворительного объяснения. Но если определить нутенеутские черешковые трехгранные наконечники не как напильниковидные (это достаточно устоявшийся элемент ымыяхтахской культуры), а как черешковые пластинчатые (какими они, на наш взгляд, и являются, отличаясь от напильниковидных рядом технологических признаков), то их ранний возраст, принимая во внимание раннеголоценовые пластинчатые черешковые наконечники с Верхней Колымы [Слободин, 1999а], не вызывает удивления. Интересно в этом плане сообщение об исследовании на Камчатке (в 46 км от Петропавловска-Камчатского) стоянки, датированной возрастом 6180 ± 60 л.н. (ГИН-8144а) [Пономаренко, 1996] с орудийным комплексом, подобным III слою Ушковских стоянок (призматические нуклеусы, микропластинки и черешковые наконечники с треугольным поперечным сечением). Имеющаяся ранее датировка IV слоя (4200 ± 100) не соответствовала технологическим характеристикам орудийного комплекса из него, который определялся как «мезолитический» или «раннеолитический» [Диков, 1979а].

Для решения вопроса о возможности проникновения ымыяхтахской традиции на территорию Верхней Колымы представляется важным определение границ распространения трехгранных напильниковидных наконечников. Привлекая в качестве аналогов черешковые трехгранные наконечники стрел из IV и III слоев ушковских стоянок на Камчатке, С.А. Федосеева [1980. С. 207] предполагает, что ареал ымыяхтахской культуры включал и северную часть Камчатки. Однако напильниковидные ымыяхтахские наконечники отличаются от ушковских трехгранных черешковых техническими параметрами (черешок, используемая заготовка и принцип обработки). Влияние на приохотскую культуру со стороны ымыяхтахской прослеживается, по ее мнению, по напильниковидным наконечникам стрел с ромбовидным сечением, найденным на неолитической верхней стоянке о. Завьялова [Там же. С. 206]. Однако с материалами приморских стоянок Северного Приохотья у ымыяхтахской культуры больше различий, чем сходства. Это, прежде всего, различные хозяйственные и, видимо, этнические основы ымыяхтахской и приморской культур. Специализированные морские охотники, освоившие о-ва Спафарьева, Завьялова, Недоразумения, не владели техникой скалывания ножевидных пластинок с призматических и конических нуклеусов, имели отличную от ымыяхтахской керамику и в достаточной мере развитый гарпунный комплекс, отсутствующий у ымыяхтахцев [Лебединцев, 1990а]. Кроме того, материалы верхней стоянки о. Завьялова, послужившие основой для таких параллелей, почти на тысячу лет моложе верхней хронологической границы существования ымыяхтахской культуры и относятся к концу I тыс. до н.э. [Васильевский, 1971].

Не находит предполагаемых аналогий в ымыяхтахской культуре и черешковый наконечник со стоянки Кухтуй II [Федосеева, 1980. С. 51. Рис. 31, 13]. Сечение его не равностороннее, а уплощенно-треугольное, свидетельствующее о том, что он изготовлен на крупной трехгранной ножевидной пластине, и это заметно отличает его от напильниковидных наконечников. Отмечается, что «от ымыяхтахских трехгранных напильниковидных наконечников он отличается хорошо выраженным черешком и двумя жалъцами» [Там же. С. 206]. Это несоответствие нашло отражение в выводе С.А. Федосеевой о том, что наконечники такого типа на памятниках с чистым комплексом ымыяхтахской культуры пока не обнаружены и отнесение его к последней условно [Там же. С. 183]. То же самое можно сказать и по

поводу параллелей между напильниковидными и ушковскими черешковыми трехгранными наконечниками.

Раскопки, проведенные в последнее десятилетие на памятниках приохотской токаревской культуры, датируемой серединой II - I тыс. до н.э., свидетельствуют о том, что четкого влияния на нее ымыяхтахской культуры пока не прослеживается [Лебединцев, 1990а. С. 229]. Черешковые пластинчатые и трехгранные наконечники с Кухтуя, вероятнее всего, не связаны, хотя такая связь предполагается с токаревской культурой [Кирьяк, 1993а. С. 61].

В смежном с Верхней Колымой районе (в верховьях р. Омолон) трехгранные наконечники найдены на стоянке Ритуальный комплекс [Воробей, 1991. С. 117-124]. Этот памятник определяет сейчас, возможно, крайнюю юго-восточную границу распространения этих напильниковидных наконечников. Свидетельств того, что они перешли Охотско-Колымский водораздел, пока нет. А.А. Орехов считает, что оснований включать территорию Северо-Западного Берингоморья в ареал ымыяхтахской культуры нет [Орехов, 1987. С. 166].

Напильниковидные наконечники со стоянок Придорожная и Хетагчан на Верхней Колыме являются пока единственными наконечниками подобного типа, известными в исследуемом нами районе.

Материалы стоянки Малык II в пунктах а-в, относимые нами в целом к неолиту, довольно трудно поддаются расчленению на периоды. Здесь нет керамики, шлифованных изделий. Многофасеточные резцы с ретушированной рукояткой, имеющей линзовидное или близкое к ромбическому сечение (рис. 98, 12, 13), наконечник с прямым черешком и линзовидным сечением (рис. 98, 1), треугольные наконечники с прямым или слегка выемчатым основанием, наконечники листовидной или ромбической в плане формы (рис. 98, 16), ретушированные резчики (рис. 96, 3; 98, 14), резчики-скребки (рис. 96, 2), скребки на отщепах (рис. 96, 1; 98, 2, 3, 15) позволяют с определенной долей уверенности датировать материалы скорее поздним, чем ранним или средним неолитом.

Другая крупная группа неолитических памятников - Колымская - располагается по берегам р. Колыма. К настоящему времени непосредственно в верхнем течении реки открыто более 10 археологических памятников, относящихся к неолитическому времени. Это стоянки Сибердик, Агробаза III, IV, Немичан, Запятая, Мигай, Эльгенья. Отсутствие многослойных памятников, где в одном стратиграфическом разрезе были бы представлены различные этапы неолита с абсолютными датировками, затрудняет их корреляцию. Поэтому для определения возраста памятников проводится сравнение колымских материалов с неолитическими комплексами сопредельных территорий.

Культурный комплекс, характеризующий, возможно, самый ранний этап неолита, был выявлен во II слое стоянки Сибердик.

Второй культурный слой на стоянке Сибердик отнесен к V стратиграфическому слою, представленному белесым плотным суглинком, местами оторфованным, мощностью 1-4 см, залегающему на глубине 50-85 см [Диков, 1976б. С. 167, 168; 1977а. С. 215. Рис. 169]. В описании говорится, что он *«содержит остатки становища с большим количеством (более 30) кострищ и какого-то очень своеобразного жилого сооружения с длинным коридором, углубленного наподобие землянки. В слое сохранились пятна разложившихся костей, каменные изделия, отщепы, обломки кварцита и фрагмент керамики»* [Диков, 1977а. С. 215].

Для этого слоя были получены датировки:

1. По углю из кострищ - 6300 ± 170 (Крил 248) [Там же]. По другим источникам, образец имеет возраст 6030 ± 179 [Шило и др., 1977. С. 688; 1979. С. 10; Ложкин, Прохорова, 1980. С. 128].
2. По углю со дна «жилой ямы», II слой - 6590 ± 250 (МАГ 408) [Шило и др., 1979. С. 10].
3. По углю из нижнего очага № 2 (слой неизвестен. - С.С.) - 4420 ± 60 (МАГ 1021) [Ложкин, Трумп, 1990. С. 178].
4. По углю из очага № 1 (II культурный слой), кв. Е-(-3) - 4720 ± 100 (МАГ 1022) [Там же].
5. Из второго ранненеолитического культурного слоя - 5530 ± 170 (Крил 253) [Там же].
6. Из второго ранненеолитического культурного слоя - 7080 ± 60 (Крил 251) [Там же].

Среди находок в слое были выделены отбойники в виде узких продолговатых галек, кремневые конические нуклеусы, ножевидные пластинки, листовидные, двусторонне обработанные метательные наконечники, концевые скребки на массивных пластинчатых отщепах, базальтовые скребки, продолго-

ватые, ретушированные по краю пластинчатые ножи, резцы на отщепах - боковые и срединные, треугольные остроконечные отщепы со спинкой, образованной галечной коркой, обломки глинисто-песчанистого ороговикованного сланца, гранита и кварцита, бусинка, несколько чопперов, фрагмент керамики и своеобразные изделия из переоформленных в орудия уплощенно-конических нуклеусов (или клиновидно-призматических нуклеидных изделий), от которых найдены только сколотые с них лезвия (рис. 101) [Диков, 1976б. С. 167, 168; 1977а. С. 215. Табл. 189, 190; 1979а. С. 96, 97. Рис. 33, б].

В какие именно орудия преобразованы уплощенно-конические нуклеусы, в описаниях не уточняется, а сколотые с них лезвия, на наш взгляд, являются типичными ребристыми пластинами (торцевыми сколами) с заготовок нуклеусов.

Тонкостенный, грубо вылепленный, слегка бороздчатый фрагмент керамики был найден в заполнении жилища [Диков, 1974б. С. 197; 1976б. С. 168; Диков, Дикова, 1975б. С. 68]. Позднее отмечается, что *«если он действительно относится ко второму, а не к первому слою, то может служить указанием на ранненеолитический возраст данного второго культурного слоя»* [Диков, 1977а. С. 215]. Судя по тому, что в последующих публикациях в комплекс изделий, характеризующих второй слой, фрагмент керамики не включался [Диков, 1979а. С. 96, 97; 1989а. С. 34, 35], исследователь окончательно пришел к выводу, что керамика попала из I поддернового слоя во II, залегающий на глубине 50-85 см от дневной поверхности.

Значительный интерес представляют наконечники стрел как один из наиболее информативных типов изделий. Судя по описанию и иллюстрациям, их было найдено всего 4 экз. [Диков, 1976б. С. 168. Рис. 5; 1977а. Табл. 190]: один - усеченно-листовидной формы на пластинчатом отщепе с подтреугольным поперечным сечением, обработанный краевой ретушью, причем по одному из краев унифасиальной; два других представлены фрагментами с округлыми основаниями и один наконечник листовидной формы. Последний наконечник был найден на ритуальной площадке, рядом с предполагаемыми останками человека [Диков, 1976б. С. 169. Рис. 5, 4]. Позднее [Диков, 1977а, 1979а] два из этих наконечников были отнесены ко II слою, а при описании ритуальной площадки приведен фрагмент основания другого наконечника [Диков, 1977а. С. 218. Табл. 190; 1979а. Рис. 32, 33]. В интерпретационной части монографии [Диков, 1979а. С. 93-95] к III слою отнесены наконечники, помещенные в первой части монографии во II слой [Диков, 1977а. С. 215].

Ситуация с положением наконечников в слоях II и III и керамики трудно объяснима, если согласиться с тем, что стоянки Конго и Сибердик отличаются *«наиболее четкой стратиграфией»* и обладают *«достаточно выраженной последовательностью совершенно изолированных, несмешанных культурных слоев с характерными культурными комплексами, и уже поэтому каждая из них может служить надежной опорой для хронологической привязки к ним других культурных остатков»* [Диков, 1977а. С. 238].

Сложно, например, в качестве опорного рассматривать II слой стоянки Сибердик, который почти во всех публикациях характеризовался как *«средний (II) ранненеолитический культурный слой»* [Диков, 1974а. С. 197; 1976б. С. 168; 1977а. С. 215; Диков, Дикова, 1975б. С. 68]. В интерпретационной (второй) части монографии Н.Н. Диков [1979а. С. 96] без соответствующих комментариев заключает, что завершающий поздний этап сибердиковской культуры протекает уже *«в преддверии раннего неолита, о чем может свидетельствовать радиоуглеродная дата 6300 ± 170 (Криг 248) представляющего этот этап слоя II стоянки Сибердик»*. В то же время из подписи под рисунком с находками из I и II слоев явствует, что это *«изделия из неолитических слоев»* стоянки Сибердик [Там же. Рис. 33] (рис. 101). В последующих публикациях II слой также рассматривается как донеолитический [Диков, 1989а. С. 34].

Такое удревнение, по нашему мнению, нуждается в дополнительной аргументации, тем более что в серии радиоуглеродных датировок преобладают даты в диапазоне от 4 до 6 тыс. лет. Это свидетельствует о вполне неолитическом возрасте II слоя стоянки Сибердик в рамках сопредельных территорий Дальнего Востока, Якутии и Чукотки. На это же указывает находка во II слое керамики.

Керамика, по мнению Н.Н. Дикова, *«несмотря на ее большое значение в развитии материальной культуры, не является исключительным и обязательным признаком неолита»* [Диков, 1979а. С. 86]. Однако именно с появлением керамики связывают начало неолитического периода в каменном веке Приморья [История..., 1989. С. 44], Нижнего Амура (малышевская культура) [Там же. С. 51], Среднего

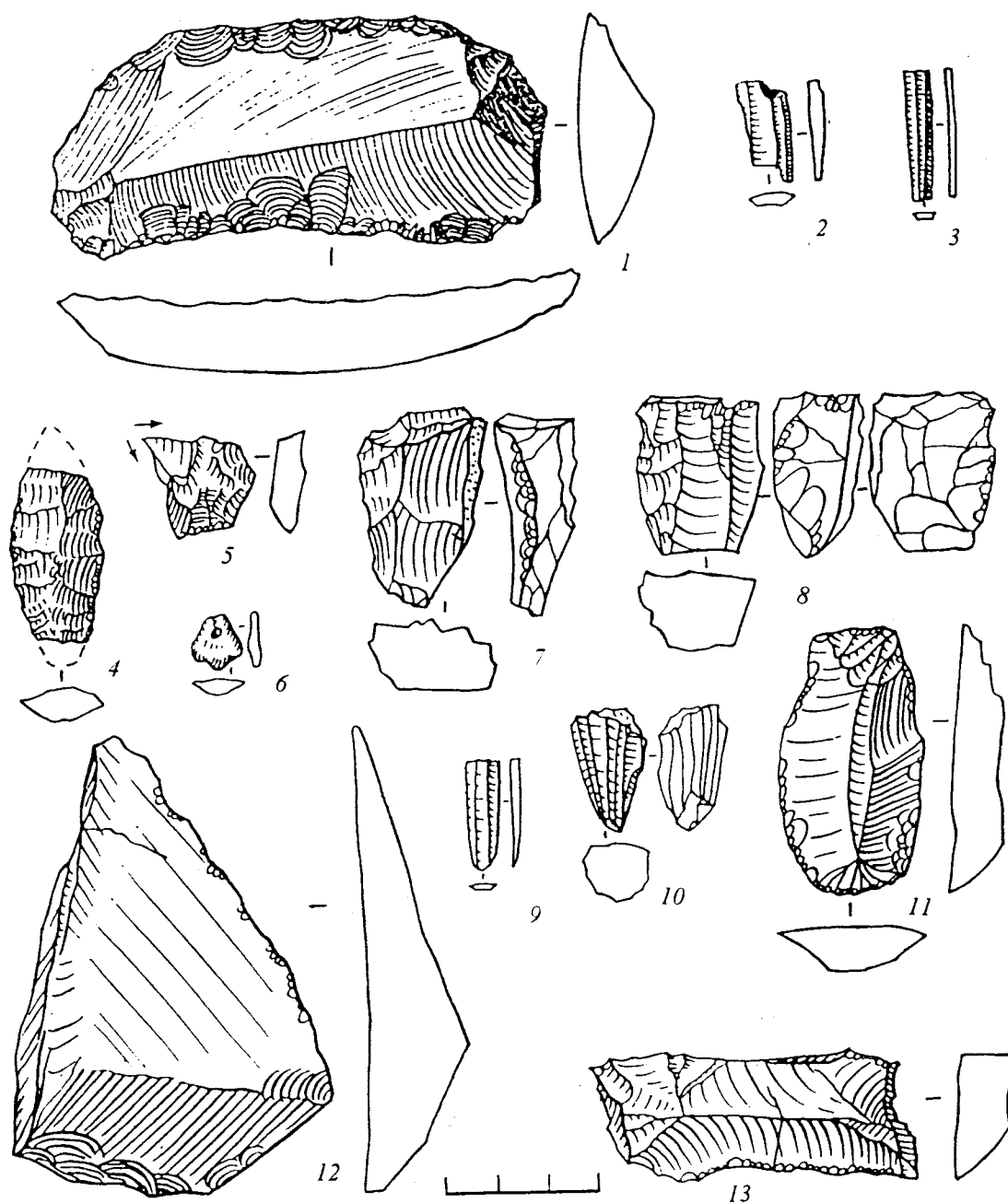

Рис. 101. Каменные орудия из неолитических слоев стоянки Сиббердик (по Н.Н. Дикову [1979а])

Амура (новопетровская культура) [Там же. С. 57], Сахалина (поселения Ноглики I, Имчин II) [Там же. С. 87, 88], Якутии [Мочанов, 1969а; Археологические.... 1991], Западной Чукотки [Кирыак, 1989] и Нижней Колымы [Кистенев, 1990].

В то же время использование шлифованных орудий (топоров и тесел), как «наиболее характерного и почти исключительного признака развитого этапа революционного периода - неолита» [Диков, 1979а. С. 86] осложнено их малым пока количеством на стоянках Верхней Колымы и Континентального Приохотья с явно неолитическими материалами.

Рассмотрев все материалы стоянок Сиббердик и Конго в комплексе и проведя корреляцию отдельных групп орудий, мы отметили, что они, вероятно, смешаны и тяготеют больше к неолиту и к галечным комплексам раннего металла [Слободин, 1999а], чем к палеолиту. О такой интерпретации было сказано, что это «слишком резкое решение» [Воробей, 2000]. Но конструктивная часть в этом возраже-

нии, к сожалению, отсутствует. Не даны примеры аналогий галечным орудиям, не объяснена причина эклектичности комплексов мелких кремневых орудий сибердиковской культуры. Одновременно И.Е. Воробей [Там же] характеризует сибердиковские комплексы как «материалы, относительно которых есть неясность», и считает критику (т.е. обсуждение, разбор) текстов (т.е. публикаций Н.Н. Дикова по сибердиковской культуре. - С.С.) бесперспективной. Такая оценка результатов исследований стоянки Сибердик весьма красноречива. До недавнего времени в силу ряда обстоятельств коллекции со стоянок Верхней Колымы были недоступны для изучения. Но сейчас, когда ситуация изменилась, можно только констатировать, что коллекции разрознены и трудно представить их первоначальное состояние. Работа над их восстановлением только начата.

Конечно, сибердиковская культура - это открытая тема для дискуссий, но в одном И.Е. Воробей [Там же] совершенно не прав, говоря, что «автор [Слободин, 1999а] не нашел объектов, аналогичных Сибердику и Конго», откуда якобы и проистекает отрицание реальности их комплексов. В действительности же такие стоянки (Агробаза III, IV) мной были найдены в 1986 г., и подъемные материалы с них (галечные орудия, микропластинки, бифасиальные листовидные наконечники) в первом отчете были фактически отнесены к сибердиковской культуре [Отчет Р-1, № 12002]. Последующие исследования показали, что так называемый сибердиковский комплекс стоянки Агробаза распределяется по двум разновременным культурным слоям, разделяющим галечные орудия и микропластинки (см. описание стоянки Агробаза III в основной части работы). Если бы не это счастливое стратиграфическое обстоятельство, мы имели бы на Колыме пример настоящей, пользуясь определением И.Е. Воробья [2000], «сибердиковской химеры» на стоянках Агробаза III, IV.

К среднему неолиту на Верхней Колыме отнесены материалы стоянок Немичан, Мигай и нижнего слоя стоянок Агробаза III, IV.

На стоянках Агробаза III, IV остатки среднего неолита залежали под слоем, относящимся к эпохе металла. Они концентрировались вокруг очажной ямы (Агробаза IV), не имеющей круговой обкладки, но выложенной по дну камнями. Здесь же, у очага, собраны фрагменты глиняной посуды с отпечатками шнура на поверхности и зубчатого штампа по венчику. Керамика, каменные орудия охоты и обработки шкур, отходы производства (отщепы, пластинки), очаг - все это указывает на то, что раскопками были вскрыты жилищные и производственные площадки. Отсутствие каких-либо жилищных конструкций свидетельствует об использовании в неолите населением этих мест в качестве жилищ легких наземных построек типа чума, который применяют местные жители - эвены-оленьеводы и в настоящее время.

В орудийный набор среднего неолита со стоянок Агробаза III, IV входили наконечники стрел ромбовидной формы (рис. 82, 1), листовидные (рис. 77, 1, 5; 82, 3) и листовидные с округлым основанием (рис. 82, 2); резцы полиэдрические (рис. 82, 4, 8), угловые на пластинах (рис. 81, 14); скребки на ножевидных пластинах (рис. 81, 12) и отщепах (рис. 77, 4; 81, 15); ножи в виде ретушированных ножевидных пластинок (рис. 81, 11); вкладыши на ножевидных пластинках (рис. 77, 2, 3; 82, 10, 11); клювовидные комбинированные орудия, употреблявшиеся в качестве резчиков и скребков (рис. 82, 5), грузило.

Этот орудийный набор дополняется материалами со стоянки Немичан. Это прежде всего крупные, длиной до 7,5 см, листовидные наконечники, возможно, дротиков (рис. 85, 1, 2), треугольный наконечник стрелы с выемчатым основанием (рис. 85, 10), скребок на отщепе подтреугольной формы с ретушированной спинкой (рис. 85, 9), конический нуклеус (рис. 85, 6), круглые плоские подвески (рис. 86б, 3, 4). Керамика здесь не найдена, но имеется скол с шлифованного орудия, переоформленный в скребок или тесловидное орудие (рис. 85, 8). Для изготовления нуклеуса был использован не встречающийся здесь материал - обсидиан. Орудийный комплекс колымских памятников среднего неолита дополняется материалами со стоянки Мигай: срединным резцом на фрагменте бифасиального орудия (рис. 89б, 5), коническим нуклеусом (рис. 89а, 1) угловым резцом на ретушированной по краю пластине (рис. 89б, 2), скребком на пластине со скошенным лезвием (рис. 88, 7), боковым резцом на ретушированном отщепе (рис. 88, 12) и двусторонне ретушированным орудием с «ушками» (рис. 88, 10). Подобное орудие могли использовать в качестве вкладышевого тесла [Кистенев, 1991. С. 5; 1993. С. 26].

Средний неолит характеризуется появлением в хозяйстве новых форм орудий и в то же время сохранением многих элементов материальной культуры раннего неолита и даже раннего голоцена. По-прежнему широко используется техника скалывания ножевидных пластинок с призматических нуклеу-

сов, сохраняются скребки, резцы и вкладыши на пластинах, однако их доля в общем количестве материалов постепенно уменьшается. Ножевидные пластинки теперь составляют не более 10-11% всех кремневых находок. Преимущество типового набора каменного инвентаря свидетельствует о сохранении хозяйственного уклада и образа жизни древним населением Верхней Колымы, сложившихся еще в раннем голоцене с формированием новых природно-климатических условий.

По-прежнему основным занятием населения остается охота. Об этом свидетельствуют многочисленные находки каменных наконечников стрел. Однако расположение стоянок по берегам крупнейшей водной артерии региона допускает возможность занятия рыболовством. Единственным пока аргументом в пользу этого, которым мы располагаем, является находка на стоянке Агробаза IV каменного грузила с выемками по бокам. Развитие рыболовства в это время четко фиксируется по материалам неолитических стоянок в соседних с Верхней Колымой районах. В Якутии в раннем и среднем неолите встречаются находки гарпунов (сыалахская культура), составных рыболовных крючков, блесен (белькачинская культура); нередко находки каменных грузил [Мочанов, 1969а; Археологические..., 1991]. На Нижнем Амуре следы рыболовства фиксируются с раннего неолита в материалах малышевской культуры. Считается, что *«это были настоящие ихтиофаги каменного века»* [История..., 1989. С. 51-53]. Судя по этнографическим данным (см., например, исследования В.И. Иохельсона [1900]), рыба у народов Колымы занимала значительное место в рационе. Существенная роль в хозяйстве, судя по большому количеству резцов, резчиков и вкладышей, отводилась изделиям из кости и дерева.

Важное значение для определения возраста и культурных связей средненеолитических комплексов имеет керамика. Керамика со шнуровым штампом на поверхности сосудов, как уже было отмечено, в Якутии имеет возраст 4-5 тыс. лет и относится преимущественно к III тыс. до н.э. Этим временем следует, видимо, датировать весь комплекс изделий средненеолитического периода на Верхней Колыме, что подтверждается полученной для нижнего слоя стоянки Агробаза IV радиоуглеродной AMS даты - 4790 ± 50 (Beta-140689). Подобная керамика известна и в центральной части Чукотки, на стоянке Камешки в бассейне р. Анадырь, где она найдена вместе со срединным обсидиановым резцом и ретушированными по краю ножевидными пластинками [Диков, 1979а. С. 133], а также на памятниках Западной Чукотки [Кирыак, 1989. С. 8]. На Чукотку эта керамика могла попасть из Якутии не только через низовья Индигирки и Колымы, но и через верховья Колымы, имеющей удобные выходы в долину р. Омолон, а через нее и на р. Анадырь, где найдены стоянки Большой Эльгахчан V (р. Омолон) и Большой Нутенеут I (бас. р. Анадырь), материальные комплексы которых *«находят аналогии в белькачинской культуре Якутии»* [Там же. С. 9]. Наблюдается также сходство определенных категорий каменных орудий, характерных для средненеолитических комплексов Верхней Колымы и встречающихся в среднем неолите бассейна р. Лена и на Чукотке.

Аналогии клювовидным комбинированным орудиям со стоянки Агробаза IV (рис. 82, 5) имеются в V-IV слоях стоянки Белькачи на Алдане [Мочанов, 1969а. Табл. 33, 9; 38, 13, 14]. Там же встречаются треугольные наконечники с выемкой в основании [Там же. Табл. 32, 39; 33, 5] и листовидные с линзовидным поперечным сечением [Там же. Табл. 39, 11], подобные найденным на стоянке Немичан (рис. 85, 1, 2, 10).

Листовидные наконечники с округлым основанием, подобные найденным на стоянке Агробаза IV, в комплексе с клювовидными орудиями, шнуровой керамикой и полиэдрическими резцами выделяются в белькачинской культуре [Мочанов, Федосеева, 1976. Рис. 10, 91].

Оббитые тесла с «ушками», идентичные по форме найденному на стоянке Мигаи тесловидно-скребловидному орудью (рис. 88, 10), характерны для стоянок белькачинской культуры [Мочанов, Федосеева, 1976. С. 524. Рис. 9, 11]. Подобные тесла найдены на стоянках среднего неолита Западной Чукотки [Кирыак, 1989. С. 9].

Все эти аналогии говорят о тесных культурных связях и постоянных контактах в среднем неолите местного населения Верхней Колымы с населением Якутии и Чукотки, хотя здесь выделяется ряд особенностей в каменном инвентаре, отличающих его от материалов этих областей.

В колымских материалах присутствуют такие оригинальные вещи, как наконечник стрелы ромбической в плане формы с плечиками и линзовидным поперечным сечением (рис. 82, 1), двойной полиэдрический резец (рис. 82, 4) и наконечник стрелы с притупленными боковыми гранями насада (рис. 82, 2), не встречающиеся в среднем неолите Якутии и Чукотки. Прием притупления части лезвия

наконечника, закрепляющегося в древко, ранее в материалах стоянок каменного века Крайнего Севера Азии и Якутии не выделялся.

Еще сложнее найти аналогии и определить назначение двух обколотых и округлых в плане галечек из белого кварца, найденных рядом (рис. 82, 12). Возможно, древнего человека привлекала способность кварцевых камней испускать искры при ударе друг о друга. Присутствие кварцевых камней в археологических комплексах отмечено и на Омолоне [Воробей, 1991].

Продолжительность среднего этапа неолита на Верхней Колыме еще достоверно не установлена, но по аналогии с сопредельными территориями можно предположить, что уже во II тыс. до н. э. на Верхней Колыме, как в Якутии, на Чукотке и Камчатке, наступает последний из периодов каменного века - поздний неолит. В верховьях долины Колымы этот период очень слабо документирован. Немногочисленные следы позднего неолита зафиксированы на стоянках Сибердик, Эльгенья и Запятая.

На стоянке Сибердик поздненеолитические находки выявлены в верхнем (I) культурном слое [Диков, 1979а. С. 213]. Он был прослежен под дерном, где в западной части раскопа вскрыты два очажных пятна (около 80 см в поперечнике) и найдено скопление отщепов между ними. Еще одно скопление отщепов было обнаружено в восточной части раскопа. Среди находок выделены ножевидные пластинки, нож-скребло на массивном кремневом пластинчатом отщепе, скребок и грубое андезито-базальтовое скребло (рис. 101) [Там же. С. 97. Рис. 33, А, 1-3].

На стоянке Запятая остатки позднего неолита залегали в разрушенном культурном слое и были смешаны с более поздними находками. К позднему неолиту относятся полиэдрический резец с необработанной рукояткой (рис. 87, 6), сегментовидный двусторонне ретушированный вкладыш (рис. 87, 4), ножевидные пластинки, часть которых обработана по краям унифасиальной ретушью (рис. 87, 5), нуклеус (рис. 87, 2), заготовка бифаса (рис. 87, 1) и несколько фрагментов керамики с вафельным штампом на поверхности (рис. 87, 3). На стоянке Эльгенья, исследованной И.Е. Воробьем, к позднему неолиту, без сомнения, относится фрагмент вафельной керамики. Большинство орудий и керамика находят аналогии в материалах ымыяхтахской культуры Якутии [Федосеева, 1980. С. 174-196, рис. 102], в поздне-неолитических материалах Нижней Колымы [Кистенев, 1990] и Чукотки [Диков, 1979а; Кирьяк, 1989]. В то же время имеются и отличия: на стоянках в верховьях долины р. Колыма пока не найдены трехгранные напильниковидные наконечники, шлифованные тесла, треугольные наконечники, которые определяют облик ымыяхтахской культуры. Не похож на ымыяхтахские и нуклеус торцевого типа с ретушированным контрфасом.

К материалам среднего или позднего неолита предварительно можно отнести находки со стоянки Усть-Оротукан [Кистенев, 1993. С. 25, 26], в частности наконечник стрелы из сланца (рис. 88, 13). Из-за малочисленности и невыразительности находок к каменному веку без определения культурно-хронологической принадлежности отнесены материалы стоянок Моржовая, Светлая, Сомнительная на Колыме [Кистенев, 1993. С. 26, 27].

В целом эти немногочисленные материалы, свидетельствуют о связях культуры Верхней Колымы с поздне-неолитическими ленской и чукотской культурами.

Третью, самую многочисленную группу памятников составляют стоянки, расположенные в пределах Охотско-Колымского водораздела и Континентального Приохотья. Первые находки, свидетельствующие об освоении населением в неолите суровых просторов Охотско-Колымского нагорья, были выявлены в верховьях рр. Малтан, Ола, на стоянках Малтан и Хуренджа I-XI, оз. Эликчан [Дикова, 1974; Слободин, 1988а,б].

Следы появления человека в этом районе в более ранние периоды каменного века открыты на стоянках Хета (нижний слой), Уптар, Буянда, Уртычук IV и др. [Слободин, 1999а]. Возможно также, что дополнительно к ним донеолитическими являются материалы со стоянок Хая, Уртычук V-VIII. Не определен пока возраст стоянки-мастерской Олынь. Найденные здесь заготовки бифасов (рис. 45-48) могли быть изготовлены как в палеолите, так и в неолите. Возможно, что часть из обработанных заготовок предназначалась для последующего изготовления нуклеусов, наподобие тех, что найдены на рядом расположенной стоянке Джугаджака I [Слободин, 1999а].

Неолитические материалы Охотско-Колымского нагорья и Континентального Приохотья важны и для выяснения истоков формирования приморских культур Северного Приохотья. Несомненно, что неолитические континентальные племена, выходившие к Охотскому побережью и осваивающие при-

брежные экосистемы, сыграли определенную роль в этом процессе. Со второй половины II тыс. до н. э. в Северном Приохотье существовала токаревская культура приморского типа [Лебединцев, 1990а], одно из существенных отличий которой от континентальных культур заключалось в неразвитости в ней микропластинчатой техники. Время появления этой техники на Охотском побережье, а также степень влияния континентальных культур на формирующиеся приморские культуры остаются невыясненными из-за малочисленности в данном районе стоянок с микропластинчатой техникой. Ни одна из них, кроме стоянки Кухтуй III, не датирована по С-14. В основном это одиночные местонахождения или малочисленные находки со стоянок на 8-м и 9-м км Колымской трассы на р. Дукча, на п-ове Кони, в устье руч. Колчаковский в б. Гертнера, на стоянках в устье рр. Кухтуй и Гижига. Некоторые из них уже рассмотрены в историографической главе исследования.

Известно несколько неолитических стоянок с микропластинками и нуклеусами на западном побережье Камчатки. На стоянке Кавран В.И. Иохельсон в 1928 г. нашел обсидиановый призматический нуклеус, микропластинки были найдены на стоянках Усть-Палана [Васильевский, 1973. Рис. 17], Кисун I, Кульки II, Андреевский I [Рубан, 1979].

Несколько неолитических стоянок было исследовано у с. Гижига [Воробей, 1990]. Информативных находок в комплексе немного, но микропластинки и фрагменты конических или призматических нуклеусов фиксируются четко.

Самая большая коллекция микропластинок (более 100 экз.) в Северном Приохотье обнаружена на стоянке Кухтуй I, расположенной на террасе левого борта долины р. Кухтуй, в 1 км от моря [Лебединцев, 1990а]. На той же террасе, на стоянке Кухтуй III были найдены обработанные ножевидные пластины [Мочанов, 1977] и скол с основания призматического нуклеуса с негативами ножевидных пластинок на его поверхности [Лебединцев, 1990а]. Раскопками на стоянке был вскрыт неолитический слой, датированный по С-14, - 4700 ± 100 (Je-995) [Мочанов, 1977]. Вероятно, этим временем и следует пока датировать самые ранние неолитические находки на Охотском побережье, хотя возраст и культурная принадлежность кухтуйских материалов продолжают обсуждаться.

И.Е. Воробей [2000. С. 185], обращаясь к дискуссии о стоянке Кухтуй III (а также и о сибердиковской культуре), необоснованно, на наш взгляд, характеризует ряд авторов как исследователей, которые продолжают (кто зачинатель? - С.С.), по его мнению, *«не лучшие традиции произвольных и нечетких сравнений, мотивированных, как правило, заранее заданной позицией того или иного автора»*. К этим «произвольным и нечетким сравнениям» он относит сопоставления Ю.А. Мочанова материалов стоянки Кухтуй III с дюктайской культурой, А.И. Лебединцева - с токаревской и Н.Н. Дикова - с малтанским культурным комплексом. Мы не считаем, что здесь поддерживается и продолжается какая-либо традиция. Авторы исходили из своего видения материала (как И.Е. Воробей из своего), стремясь найти приемлемое решение. Судя по тому, что дискуссия продолжается, оно пока не найдено.

Стоянке Кухтуй III И.Е. Воробей [2000. С. 186] придает очень важное значение, относя ее *«к числу объектов, способствующих предварительной оценке процессов, происходивших в Континентальном Приохотье в «переходное» время»*. При этом он, рецензируя наше мнение о стоянке, говорит, что *«автор»* ([Слободин, 1999а. С. 167, 168]. - С.С.) *«не усмотрел ничего определенного»* [Воробей, 2000. С. 186]. Напротив, нами вполне определенно на основе сравнительно-типологического анализа имеющегося материала было показано, что кухтуйский комплекс не относится к дюктайской культуре или малтанскому комплексу, имеет ряд сходных материалов с токаревской культурой, является, вероятно, смешанным и может иметь скорее какие-то неолитические, чем палеолитические или раннеголоценовые, параллели [Слободин, 1999а. С. 167, 168, 191]. Поэтому нами и было сказано, что стоянка Кухтуй III занимает среди стоянок Северо-Востока «неопределенную позицию». Но это не основание интерпретировать нашу точку зрения как неопределенную.

При этом, соглашаясь с нашими критическими замечаниями по поводу проведения параллелей между комплексами стоянок Малтан и Кухтуй III, И.Е. Воробей [2000. С. 185] упускает наши критические замечания по поводу гипотезы о принадлежности стоянки Кухтуй III к дюктайской культуре (даже к ее особому варианту) и сам рассуждает об необоснованности такой корреляции. Это очень интересный момент в дискуссии, касающейся стоянки Кухтуй III, поскольку важность стоянки, вслед за Ю.А. Мочановым [1977. С. 89], И.Е. Воробей [2000. С. 186] видит в присутствии здесь фрагментов *«мезопластин с дорсальной параллельной захватывающей ретушью и вентральной обработкой проксимала»*, которые,

по его мнению, хорошо «сопоставимы с острийными формами финальнопалеолитических индустрий Приморья». С какими конкретно, не уточняется, хотя, как известно, все они содержат в орудийных комплексах клиновидные нуклеусы. Последние отсутствуют на стоянке Кухтуй III, что делает такое сравнение не более убедительным, чем все остальные. Если раньше Ю.А. Мочанов говорил о дюктайском палеолите на Кухтуе III без клиновидных нуклеусов, то И.Е. Воробей сейчас предлагает дальневосточный палеолит без них же. Обращает на себя внимание сходство технологических характеристик «острийных форм» со стоянок Приморья и резцов с неолитической стоянки Хетагчан на Верхней Колыме (рис. 65, 3; 69, 3), что свидетельствует о широком хронологическом диапазоне использования этих изделий. А, принимая во внимание положение рассматриваемых пластин со стоянки Кухтуй III, найденных не только вне стратиграфического контекста стоянки, но даже вне раскопа - на склоне террасы [Мочанов, 1977], говорить, что комплекс стоянки Кухтуй III может способствовать прояснению картины культурных процессов [Воробей, 2000. С. 186], пока нет оснований. Очевидно, такое предложение объясняется позицией И.Е. Воробья [1996б. С. 49] о сильном влиянии на Северо-Восток дальневосточных традиций. В целом такое влияние не вызывает сомнения, но без серьезной системы доказательств, конкретно в ситуации с материалами стоянки Кухтуй III, это мало что дает для решения вопроса о ее культурной принадлежности.

Значительно расширяют наши знания об освоении колымскими континентальными племенами охотников северного побережья Охотского моря стоянки Малкачан 1-4, Иретьская, найденные недалеко от пос. Ямск, на побережье зал. Шелихова [Лебединцев и др., 2000]. Они имеют много общего в каменном инвентаре со стоянками Охотско-Колымского нагорья.

Сейчас об активном заселении в неолите высокогорных тундр Охотско-Колымского нагорья и прилегающей к нему территории с севера и юга свидетельствуют находки, сделанные в долинах рр. Яна, Армань, Яма, Хета, Купка, Буюнда, Сугой, Гижига и др., берущих там начало. К неолитической культуре Охотско-Колымского нагорья и Континентального Приохотья относятся материалы со стоянок Хуренджа I-XI, Озеро Эликчан, Хета (верхний слой), Уртычук II, III, IX, X, Нярка II, Эликчан III, VIII, IX, Майка, Гипотетический III, V, IX-XIII, Нил-Устье, Бурлакич, Малкачан 1, 2, 4, Иретьская, Нил II, IV, Эликчан VIII, Ола I, Хетагчан I-III, Купка I. Утро, Коркодон I, II, Гижигинские, Кухтуй I-III, Исток I, на р. Дукча (8-й и 9-й км).

Естественные географические условия Охотско-Колымского нагорья, несомненно, предопределили черты глубокой охотничьей специализации неолитических племен, населявших его. Основным объектом охоты здешнего населения был олень, спасавшийся на высокогорных тундровых пастбищах от комаров, оводов и жары летом и глубокого снега в долинах рек в зимний и весенний периоды. Отсутствие на Охотско-Колымском нагорье крупных речных преград, заставлявших оленей преодолевать их, способствовало, судя по всему, развитию несколько иной охотничьей тактики, чем та, которой придерживались неолитические охотники Чукотки и Якутии, занимавшиеся поколкой оленей на плавях (оленьих речных переправах) [Окладников, Мазин, 1979; Диков, 1969; 1979а. С. 129-135; Дьячков, 1992].

О существовании в верховьях р. Колымы и по ее притокам диких северных оленей сообщается во многих работах по зоогеографии приберингийской Субарктики [Чернявский, 1984. С. 242-247]. По мнению исследователей, популяции северных оленей никогда не были подвержены влиянию интенсивного промысла, и «дикарей» с удобных пастбищ вытеснили лишь оленеводы. Отмечается, что небольшие группы диких северных оленей и сейчас встречаются в верховьях рр. Бахапча, Детрин, Малтан, Нелькоба, Сеймкан, Омчак (бас. р. Колымы), а также в истоках р. Ола (бас. Охотского моря). Обитают эти олени, по наблюдениям зоологов, в горно-тундровом поясе и на примыкающих к нему участках лиственничного редколесья [Там же; Север..., 1970. С. 317. Рис. 83]. Сейчас можно считать установленным, что Колыму и Чукотку населяли две различные популяции северных оленей - горно-лесные, издавна обитающие разреженными стадами в верховьях Колымы и Колымском нагорье, и остатки некогда крупных мигрирующих стад тундровых оленей, образующих ныне охотско-анхойский и анадырский очаги [Там же]. И сейчас нередки случаи встречи диких оленей, особенно в районе Ольского плато.

В настоящее время территория Охотско-Колымского нагорья активно используется оленеводами под пастбища. Практически по всей линии водораздела, где нам довелось работать, от истоков р. Иня и далее в верховьях рр. Челомджа, Яна, Армань, Ола, Буюнда, Тахтояма, Сугой, Омолон, встречаются

оленоводческие стойбища и стада домашних оленей. Очень многие археологические памятники приурочены к террасам и холмам, выбранным оленеводами для их стойбищ. Часто это приводит к разрушению культурного слоя стоянок.

Такое размещение неолитического населения по водоразделам совершенно не характерно для Якутии, где практически все стоянки неолитического времени приурочены к долинам больших рек, к приустьевым мысам, но не к перевалам [Археологические..., 1983. Рис. 5; Археологические..., 1991. Рис. 1].

Несмотря на преобладающую роль, охота, видимо, не была единственным промыслом для местного населения Охотско-Колымского нагорья в неолите. Мелководные верховья рек Охотского бассейна, куда на нерест в больших количествах поднималась рыба (кета, горбуша), являлись более удобными для ее ловли по сравнению с устьями или средним течением рек, поскольку здесь было легче устроить запоры или запруды на перекатах и бить рыбу копьем (или просто заостренной палкой) на мелководье, как это фиксируют этнографические материалы Дальнего Востока [Народы..., 1985. С. 98] и как это делает местное население до сих пор.

Подобные приспособления для ловли лососевых мы наблюдали в верховьях рр. Иня и Челомджа (один из истоков р. Тауй), где рыбалки местных жителей находились в непосредственной близости от оленьих пастбищ.

Археологические материалы неолитических стоянок Охотско-Колымского нагорья и Континентального Приохотья довольно трудно поддаются расчленению в силу общенеолитической схожести каменных изделий, но, принимая во внимание всю совокупность данных, в том числе абсолютные датировки и технико-типологические особенности материальных комплексов с различных памятников, можно выделить несколько периодов в развитии этой неолитической культуры. Самый ранний из них представлен в исследуемом районе хуренджийским комплексом, выделенным на стоянках вокруг оз. Хуренджа на Ольском плато. По времени существования хуренджийский комплекс синхронизируется с культурами среднего неолита Якутии и Чукотки и, имея с ними много общих технологических приемов обработки каменного инвентаря, проявляет значительное своеобразие в его типологии. Комплексы орудий этого периода определены на стоянках Хуренджа II, III, V, VI, VIII, Нил-Устье (частично), Хета (верхний слой), Нил II, IV, Эликчан III, Ола I, Утро, Нярка II, Уртычук II, III, IX, X, Озеро Эликчан. Они дополняются находками с других стоянок - Бурлакич, Малкачан 1, 2, 4, Иретская.

В каменном инвентаре средненеолитического комплекса этого района выделены следующие типы орудий:

ножевидные пластинки (рис. 33, 1, 2, 11, 12), в том числе некоторые из обсидиана;

призматические (в том числе двухплощадные) (рис. 12, 3; 21, 5; 28, 1), конические (рис. 19, 1, 9; 21, 4) и уплощенные (рис. 23, 6) нуклеусы;

ретушированные по одному или обоим краям вкладыши на ножевидных пластинках (рис. 6, 6; 9, 6; 15, 4, 5; 20, 6; 23, 3; 29, 1-11; 33, 14-17);

заостренные ретушью ножевидные пластинки (рис. 22, 9, 10; 25, 4);

черешковые, частично обработанные наконечники на трехгранных в сечении пластинах (рис. 3, 12; 21, 8; 24, 1, 2; 25, 7), треугольные наконечники стрел с прямым (рис. 6, 7, 8; 12, 6; 15, 7, 8; 19, 16; 25, 3; 32, 9; 34, 3, 19, 23, 24) и выемчатым (рис. 3, 6; 33, 3) основанием, имеющие линзовидное сечение, в том числе с асимметричным шипом в основании (рис. 34, 5) или небольшим черешком (рис. 14, 4);

двусторонне обработанные ножи приостренно-овальной (рис. 34, 1) и подпрямоугольной (рис. 9, 1; 15, 3; 35, 1) формы;

крупные бифасиальные орудия усеченно-листовидной формы (ножи или наконечники копий) (рис. 14, 1, 2; 15, 2);

скребки боковые (рис. 21, 10; 26, 5; 33, 6) и концевые (рис. 23, 13; 26, 6; 35, 2, 3; 58, 2; 59, 3) на отщепе с частично или полностью ретушированными спинкой и брюшком;

резцы, среди которых различаются полиэдрические (рис. 3, 8; 4, 7; 9, 3, 7; 14, 7; 27, 1, 3; 35, 12, 13; 36, 1; 38, 1; 58, 1; 59, 2), срединные на пластине с ретушированными краями (рис. 3, 9; 33, 4); угловые на отщепе (рис. 24, 3, 7) и на пластинках (рис. 24, 6); на пластинчатом отщепе с ретушированным резцовым краем и с последующим оформлением его резцовым сколом (рис. 35, 7);

резчики, представленные изделиями на ножевидной пластинке из обсидиана с резцовым краем, обработанным ретушью (рис. 35, 8); серповидной формы, двусторонне ретушированные (рис. 34, 9); клювовидной формы (рис. 24, 5); двойной на халцедоновой галечке, которым можно было пользоваться, как циркулем (рис. 18, 9) - одно острие (посередине) служило в качестве опоры, а вторым вычерчивалась окружность; на ретушированных отщепах (рис. 35, 14);

тесло с нуклевидным лезвием (рис. 36, 2);

проколки с ретушированным острием, изготовленные на отщепах (рис. 21, 12) и ножевидных пластинках [Слободин, 1988б. Рис. 2, 7];

шлифованные изделия неясной пока формы, от которых найдены только небольшие отщепы со следами шлифовки на поверхности (стоянка Нил-Устье) (рис. 22, 6) и обломок шлифованного изделия (ножа?) (стоянка Нил IV) (рис. 35, 15).

Появление керамики в этот период подтверждается небольшим ее фрагментом, найденным на стоянке Хуренджа II, с нечетким техническим штампом (не вафельным) на поверхности.

Не исключено, что к хуренджийскому комплексу относятся и крупные галечные орудия (чопперы), найденные на стоянках Хуренджа I и на краю речной террасы у стоянки Нил-Устье, в 300 м от нее (рис. 31).

В развитии Хуренджийского комплекса на Охотско-Колымском нагорье можно выделить несколько этапов. Самый ранний, по-видимому, отмечает одна из датировок со стоянки Хуренджа VIII - 5210 ± 170 (ЛЕ-3901). Еще одна датировка с этой же стоянки - 6900 ± 450 (ЛЕ-4655) - получена по углю, взятому из самых низов углистого скопления на раскопе, и дата из расположенного рядом с раскопом пункта Хуренджа VIIIх - 7035 ± 200 (GX-17061) (где найдены только отщепы) подтверждают ранее полученные данные со стоянки Уртычук IV [Слободин, 1999а. С. 86-89] о заселении Ольского плато начиная с раннего голоцена. Вероятно, свидетельством такого заселения служат и отдельные находки со стоянок Хуренджа IV, V, такие, как крупные пластины, концевые скребки на пластинах (рис. 12, 2; 15, 1; 17, 1, 2), некоторые из нуклеусов.

Более поздние этапы отмечены датировками, полученными по углю со стоянки Хуренджа V - 4530 ± 150 (МАГ 1261) и Нил-Устье - 4150 ± 120 л. (Ле-3988), 4240 ± 100 (Ле-4653), 4880 ± 170 (Ле-4654), 4970 ± 70 л. (Beta-140692). Таким образом, развитие культуры Ольского плато, представленной хуренджийским комплексом, наблюдается с конца IV до конца III тыс. до н. э. В рамках неолита Северо-Востока Азии (Якутии и Чукотки) этот период относится преимущественно к среднему неолиту.

По своему облику средненеолитическая культура Колымского нагорья наиболее близка к средненеолитической белькачинской культуре Якутии, распространившейся, по данным исследователей, также на Нижней Колыме и Чукотке в III тыс. до н. э., и культурам даурского типа [Чернецов, 1973. С. 15]. Большое сходство с белькачинской культурой прослеживается по ряду типов каменных изделий.

В Якутии треугольные в плане наконечники, в том числе и наконечники с асимметричным жалом, появляются не раньше среднего неолита [Мочанов, 1969а. С. 147]. Сходны в этих двух культурах и полиэдрические резцы [Там же. Табл. 29, 1-5], типы скребков [Там же. Табл. 33, 6, 7, 10, 11], резчиков [Там же. Табл. 39, 1] и клювовидных орудий [Там же. Табл. 38, 13, 14]. Но достаточно четко проявляются и отличия, объяснить которые пока сложно. Наиболее заметны они в появлении на Охотско-Колымском водоразделе в среднем неолите треугольных в сечении черешковых (не напильниковидных) наконечников, а также черешковых наконечников стрел с линзовидным поперечным сечением. Эти типы наконечников совершенно не характерны для белькачинской культуры. Однако черешковые наконечники на пластинах (треугольные в сечении) отмечаются в материалах среднего неолита Западной Чукотки [Кирьяк, 1989. С. 9]. В то же время для белькачинской культуры характерным типом каменных изделий являются двусторонне обработанные иволистные наконечники стрел с овально-выпуклым основанием и ромбовидным поперечным сечением [Мочанов, 1969а, С. 176], ни одного экземпляра которых не было найдено на Охотско-Колымском нагорье на памятниках среднего неолита.

Яркой особенностью стоянок Ольского плато является присутствие в их материалах украшений - дисковидных шлифованных подвесок из белого, легко поддающегося обработке резаньем каменными резцами и шлифовкой материала - агальматолита (лунный камень).

Различается несколько разновидностей подвесок. Часть из них представляет собой небольшие (размерами примерно $1,5 \times 1$ см) шлифованные, совсем плоские (толщина до 0,3 см), овальной формы подвески с маленьким отверстием у края (рис. 20, 7, 9). Они были найдены на стоянке Хуренджа VIII. Очень близки к ним такие же плоские, такого же и чуть большего размера (диаметром до 2 см) округлые подвески с небольшим отверстием посередине (рис. 9, 12; 20, 8; 30, 3, 6, 7; 34, 12, 13). Они были найдены на стоянках Хуренджа II, VIII, Нил-Устье, Нил IV.

Подвески иного типа более выработанной круглой формы, диаметром до 2 см, толщиной до 0,5 см с большим отверстием посередине (рис. 30, 1, 5). Они больше напоминают кольцо (как их и называют, например, в описании находок из Диринг-Юряхского могильника), чем диск. Найдены они на стоянке Нил-Устье.

Среди всех подвесок выделяются изделия со стоянок Хуренджа V и Нил-Устье диаметром от 2,5 до 4 см с большим (в двух случаях) отверстием в центре (рис. 14, 11; 30, 2, 8).

Одна подвеска со стоянки Хуренджа V подпрямоугольной формы, размерами $3,5 \times 2$ см (рис. 14, 12) с плоско зашлифованными краями.

Для их изготовления предположительно применялись орудия типа резчиков, одно из которых можно было использовать в качестве циркуля (рис. 18, 9): одно острое (посередине) служило в качестве опоры, а вторым вычерчивалась окружность.

Об их местном производстве свидетельствует большое количество найденных на стоянках заготовок и многочисленных фрагментов подвесок, часть которых была сломана в процессе их производства и сверления отверстий (рис. 34, 15).

Концентрация такого количества подвесок в одном районе, на близко расположенных стоянках, а не в захоронениях - уникальна, но не исключительна. О распространении подобных подвесок на Верхней Колыме свидетельствуют находки с других стоянок этого района. Один фрагмент такой подвески найден восточнее Ольского плато по Охотско-Колымскому нагорью, в верховьях р. Сугой, на стоянке Эликчан III (рис. 60, 12) и на стоянке Хета (в верхнем слое). Два небольших диска (по половинке каждый) были найдены на стоянке среднего неолита в долине р. Колыма - Немичан (рис. 86б, 3, 4). Одна плоская подпрямоугольной формы подвеска найдена на стоянке Момонтай IV (рис. 91, 15), другая (дисковидная) - рядом, на стоянке Придорожная (рис. 97, 4).

Наиболее часто в Сибири украшения в виде каменных дисков с отверстием или колец встречаются на памятниках глазковской культуры в Прибайкалье [Окладников, 1955; 1975], датируемой в данное время концом IV - III тыс. до н. э. [Мамонова, Сулержицкий, 1989. С.17]. На Амуре они известны на стоянке Вознесенская, раскопанной А.П.Окладниковым в 1966 г. и датируемой IV тыс. до н. э. [Окладников, 1972. С. 12-14, 20, 21. Рис. 5; Okladnikov, 1981. Photo № 78, 79]. Здесь найдено не менее 14 белых нефритовых колец диаметром от 1,5 до 2,2 см с отверстиями диаметром 0,8-1 см. Вместе с подвесками в слое найдены и наконечник стрелы подтреугольной формы с выемкой в основании в виде хвоста ласточки, ретушированный с обеих сторон, ножевидные пластинки [Окладников, 1972. С. 12-13]. Такой же наконечник найден на стоянке Нил IV (рис. 34, 5).

В Якутии кольца представлены единичными экземплярами. Одно нефритовое кольцо найдено в I культурном слое стоянки Куллаты на р. Лена [Окладников, 1950в. С. 55-57. Табл. VII, 7]. Позднее эта находка была отнесена к среднему неолиту, к белькачинской культуре Якутии [Мочанов, 1969а. С. 166]. Подобные украшения из белого нефрита (?) были найдены на стоянке Малая Мунку на Лене [Окладников, 1955. С. 85] и в Джикимдинском погребении на Олекме [Алексеев, 1996], которые отнесены к белькачинской культуре [Мочанов, 1969а. С.165]. Небольшой фрагмент кольца из белого нефрита найден в V культурном слое стоянки Белькачи на Алдане [Мочанов, 1969а. С. 91. Табл. 29, 16]. Для этого слоя получена радиоуглеродная дата 4880 ± 90 [Археологические..., 1983, рис. 10]. Он отнесен к периоду среднего неолита (белькачинская культура) и датируется в целом III тыс. до н.э. [Там же. С. 17]. Судя по иллюстрации, это было довольно крупное кольцо с внешним диаметром 6 см и отверстием диаметром 2,3 см. На этом до недавнего времени аналогии исчерпывались. Сейчас появились новые данные. В Диринг-Юряхском могильнике, в погребениях II и V найдено 5 больших и малых нефритовых колец диаметром от 1,45 до 10,7 см и с отверстием диаметром от 0,5 до 8,8 см [Федосеева, 1988. С. 87, 88]. По трубчатым костям скелетов была получена дата 3840 ± 50 (ГИН 4794), что позволило исследователю,

«несмотря на все своеобразие», отнести этот могильник к ымыяхтахской культуре [Там же. С. 96]. Действительно, есть все основания говорить о «своеобразии» могильника, поскольку шлифованные каменные кольца или диски никогда ранее в материалах ымыяхтахских стоянок не выделялись. Украшением ымыяхтахцев были «плоские перламутровые бусы, вырезанные из створок пресноводной ракушки», найденные только на стоянке Бурулгино, в Иччиляхском погребении и в III слое жертвенника Сурукта-ах-Хая [Федосеева, 1980. С. 202]. Не найдены в Диринг-Юряхском могильнике и иные типы изделий, ярко характеризующие ымыяхтахскую культуру, например, трехгранные напильниковидные наконечники, вафельная керамика. Многофасеточный резец из могильника совсем иного типа, нежели известные в ымыяхтахской культуре, и, как было отмечено, не может быть культуроопределяющим [Михалев, 1995. С. 19].

В.Н.Чернецов, обосновывая выделение культур даурского типа в Забайкалье, на Амуре и Алдане, наряду с орудиями из ножевидных пластин отмечал и широкое распространение характерных для этих культур бус в виде миниатюрных плоских кружочков и нефритовых каменных колец [Чернецов, 1973. С. 15, 16]. Датируются эти находки III тыс. до н. э. [Там же]. Распространение даурского комплекса в Якутии В.Н. Чернецов связывал с появлением там белькачинской культуры.

На Чукотке обломок нефритового кольца был найден в Усть-Бельском могильнике на р. Анадырь [Диков, 1979а. С. 141-144, рис. 55, 4, 6, 10]. Ю.А. Мочанов датировал этот могильник III тыс. до н.э. и отнес его к белькачинской культуре [Мочанов, 1969а. С. 182, рис. 20, 33]. Н.Н. Диков относит этот памятник к усть-бельской культуре и датирует его II-I тыс. до н. э. [Диков, 1979а. С. 147, 148]. Других подобных находок на Чукотке пока не известно. Отсутствуют какие-либо украшения в виде колец или дисков в неолите Камчатки.

Проведенные аналогии не противоречат отнесению рассмотренных памятников Ольского плато к среднему неолиту - III тыс. до н. э. - и позволяют отметить тесные связи этого района с культурами раннего и среднего неолита Прибайкалья, Амуре и Якутии.

К позднему неолиту Охотско-Колымского водораздела отнесены стоянки Купка I, Нярка I, Исток II, Хетагчан I-III, Коркодон I, II, Гижигинская, часть материалов стоянок Нил-Устье, Хуренджа IV, XI.

В позднем неолите на рассматриваемой территории появляются вафельная керамика (рис. 22, 13; 76, 3, 4), прямоугольные и сегментовидные, двусторонне ретушированные вкладыши (рис. 50, 6; 68, 1; 73, 3), плоские и односторонне-выпуклые в сечении черешковые наконечники (рис. 25, 1; 50, 7; 67, 2, 5), трехгранные напильниковидные наконечники (рис. 64, 10), крупные листовидные и подтреугольной формы наконечники (рис. 67, 4; 68, 5; 74, 3; 75, 3); ножи со скошенным лезвием (рис. 64, 10; 72, 6) и черешковые (рис. 67, 1), топоровидные (рис. 26, 1; 73, 1) и подтреугольной формы (рис. 68, 8, 10; 69, 9) скребки, клювовидные резчики (рис. 65, 6-8), плоские и подтреугольные в сечении подпрямоугольной формы шлифованные тесла (рис. 28, 6; 65, 1; 70, 3), оббитые тесла или топоры овальной формы (рис. 11, 4).

Аналогии этим орудиям прослеживаются в поздненеолитических материалах Якутии [Федосеева, 1980] и Чукотки [Диков, 1979а; Кирьяк, 1993а,б].

По-прежнему используются плоские треугольные наконечники с прямым или слегка выемчатым основанием (рис. 25, 6; 66, 5, 7-9), полиэдрические резцы (рис. 27, 4, 6, 8; 50, 8; 69, 5). Сохраняется, хотя и значительно уменьшилось, использование микропластинчатой техники, о чем свидетельствует небольшое количество микропластинок (рис. 50, 2-4; 60, 5, 9; 69, 10) и призматических нуклеусов на стоянках (рис. 63, 13).

Среди поздненеолитических материалов всей Верхней Колымы и Континентального Приохотья выделяются своим своеобразием материалы стоянки Хетагчан. Наиболее выразительные элементы этого комплекса - черешковые односторонне-выпуклые наконечники (часто с небольшим изгибом в профиль) айонского типа (далее - наконечники айонского типа). Они дают обширный материал для рассуждений.

Н.Н.Диков нашел эти наконечники в 1957 г. на р. Амгуэма (вторая или четвертая стоянка) [Диков, 1977а. С. 143, 144. Табл. 109], в 1959 г. и 1972 г. - на второй неолитической стоянке на южном берегу о. Айон: «5 черешковых тщательно, со всех сторон ретушированных наконечников стрел, сделанных из желтого кремнистого сланца» [Диков, 1961. С. 39. Рис. 1, 10; 1977а. С. 209. Табл. 185]. Добавим, что, судя по иллюстрациям, они односторонне-выпуклые, а некоторые изогнуты в профиле. На р. Амгуэма в 1963 г. такие же наконечники были найдены в Экиатапском могильнике. Они четко «читаются» в

таблице по неолиту Чукотки [Диков, 1969. Рис. 36] и в описании материков стоянок Чукотки [Диков, 1977а. Табл. 109, 118, 185].

В 1979 г. Н.Н.Диков при описании северчукотской культуры относит к ней стоянки с о. Айон (в том числе с наконечниками айонского типа), Экиатапский могильник и стоянку Вторая Амгуэмская. Он представил наконечники айонского типа со стоянок Айон, Вторая Амгуэмская в сводной таблице каменных изделий северчукотской культуры, не встречающихся в усть-бельской культуре [Диков, 1979а. Рис. 51, 10, 14-16], хотя в перечислении типов орудий северчукотской культуры, нам кажется, они пропущены [Там же. С. 135-138].

Н.Н.Диков, развивая идею А.П.Окладникова о существовании нижнеленской культурной области в Якутии и на Чукотке, выделяет северчукотскую культуру как *«своеобразный локальный вариант нижнеленской поздненеолитической или даже как самостоятельную культуру, составляющую с нижнеленской одну культурную область»* [Диков, 1979а. С. 139]. Если иметь в виду своеобразие рассмотренных наконечников и отсутствие таковых в Якутии (не только в ее арктической, но и субарктической зоне), то выделение особой северчукотской культуры вполне логично.

В последние годы наконечники айонского типа в составе других материалов были найдены на оз. Эльгыгытгын (сборы М.Б. Скопца, которые нам удалось найти в недрах Института биологических проблем Севера и доставить в лабораторию археологии СВКНИИ [Кирьяк, 1993а. Табл. 75, 2]), на стоянках Липчиквыгытгын I, Верхнетытыльская I [Там же. С. 53. Табл. 67]. Они очень четко идентифицируются и характеризуются как *«черешковые наконечники... на коротких пластинках (или) ...пластинах»* [Там же]. Возможно, что некоторые из наконечников айонского типа с оз. Липчиквыгытгын I и сделаны на пластинах, но большинство их сделано на отщепах или пластинчатых отщепах. В среднем они длиной до 5-5,5 см. Эти наконечники рассматриваются как «специфические», присущие отдельным памятникам Западной Чукотки, но которые *«в большом количестве найдены на памятниках Восточной Чукотки (Айон, Экиатапский могильник)»*. [Там же. С. 53, 54]. Видимо, это стало одним из оснований говорить, что *«анalogии западночукотскому поздненеолитическому комплексу на основе технико-типологических показателей просматриваются в северчукотской...»* культуре [Кирьяк, 1993а. С. 54]. При определении их ареала говорится, что *«пластинчатые черешковые наконечники и их модификации, найденные на стоянке Липчиквыгытгын I, ... единичные экземпляры на Верхнетытыльской I и Эльгыгытгын, Кривое озеро... устойчивой серией отмечены на Айоне и Экиатапском могильнике на Восточной Чукотке, т.е. их ареал ограничивается очень небольшим районом чукотского Заполярья, на сопредельных территориях они не встречаются»* [Там же. С. 56].

Теперь, после исследований стоянки Хетагчан, ясно, что наконечники айонского типа распространились до субарктической зоны, однако это не дает ответа на вопрос о их происхождении. Или мы имеем здесь, на Верхней Колыме, влияние чукотских культур, или наконечники с Верхней Колымы распространились на Чукотку вплоть до о. Айон и оз. Эльгыгытгын? Судя по всему, на Колыме и Чукотке они одинакового возраста. По крайней мере, сопутствующие им материалы с о. Айон имеют аналогии в каменном инвентаре и керамике стоянки Хетагчан I. Предварительно стоянка Хетагчан датируется концом II тыс. до н.э. (3250 ± 70, Beta-140690).

Достаточно сложно сейчас определить культурную принадлежность стоянки Малтан. Ее материалы уже рассматривались нами [Слободин, 1999а. С. 188-192]. Проведенные здесь дополнительные исследования показали наличие сильных почвенных нарушений, прошедших вследствие криотурбационных процессов, что затрудняет использование абсолютных датировок, полученных для стоянки. Здесь фиксируются совершенно четкие свидетельства существования, по меньшей мере, неолитической микропластинчатой технологии (рис. 40, 2, 5, 6; 53, 8, 9). В то же время на плоских, подтреугольной формы наконечниках, отнесенных ко второму (древнейшему) культурному слою стоянки [Диков, 1979а], обнаружены следы шлифовки на плоских поверхностях (рис. 40, 2-7). Их принадлежность к нижнему слою и предлагаемый возраст [Диков, 1979а], таким образом, ставятся под сомнение. Насколько поздней может быть керамика из верхнего слоя стоянки, пока судить трудно. Н.Н. Диков предположил, что ее возраст 3-4 тыс. лет [Диков, 1979а]. А.И. Лебединцев [1990а. С.130], основываясь на технических характеристиках керамики и поздних датировках из верхнего слоя - 1790 ± 25 (МАГ 195) и 1300 ± 200 (МАГ 767) [Ложкин, 1985. С. 68], отнес ее к пережиточному неолиту - раннему железному веку.

Предварительно в целом как неолитические до получения более информативных данных рассматриваются материалы стоянок Хуренджа I, VII, IX, X, Исток I, Нярка II, Эликчан VIII, Майка, Гипотетический V, IX, X, XII, XIII. Найденные на большинстве из них микропластинки свидетельствуют, что их возраст не моложе неолита. На стоянке Майка облик орудийного комплекса и его принадлежность, видимо, еще будут уточнены, поскольку там проведены лишь самые предварительные исследования. Обращает на себя внимание скребло с этой стоянки - овальное с «носиком», бифасиально обработанное, линзовидное в сечении (рис. 52, 1). Оно необычно для неолита Северо-Востока и напоминает сибирские палеолитические скребла [Абрамова, 1979а. Табл. I, 2; Абрамова, 1989. Рис. 12, 8; 15, 20; 19, 14; 36, 4], хотя оснований датировать его этим временем у нас пока нет. Также предварительно неолитом с привязкой к стоянке Майка датированы и материалы стоянок Гипотетический IX, X, XII, XIII. Они расположены рядом, в верховьях небольшого водотока, и имеют общие характеристики по ряду технико-типологических показателей каменных орудий.

Эпоха неолита на Верхней Колыме и в Континентальном Приохотье завершается, как в большинстве районов Северо-Востока Азии, в конце II - I тыс. до н. э. Для этого времени характерно угасание микропластинчатой технологии, исчезновение нуклеусов, полиэдрических резцов. На стоянках этого периода - Агробаза I, Ола II, Малык I, Джугаджака I-III, Буюнда II, Тебана III, IV - найдены аморфные нуклеусы (рис. 7, 3, 5), орудия на отщепах (рис. 41, 4; 7, 1, 2) и на сланцевых плитках, некоторые из них пришлифовывались (Джугаджака III, Хуренджа IV). Сохраняется двусторонняя обработка орудий (рис. 7, 1; 42, 1).

О связях Верхней Колымы с Охотским побережьем и Камчаткой в это время свидетельствует находка на стоянке Левая Хета ножа с рукояткой (рис. 59, 1), подобного найденным на стоянке Большой Камень на Южной Камчатке [Пономаренко, 1989. С. 129. Рис. 19, 23] и стоянках Спафарьева и Ольская в Тауйской губе [Лебединцев, 1990а. Рис. 72, 92], датируемых I тыс. до н. э. Продолжают существовать ножи такой формы, видимо, и в более позднее время - до конца I тыс. н. э. [Пономаренко, 1985. Табл. 30].

Эпоха металлов на Верхней Колыме и в Континентальном Приохотье представлена комплексами стоянок Агробаза III, IV (верхний слой), Исток III, Эликчан II, IV-VII, а также некоторыми материалами стоянок Буюнда VII, Эликчан VIII. К этому же времени относят находки керамики на стоянке Мшистая [Кистенев, 1993]. Для них характерно упрощение каменной технологии по причине употребления металлических изделий. На стоянках этого периода широко представлены скребки на галечных, преимущественно первичных отщепах, лезвием которых служит их необработанный острый нижний край (рис. 78; 79). Такие одиночные скребки найдены на оз. Хэдда в верховьях р. Иня (рис. 10, 2) и на террасе в устье р. Хиникенджа в верховьях Кулу (рис. 10, 3). Для закрепления скребков в рукоятке обработке подвергались их боковые края. Реже встречаются скребки с обработанными ретушью лезвиями, ножи на отщепах, рубящие орудия, крупные галечные нуклеусы (рис. 84, 1, 2), некоторые из них дисковидной формы [Слободин, 1999а. Рис. 85, 1]. На стоянке Агробаза III в кострище найдено несколько сотен водогреек - камней, которые нагревали в костре и опускали в воду для ее кипячения в берестяной или деревянной посуде.

Галечные орудия, найденные на этих стоянках, создают иллюзию архаичной культуры, возраст которой по углю, взятому из кострища, для верхнего культурного слоя стоянки Агробаза III 650 ± 60 (МАГ-1259) и 390 ± 90 (ЛЕ-3989). Пример таких стоянок, расположенных на древних галечных валах, был зафиксирован А.П. Окладниковым [1947а] при обследовании среднего течения Колымы в 1946 г. Он определяет их как «мастерские», где обработка камня ограничивалась отбором подходящей гальки, опробованием ее и грубой подтеской и приводит для сравнения описанные В.И. Иохельсоном периодические путешествия древних юкагиров на плотках вниз по Колыме, во время которых предки этих позднейших колымских путешественников, останавливаясь на подходящих местах у низких берегов реки, могли собирать гальку и наспех обрабатывать ее как полуфабрикат, который должен был впоследствии пойти в дело [Там же. С. 178].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования археологических материалов, полученных с территории Верхней Колымы и Континентального Приохотья, позволяют сделать некоторые предварительные выводы об истории каменного века этого крупного региона Северо-Востока Азии. Возвращаясь к заключению А.П.Окладникова, сделанному в 1947 г., что верховья Колымы никогда не были густо заселены человеком и не служили главным путем его расселения [Окладников, 1947а], отметим, что сейчас уже можно утверждать - верховья Колымы были так же плотно заселены древними охотниками начиная с каменного века, как и ее низовья, наряду с которыми были если не главным, то вполне равноценным путем их расселения. Более того, именно на Верхней Колыме и в Континентальном Приохотье на стоянках Дручак-Ветренный [Воробей, 1996б], Уптар, Хета, Уи, Буюнда III [Слободин, 1999а] найдены наиболее документированные и хорошо датированные свидетельства освоения и расселения людей в Охотско-Колымском крае в палеолите и раннем голоцене, тогда как на Нижней Колыме следов палеолита пока не обнаружено и ни один раннеголоценовый памятник не получил подтверждения датировки по С-14 [Кистенев, 1990].

Заселение Верхней Колымы древними охотниками началось не позднее сартанской эпохи плейстоцена и шло с запада на восток. Имеющиеся материалы дают основания утверждать, что это были носители палеолитических традиций, сходных с ранней позднепалеолитической ушковской (из VII слоя), дюктайской культурой Якутии, усть-ульминской (селемджинской) традицией Приамурья, ушковской (из VI слоя) культурой Камчатки и палеоарктической традицией Аляски. При этом остается дискуссионной гипотеза существования дюктайской безмикропластинчатой традиции на стоянке Кухтуй III в Северном Приохотье [Мочанов, 1977]. Известны пока и плейстоценовые стоянки сибердиковской галечной культуры, которые, как предполагалось [Диков, 1979а], существовали на Верхней Колыме в палеолите.

По меньшей мере с раннего голоцена, а возможно, и раньше, судя по материалам стоянки Уптар [Слободин, 1999а], было начато освоение Континентального Приохотья в непосредственной близости от побережья.

После исследований, проведенных на Верхней Колыме, нами неоднозначно воспринимаются раннеголоценовые комплексы сибердиковской культуры [Диков, 1979а; Слободин, 1999а]. На ряде памятников (Агробаза III, IV) они «разложились» на средне- и позднеголоценовые составляющие. Радиоуглеродные датировки и стратиграфия стоянок Сибердик и Конго, на первый взгляд, не допускают возможной смешанности слоев. Однако при изучении документации раскопок стоянок и геологии района выявлены такие факты, как дюнный характер формирования геологических отложений, вмещающих культурные остатки, перемещение артефактов по слоям, сохранность органики и другие свидетельства возможного наложения культурных комплексов разных периодов голоцена один на другой. Несомненно, что для окончательных выводов потребуется еще немало доказательств (как в пользу сибердиковской культуры, так и против), и поэтому исследования на Колыме имеют большие перспективы.

С раннего голоцена на Колыме происходит процесс смены культурных традиций, который характеризуется исчезновением в материальных комплексах раннеголоценовых культур клиновидных нуклеусов и присущих им типов бифасиальных орудий. Они заменяются получившими широкое распространение призматическими нуклеусами, пластинчатыми черешковыми наконечниками и другими орудиями на ножевидных пластинах. Технично-типологический анализ этих материалов вместе с абсолютными датами слоев, в которых они залежали, определяет предварительно хронологические рамки этого периода Верхней Колымы в пределах VII-V тыс. до н.э. Выделяется несколько раннеголоценовых традиций, различающихся по характеру каменного инвентаря. Одна из них представлена материалами стоянок, разделяющих общие черты с сумнагинской культурой Якутии. Другая верхнеколымская раннеголоценовая традиция - уолбинская, помимо нуклеусов, микропластинок и орудий на них, характеризуется выразительными черешковыми пластинчатыми наконечниками [Слободин, 1999а].

Не подтверждается результатами наших исследований и предположение о существовании в «мезолите» Верхней Колымы «заслона» в виде малтанской культуры, который препятствовал бы проникновению туда сумнагинской [Диков, 1979б] или иных культур. Возраст малтанского комплекса, вероятнее

всего, не древнее среднего - позднего неолита (а возможно, и более молодой), что подтверждается дополнительными исследованиями стоянки и коллекции находок, в результате которых там были выявлены шлифованные орудия и получена датировка низов культурного слоя 4012 ± 102 л. (DRI-3286).

С IV тыс. до н.э. на Верхней Колыме начинается эпоха неолита. Дата 6300 л. н. для II слоя стоянки Сибердик определяет, вероятно, самое начало раннего неолита. Как и повсюду на Северо-Востоке Азии, наряду со шлифованными орудиями здесь появляется керамика. Однако из-за своей малочисленности эти находки не стали основополагающими элементами при выделении периодов неолита, как в соседних с Верхней Колымой районах Якутии и Чукотки [Кирыак, 1989; Кистенев, 1990]. Весь ареал неолитических памятников Верхней Колымы распадается на три крупных района: оханджийский археологический район со стоянками в верховьях р. Омулевка, на оз. Малый, Момонтай и Уи; колымский - со стоянками в долине р. Колыма; и хуренджийский с большой группой памятников, располагающихся по водораздельным пространствам Охотско-Колымского нагорья и Континентального Приохотья. Сравнительно-типологический анализ собранного материала, полученные радиоуглеродные датировки позволяют впервые выделить в этих районах (хотя и не во всех) ранний (IV тыс. до н. э.), средний (III тыс. до н. э.) и поздний (II тыс. до н. э.) этапы неолита. Тип хозяйства неолитических охотников оставался, по-видимому, тем же, что и раньше, - охота, дополняемая собирательством и рыбной ловлей.

В этот период появляется большое количество новых типов каменных орудий, ранее неизвестных на Верхней Колыме и в Континентальном Приохотье. Это позволяет даже при отсутствии стратиграфии и датировок по С-14 определять их культурную принадлежность, по меньшей мере, в рамках неолита. В неолите использовались призматические и конические нуклеусы, листовидные, треугольные и черешковые наконечники стрел, угловые на пластинах и полиэдрические с нуклевидной и ретушированной рукояткой резцы, резчики разных форм, разнообразные типы скребков, проколки на пластинах, ножи овальной и подпрямоугольной формы, ножи с насадом (рукояткой), частично и полностью ретушированные вкладыши на пластинках, клювовидные орудия. В единственных экземплярах найдены такие орудия, как четырехугольные в сечении шлифованные тесла, трехгранные напильниковидные наконечники, а также фрагменты вафельной и шнуровой керамики. Многие из этих типов орудий находят близкие аналогии в культурных комплексах неолитических стоянок Якутии, Чукотки, Камчатки, что свидетельствует об обширных и прочных культурно-хозяйственных связях этих территорий в неолите. Однако наряду со сходством отмечаются и существенные различия, выразившиеся в присутствии на Верхней Колыме трехгранных в сечении черешковых наконечников на пластинчатых сколах и срединных резцов на пластинах.

Выявлены и новые, ранее не предполагаемые контакты восточнчукотских и верхнеколымских культур, отмеченные находками айонских наконечников в Хетагчанском комплексе. Намечены и определенные сдвиги в решении проблемы времени и характера освоения Северного Приохотья неолитическими континентальными культурами. Найденные в Малкачанском заливе (около пос. Ямск) стоянки с неолитическими орудиями позволяют существенно заполнить хронологический пробел между материалами финальнопалеолитической стоянки Уптар [Слободин, 1999а], расположенной в непосредственной близости от побережья, и материалами поздненеолитической токаревской культуры [Лебединцев, 1990а], начавшей формироваться на северном побережье Охотского моря с середины II тыс. до н. э.

Яркой особенностью неолита Верхней Колымы являются украшения в виде плоских, дисковидных, тщательно отшлифованных подвесок с отверстием посередине, изготовленных из агальматолита. Аналогии им известны на Амуре и в Прибайкалье, что также говорит о контактах верхнеколымских племен с этими районами. На Чукотке и в Якутии такие подвески редки.

Заключительный этап неолита, или переход к эпохе металлов, представлен рядом стоянок с отчетливо выраженной деградацией микропластинчатой индустрии. Аморфные нуклеусы, пластинчатые отщепы, двусторонне обработанные ножи овальной формы, усеченно-лизовидные наконечники характеризуют этот период.

Материал, несомненно, представляющий интерес для характеристики большого круга памятников Северо-Востока, относящихся к периоду раннего железного века, исследован на стоянках Агробаза III, IV (верхний культурный комплекс). Практически нигде на Колыме и Западной Чукотке [Кирыак, 1993а. С. 69, 70] континентальные памятники этого периода не имеют радиоуглеродных датировок.

Погребенный (вместе с очагом) песчаной дюной культурный слой этих стоянок содержал крупные галечные скребки, ножи на отщепях, галечные нуклеусы для скалывания отщепов, рубящие орудия типа чопперов, создающих иллюзию «архаичной» культуры, возраст которой, по данным радиоуглеродного анализа, составляет всего лишь 400-600 лет. В качестве основных орудий (ножей, наконечников) в то время уже использовались изделия из металла, находки которых - большая редкость, так как в случае поломки их, в отличие от каменных, не выбрасывали, а переделывали. Однако для выделки шкур по-прежнему использовались не металлические, а каменные скребки, которые не рвали их и, кроме того, позволяли экономить металл.

Полученная на основе рассмотренного материала картина развития культур Верхней Колымы и Континентального Приохотья в неолите и в эпоху ранних металлов отражает в основном общие закономерности развития каменного века на Северо-Востоке Азии и, вместе с тем, как это и ожидалось, обнаруживает определенное своеобразие, свидетельствующее о сложных процессах культурно-этнического характера, происходивших на этой территории. Несомненно, что многое в этих процессах будет уточняться и дополняться по мере обнаружения новых археологических памятников как в рассматриваемом, так и в сопредельных районах.

Л и т е р а т у р а

- Абрамова З.А. К вопросу о культурных связях Азии и Америки в позднем палеолите // КСИА. 1973. № 137. С. 22-27.
- Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979а. 157 с.
- Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979б. 200 с.
- Абрамова З.А. Поздний палеолит азиатской части СССР // Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 302-346.
- Абрамова З.А. Клиновидные нуклеусы в палеолите Северной Азии // Палеолит и неолит. Л.: Наука, 1986. С. 11-16.
- Абрамова З.А. Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 1989. С. 145-240.
- Аксенов М.П. Археологическая стратиграфия и послыное описание инвентаря Верхоленской Горы I // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск: ИГУ, 1980. С. 45-93.
- Алексеев А.Н. Каменный век Олекмы. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1987. 125 с.
- Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1996. 144 с.
- Алексеев А.Н., Черосов Н.М. Археология Якутии. Каменный век. Якутск: ЯГУ, 1990. 104 с.
- Аргунов В.Г. Каменный век Северо-Западной Якутии. Новосибирск: Наука, 1990. 213 с.
- Арутюнов С.А. [Рец. на кн.] Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии // СА. 1983. № 4. С. 256-258.
- Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы. Новосибирск: Наука, 1983. 392 с.
- Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека. М.: Наука, 1991. 224 с.
- Баранова Ю.П., Гончаров В.Ф., Кулькова И.А. Кайнозойские отложения в бассейне нижнего течения р. Омолы // Кайнозой Северо-Востока СССР. М.: Наука, 1968. С. 61-73.
- Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 379 с.
- Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР. Л.: Наука, 1984. 172 с.
- Берингия в кайнозое. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. 594 с.
- Васильевский Р.С. Археологические исследования на побережье Тауйской губы // Краевед. зап. МОКМ. Магадан: Кн. изд-во, 1965. Вып. 5. С. 39-52.
- Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск: Наука, 1971. 252 с.
- Васильевский Р.С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск: Наука, 1973. 268 с.
- Васильевский Р.С., Гладышев С.А. Верхний палеолит Южного Приморья. Новосибирск: Наука, 1989. 184 с.
- Васковский А.П., Окладников А.П. Находки обработанного человеком дерева на древней террасе р. Сусуман (бассейн Колымы) // БКИЧП. 1948. № 13. С. 83-88.
- Верещагин Н.К. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР. М., 1971. С. 39-45 (Тр. ЗИН; Т. 49).
- Воробей И.Е. Неолитическая стоянка у с. Гижига // Древние памятники Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. С. 123-136.
- Воробей И.Е. Ритуальный памятник в верховьях Омолы // Краевед. зап. МОКМ. Магадан: Кн. изд-во, 1991. Вып. 17. С. 117-124.
- Воробей И.Е. Дручак-В - новая докерамическая стоянка в Северном Приохотье // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск: ИИиЭ СО РАН, 1992. С. 43-45.

- Воробей И.Е.* Стоянка в устье Делонга // Краевед. зап. МОКМ. Магадан: Кн. изд-во, 1993. Вып. 19. С. 16-28.
- Воробей И.Е.* Раннеголоценовые индустрии крайнего Северо-Востока Азии // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996а. С. 56-58.
- Воробей И.Е.* Стоянка Дручак-Ветренный // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996б. С. 24-51.
- Воробей И.Е.* Колымская археологическая экспедиция 1946 г. // Магадан: годы, события, люди. Магадан: Мэрия г. Магадана, 1999а. С. 7-8.
- Воробей И.Е.* О находках палеолита на Омолоне // Исследования по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999б. С. 4-15.
- Воробей И.Е.* Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2000. С. 182-186. Рец. на кн.: Слободин С.Б. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. 234 с.
- Гинзбург Э.Х., Ранов В.А.* О комплексном сравнении чоппингов и нуклеусов // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: ИГУ, 1981. С. 86-104.
- Гладышев С.А.* Верхнепалеолитические комплексы бассейна р. Зеркальной (Юго-Восточное Приморье): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 1989. 16 с.
- Гохман И.И., Томтосова Л.Ф.* Антропологические исследования неолитических могильников Диринг-Юрх и Родинка // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 105-124.
- Деревянко А.П.* Палеолит Дальнего Востока и Кореи. Новосибирск: Наука, 1983. 216 с.
- Деревянко А.П., Волков П.В., Хонджон Ли.* Селемжинская позднелолитическая культура. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии, 1998. 335 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А.* Палеолитоведение (введение и основы). Новосибирск: Наука, 1994. 289 с.
- Диков Н.Н.* Первые археологические исследования на острове Айон // Зап. ЧКМ. Магадан: Кн. изд-во, 1961. С. 38-42.
- Диков Н.Н.* Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М.: Наука, 1967. С. 16-31.
- Диков Н.Н.* Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан: Кн. изд-во, 1969. 256 с.
- Диков Н.Н.* Древние культуры Камчатки и Чукотки: Автореф. дис. ... док. ист. наук. Новосибирск, 1971. 48 с.
- Диков Н.Н.* Исследования в зоне затопления Колымской ГЭС // АО 1973 г. М.: Наука, 1974а. С. 197-198.
- Диков Н.Н.* Чукотка в каменном веке // Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск: Наука, 1974б. С. 18-45.
- Диков Н.Н.* Исследования ранних памятников каменного века в бассейне р. Колымы и на Камчатке // АО 1975 г. М.: Наука, 1976а. С. 233.
- Диков Н.Н.* Новейшие исследования палеолита на Колыме и Камчатке и проблема первоначального заселения Американского континента // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1976б. С. 165-182 (Тр. СВКНИИ; Вып. 67).
- Диков Н.Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. М.: Наука, 1977а. 391 с.
- Диков Н.Н.* Новые археологические данные к этнической истории Северо-Восточной Сибири // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977б. С. 50-59.
- Диков Н.Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1979а. 352 с.
- Диков Н.Н.* Культурные связи между Северо-Восточной Азией и Америкой по данным позднелолитических стоянок Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы // XIV Тихоокеанский научный конгресс. Комитет Л: Тез. докл. М., 1979б. Т. 2. С. 190-192.
- Диков Н.Н.* Исследования в бассейне р. Колымы и на Чукотке // АО 1978 г. М.: Наука, 1979в. С. 219-220.
- Диков Н.Н.* Северо-Восточная Азия в эпоху палеолита // История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М.: Наука, 1989а. С. 26-35.
- Диков Н.Н.* Неолит Камчатки. Неолит и начало бронзового века Чукотки // История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М.: Наука, 1989б. С. 95-106.
- Диков Н.Н.* Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1993. 68 с.
- Диков Н.Н.* Древняя стоянка Малтан I // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России. Магадан: Кн. изд-во. 1995. С. 19-22.
- Диков Н.Н.* Археологическое прошлое обитателей Северо-Востока Азии // Северо-Восток России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсии в историю. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. С. 13-31.
- Диков Н.Н., Герасимчук В.И.* Следы верхнего палеолита у ручья Шило в бассейне Колымы // АО 1970 г. М.: Наука, 1971. С. 186.
- Диков Н.Н., Дикова Т.М.* Исследования на Колыме и Камчатке // АО 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 252.
- Диков Н.Н., Дикова Т.М.* Памятники каменного века на Камчатке, Колыме и Чукотке // АО 1972 г. М.: Наука, 1973. С. 210-211.
- Диков Н.Н., Дикова Т.М.* Исследования на Колыме // АО 1974 г. М.: Наука, 1975а. С. 200-201.
- Диков Н.Н., Дикова Т.М.* Археологические исследования в зоне затопления водохранилищем Колымской ГЭС в 1971-1973 гг. // Краевед. зап. МОКМ. Магадан: Кн. изд-во, 1975б. Вып. 10. С. 63-70.
- Диков Н.Н., Кирьяк М.А.* Открытие первых мезолитических и неолитических памятников на Западе Чукотки (на озере Тытыль в верховьях реки М. Анюй) // Краевед. зап. МОКМ. Магадан: Кн. изд-во, 1982. Вып. 12. С. 115-124.

- Диков Н.Н., Кононенко Н.Н. Результаты трассологического исследования клиновидных нуклеусов из VI слоя стоянок Ушки I-V на Камчатке // Древние памятники Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. С. 170-175.
- Диков Н.Н., Савва Н.Е. Новая внутриконтинентальная стоянка каменного века в Северном Приохотье (у истоков руч. Уртычук) // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1980. С. 64-68.
- Дикова Т.М. Археологические памятники Магаданской области. Магадан: Кн. изд-во, 1974. 40 с.
- Дьячков А.Е. Анадырский край. Магадан: Кн. изд-во, 1992. С. 161-267.
- Иванов В.Н. Проблема заселения Америки в трудах историков и путешественников XVII-XVIII вв. // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. Якутск: ЯГУ, 1982. С. 28-30.
- Иохельсон В. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой // Живая старина. СПб., 1900. 43 с.
- Иохельсон В.И. Коряки (материальная культура и социальная организация). СПб.: Наука, 1997. 238 с.
- История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М.: Наука, 1989. 375 с.
- История и культура чукчей. Л.: Наука, 1987. 287 с.
- История и культура эвенов. СПб.: Наука, 1997. 180 с.
- История Чукотки. М.: Мысль, 1989. 494 с.
- Кашин В.А. Стоянка Юбилейный и ее место в культуре каменного века Якутии // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1983. С. 93-102.
- Кашин В.А. Палеолит Северо-Восточной Азии. История и итоги исследований 1940-1980 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990.
- Кашин В.А. Колымское наследие А.П.Окладникова (Помазкинский археологический комплекс) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1998. С. 75-77.
- Кашин В.А., Калинина В.В. Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. Якутск: Ин-т проблем малочисленных народов Севера, 1997. 112 с.
- Кирьяк М.А. Краеведы выходят на поиск // Краевед. зап. МОКМ. Магадан: Кн. изд-во, 1975. Вып. 10. С. 95-99.
- Кирьяк М.А. Орловка - первая палеолитическая стоянка Западной Чукотки // Новое в археологии Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1985. С. 12-23.
- Кирьяк М.А. Неолитические стоянки на озере Б. Нутенеут // Краевед. зап. МОКМ. Магадан: Кн. изд-во, 1986. Вып. 14. С. 151-159.
- Кирьяк М.А. Полевые работы на западе Чукотки // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. С. 213-215.
- Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки, Среднего и Нижнего Приколымья и некоторые вопросы этногенеза юкагиров: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 19 с.
- Кирьяк М.А. Стоянка Большой Эльгахчан I (бассейн р. Омолон) - аналог палеолитического комплекса VII слоя стоянки Ушки I на Камчатке // Древние памятники Севера Дальнего Востока. Магадан, 1990. С. 35-52.
- Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки. М.: Наука, 1993а. 224 с.
- Кирьяк М.А. Ымыяхтахский комплекс со стоянки Большой Эльгахчан I (Бассейн Омолона) // Краевед. зап. МОКМ. Магадан: Кн. изд-во, 1993б. Вып. 19. С. 3-15.
- Кистенев С.П. Новые археологические памятники в бассейне Колымы // Новое в археологии Якутии. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 74-87.
- Кистенев С.П. Древние стоянки левобережья Нижней Колымы (Холлерчинская тундра) // Археология Якутии. Якутск: ЯГУ, 1988. С. 98-104.
- Кистенев С.П. Каменный век бассейна Нижней Колымы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 1990. 22 с.
- Кистенев С.П. Роднинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 68-83.
- Кистенев С.П. Результаты исследований в зоне затопления Усть-Среднеканской ГЭС (Верхняя Колыма) // Исторический опыт освоения восточных районов России. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1993. Вып. 1. С. 25-28.
- Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.: Изд-во АН СССР, 1991. 448 с.
- Колпаков Е.М. Теория археологической классификации. СПб., 1991. 112 с.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. 840 с.
- Крупянюк А.А. Микропластинчатый комплекс и изделия с резцовым сколом из коллекции Устиновки-IV (Приморье) // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1991. С. 27-51.
- Кузнецов А.М. Поздний палеолит Приморья. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. 240 с.
- Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1972. Ч. 2. 413 с.
- Лебединцев А.И. Новые археологические памятники северо-западного побережья Охотского моря // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1980. С. 89-97.
- Лебединцев А.И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. Л.: Наука, 1990а. 260 с.
- Лебединцев А.И. Украшения из камня с острова Спафарьева // Древние памятники Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990б. С. 52-65.
- Лебединцев А.И. Художественные сюжеты и орнаментальные мотивы в искусстве токаревской культуры // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. С. 140-159.
- Лебединцев А.И., Слободин С.Б., Реймерс А.Н. Находки на побережье зал. Малкачанский, Бабушкина и на Дукче // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2000. С. 19-34.

- Леонтьев Н.Н., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан: Кн. изд-во, 1989. 456 с.
- Линдену Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Ложкин А.В. Радиоуглеродные датировки археологических памятников Северо-Востока Азии // Новое в археологии Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1985. С. 66-70.
- Ложкин А.В., Андерсон П.М., Эйсер У.Р., Глушкова О.Ю. и др. Новые палинологические и радиоуглеродные данные об эволюции растительного покрова Западной Берингии в позднем плейстоцене и голоцене // Эволюция климата и растительности Берингии в позднем кайнозое. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1995. С. 5-24.
- Ложкин А.В., Андерсон П.М., Белая Б.В., Глушкова О.Ю. и др. Особенности развития растительности в горных районах Колымы в субатлантический период голоцена // Четвертичные климаты и растительность Берингии. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. С. 64-77.
- Ложкин А.В., Глушкова О.Ю. Новые палинологические характеристики и радиоуглеродные датировки верхнечетвертичных отложений Северного Приохотья // Поздний плейстоцен и голоцен Берингии. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1997. С. 70-79.
- Ложкин А.В., Прохорова Т.П. Результаты палинологического изучения археологических памятников Колымы // Новейшие данные по археологии Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1980. С. 128-133.
- Ложкин А.В., Трумпе М.А. Систематизация радиоуглеродных датировок археологических памятников Магаданской области // Древние памятники Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. С. 176-179.
- Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по С-14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. 1989. № 1. С. 19-32.
- Маркин С.В. Палеолитические памятники бассейна реки Томи. Новосибирск: Наука, 1986. 177 с.
- Медведев Г.И., Савельев Н.А., Леженко И.Л. Моделирование и технологическая классификация резцов и скребков // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: ИГУ, 1981. С. 104-115.
- Мелекесцев В.И., Глушкова О.Ю., Кирьянов В.Ю. и др. Происхождение и возраст Магаданских вулканических пеплов // ДАН СССР. 1991. Т. 317. № 5. С. 1188-1192.
- Михаев В.М. Эндемичные типы каменных орудий как исторический источник (на примере полиэдрических резцов-дрилей Северо-Восточной Азии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 1995. 23 с.
- Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969а. 254 с.
- Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения Северо-Восточной Азии и Аляски (к вопросу о начальных миграциях человека в Америку) // СЭ. 1969б. № 1. С. 79-86.
- Мочанов Ю.А. Новые данные о берингоморском пути заселения Америки (стоянка Майорыч - первый верхнепалеолитический памятник в долине Колымы) // СЭ. 1972а. № 2. С. 98-101.
- Мочанов Ю.А. Исследование палеолита на Индигирке, Колыме и западном побережье Охотского моря // АО 1971 г. М.: Наука, 1972б. С. 251.
- Мочанов Ю.А. Стратиграфия и абсолютная хронология палеолита Северо-Восточной Азии (по данным работ 1963-1973 гг.) // Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975. С. 9-30.
- Мочанов Ю.А. Палеолит Сибири // Берингия в кайнозое. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. С. 540-565.
- Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.
- Мочанов Ю.А., Саввинова Г.М. Природная среда обитания человека в эпоху камня и ранних металлов Якутии (по материалам археологических памятников) // Новое в археологии Якутии. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 14-27.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Основные этапы древней истории Северо-Восточной Азии // Берингия в кайнозое. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. С. 515-539.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Основные итоги археологического изучения Якутии // Новое в археологии Якутии. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 3-13.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Кистенев С.П., Эртюков В.И. Работы Приленской археологической экспедиции (ПАЭ) на Чукотке и в Северном Приохотье // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. Иркутск, 1980. С. 58-59.
- Народы Дальнего Востока СССР в XVII-XX вв.: Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1985. 240 с.
- Оглезнева Т.Н. Русское географическое общество: изучение народов северо-востока Азии. 1845-1917 гг. Новосибирск: Наука, 1994. 176 с.
- Окладников А.П. Ленские древности. Якутск, 1946. Вып. 2. 186 с.
- Окладников А.П. Древние культуры Северо-Восточной Азии по данным археологических исследований в 1946 г. в Колымском крае // Вестник древней истории. 1947а. № 1. С. 176-182.
- Окладников А.П. Колымская экспедиция // КСИИМК. 1947б. Т. 21. С. 76.
- Окладников А.П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея // СА. 1950а. Т. 13. С. 139-172.
- Окладников А.П. Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов // Уч. зап. ЛГУ. 1950б. Вып. 1. № 115. С. 34-35.
- Окладников А.П. Ленские древности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950в. Вып. 3. 98 с.
- Окладников А.П. Следы палеолита в долине р. Лены // МИА. 1953. № 39. С. 227-266 (Палеолит и неолит СССР).
- Окладников А.П. История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т. 1. 432 с.
- Окладников А.П. Отчет о раскопках древнего поселения у села Вознесенского на Амуре. 1966 г. // Мат-лы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1972. Ч. 1. С. 3-27.
- Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск: Наука, 1975. 320 с.

- Окладников А.П.* Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск: Наука, 1976. 328 с.
- Окладников А.П.* Палеолит Монголии в свете новейших исследований // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1983. С. 8-21.
- Окладников А.П., Береговая Н.А.* Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск: Наука, 1971. 216 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.* Громатухинская культура. Новосибирск: Наука, 1977. 185 с.
- Окладников А.П., Кириллов И.И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
- Окладников А.П., Мазин А.И.* Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука, 1979. 152 с.
- Орехов А.А.* Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. М.: Наука, 1987. 175 с.
- Орехов А.А.* Первобытнообщинный строй на территории Колымы и Чукотки. Магадан: Кн. изд-во, 1988. 83 с.
- Палеолит СССР.* М.: Наука, 1984. 383 с.
- Пармузин Ю.П.* Северо-Восток и Камчатка. М.: Мысль, 1967. 368 с.
- Підопличко І.Г.* З приводу роботи Васильовського А.П., Окладникова А.П. про знахідку дерева, опрацьованного палеолітичною людиною // Археологія. 1950. Вип. 3.
- Питулько В.В.* Каменные индустрии позднего плейстоцена - раннего голоцена Севера Восточной Сибири // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. СПб., 1993. Ч. 2. С. 43-47.
- Питулько В.В.* Позднеплейстоценовые - раннеголоценовые древности Северо-Восточной Азии: обзор данных // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. С. 5-16.
- Пономаренко А.К.* Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М.: Наука, 1985. 216 с.
- Пономаренко А.К.* Стоянка Большой Камень - памятник развитого неолита Южной Камчатки. // Краевед. зап. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1989. Вип. 6. С. 119-154.
- Пономаренко А.К.* Разведки на Восточной Камчатке // АО 1995 г. М.: Наука, 1996. С. 360-361.
- Рубан В.И.* Предварительные результаты археологической разведки на западном побережье Камчатки // Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. С. 107-128.
- Рубан В.И.* О корреляции древних стоянок западного побережья Камчатского полуострова и долины р. Камчатки // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1980. С. 51-56.
- Сарычев Г.А.* Путешествие по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.: Изд-во географ. лит-ры, 1952. 325 с.
- Север Дальнего Востока.* Природные условия и естественные ресурсы СССР. М.: Наука, 1970. 448 с.
- Симоненко И.* К вопросу археологических раскопок на северном побережье Охотского моря // Колыма. 1939. № 9. С. 84-89.
- Слободин С.Б.* Исследование памятников каменного века в Магаданской области // АО 1986 г. М.: Наука, 1988а. С. 250.
- Слободин С.Б.* Новые неолитические стоянки Верхнего Приколымья (стоянки на озере Хуренджа) // Краевед. зап. МОКМ. Магадан: Кн. изд-во, 1988б. Вип. 15. С. 127-137.
- Слободин С.Б.* Новые неолитические памятники Верхней Колымы // Проблемы археологии Северной Азии. Чита, 1988в. С. 151-153.
- Слободин С.Б.* Исследование континентальной стоянки Уптар I в Северном Приохотье // Древние памятники Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. С. 65-74.
- Слободин С.Б.* Стоянка Зима - первый памятник каменного века в Сусуманском районе // Краевед. зап. МОКМ. Магадан: Кн. изд-во, 1991а. Вип. 17. С. 111-116.
- Слободин С.Б.* Каменный век Верхней Колымы и Континентального Приохотья // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991б. Т. 1. С. 15-16.
- Слободин С.Б.* Новые археологические памятники Верхней Колымы и Континентального Приохотья // Археологические исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока СО РАН, 1993. С. 26-36.
- Слободин С.Б.* Каменный век Верхней Колымы и Континентального Приохотья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 18 с.
- Слободин С.Б.* Ранний голоцен Верхней Колымы // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996а. Ч. 1. С. 58-61.
- Слободин С.Б.* Стоянки каменного века Оханджийского археологического района // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996б. С. 77-115.
- Слободин С.Б.* Раннеголоценовые комплексы Верхней Колымы и некоторые аспекты проблемы "мезолита" Северо-Востока Азии // Поздний палеолит - ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока СО РАН, 1996в. С. 204-212.
- Слободин С.Б.* Археологические комплексы Охотско-Колымского нагорья // Материалы и исследования по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1997. С. 18-67.
- Слободин С.Б.* Деятельность Джезуповской экспедиции на Охотском побережье, Колыме и Чукотке в 1900-1902 гг. // Историко-культурные связи между коренным населением Тихоокеанского побережья Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока СО РАН, 1998. С. 99-105.
- Слободин С.Б.* Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999а. 234 с.
- Слободин С.Б.* Археологические памятники долины Верхней Колымы // Исследования по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999б. С. 15-38.

- Слободин С.Б., Гейбл Т. Первые археологические памятники в Омсукчанском районе на Верхней Колыме // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. С. 66-77.
- Слободин С.Б., Глушкова О.Ю. Стоянка Хета - первый стратифицированный верхнепалеолитический комплекс на Колыме // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск: ИАиЭ СО РАН, 1992. С. 225-228.
- Слободин С.Б., Кинг М.Л. Наконечник желобчатого типа с Уптарского археологического комплекса // Вестник ДВО РАН. 1998. № 5. С. 35-44.
- Слободин С.Б., Слободина Н.С. Некоторые проблемы изучения материалов экспедиции Джексона 1900-1902 гг. на крайнем Северо-Востоке // Историко-культурные связи между коренным населением Тихоокеанского побережья Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии. Владивосток: Ин-т истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока СО РАН, 1998. С. 106-111.
- Стеллер Г.В. Из Камчатки в Америку. Быт и нравы камчадалов в XVIII веке // Природа и Люди. Л., 1927. Т. 2. 109 с. (Прил. к журналу «Вестник знания»).
- Стефанович Е.Н., Климанов В.А., Борисова З.К., Виноградова С.Н. Палеогеографическая обстановка в голоцене на северном побережье Пенжинской губы // БКИЧП. 1986. № 55. С. 97-102.
- Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М.: Наука, 1968. 172 с.
- Федосеева С.А. Стоянка Конзай - памятник ымыяхтахской позднеолитической культуры на Колыме // Якутия и ее соседи в древности. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1975. С. 88-94.
- Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. 215 с.
- Федосеева С.А. Диринг-Юряхский могильник (ограбление могил и проблема зарождения первобытного атеизма) // Археология Якутии. Якутск: ЯГУ, 1988. С. 79-98.
- Федосеева С.А. Диринг-Юряхский могильник (типология каменного погребального инвентаря и место памятника в древней истории Северо-Восточной Азии) // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 84-105.
- Халцедоны Северо-Востока СССР. М.: Наука, 1987. 192 с.
- Хлобыстин Л.П. Новые памятники бассейна рек Анабара и Оленека // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука, 1970. С. 174-179.
- Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1982. 34 с.
- Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья. СПб.: ИИМК, 1998. 342 с.
- Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 10-17.
- Чернявский Ф.Б. Млекопитающие Крайнего Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1984. 338 с.
- Шило Н.А., Диков Н.Н., Ложкин А.В., Орехов А.А., Теин Т.С. Новые радиоуглеродные датировки археологических памятников Северо-Восточной Азии // Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. С. 9-11.
- Шило Н.А., Диков Н.Н., Ложкин А.В., Стариков А.В. Новейшие радиоуглеродные датировки археологических памятников из четвертичных отложений Севера Дальнего Востока // ДАН СССР, 1977. Т. 237. Вып. 3. С. 688.
- Эверстов С.И. Этническая идентификация ымыяхтахских памятников Нижней Индигирки // Историко-культурные связи между коренным населением Тихоокеанского побережья Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии. Владивосток: Ин-т истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока СО РАН, 1998. С. 206-210.
- Эртюков В.И. Усть-милская культура эпохи бронзы Якутии. М.: Наука, 1990. 151 с.
- Acosta J. de. The Natural and moral History of the Indies / Ed. C.R. Markham. London, 1880.
- Ancient North Americans / Ed. J.P. Jennings. New York, 1983. 462 p.
- Bogoras W. The Chukchee. New York: American Museum of Natural History, 1904-1909. 734 p.
- Borden Ch.E. New Evidence of Early Cultural Relations between Eurasia and Western North America // Proceedings VIII ICAES. Tokyo, 1970. Vol. 3. P. 331-337.
- Brewerwood E. Enquiries touching the diversity of languages, and religions, through the chief parts of the world. 1622 (микрофильм).
- Cing-Mars J., Morlan R.E. Bluefish Cave and Old Crow Basin: a new report // Ice age people of North America: environments, origins, and adaptations / Ed. R. Bonnicksen, K.L. Turnmire. Oregon: Center for the study of the First Americans, 1999. P. 200-212.
- Clovis Origins and Adaptations. Corvallis: Oregon State University, 1991. 344 p.
- Derev'anko A.P. Paleolithic of North Asia and the Problem of Ancient Migrations. Novosibirsk, 1990. 123 p.
- Dikov N.N. The Stages and Routes of Human Occupation of the Beringian Land Bridge Based on Archaeological Data // Quaternary Coastlines. London, 1983. P. 347-364.
- Dumond D.E. The Eskimos and Aleuts. London, 1987. 180 p.
- Dumond D.E., Bland R.L. Holocene Prehistory of the North ernmost North Pacific // Journal of World Prehistory. 1995. Vol. 9. N 4. P. 401-451.
- Elias S.A., Short S.K., Phillips R.L. Paleocology of Late - Glacial Peats from the Bering Land Bridge, Chukchi Shelf Region, Northwestern Alaska // Quaternary Research. 1993. N 38. P. 371-378.
- Goebel T., Slobodin S.B. The colonization of Western Beringia: technology, ecology, and adaptations // Ice age people of North America: environments, origins, and adaptations / Ed. R. Bonnicksen, K.L. Turnmire. Oregon: Center for the study of the First Americans, 1999. P. 104-155.
- Haynes C.V. Were Clovis Progenitors in Beringia? // Paleocology of Beringia. New York. 1982. P. 383-398.

- Huddleston L. E.* Origins of the American Indians (European Concepts, 1492-1729). Texas press, Austin and London, 1967. 180 p.
- Jochelson W.* The Koryak. New York: American Museum of Natural History, 1905-1908. 842 p.
- Jochelson W.* The Yukaghir and the yukaghirized Tungus. New York, 1910-1926. 469 p.
- King M.L.* Radiocarbon dating the early Holocene occupation of Western Beringia: revisions from the Upper Kolyma region // Beringian paleoenvironments workshop. Florissant, Colorado, 1997. P. 85-87.
- King M.L., Slobodin S.B.* Preliminary Investigations at the Kheta Site, Northeastern Russia // 20th Alaska Anthropological Association Conference. Anchorage, 1993.
- King M.L., Slobodin S.B.* Terminal Pleistocene Occupation of the Kheta Site, Upper Kolyma Region, Northeastern Russia // Current Research in the Pleistocene. 1994. N 2. P.138-140.
- King M.L., Slobodin S.B.* A fluted point from the Uptar site, Northeastern Siberia // Science. 1996. Vol. 273. P. 634-636.
- Kozłowski J., Bandi H.-G.* The paleohistory of circumpolar Arctic colonization // Arctic. 1984. Vol. 37. N 4. P. 359-372.
- Laet J. de.* Notae ad dissertationem Hugonis Grotii de origine gentium Americanarum: et observtiones aliquot d meliorem indaginem difficillimae illius guæstionis. Paris, 1643 (микрофильм).
- Laukhin S.A., Drozdov N.I.* Paleoeological Aspect of Paleolithic Man Settling in Northern Asia and His Migration to Northern America // The INQUA International Symposium on Stratigraphy and Correlation of Quaternary Deposits of the Asian and Pacific Regions. Bangkok; Thailand, 1991. P. 133-144.
- Lebedintsev A.I.* Maritime cultures of the North coast of the sea of Okhotsk // Arctic Anthropology. 1998. Vol. 35. N 1. P. 296-320.
- Lozhkin A. V., Anderson P. M., Eisner W. R. et al.* Late Quaternary Lacustrine Pollen Records from Southwestern Beringia // Quaternary Research. 1993. N 39. P. 314-324.
- McChee R.* Ancient people of the Arctic. University of British Columbia Press: Vancouver B.C., 1996. 244 p.
- Mobley Ch. M.* The Campus Site. A Prehistoric Camp at Fairbanks, Alaska. Univ. of Alaska Press, 1991. 104 p.
- Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A.* Kukhtuy 3 // American Beginnings. The Univ. of Chicago Press. Chicago; London, 1996. P. 224-226.
- Muller-Beck H.G.* Paleohunters in America; origins and diffusion // Science. 1966. Vol. 152. N 3726. P. 1192-1210.
- Nelson D.E., Morlan R.E., Vogel J.S. et al.* New dates on Northern Yukon artifacts: Holocene not Upper Pleistocene // Science. 1986. Vol. 232. P. 749-751.
- Okladnikov A.P.* Ancient Art of the Amur Region. L., 1981.
- Powers W.R.* The Peoples of Eastern Beringia // Prehistoric Mongoloid Dispersals. Tokyo, 1990. N 7. P. 53-74.
- Powers W.R., Jordan R.H.* Human Biogeography and climate change in Siberia and Arctic North America in the fourth and fifth Millennia B.P. // Phil. Trans. R. Soc. Lond. 330. London, 1990. P. 665-670.
- Slobodin S.* The Late Paleolithic of the Upper Kolyma Basin, Russia // 19th Annual Alaska Anthropological Association Meeting. Fairbanks, 1992. P. 37.
- Slobodin S.* Tephrochronology of West-Beringian Archaeological Complexes // Bridges of Science Between North America and the Russian Far East. Vladivostok. 1994. Vol. 2. P. 41-42.
- Slobodin S.B.* Northeast Asia in the Late Pleistocene and Early Holocene / Ed. P.Rowley-Conwy // World Archaeology. 1999. Vol.30. N 2. Routledge. P. 251-266.
- Slobodin S.B., King M.L.* The Upper Palaeolithic of the Upper Kolyma Region, Northeast Russia // American Beginnings. The Univ. of Chicago Press. Chicago; London, 1996. P. 236-244.
- Steller G.W.* Von Kamtschatka nach Amerika. Leipzig, 1926. 158 p.
- The American Museum Journal.* 1903. Vol. 3. N 5. P. 69-117.
- The Organization of Core Technology* / Ed. J.K.Jonson, C.A.Morrow. Boulder, Colorado, 1987. 380 p.
- West F.H.* The archaeology of Beringia. Columbia University Press. New York, 1981. 367 p.

О т ч е т ы

- Воробей И.Е.* Отчет о полевых работах археологической группы Магаданского областного краеведческого музея за 1985 г. // Архив МОКМ. Магадан, 1986. 8 с.
- Казанский П.* Геологический очерк северного побережья Охотского моря, 1917 г. // Дальстрой, РГУ. Геофонд № 752/1. Хранится в фондах МОКМ.
- Кирыяк Р.А.* Отчет Западно-Чукотско-Колымского археологического отряда о работах в районе будущего Среднеканского водохранилища (1982-1983 гг.). Магадан: Фонды СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1983. Инв. № 1417. 4 с.
- Кистенев С.П.* Отчет о работе Колымской группы Приленской археологической экспедиции ЯНЦ СО АН СССР в полевой сезон 1991 г. Якутск. 1991. 23 с.
- Ложкин А.В.* Радиоуглеродное датирование археологических памятников на территории Магаданской области. Магадан: Фонды СВКНИИ ДВО АН СССР, 1989. Инв. № 1642/4. 5 с.
- Материалы по раскопкам в совхозе Дукча* // Архив МОКМ, 1941. Дело № 3. 18 с.
- Слободин С.Б.* Отчет Верхнеколымского отряда СВАКАЭ за 1986 г. Р-1. № 12002.
- Слободин С.Б.* Отчет о работе Усть-Среднеканского археологического отряда СВАКАЭ в полевой сезон 1991 г. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1992. 12 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	-	Археологические открытия
БКИПЧП	-	Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода
ДАН	-	Доклады Академии наук
ЗИН	-	Зоологический институт
КСИА	-	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	-	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	-	Материалы и исследования по археологии СССР
МОКМ	-	Магаданский областной краеведческий музей
СА	-	журнал «Советская археология»
СВКНИИ	-	Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного
ДВНЦ АН СССР	-	научного центра Академии наук СССР
СВКНИИ	-	Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного
ДВО РАН	-	отделения Российской академии наук
СО РАН	-	Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ	-	журнал «Советская этнография»
Уч. зап. ЛГУ	-	Ученые записки Ленинградского государственного университета

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1. Физико-географический обзор Верхней Колымы и Континентального Приохотья	6
ГЛАВА 2. История археологического изучения Колымы и Континентального Приохотья	9
ГЛАВА 3. Памятники неолита и раннего металла Верхней Колымы и Континентального Приохотья	26
ГЛАВА 4. Классификация каменного инвентаря и керамики археологических комплексов Верхней Колымы и Континентального Приохотья	156
ГЛАВА 5. Хронология и периодизация неолита и раннего металла Верхней Колымы и Континентального Приохотья	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	193
ЛИТЕРАТУРА	195
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	202

Научное издание

Сергей Борисович Слободин

**ВЕРХНЯЯ КОЛЫМА И КОНТИНЕНТАЛЬНОЕ ПРИОХОТЬЕ
В ЭПОХУ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА**

Редактор **Р.И. Исаева**
Техн. редактор **Л.М. Русакова**
Корректоры **Р.И. Исаева, К.В. Стаховская**
Оригинал-макет **Е.Н. Казетовой**

Изд. лиц. ПЛД № 52-6 от 05.01.2000 г. Подписано к печати 07.08.2001 г. Формат 60 × 84/8. Бумага «Люкс».
Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 25.00. Усл. п.л. 24,18. Тираж 200. Заказ 19.

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН. 685000. Магадан, ул. Портовая, 16.

Отпечатано в Межинститутском полиграфическом центре СВНЦ ДВО РАН. 685000, Магадан, ул. Портовая, 16.